

СТАТЬИ

ОБРАЗОВАНИЕ БЕЛОРУССКОГО НАРОДА

Проф. В. Пичета

В настоящей статье подводятся некоторые итоги моим работам по истории Белоруссии за последние 25 лет. В этих работах я уделил много внимания этногенезу белорусского народа. В 1938 г. мною был прочитан доклад на эту тему в Институте истории АН БССР, а в 1939 г. — в Институте истории АН СССР. В 1945 г. я выступил с докладом на сессии Института этнографии, посвящённой этногенезу славянских народов. Развиваемые мною положения были поддержаны историками, этнографами и антропологами. Сделанные ими отдельные ценные замечания мною были учтены при дальнейшей работе над этой темой. В более ранних своих докладах я не касался вопроса о белорусском языке. В настоящей работе я отвожу ему видное место, так как формирование языка является показателем формирования и народа.

В настоящей работе я не затрагиваю вопроса о появлении славян на территории Белоруссии. Эта проблема должна стать предметом отдельного исследования, которое составит часть монографии об «Образовании белорусского народа». Отмечу, что по вопросу о появлении славян на территории Белоруссии в течение XIX в. и вплоть до конца 30-х годов нашего столетия господствовала миграционная теория. Только в конце 30-х годов советские историки и археологи вплотную подошли к исследованию проблемы этногенеза славянских народов. Работы акад. Н. С. Державина, А. Д. Удальцова, Б. А. Рыбакова, Н. М. Третьякова, М. Поликарповича показали всю несостоятельность миграционной теории. Их выводы мы полностью разделяем. Конечно, признание автохтонности славян на территории Белоруссии отнюдь не исключает миграционного движения локального характера. В своём исследовании мы отправляемся от данных «Повести временных лет» о распределении славян — предков белорусского народа — на территории Белоруссии.

Вопрос об этногенезе белорусского народа был впервые поставлен проф. Е. Ф. Карским в начале XX века. В 1904 г. он опубликовал первый том исследования — «Белоруссы» — как введение к изучению языка и народной словесности¹. Постановка вопроса об этногенезе белорусского народа была действительно необходима². Польские и русские этнографы в

¹ Карский Е. «Белоруссы». Кн. 1-я. Вильно. 1904.

² В 1830 — 1831 гг. польское шляхетское восстание потерпело полную неудачу. Несмотря на все призывы шляхтичей к белорусскому народу объединиться с ними для совместной борьбы против царизма, он не поддержал своих помещиков. Стремясь привлечь белорусский народ на свою сторону, шляхтичи обратились к изучению белорусского народа, который раньше в их глазах был только «быдлом». Первые польские этнографы и собиратели народного творчества рассматривали Белоруссию как польскую провинцию. Польский эмигрант Рыпинский в 1840 г. опубликовал в Париже небольшую книжку «Белоруссия». В этой книге напечатаны латинским шрифтом стихотворения на белорусском языке. Это «белоруссофильство» польского эмигранта нашло своих последователей. Польские писатели собирали народные песни или сами сочиняли их для простого народа. Во время польского восстания 1863 г. революционные шляхтичи выпускали воззвания на белорусском языке, призывая белорусский народ принять участие в борьбе за независимость Польши. Однако белорусский народ и на этот раз остался равнодушным к призывам польских шляхтичей и поддержал только революционера-демократа Кастуся Калиновского, который призывал белорусских крестьян к борьбе за волю, против помещиков.

течение XIX в. с большим усердием собирали произведения народного творчества, изучали народные обряды, обычаи и быт белорусского народа. Такой интерес к изучению белорусского народа был не случаен.

Хотя белоруссы объединились с русским народом в конце XVIII в. (1772—1795), но дворянско-придворные круги имели весьма слабое представление о том, что собой представлял белорусский народ. Только голод, охвативший Белоруссию, побудил царское правительство более подробно познакомиться с народом, находившимся под его властью. С этой целью в 1800 г. была организована сенаторская ревизия, во главе которой был поставлен Г. Р. Державин. Итогом его ревизии была записка «Мнение сенатора Державина об отвращении в Белоруссии недостатка хлебного обузданием корыстных промыслов евреев, о их преобразовании и о прочем»¹. Сенатор Державин справедливо отметил тяжёлое экономическое положение «белорусских обитателей», но причину их усмотрел не в господстве феодально-крепостнических отношений в стране, а в эксплуатации белоруссов евреями, на которых и обрушился весь гнев сенатора-ревизора. Однако Державин даже не поставил вопроса о том, что собой представляют «белорусские обитатели». Царское правительство избегало употреблять термин «Белоруссия», предпочитая пользоваться официальным термином «губерния, от Польши приобретенная».

В официальных кругах собственно Белоруссией называлась территория Витебской и Могилёвской губерний, а белоруссы, населявшие западную часть территории, назывались «литовцами», «литваками». Этой же точки зрения держался и дворянский революционер-декабрист Павел Пестель². Пестель даже путает «Литву с ляхами, а губернии Виленскую и Минскую считает населёнными «литвой»³. Впрочем, Пестель отмечает сходство населения Виленской и Минской губерний с населением Витебской и Могилёвской губерний, что он объясняет «близостью этих губерний».

В конце XVIII в. на белорусском языке стала распространяться в рукописи переделка «Энеиды», духовно связанной с украинской «Энеидой» Ивана Котляревского, напечатанной в Петербурге в 1798 году. Автора переделки этого произведения на белорусский язык не удалось установить. Существует предположение, будто составитель белорусской «Энеиды» был полковник Викентий Ровинский (1782—1842). Белорусская «Энеида» получила широкое распространение среди белорусской мелкобуржуазной общественности. Вероятно, она стала известной и в учёных московских кругах.

В 1822 г. известный славист К. Калайдович опубликовал работу «О белорусском наречии», в которой он отмечает некоторые особенности как старобелорусского, так и современного белорусского языка. Изучению белорусского языка К. Калайдович (1792—1832) придавал особенное значение. «Положение, руководившее мной в написании истории их, — писал Калайдович, — состояло в том, дабы обратить внимание на столь важный предмет самих белорусцев, которые вернее и лучше могут исследовать своё наречие и помощью оною объяснить древний язык наших памятников»⁴.

К. Калайдович не вполне был знаком с современным белорусским языком, но совершенно правильно его утверждение, что изучение старобелорусской письменности помогает «объяснить древний язык наших памятников». Таким образом, К. Калайдович устанавливает историческую связь между языком старобелорусской письменности и древнерусской

¹ Державин Г. Сочинения с объяснительными примечаниями Я. Грота. Т. VII, стр. 261—278. СПб. 1878.

² Пестель П. «Русская Правда», стр. 39. СПб. 1906.

³ Там же, стр. 43.

⁴ Ігнацюскі У. «Кароткі нарис нацыянальна-культурнага адраджэння Беларусі», стр. 14. Менск. 1928.

письменности, показывая этим происхождение белорусского языка от одной лингвистической основы с русским, а следовательно, и белорусского народа из одного восточнославянского этнического целого. Так, уже в начале XIX в. впервые был поставлен вопрос об этногенезе белорусского народа и происхождении белорусского языка. Вопрос был поставлен К. Калайдовичем вполне своевременно, так как Виленский университет во главе с его куратором князем Адамом Чарторижским усиленно проводил полонизацию Белоруссии, через школу и католическое духовенство, продолжая считать, что Белоруссия является составной частью Польши и что она впоследствии должна войти в состав восстановленного польского государства.

Вопрос о белорусском языке и его месте среди других славянских языков рассматривался и «патриархом» чешского славяноведения—Павлу Иосафом Шафариком. В своих двух работах, «Славянские древности» (Прага. 1837) и «Slovanský Národopis» (1852), Шафарик различал в юго-восточной ветви славянства три главные ветви: русскую, болгарскую и иллирийскую,— а в языке русской ветви он выделял наречие великоруссов, или москвитян, малоруссов, белоруссов и новгородцев. Русские библиографы В. С. Сопиков¹, В. М. Ундольский², П. М. Строев³, И. П. Сахаров⁴, А. Х. Востоков⁵ отмечали наличие огромного русского рукописного богатства, сохранившегося от прошлой жизни Белоруссии, и таким образом подчёркивали единство происхождения русского и белорусского языков и его культуры как составной части общерусской культуры, созданной единым русским народом в его органических частях: великоруссах, украинцах и белоруссах.

Русские слависты — филологи и библиографы — своими трудами установили культурное и языковое единство Западной Руси с Восточной. В то же время профессор Петербургского университета Н. Г. Устрялов вводил историю великого княжества Литовского в систему прагматической истории России, отмечая, что гражданские уставы, язык, вера, история были главным препятствием для слияния «обитаемой Западной Руси с поляками, напоминая им на каждом шагу родство с обитателями Московского государства»⁶.

Профессор Московского и Киевского университетов М. А. Максимович вслед за Шафариком также отмечает наличие трёх ветвей русского народа: великорусской, малорусской (украинской) и белорусской. Он подчёркивал единство «земли Русской», созданной кровной близостью этих ветвей и их историей. Это единство «земли Русской», по мнению М. А. Максимовича, разорвалось благодаря монголо-татарскому нашествию.

Издание многочисленных актов, характеризовавших жизнь белорусского народа под властью Литвы, выявило отчётливо общерусский характер белорусских и украинских земель⁷. Издание актов в Петербурге было продолжено Виленской археографической комиссией, а затем и Витебским центральным архивом. Издание источников дало в распоряжение исследователей огромный языковой фактический и исторический материал, который открывает широкие возможности для изучения истории и

¹ Сопиков В. «Опыт российской библиографии». СПб. 1813.

² Ундольский В. «Каталог библиотеки А. И. Кастерона». М. 1848.

³ Строев П. «Обстоятельное описание старопечатных книг славянскими росписями». М. 1829.

⁴ Сахаров И. «Обозрение славяно-русской библиографии». М. 1849.

⁵ Востоков А. «Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музея». М. 1842.

⁶ Устрялов Н. «Рассуждение о системе прагматической русской истории». СПб. 1836; «Исследование вопроса, какое место в русской истории должно занимать великое княжество Литовское». СПб. 1839.

⁷ Григорович И. «Белорусский архив древних грамот». СПб. 1834; «Акты, относящиеся к истории Западной России». Т. I—V. СПб. 1846—1853.

культуры Западной Руси. В 1857 г. была предпринята попытка О. Турчановичем дать «Обозрение истории Белоруссии с древнейших времён», которая воочию показала тесную её связь с историей Руси вообще.

Одновременно началось и этнографическое изучение Белоруссии. Знакомство с бытом Белоруссии показало общность его с общерусской стариной, своими корнями ведущей к отдалённым временам племенной жизни восточных славян¹.

Таким образом, в историографии первой половины XIX в. был выдвинут ряд важнейших проблем, касавшихся этногенеза белорусского народа и его языка. Исследователями были установлены: 1) исторические связи белорусского народа с русским, 2) принадлежность белорусского языка к восточной ветви славянского народа, 3) сходство быта и культуры обоих народов. Наблюдения русских исследователей полностью опровергают те выводы, к которым приходили «польские белорусофилы», считавшие себя белоруссами по происхождению, по национальности — поляками: «gente russus albus, natione Polonus».

После восстания 1863 г. белорусская народность стала объектом особенного внимания дворянских и правительственных кругов. «Со времени польского восстания,— пишет А. Н. Пыпин,— относительно белорусской народности сделано было чуть ли не открытие: масса (русского) общества, прежде имевшая смутное представление о Западном крае, вследствие переполоха, произведённого восстанием, увлекалась соображением, что этот край — русский. Это соображение было для большинства как будто новостью, и эта новость усердно пропагандировалась... Доказывалось не только то, что край этот русский, но что западнорусская или белорусская народность даже не существует: до такой степени она составляет то же единое русское племя без всякого отличия от его коренной массы, что «Белоруссия» есть только географический термин². Сам А. Н. Пыпин, отправляясь от наблюдений П. Шафарика, считает белорусский язык одним из трёх наречий русского языка. В книжном языке Западной Руси А. Н. Пыпин видит «странный язык, соединявший в себе общерусскую основу с оттенками старославянского, польского, южного и собственного белорусского»³. Этот общий интерес к белорусской народности выразился и в том, что после восстания 1863 г. народным творчеством, языком и бытом белорусского народа стали интересоваться русские и белорусские этнографы: П. Бессонов⁴, И. Носович⁵, П. Я. Никифоровский⁶, В. Добровольский⁷ и др. Благодаря этому были собраны и опубликованы многочисленные записи памятников народного творчества, которые наглядно свидетельствовали о языковой и культурной близости белоруссов русскому народу.

Вместе с тем они показали, что живой белорусский язык имеет свои фонетические и морфологические особенности, отличные от русского языка, и таким образом разрушали легенду, созданную великодержавными шовинистическими кругами, будто «Белоруссия есть только географический термин». Одновременно началось и тщательное изучение Западной

¹ Шпилевский Б. «Подорожье по Полесью и Белорусскому краю». СПб. 1858.

² Пыпин А. «История русской этнографии». Т. IV, стр. 3—4.

³ Пыпин А. и Спасович В. «Обзор истории славянских литератур», стр. 214. М. 1873.

⁴ Бессонов П. «Белорусские песни». СПб. 1871.

⁵ Носович И. «Сборник белорусских пословиц и поговорок». СПб. 1874.

⁶ Никифоровский П. «Очерки простонародной жизни-быта в Витебской Белоруссии». Витебск. 1895; «Простонародные примеры и суеверия». Витебск. 1897. и др.

⁷ Добровольский В. «Смоленский этнографический сборник».

Руси и отношения её к Польше. В этом отношении много сделали С. М. Соловьёв¹, И. Д. Беляев², М. О. Коялович³, М. К. Любавский⁴ и др.

После аграрно-крестьянской реформы 1861 г. начало изменяться экономическое лицо Белоруссии. Сельское помещичье хозяйство уже стало на рельсы капиталистического развития. Обезземеленное крестьянство в изобилии снабжало капиталистические сельскохозяйственные предприятия рабочими руками. Сельское помещичье хозяйство было связано с развитием сельскохозяйственной промышленности — винокурением, паточным производством, пивоварением. Параллельно развивалась и промышленность, в особенности в западных районах Белоруссии⁵. В Белоруссии начала формироваться собственная интеллигенция, создавалась оригинальная художественная литература (Ф. Богушевич, Якуб Колас, Янка Купала и др.)⁶.

Это белорусское возрождение второй половины XIX в. и выдвинуло вопрос об этногенезе белорусского народа. Постановка этой проблемы значительно облегчалась тем, что к этому времени подвинулось вперёд изучение истории белорусских земель. Известные достижения дореволюционной археологии позволили А. Спицыну наглядно представить «расселение древних русских племён по археологическим данным»⁷. Исследования В. Е. Даниловича⁸, М. В. Довнар-Запольского⁹ и П. Голубовского¹⁰ дали большой конкретный исторический материал для изучения исторических судеб предков белорусского народа.

Исследования В. Б. Антоновича¹¹ и М. К. Любавского¹² дали ценный материал для изучения внутренней и внешней истории великого княжества Литовского. Успехи в изучении истории белорусских земель позволили Е. Ф. Карскому поставить вопрос об этногенезе белорусского народа. Как сообщает Е. Ф. Карский, «главная масса предшественников славян в Белоруссии — литовцев и латышей — жила по Западной Двине (устье) и Неману и отдельными поселениями простиралась, постепенно уменьшаясь, иногда небольшими островками, на юге до левых притоков Припяти, а на восток, быть может, до Оки»¹³.

Отмечая движение славян «с юга (Припяти и её притоков) и запада, (быть может, с Западного Буга и Нарева), сначала к Неману, а отсюда до Западной Двины на севере и до Десны и Оки на востоке», Е. Ф. Карский указывает, что «славянам сначала пришлось занимать в литовской земле мелкие реки, а затем они потеснили прежних жителей на больших. На севере и востоке были отброшены и финские племена»¹⁴.

¹ Соловьёв С. «История падения Польши», «История России с древнейших времён». Тт. I, II, III. Изд. «Общественная польза», кн. 3-я.

² Беляев И. «История Полотска или Северозападного края России от древнейших времён до Люблинской унии». М. 1872.

³ Коялович М. «Лекции по истории Западной России». СПб. 1864; 4-е изд. СПб. 1884.

⁴ Любавский М. «Очерк истории Литовско-русского государства до Люблинской унии включительно». М. 1910; 2-е изд. 1915.

⁵ Дудкоу Д. «Аб развіццці капіталізму у Беларусі у 2 паловне XIX і пачатку XX стгодзь». Менск. 1932.

⁶ Карский К. «Белоруссия». Т. III. «Очерки словесности белорусского племени. Художественная литература на народном языке». П. 1922.

⁷ «Журнал министерства народного просвещения» (ЖМНП), август 1899 года.

⁸ Данилович В. «Очерки истории Полоцкой земли до конца XIV столетия». Киев. 1896.

⁹ Довнар-Запольский Е. «История Кривичской и Дреговичской земель до конца XII столетия». Киев. 1891.

¹⁰ Голубовский П. «История Смоленской земли до начала XV века». Киев. 1882.

¹¹ Антонович В. «Монография по истории западной и югозападной России». Т. I. Киев. 1888.

¹² Любавский М. «Областное деление и местное управление Литовско-русского государства во времена издания первого литовского статута 1529 года».

¹³ Карский Е. «Белоруссы». Кн. 1-я, стр. 63.

¹⁴ Там же.

Территория, занятая в настоящее время белоруссами, в период образования русского государства была заселена следующими славянскими племенами: дреговичами, кривичами, полочанами — ветвью кривичей — и радимичами. «Из перечисленных племён,—отмечает Е. Ф. Карский,—полностью вошли в состав белорусской территории только дреговичи и радимичи, значительной долей — кривичи, остальные племена только отчасти имели с ней соприкосновение»¹. К остальным племенам Е. Ф. Карский относит «северян, вятичей и даже некоторые литовские племена, например, ятвягов и голядь, которых в некоторых местах белоруссы ассимилировали». Не отрицает Е. Ф. Карский влияние финского этнического элемента на формирование белорусской народности на севере и северо-востоке².

Кроме того славяне были окружены латышами, литовцами и поляками. Белорусские племена объединились в XIII—XIV вв. под властью Литвы. В новых политических условиях происходит окончательное образование «белорусской народности» и формирование белорусского языка с заимствованиями из латышского и литовского языков. «Ко времени литовского господства,—полагает Е. Ф. Карский,—может быть, независимо от него относится и появление термина «Белая Русь», заменившего прежние племенные названия, которые вследствие передвижений и смешения народностей уже, конечно, утратили своё значение»³.

Соображения Е. Ф. Карского относительно образования белорусской народности в результате смешения племён показывают, что Е. Ф. Карский понимал этот процесс как результат скрещения различных этнических славянских и неславянских элементов. Справедливо и другое соображение Е. Ф. Карского, что «белорусская народность образовалась в период литовского владычества». Но только одним этим нельзя объяснить образование белорусской народности. Е. Ф. Карский упустил из виду все социально-экономические процессы, которые способствовали смешению племенных элементов. Он оставляет открытым вопрос об окончательном сложении «белорусской народности» и формировании «белорусского языка» как двух параллельных процессах.

Несколько в ином аспекте представлял себе формирование белорусской народности известный лингвист и историк акад. А. А. Шахматов. Интересуясь проблемой образования русских наречий, А. А. Шахматов подошёл и к вопросу образования белорусской народности. Первые его работы по этим вопросам относятся к середине 90-х годов прошлого столетия, последняя — к 1919 году. На протяжении этого времени А. А. Шахматов, возвращаясь к той же проблеме, развивал и совершенствовал свою теорию. Последним словом А. А. Шахматова в этой области был труд «Древнейшие судьбы русского племени». По словам акад. Ю. В. Готье, эта работа А. А. Шахматова была «одной из последних и бесспорно самых блестящих по остроте научного анализа из его работ»⁴.

Будучи сторонником теории русской прародинности и единства прарусского языка, А. А. Шахматов, однако, полагает, что уже в древнейший период прарусский язык распался на три части: говоры южнорусские, которые легли в основу малорусского наречия; среднерусские, в своей восточной ветви послужившие основой южновеликорусского наречия, а в западной — для белорусского; наконец, севернорусская часть прарусских говоров дала северовеликорусское наречие.

В 1910 г. А. А. Шахматов с большей точностью формулирует свой ранее высказанный взгляд по поводу образования белорусской народности. Он утверждает, «что в Северном Поднепровье в эпоху общерусского

¹ Карский Е. «Белоруссы». Кн. 1-я, стр. 65.

² Там же, стр. 80.

³ Там же, стр. 114.

⁴ Готье Ю. «Шахматов-историк». «Известия отделения русского языка и словесности». Т. XXV, стр. 271. Петроград. 1922.

единства различались три племенные группы: северная, отошедшая впоследствии к северу, восточная, отошедшая на восток, и западная, оставшаяся на прежних местах. Четвёртую группу составляли южные племена, занявшие Среднее, а затем Южное Поднепровье»¹. Впоследствии, под давлением кочевников, восточные руссы с востока стремятся к правому Поднепровью, где сливаются с оставшимися здесь племенами и образуют белорусскую народность².

В 1919 г. А. А. Шахматов решительно утверждает, что «общерусский праязык выделил из себя три наречия: южное, северное и восточное». В этом случае белорусское наречие теряет свою исконную, первоначальную самостоятельность, не является западной ветвью среднерусских говоров, а «соединением северной группы южного наречия с западной группой восточного»³.

В последних своих работах акад. А. А. Шахматов представляет передвижение славян в следующем виде: прародиной всех восточно-индоевропейских племён, в том числе славян, была Северозападная Россия — бассейн Балтийского моря. Славяне, по мнению А. А. Шахматова, занимали морское побережье и нижнее течение Западной Двины. Под влиянием движения готов на юговосток, примерно во II в. н. э., славяне также двинулись и заняли Повислинье до Карпат⁴. В связи с движением готов из Поднепровья на югозапад, к Дунаю, часть славян откололась от второй славянской прародины и двинулась на восток и юговосток, в страну, до тех пор занятую готами. После падения гунской державы, во второй половине V в., славяне заняли пространство к северу от Нижнего Дуная и весь югозапад России. Это была прародина русского народа — территория антов, область между Прутом и Днепром. Анты же — предки Руси, то есть всего русского народа.

Появление аваров задержало антов на прежних местах жительства и остановило их дальнейшее расселение на восток и северовосток, что способствовало образованию основного прарусского языка. Единое восточное славянство было разъединено крушением аварской державы. Авары, разгромленные Карлом Великим, отступая на восток, вызвали передвижение ляхских племён — радимичей и вятичей — на восток, в бассейн верхнего течения Днепра и к Оке. В связи с этим западная область восточнославянских поселений начинает ощущать на себе польское влияние⁵.

Под давлением «ляшских племён» племенная славянская группа Северного Поднепровья движется на восток, в бассейн Среднего и Нижнего Дона и на берега Азовского моря, откуда под натиском кочевников с востока она подвинулась на север, к Оке. Распад восточного славянства послужил основной причиной распада единого древнерусского языка на три наречия: великорусское, украинское и белорусское, — а также образования трёх народностей: великорусской, украинской и белорусской.

Таким образом, этнической основой белорусской народности является западнорусская ветвь восточного славянства, которая была автохтонной и после распада русско-восточнославянской прародины. С ней смешались «ляшские племена радимичей и вятичей», восточная группа славян, продвинувшаяся в Приднепровье с востока, и южнорусские элементы.

Переселением «ляшских» племён А. А. Шахматов объясняет появление в белорусском языке фонетических особенностей в виде так называемых

¹ Шахматов А. «К вопросу об образовании русских наречий и народностей». ЖМНП. 1899; Карский Е. «А. А. Шахматов как историк русского языка». «Известия отделения русского языка и словесности». Т. XXV, стр. 81.

² Карский Е. Указ. Соч. Кн. 1-я, стр. 81.

³ Шахматов А. «Очерк древнейшего периода русского языка». Пггр. 1915; Карский Е. Указ. Соч., стр. 31.

⁴ Шахматов А. «Введение в курс истории русского языка. Очерк древнейшего периода истории русского языка». Пггр. 1916.

⁵ Шахматов А. «Древнейшие судьбы русского племени». Пггр. 1919.

мого «дзекания» (дз). Он отмечает также наличие «ляшских особенностей» и в древнепсковском говоре и вообще в говоре кривичей.

Развивая положение П. Шафарика о единстве русского народа в его трёх ветвях: русской, украинской и белорусской, — А. А. Шахматов раскрыл процесс образования трёх народностей на единой этнической основе — восточнославянских племенах, в результате скрещения отдельных групп восточнославянских племён, известных по византийским источникам VI в. под именем антов. Если его теория о передвижении восточных славян из прибалтийской прародины не была принята в дореволюционной историографии, то и его соображения о том, что анты — предки всего русского народа, не отвечают современному состоянию в изучении данного вопроса. Антов следует признать лишь за южную ветвь восточного славянства. На славяно-антской основе образовался и единый русский язык с его местными говорами, которые можно рассматривать как диалекты русского, украинского и белорусского языков. Во всяком случае, если даже признать отдельные положения А. А. Шахматова недостаточно обоснованными, всё же его главные исторические положения являются отправным пунктом для всех исследователей вопроса об этногенезе белорусского народа.

Разрешением проблемы образования белорусского народа занимались и белорусские буржуазные националисты, пытавшиеся вопреки научным данным показать, что белорусы — отнюдь не восточные славяне, а западные, и такой постановкой вопроса оправдать свою контрреволюционную политическую ориентацию. Они извлекли из архива неудачные предположения П. Шафарика, будто велеты или лютичи были первоначальными насельниками Белоруссии. Эту версию пытались подкрепить археологическими и филологическими данными, мифологией и фольклором. А. Н. Ясинский, опубликовавший известное исследование «Два слова о велетах. К проблеме первоначального населения Белоруссии»¹, нанёс сокрушительный удар измышлениям буржуазных националистов. Он показал, что П. Шафарик допустил крупную ошибку, связав велетов, упоминаемых в народных верованиях, с какими-то велетами, или вильцами, или даже с подлинными лютичами. К такому правильному выводу пришёл добросовестный учёный в результате критического всестороннего изучения этой проблемы.

Проблемы этногенеза белорусского народа коснулся и белорусский лингвист А. В. Богданович². Он справедливо считает предками белорусского народа кривичей, дреговичей и радимичей. Эти славянские племена находились в тесной связи со своими восточными и южными соседями — с другими славянскими племенами, влияние которых отразилось в языке белорусского народа, близком и к украинскому и к великорусскому языкам. Вместе с тем А. Богданович отмечает также влияние языка польских племён на белорусский язык. Самое формирование белорусской народности А. Богданович относит к периоду образования Белорусско-литовского государства. Выводы А. Богдановича в основном совпадают с обобщениями Е. Ф. Карского. Тогда же мои исследования показали, что белорусский народ образовался в результате скрещения нескольких племён. Подвинские и поднепровские кривичи, радимичи, дреговичи, частично древляне составили основное этнографическое ядро белорусского народа, окончательное образование которого относится к периоду существования литовско-белорусского государства. К этому же времени относится и формирование белорусского языка³.

¹ «Записки аддзелу гуманітарных наук». «Працы клясы гісторыі». Т. III. Менск. 1929.

² Богдановіч А. «Беларуская мова», стр. 39—40. Менск. 1917.

³ Пичета У. «Гісторыя Беларусі». Ч. 1-я, стр. 21. М. и Л. 1924.

Однако проблема образования трёх народностей: великорусской, украинской и белорусской — всё ещё оставалась неразрешённой, требующей пересмотра и научно-теоретического обоснования. Успехи советской исторической науки и советского языкознания облегчили этот пересмотр на основе марксистско-ленинской теории. Акад. Н. С. Державин в своей книге «Происхождение русского народа» попытался дать новое разрешение этого сложного вопроса.

Отмечая существование племенных группировок, представлявших собой «славянский субстрат» современного белорусского народа, акад. Державин в основном стоит на позициях А. А. Шахматова¹.

По мнению акад. Н. С. Державина, «в основе белорусского народа лежат племенные скрещённости южнорусских древлян со среднерусскими дреговичами и среднерусских радимичей с восточнорусскими вятичами, а также западная ветвь кривичей. Но на территории Белоруссии в древнейшие, дославянские времена жили племена не литовские и не славянские. На основе этих племён сложились зародыши протолитовских и протославянских племенных образований, давшие затем литовско-латышские и славянские племена; из последних вырос белорусский народ»². Таким образом, новейший исследователь этногенеза белорусской народности не пошёл дальше того, что было высказано Е. Карским и другими исследователями.

Вместе с тем акад. Н. С. Державин поддерживает «ляшскую» теорию А. А. Шахматова. «Западная группа кривичей, — пишет он, — была захлещнута волной племени радимичей, залившей собою всю Белоруссию, и усвоила некоторые черты его языка». Вслед за А. Шахматовым акад. Державин повторяет версию о ляшских особенностях древнепсковского языка³.

Вопрос об этногенезе белорусского народа был поставлен молодым белорусским исследователем Ф. Константиновым. Автор, как и Е. Карский, считает предками белорусского народа славянские племена дреговичей, кривичей и радимичей, а также и соседние племена древлян и ятвягов, о которых не упоминает акад. Н. С. Державин. Ф. Константинов не даёт глубокого исследования этногенеза белорусского народа, а ограничивается лишь кратким замечанием, что Белоруссия и Украина, оторванные после монголо-татарского нашествия от восточнорусских земель, входят в состав великого княжества Литовского, в рамках которого завершается процесс формирования белорусской народности, и «с XIV—XV вв., — полагает автор, — белоруссы выступают как народ, который имеет свой язык, культуру и национальный характер»⁴.

Так рассматривался вопрос об этногенезе белорусского народа в старой и новейшей историографии. Несмотря на то что этногенезом белорусской народности занимались весьма осведомлённые исследователи, как Е. Карский, А. Шахматов и Н. Державин, тем не менее эта проблема всё ещё ожидает своего разрешения в свете марксистско-ленинской теории.

Советской белорусской археологии, в частности Н. М. Поликарповичу, принадлежит величайшая заслуга перед археолого-исторической наукой. Она открыла палеолит на территории Белоруссии, существование которого отрицали дореволюционные археологи⁵. Две палеолитические стоянки свидетельствуют о том, что заселение Белоруссии нача-

¹ Державин Н. «Происхождение русского народа», стр. 90.

² Там же, стр. 81.

³ Там же, стр. 82.

⁴ Константинова Ф. «Об находжани беларускага народа». «Большевик Беларусі» № 1—2 за 1945 г., стр. 80, 66.

⁵ «Працы сэкцыі археалогіі». Т. III, стр. 153—162, 218—220. М. 1932.

лось так же рано, как и на других землях, занятых впоследствии восточнославянскими племенами.

В период господства металлов Белоруссия стала транзитной дорогой для южных купцов, направлявшихся к Балтийскому морю за янтарём. Так как в этот период, по справедливому мнению Е. Карского, «не было причин для передвижений целых народов, то можно предположить, что в рассматриваемой местности жили те же обитатели, которые населяли её в неолитическую эпоху, значительно продвинувшиеся в своей культуре»¹.

Первыми письменными свидетельствами о населении территории будущей Белоруссии являются данные Геродота, греческого историка V в. до нашей эры. Геродот упоминает о многочисленном народе будинов, у которых был деревянный город Гелонос, центр поселения выходцев из греческих колоний. Геродот отмечает, что жители Гелоноса говорили на языке скифском и эллинском; будины же говорили на ином языке и вели иной образ жизни. Геродот считает будинов автохтонами, народом-кочевником. Местность, которую занимали будины, изобиловала разнородными лесами. В обширнейшем из лесов находится озеро, окружённое болотами и тростником. В озере водятся выдры, бобры и другие животные. Можно считать, что будины занимали местности по Верхнему Днепру, Припяти и далее на восток, к верховьям Дона (Нидерле). К западу от будинов исследователи помещают геродотовых невров. Они заняли окрестности Западного Буга до р. Нурки и Нарева, а также по Верхнему Неману и отчасти по Припяти². Уже польский историк Иоахим Бельский видел в неврах славян. Эта точка зрения разделялась и Н. М. Карамзиным, П. Шафариком, Л. Нидерле и Е. Карским и рядом других исследователей. П. Шафарик, Л. Нидерле, Е. Ф. Карский находят возможным и будинов отнести к славянам вопреки мнению Томашека, который считал их финнами³. Было бы ошибочным поставить знак равенства между будинами и славянами. А. Д. Удальцов рассматривает вопрос о будинах в иной плоскости. На основании исследований городецкой археологической культуры он предполагает, что будины жили на Средней Волге и по Оке. Поэтому А. Д. Удальцов вслед за Томашеком и Марром считает будинов предками мордвы (в основном). В связи с этим предположение Е. Карского о том, что будины были славянами, следует признать ошибочным. Ошибочным является и мнение акад. Н. С. Державина, который в будинах видит «протославян позднейших восточных, т. е. русских, славян»⁴.

Таким образом, южная и югозападная части территории, которая впоследствии стала известна под именем «Белоруссии», уже в VI в. были заняты славянскими племенами. Кем же были заселены северная и северо-западная части Белоруссии? Профессор Новороссийского университета А. Кочубинский посвятил этому вопросу специальное исследование — «Территория доисторической Литвы»⁵. Е. Карский, рассматривая названия рек и местностей, рекомендует относиться к географической номенклатуре «с величайшей осторожностью», настойчиво советует «исходить из фактов, а не подгонять факты к предвзятой теории»⁶. Он отмечает, что «при анализе географических названий надо отдавать предпочтение названиям рек, так как возникновение названий населённых мест относится к более позднему времени, чем названия рек, и кроме того названия населённых мест не так устойчивы, как названия рек»⁷. Соблюдая крайнюю осторожность в лингвистическом разборе данных топонимики, Е. Кар-

¹ Карский Е. «Белоруссы». Т. I, стр. 35.

² Там же, стр. 36—37.

³ Там же, стр. 37—33.

⁴ Державин Н. Указ. соч., стр. 19.

⁵ ЖМНП. Т. I за 1897 год.

⁶ Карский Е. Указ. соч. Кн. 1-я, стр. 43.

⁷ Там же, стр. 48.

ский приходит к выводу, что «теперешнее русское население восточной половины Двины когда-то жило в некоторых местах попеременно с разными инородцами, передавшими свои имена рекам; в большинстве случаев это были латыши и литовцы. Кое-где по правым притокам Двины жили и некоторые финские племена»¹.

А. Кочубинский, определяя территорию доисторической Литвы, несколько упрощённо обращается с данными топонимики; Е. Карский вносит в его «панлитовскую теорию» значительные коррективы. Вопреки утверждению А. Кочубинского, что Неман является «архилитовской рекой», Е. Карский полагает, что Неман более, чем Западная Двина, может считаться нерусской рекой². Не отрицая, что «Неман—больше литовская, чем русская река», он отмечает, что река эта берёт начало в центре Белоруссии, Е. Карский считает наименование реки белорусским, а не литовским³. Что же касается притоков Немана, то, по мнению Е. Карского, «лишь немногие из них носят славянские названия»⁴. Если название реки «Березина» славянского происхождения, то «почти все её притоки носят литовские имена»⁵. Что касается притоков в верхнем течении Днепра, то, по мнению Е. Карского, многие названия их финского происхождения⁶.

Переходя к лингвистическому анализу названий притоков Сожа, Е. Карский отмечает наличие литовских и славянских названий⁷. Равным образом и многие названия притоков реки Десны славянского происхождения⁸. Лингвистический анализ названий рек позволил Е. Карскому придти к очень ценному выводу. Вопреки А. Кочубинскому, он считает, что «о сплошных поселениях литовцев и латышей от устьев Немана и Двины до верховьев Оки уже потому не может быть речи, что литовцев было мало»⁹.

Таким образом, в северной и северо-западной части Белоруссии находились литовские и славянские элементы. Акад. Н. С. Державин также отмечает, «что в древнейшие, дославянские времена территория Белоруссии была населена племенами нелитовскими и неславянскими. На основе этих племён сложились зародышевые протолитовские и протославянские племенные образования, давшие затем литовско-латышские и славянские племена; из последних вырос белорусский народ»¹⁰.

Современные археологические данные подтверждают наблюдения Е. Ф. Карского и Н. С. Державина. Они говорят о древнем поселении здесь славян попеременно с литовцами и отчасти финнами. По мнению Е. Ф. Карского, литовские поселения на юге простирались до левых притоков Припяти, реки славянской.

Эта частично славянская, но в основном литовская и отчасти финская территория постепенно занималась славянскими элементами, просачивавшимися на север, северо-запад и северо-восток. Это распространение славянских элементов на территории Белоруссии отмечено нашим летописцем. В его время вся территория Белоруссии была уже славянской или с преобладающей массой славянского населения, среди которого растворились неславянские этнические элементы. Акад. Ю. Готье полагает, что в результате проникновения славянских элементов на северные территории Белоруссии литовцы были оттеснены на северо-запад¹¹.

¹ Карский Е. Указ. соч. Кн. 1-я, стр. 47.

² Там же, стр. 42.

³ Там же, стр. 49.

⁴ Там же, стр. 50.

⁵ Там же, стр. 56.

⁶ Там же, стр. 57.

⁷ Там же, стр. 59.

⁸ Там же, стр. 59—60.

⁹ Там же, стр. 61.

¹⁰ Державин Н. Указ. соч., стр. 118.

¹¹ Готье Ю. «Железный век в Восточной Европе», стр. 217.

Начальная летопись упоминает о трёх славянских племенах на территории Белоруссии: дреговичах между Припятью и Двиной, кривичах-полочанах по среднему течению Западной Двины, кривичах по верховьям Западной Двины, Волги и Днепра и о радимичах по р. Сожу, за Днепром к востоку от дреговичей. По словам летописца, радимичи и соседние с ними вятичи, живущие по Оке, были выходцами из Ляхии. «Радимичи бо и вятичи от ляхов Бяста до дьва брата в Лясах, Радимь, а другой — Вячко и пришедьша седоста Радим на Съжю и прозавшася Радимичи, а Вячко седе съ родом своим по Оце, от него же прозавшася Вятичи»¹.

Ряд дореволюционных исследователей не придавал никакого значения этому летописному сообщению. Д. И. Багалея считает его «домыслом» летописца², М. С. Грушевский также не придаёт значения «летописной генеалогии, выведившей радимичей «от рода ляхов», возможно, что тут также заключался какой-нибудь «ужор» или простое недоразумение»³, — говорит он.

Между тем А. Шахматов на основе летописного сообщения создал целую теорию о ляхском происхождении радимичей и вятичей. Свои утверждения А. Шахматов обосновывает одними филологическими соображениями, совершенно недостаточными для разрешения поставленной им сложной проблемы⁴. В частности А. Шахматов объясняет особенности белорусского языка влиянием польских говоров. Он отмечает наличие некоторых «ляшских особенностей» и в древнепсковском говоре и вообще в говоре кривичей.

Смелая, но ошибочная гипотеза А. Шахматова была встречена отрицательно большинством исследователей. Акад. Ю. В. Готье в своей критике гипотезы А. Шахматова отметил, что «памятники археологические не дают основания допустить такое «необыкновенное перемещение племён»⁵. Б. А. Рыбаков в специальной монографии рассмотрел вопрос о радимичах, с исчерпывающей полнотой осветил быт и культуру этого племени и показал, что археологический вещественный материал курганов радимичей является общеславянским⁶.

Акад. Н. С. Державин также стоит на позициях А. Шахматова. «Западная группа кривичей была захлестнута волной племени радимичей, залившей собою всю Белоруссию, и усвоила некоторые черты его языка». Вслед за А. Шахматовым акад. Н. С. Державин повторяет версию о ляхских особенностях древнепсковского языка⁷.

Несколько иначе понимает летописное известие Е. Карский. По его предположению, радимичи жили «к западу от дреговичей, в непосредственном соседстве с ляхскими племенами». «Не думаю,—пишет Е. Карский,—чтобы они действительно были ляхского происхождения: язык их чисто русский, быт и поэзия — тоже; одно дзяканье связывает их с ляхами, да и то только радимичей, но дзяканье свойственно и другим белоруссам дреговичского и кривичского происхождения»⁸. Выражение летописца «радимичи и вятичи от ляхов», полагает Е. Карский, следует понимать в географическом смысле, как «жившие по соседству с ляхами»⁹. Е. Карский ограничивается только указанием на переселение радимичей «далеко на восток». Во всяком случае, после работ Ю. В. Готье и Б. А. Рыбакова нельзя принимать всерьёз теорию А. Шахматова.

¹ «Повесть временных лет».

² Багалея Д. «История Северной земли до половины XIV века», стр. 10.

³ Грушевский М. «Киевская Русь», стр. 223. СПб. 1911.

⁴ Шахматов А. «Древнейшие судьбы русского племени», стр. 37—39. СПб. 1919.

⁵ Готье Ю. «Железный век в восточной Европе», стр. 213—219.

⁶ Рыбаков Б. «Радзімічы». «Працы сэкцыі архэалёгіі». Т. III, стр. 81—152. М. 1932.

⁷ Державин Н. Указ. соч., стр. 90—91.

⁸ Карский Е. Указ. соч. Кн. 1-я, стр. 71—72.

⁹ Там же, стр. 72.

Радимичи были исконно восточнославянским племенем, а не одним из «ляшских» племён, как утверждает Шахматов, оторвавшимся от прочих ляшских племён в связи с движением аваров на восток.

Е. Карский верно отметил, что «дреговичи, полоцкие кривичи» легли в основу белорусской народности, и это мнение первого исследователя, занявшегося её этногенезом, является общепризнанным в этногенетической литературе.

На территории Белоруссии, занятой предками белорусской народности, можно проследить глубокие изменения и в их общественно-политическом быту. Археологические данные свидетельствуют о перерастании первобытно-общинного родоплеменного строя в объединение территориального характера. «Повесть временных лет» отметила уже совершившийся распад племенного строя и зарождение территориальных объединений, «по своей сущности политических», как справедливо отметил акад. Б. Д. Греков¹. Она упоминала о наличии отдельных княжеств у дреговичей и полоцких кривичей. Только радимичи не имели своего отдельного княжества, но и у них, как показывает Б. А. Рыбаков, согласно археологическим данным, происходил тот же процесс распада родового строя и формирование территориальных объединений².

Возникновение территориальных объединений-княжеств было первым ударом по родоплеменному строю. Родовые кровные связи стали заменяться связями по соседству. В. О. Ключевский, создавая теорию городских областей, объединившихся впоследствии под властью киевских князей, также отметил, что в состав их населения вошли разные славянские племена и что это было ударом по племенной организации. Теория городских областей В. О. Ключевского не нашла поддержки в советской историографии, но мысль его о распаде племенных объединений и замене их новыми территориальными объединениями была, безусловно, правильной. Её можно проверить на основе изучения состава и изменений территории отдельных княжеств, созданных предками белорусского народа. Распад одних племён и политическое объединение частей других племён содействовали скрещению отдельных протобелорусских элементов и образованию нового этнического типа со включением в него и неславянских элементов — литовско-латышских и отчасти финских, на территории которых распространялась власть князей. Политические условия часто приводили к переходу земель из сферы влияния одного княжества под власть другого, что, естественно, производило ещё большие изменения в племенном составе, стирая всякие различия между отдельными племенами.

Возникновение городов — наглядный показатель распространения племенной сферы влияния. Известия летописи о тех или других городах появляются сравнительно поздно, и поэтому дату летописного известия о том или другом городе нельзя считать годом основания города.

Южной границей дреговичских поселений был левый берег реки Припяти. Но дреговичам принадлежали и некоторые города на её правом берегу. В земле собственно древлян им принадлежали города Мозыры, Туров, Пинск и в земле волян — Берестье при впадении реки Муховца в Западный Буг. На северо-западе и западе дреговичи сталкивались с литовскими племенами — ятвягами.

Дреговичское проникновение на северо-запад и запад было связано с походом русских князей против ятвягов, которые вынуждены были отступить на север Беловежской Пуши, в бассейн Нарева и Бобра³.

¹ Греков Б. «Киевская Русь», 4-е изд.

² Рыбаков Б. «Рацы...», стр. 19.

³ Любавский М. «Літва і славяне у іх узаемаадносінах у XI—XII стагоддзях», стр. 6. М. 1926.

Юго-западная граница дреговичей не доходила дальше города Дрогичин на реке Западный Буг, откуда она направлялась к верхнему течению Немана, к городу Гродно, захватывая всё верховье Вилии¹. Северная граница дреговичских поселений проходила недалеко к северо-западу от Полоцка. Однако часть территории дреговичских поселений — земли на Березине — была оторвана от своего племенного ядра и входила в область Полоцкого княжества. Поэтому Е. Барсов считал, что дреговичская территория ограничивалась территорией Припяти с главными городами Туровом и Пинском. В. Завитневич, наоборот, исходя из общности похоронного обряда, считает земли по р. Березине дреговичскими. К этому мнению присоединяется и М. С. Грушевский². Наконец, дреговичское проникновение в земли ятвягов встретилось с потоком волынской колонизации.

Таким образом, на территории Турово-Пинской земли встретились дреговичи — основная масса населения, — частично древляне и волыняне и, наконец, литовские ятвяги.

Таким же разнообразным в племенном отношении было и Полоцкое княжество. Оно охватывало территорию полоцких кривичей (полочан) по среднему течению Западной Двины, кривичские поселения по верховьям Западной Двины (Витебск, Усвят), часть поселений днепровских кривичей (Дрютеск, Борисов, Логокжск, Изяславль) и земли дреговичей по р. Березине.

Влияние полоцких князей распространялось на землю латышей по нижнему течению Западной Двины, а на юго-западной границе полоцкие кривичи встречались с литовцами.

«Повесть временных лет» отмечает, что радимичи жили на левой стороне Днепра, в бассейне р. Сожа. По мнению М. Грушевского, радимичи — «племя, повидимому, небольшое или слабое, не игравшее сколь-нибудь заметной политической или культурной роли»³. Радимичи не имели своего отдельного княжества. Они были разделены между двумя другими княжествами. Верховье Сожа принадлежало к кривичскому Смоленску, тогда как среднее и нижнее течение Сожа с городами Гомь (Гомель) на нижнем Соже тяготело в начале XII в. к Черниговскому княжеству⁴. На своей территории радимичи встречались с северянами, а к востоку — с вятичами. Наконец, верхнеднепровские кривичи, отделившиеся от полоцких, с течением времени образовали отдельное княжество со включением в его состав территории верхнесожских радимичей.

Таким образом, предками белорусского народа были следующие древнерусские племена: дреговичи, радимичи и кривичи. Эти основные «предки белоруссов» встретились на юге с южнорусскими древлянами, на западе — с южнорусскими волынянами, а на востоке — с русскими — вятичами. Кроме того на западе и северо-западе они сталкивались с неславянскими племенами: ятвягами, верхней Литвой и латышами, а на севере и северо-востоке — с финнами.

На основе племенных скрещений из племенных славянских элементов образовалось пять этнических добелорусских центров.

Южный — в бассейне Припяти в основе с дреговичскими элементами южнорусских древлян и волынян и неславянских элементов — литовско-ятвяжских. Было бы неправильным предполагать, что весь ятвяжский народ отошёл на север Беловежской Пуши под давлением русских с востока. Поэтому методологически было бы ошибочно не учи-

¹ Довнар-Запольский М. «История кривичской и дреговичской земель до конца XII ст.», стр. 2. Киев. 1891.

² Грушевский М. Указ. соч., стр. 222.

³ Там же, стр. 225.

⁴ Рыбаков Б. Указ. соч., «Правцы...», стр. 120.

тывать литовско-ятвяжские племенные элементы при формировании белорусского народа.

Другое этническое ядро охватывало бассейн среднего, верхнего и отчасти нижнего течения Западной Двины, бассейн среднего течения р. Березины, пересекая бассейн р. Друти, притока Днепра. На востоке оно включало верхнеднепровские кривичские племенные элементы, с запада граница поселений проходила от верховьев Немана с пересечением его притока Вилии, а затем на север, приближаясь к устью реки Западная Двина. В состав этого ядра входили западновинские кривичи, полочане и кривичи со включением северодреговичской территории и отчасти литовско-латышских и финских племенных элементов.

Третье ядро охватывало верхнее Поднепровье с племенным кривичским элементом в основе, частично в его состав входили верхнесожские радимичи.

Четвёртое этническое ядро, известное под именем Чёрная Русь, охватывало территорию бассейна верхнего Немана. На этой территории встретились полоцкие кривичи, припятские дреговичи и литовские племена.

Наконец, пятое этническое ядро, так называемая Берестейская земля, с городами Берестье, Бельск, Мельник, Дрогичин, Кобрин и Каменец, представляло собой область, где колонизация дреговичей встретилась с волынской колонизацией.

Поэтому было бы ошибочным считать, что только «племенные скрещения южнорусских древлян со среднерусскими дреговичами, среднерусских радимичей с восточнорусскими вятичами и часть кривичей представляют собой славянский субстрат современного белорусского народа и белорусского языка во всём разнообразии его наречий и говоров»¹.

Первоначальные территориально-политические образования северо-западных русских славян объединились в X в. под властью киевских князей и таким образом составили одну из частей территории Киевского государства, охватывавшего все восточнославянские земли. Однако эта политическая связь северо-западной Руси с Киевским государством была подорвана выделением Полоцкого княжества в X в. из-под власти киевских князей. В период феодальной раздробленности выделились Турово-Пинское и Смоленское княжества, в которых в свою очередь также установилась феодальная раздробленность. Таким образом, развитие феодальных отношений и феодальная раздробленность поддерживали политическую, а вместе с тем приводили к этнической обособленности одних земель от других. В условиях господства натурального хозяйства и слабого развития обмена обособленность земель друг от друга должна была сохраняться, что, разумеется, не могло не задерживать этническую консолидацию на всём протяжении северо-западной Руси. В период феодальной раздробленности происходит скрещение местных славянских и неславянских этнических элементов, что придавало каждому этнически смешанному району известное единство. Благодаря этому на основе общерусского языка стали формироваться отдельные местные говоры, наличие которых было отмечено А. И. Соболевским², А. А. Шахматовым³, Е. Ф. Карским⁴. Последний под влиянием лингвистических исследований своих предшественников отмечает, что по языку полоцкие и смоленские кривичи несомненно отличались от дреговичей и радимичей. Вероятно, были отличны по языку полоцкие кривичи и дреговичи Чёрной Руси, и, конечно, было отлично по говору население Берестейской земли, где южнорусские волынские говоры перемешивались с говорами дреговичей.

¹ Державин Н. Указ. соч., стр. 90.

² Соболевский А. «Лекции по истории русского языка». СПб. 1911.

³ Шахматов А. «К вопросу об образовании русских наречий и русских народностей». ЖМНП, апрель 1899 года.

⁴ Карский Е. Указ. соч., стр. 93.

Нельзя, разумеется, не учитывать и влияния, правда второстепенного, не-славянских говоров. Таким образом, в период феодальной раздробленности область, сложная по своему этническому составу, естественно, имела свои говоры с различными фонетическими или морфологическими оттенками, достаточно наглядно описанными Е. Ф. Карским¹.

Наличие местных говоров свидетельствует и об известном этническом обособлении, хотя последнее не могло быть значительным в этот период. Тем не менее в этом начавшемся этническом обособлении можно усматривать начальный процесс в образовании белорусской народности. Впрочем, политические условия северо-западных русских княжеств отнюдь не благоприятствовали развитию процесса этнического обособления. Так, Полоцкое княжество, достигшее наибольшего политического значения при Всеславе, постепенно разделяется на множество мелких самостоятельных феодальных владений, которые часто враждуют между собой.

Несмотря на феодальную раздробленность и начавшуюся этническую обособленность сохранялось культурное единство всей русской земли. Феодальная культура в северо-западной Руси была такой же, как и в северо-восточной и южной Руси: Евфросиния Полоцкая, внучка полоцкого князя Всеслава, приняв монашество, посвятила себя переписке книг. Известный церковный деятель Климент Смолятин (умер в 1147 г.), автор дошедшего до нас «Послания», стоит на почве византийско-киевской образованности. На той же культурной почве стоял и Кирилл Туровский (умер в 1182 г.), автор семи поучений и 27 молитв. Известное «Слово о полку Игореве», поэтическое произведение, — памятник общерусского происхождения.

Возникнув на стыке северо-западной и юго-восточной ветви восточного славянства, «Слово о полку Игореве» содержит слова, впоследствии бытовавшие в белорусском языке. Язык «Слова» — наглядный показатель той общерусской языковой основы, на которой образовались языки трёх ветвей единого русского народа: великорусского, белорусского и украинского. Вот несколько наугад взятых слов из «Слова» и их бытование в современном белорусском языке: «лепо» — лепей, «почать» — пачаць, «братие» — братья, «повесть» — повесць, «хотяше» — хацеу, «земля» — зямля, «зареза» — забіць, «пачнем» — пачнеі, «нап'яліўтыя» — нап'яніўся, «в'сядем» — узьсядзем, «хошчю» — хачу, «пріломіті» — паламаць, «луче» — ўнуча, «буря» — бура, «ржют» — іржуць, «іспіті» — напіта, «галіці» — галіцы, «трубятъ трубы» — трубяць трубы, «стязі» — сьцягі, «одін» — адзін, «чістому полю» — на чістым полі, «д'лго» — даўга, «запала» — западае, «покрыла» — пакрывае, «заря» — свет, сьвятло, «невесёлая година» — невясёлая гадзіна, «дьякы» — дзевак, «не кресіті» — не ўваскрасіці и т. д.

Русская Правда — памятник феодального права XI—XII вв. — с её нормами уголовного права была источником для договора смоленского князя Мстислава Давидовича с Ригой, Готландом и немецкими городами 1229 года. Договор 1229 г. — наглядный показатель общности юридических норм в области уголовного права с нормами Русской Правды, не говоря уже о единстве официального языка и юридической терминологии. Оба памятника знают системы композиции — вознаграждение за совершённое уголовное деяние. Таким образом, в период феодальной раздробленности сохранялось культурное единство Русской земли. Сохранился и единый литературный язык, столь ярко отражённый в Русской Правде.

В условиях расширения экономических связей и укрепления политического единства должен был завершиться процесс скрещения отдель-

¹ Карский Е. Указ. соч., стр. 92, 109.

ных славянских и неславянских элементов в этническое единство, а вместе с тем на базе местных говоров образовался единый язык с его морфологическими и фонетическими особенностями.

Этническое и культурное единство Руси сохранилось вплоть до татаро-монгольского завоевания, когда произошёл, по меткому выражению В. О. Ключевского, разрыв народности и исторические судьбы северо-западной Руси сложились иначе, чем северо-восточной.

В период феодальной раздробленности политическая конфигурация северо-западной Руси (Белоруссии) представляется в следующем виде. В бассейне среднего и верхнего течения Западной Двины определились Полоцкая и Витебская земли как отдельные княжества. Территория Полоцкого княжества по сравнению с XII в. несколько сократилась, так как в результате агрессии Ордена меченосцев в начале XIII в. из сферы влияния Полоцкого княжества вышло нижнее течение Западной Двины. Оба княжества находились под угрозой немецкой агрессии, борьба против которой заставляла эти княжества стремиться к сближению. Экономическое развитие обоих княжеств в значительной степени зависело от развития внешней торговли по Западной Двине, но вследствие захвата устья Западной Двины торговля эта должна была прекратиться. В бассейне верхнего Днепра политически окрепло Смоленское княжество, экономически оно также было связано с западнодвинским бассейном. В борьбе против немецкой агрессии установился протекторат смоленского князя над двумя подвинскими княжествами, благодаря которому была остановлена попытка немецких агрессоров установить своё влияние в среднем течении Западной Двины.

Из Полоцкого княжества выделилась группа феодальных владений в бассейне среднего Днепра и его притоков — Сожа и Березины. Среди них наиболее крупным было Минское княжество. Отдельный экономический и политический комплекс представляло собой Турово-Пинское Полесье в бассейне р. Припяти, также разбившееся на несколько отдельных княжеств. В конце XII и начале XIII в. Турово-Пинское Полесье политически тяготело к Турову и в половине XIII века находилось в черте влияния галицко-волинских князей. Берестейская земля, сохранившая территориальное единство, в половине XIII в. также находилась в сфере влияния волинских князей. Наконец отдельный политико-экономический комплекс представляла собой Чёрная Русь с городами Слонимом, Новгородом, Волжковым, Здитовым и Городно. Весь этот комплекс земель в течение XIII—XIV вв. вынужден был признать суверенитет литовского князя.

В. Б. Антонович высказал предположение, будто все северо-западные и юго-западные русские земли были завоёваны литовскими князьями. М. К. Любавский, наоборот, считал, что часть князей-феодалов добровольно признала суверенитет литовского князя¹.

Не касаясь этих разногласий по существу, необходимо отметить, что немецкая агрессия на Литву и Подвинье и угроза со стороны монголо-татар толкали Литву на союз с русскими областями. Агрессия с запада и угроза с востока, в свою очередь, заставляли феодальные русские княжества искать опоры в молодом литовском государстве.

Распространение власти литовских князей на всю территорию западной Руси — факт большого политического значения. Политическое единство, конечно, должно было содействовать взаимному общению и скрещению ранних славянорусских этнических элементов, на базе которого и образовался белорусский народ. Было бы ошибочным объяснять образование белорусского народа только политическим объединением за-

¹ Любавский М. «Областное деление и местное управление», стр. 12, 23, 28, 3.

падной Руси в пределах литовского государства. Этой точки зрения придерживались Е. Ф. Карский и его последователи. Ведь литовское государство не было централизованным государством. Земли Полоцкая, Витебская и Смоленская пользовались достаточно широко внутренней автономией, тогда как Полесье, Среднее Поднепровье, Минщина были более тесно связаны с основными литовскими землями. Федеративный характер литовского государства в основном сохранял его феодальную раздробленность и не мог не задерживать формирование нового этнического элемента — белорусского народа. Тем не менее процесс слияния этнического множества в единое этническое целое продолжался. Немецкая агрессия, с одной стороны, и развитие экономических связей между отдельными областями — с другой, были важнейшими факторами, ускорившими образование белорусской народности.

Тевтонский орден потерпел неудачу в своей агрессии как против собственно Литвы, так и против Подвинья с его центром — Полоцком.

15 июля 1410 г. Тевтонский орден был разбит объединением славянских народов. В этой битве, как известно, принимала участие вся Литовская Русь, стойкость и мужество трёх смоленских полков были решающим фактором, определившим исход битвы. Но и после заключения мира в Торуни в 1411 г. борьба между Литвой и Орденом продолжалась. Только в 1422 г., после заключения мира в Мельно, борьба прекратилась, поскольку Витовту, великому князю литовскому, удалось добиться от Ордена окончательного присоединения Жмуди к Литве¹. Тем не менее Орден продолжал оказывать экономическое давление на Подвинье; Полоцку и Витебску вместе со Смоленском приходилось отражать экономический натиск немцев. Эта борьба с немцами содействовала объединению земель и развитию национального самосознания белорусского народа.

Феодальное хозяйство, оставаясь в своей основе натуральным, постепенно втягивается в товарные отношения. Возникают отдельные городские центры, экономически связанные с прилегающими районами. Великое княжество Литовское установило торговые отношения с Западной Европой, Крымом и русским государством, но для его экономического развития основное значение имел западный рынок, который потреблял главным образом сельскохозяйственное сырьё Руси. Территория Руси разбивается на отдельные экономические районы, тяготеющие к тому или другому городскому центру. На территории Белоруссии крепились экономические связи, создавались предпосылки для образования широкого внутреннего рынка. Подвинье и верхнее Поднепровье с Полоцком, Витебском и Смоленском представляли собой один экономический район. Бассейн рек Припяти и Западного Буга тяготел к Берестью. Минск вёл оживлённую торговлю с Вильной. Минские купцы приезжали на ярмарки Полоцка, Вильны, Берестья. С Минском экономически были связаны Смоленск и всё верхнее Приднепровье. Гродно было связано со всем понеманским бассейном, а также и с Берестьем. Экономические связи уничтожали обособленность земель и содействовали их взаимному сближению.

Известным показателем роста экономических связей на территории Белоруссии является развитие городов и превращение их в отдельные административно-хозяйственные единицы с предоставлением им автономии в рамках так называемого магдебургского права.

Если в конце XIV в. магдебургскими стали города, расположенные в западной части великого княжества Литовского — Вильна, Берестье, Гродно, — то в конце XV в. получают автономию города, расположенные дальше к востоку: Минск, Полоцк и Дрогичин, — ставшие, таким образом, автономными городскими общинами. Экономически развиваясь, го-

¹ Барбанчев А. «Витовт. Последние двадцать лет княжения», стр. 203 — 237. СПб. 1891.

рода освобождались от великокняжеского присуда и становились «магдебургиями». Так в начале XVI в. стали магдебургскими Мельник в Берестейской земле и Новгородок.

В конце XV и начале XVI в. изменилось экономическое лицо великого княжества Литовского. Крупные феодалы и сам великий князь как крупнейший землевладелец становятся поставщиками сельскохозяйственного сырья. Землевладельцы стремятся к подъёму своего сельскохозяйственного производства и увеличению доходности имения, что расширяло и углубляло феодально-крепостнические отношения. Так на базе общего экономического оживления и роста экономических связей между отдалёнными областями исчезла обособленность отдельных районов и создавалось представление об этническом единстве, о «русском народе», составлявшем большую часть населения великого княжества Литовского.

Территория, занятая «русским народом», официально именовалась Русью. За пределами великого княжества Литовского территория Руси известна была под именем Белой Руси. Этот термин входит в употребление с половины XIV века¹. Он был знаком польским писателям, им пользовался Тевтонский орден в официальной переписке. При Иване Васильевиче III термин «Белая Русь» уже стал обычным в дипломатической переписке.

Много догадок было высказано относительно происхождения этого термина, но этот вопрос всё ещё остаётся невыясненным. Может быть, справедливо предположение Е. Ф. Карского, что эпитет «Белая Русь» объясняется внешним видом белоруссов: в большинстве случаев они одевались в белые свитки. Вероятно и другое предположение, что термин «Белая Русь» означает «вольная Русь», свободная от монголо-татарской власти. А. Н. Ясинский в одном из своих неопубликованных докладов отметил, что этот термин возник сначала в одном из западных уголков Великоруссии, в районе г. Бельска, где встречается много топонимических наименований с суффиксом «бел». Впоследствии этот локальный термин стал общераспространённым и применялся для обозначения Западной Руси.

Однако и эта догадка — только одна из очень остроумных гипотез. Каково бы ни было его происхождение, употребление термина «Белая Русь» свидетельствует о том, что вся территория Руси уже была единой в этническом отношении. Когда «русские» (белорусские) земли оказались в составе литовского государства, они своей высокой феодальной культурой оказали сильное влияние на Литву. В Литве получило распространение феодальное право, представленное кодексом, известным под именем «Русская Правда». Русский язык стал языком официальным. Он остался им и позднее, когда литовская феодальная верхушка после заключения унии Литвы с Польшей в 1386 г. оказалась в сфере влияния католической церкви и польской феодальной культуры. Уния Литвы с Польшей, уничтожившая самостоятельность великого княжества Литовского, была отрицательно встречена русской и литовской феодальной верхушкой. Совместными усилиями они добились восстановления великого княжества как отдельной государственно-правовой единицы по городельской унии 1413 года. Хотя юридически оно осталось в вассальных отношениях к польскому королю Владиславу — Ягелло.

Это был большой политический успех литовских и русских феодалов. Однако в привилее 1413 г., выданном Ягелло литовской знати, была вставлена статья, неприемлемая для феодалов Руси: она лишила православных права заседать в великокняжеской раде (совете) и занимать должности по центральному управлению. Таким образом, русские феодалы оказались ограниченными в своих политических правах. Не примирившись с ограничением своих прав, русские феодалы приняли уча-

¹ Карский Е. Указ. соч., стр. 114 — 118.

стве в борьбе Свидригайлы против Сигизмунда Кейстутовича, ставленника Ягеллы и литовской знати¹.

Борьба эта не увенчалась успехом, но Ягелло и Сигизмунд были вынуждены и на русских феодалов распространить гражданские права, которые были представлены литовской феодальной знати (привилеи 1432 и 1434 гг.). В начале правления Казимира (1440) против литовского владения восстало население Полоцкой, Витебской и Смоленской земель, и новый великий князь вынужден был выдать привилеи, которыми подтверждались феодальная автономия этих земель². Правительство Казимира, католическое в своей основе, пыталось ввести церковную унию, но этот акт давления на русскую народность был встречен враждебно, и попытка ввести унию провалилась. Стремление русских феодалов освободиться от власти Литвы и воссоединиться с северо-восточной Русью вызвало заговор князей в 1481 г., раскрытый литовским правительством. Два князя, возглавлявшие заговор, были казнены, а третий нашёл убежище в Москве³. Ввиду напряжённых отношений между великим княжеством Литовским и русским государством Сигизмунд I (1506—1547) вынужден был в 1509 г. выдать православной церкви привилеи, подтверждающие её старинные права и преимущества. Вся эта длительная борьба была известным показателем роста самосознания белорусского народа, этнически единого в религиозном и культурном отношении. Это была борьба за сохранение своей белорусской народности.

Великое княжество Литовское было многонациональным феодальным государством (литовцы, жмудины, евреи, татары), в котором Русь территориально и численно занимала преобладающее место. Русь оказывала значительное культурное влияние на Литву, главным образом на феодальную литовскую верхушку, всё же она не только этнически, но и в культурно-бытовом отношении отличалась от Литвы. Это отличие поддерживалось федеративным укладом литовского государства. Белорусские земли составляли основу экономической мощности великого княжества Литовского, это только усиливало значение Руси в его составе. Северо-западные русские земли вошли в состав великого княжества Литовского с развитыми уже феодальными отношениями, тогда как в Литве только начинался процесс их становления. Политические отношения литовских феодалов с русскими землевладельцами крайне обострились. Литовские феодалы пытались ограничить политические права русских землевладельцев в силу их религиозной принадлежности, наступая на русских феодалов. Литовская знать наступала на русскую народность вообще, ибо на данном этапе общественно-политического развития русские феодалы выступали как представители интересов русской народности. Однако юридическое уравнение в гражданско-правовом отношении литовских и русских феодалов явилось началом сближения их между собою на основе общности классовых интересов. Поэтому на крестьянские и городские массы ложилась вся тяжесть борьбы за сохранение своей народности против шляхетско-католической агрессии.

Формирование белорусского языка с его фонетическими и морфологическими особенностями происходило параллельно процессу этногенеза белорусского народа.

Е. Ф. Карский — всеми признанный авторитет в области белорусского языка — всесторонне рассмотрел и фонетические и морфологические особенности русского языка, поскольку они нашли отражение в тех или других литературных памятниках. Однако формальный метод, применяемый Е. Ф. Карским, позволяет составить только некоторое представле-

¹ Любавский М. «Очерк истории Литовско-русского государства до Люблинской унии включительно», стр. 60 — 66. М. 1910.

² Там же, стр. 68 — 70.

³ Там же, стр. 189.

ние об истории белорусского языка. Е. Карский полагает, что все особенности белорусских говоров сложились в XIII в., что, разумеется, правильно; однако этим ещё не разрешается вопрос о формировании языка, который мог образоваться только в результате закончившегося формирования этнического единства. Ведь скрещение отдельных этнических элементов, слияние их в этническом единстве влечёт за собой образование единого языка с его разнообразными говорами. Образование белорусского языка — последний этап в процессе этногенеза белорусского народа. Е. Карский отрицательно относится к гипотезе А. Шахматова о влиянии ляхских говоров на фонетические особенности белорусского языка. Отрицая гипотезу А. Шахматова, Е. Карский пришёл к выводу, что возникновение особенностей белорусского языка — это процесс внутренний, самостоятельный. В основе белорусского языка лежало среднерусское наречие дреговичей, пологчан и радимичей, но в состав белорусского языка вошли восточнорусские (великорусские) и южнорусские (украинские) элементы — восточнорусское «ёканье» и южнорусская «мягкость». Южнорусские элементы весьма значительны в юго-западной части Белоруссии, что дало основание Е. Ф. Карскому, а за ним украинским буржуазным националистам считать весь этот район украинским, а не белорусским. Эта ошибка допущена Е. Карским на его этнографической карте Белоруссии. Действительно в юго-западной части Белоруссии дреговическая колонизация встретилась с волынкой. Скрещение дреговических и белорусских элементов привело к созданию особого южнобелорусского говора, отнюдь не чисто украинского, подобно тому как восточнорусские говоры сближаются с западнорусскими. Изучение Писцовой книги Гродненской экономики второй половины XVI в. показывает несостоятельность концепции Е. Карского и его сторонников националистического украинского лагеря. В Писцовой книге даны имена домохозяев — украинцев и белоруссов, — привязанных к одному земельному участку. В Писцовой книге не отмечено деревень со сплошным украинским населением. Оно перемешано с белорусским. Помимо того весь этот район находился всегда в сфере влияния белорусской, а не украинской экономики. Он был связан прочными экономическими нитями со всеми районами Белоруссии и почти не был связан с Волинью. Изучая словарь белорусского языка, Е. Карский отмечает много заимствований отдельных слов из языка соседних нерусских народов.

На основе сформировавшегося белорусского языка стал создаваться литературный язык того времени. Это был язык официальных документов, выходивших из канцелярии великого князя литовского, создателями которого были её писцы и в основе которого лежат древнерусские и белорусские языковые элементы с преобладанием первых над вторыми и с проникновением в дальнейшем в него польских элементов. Сформировавшийся язык письменности был вместе с тем и языком господствующего феодального класса.

Тем не менее сохранившиеся памятники литературного языка, генетически идущего с XIII в., — различные официальные документы, грамоты, литературные и юридические памятники XV—XVI вв. — представляют превосходный фактический материал для изучения истории белорусского языка и его звуковых особенностей. Уже во второй половине XV в. речевой словарь достаточно богат для выражения весьма сложных юридических понятий (Судебник Казимира Ягеллончика 29 февраля 1468 г.). К Литовской метрике — архиву великокняжеской канцелярии — замечательному памятнику официального белорусского языка, ещё не прикасались исследователи-лингвисты. Метрика очень интересна для изучения ещё не вполне установившихся фонетики и морфологии её языка. Так, в документах конца XV в. ещё нет «дзекания» там, где оно должно быть и где оно встречается в документах более позднего времени. Так, известная фамилия Радзивиллов в Метрике не имеет звука

«з». Равным образом фамилия Судзилловских в Метрике тоже написана без «з». Вообще в этой книге нет «дзеканья»¹.

Звук «ф» в современном белорусском языке не может иметь мягкости, а между тем встречается двоякое звучание — твёрдое и мягкое: «фь» и «ф» (Остафьевич и Остафевич²). Звук «н» употребляется параллельно звуку «м». Так, имя Николай, по-белорусски Миколай, встречается в обоих звучаниях³. Белорусское твёрдое «р» не допускает мягкости. В Метрике встречается двоякое звучание: «Немиря»⁴, «Немири»⁵, «Рымигайло»⁶, «Рылов»⁷, но также «Римко»⁸, «Рижко»⁹, «Римовидович»¹⁰, «Ринда»¹¹, «Бранск», «Бранекс», «Брянск» и «Брянск»¹², «радити» и «рядити», «присягнул», «прысягнул», «дворанин» и «дворянин», «присудили» и «прысудили», «нехай держыць» и «нехай держит», «прывесити» и «привесити», «небошык» и «небощик». Звук «с» всегда звучит твёрдо, а между тем рядом с «Симон»¹³, «Сынкович», «Сытич»¹⁴, «Сыч»¹⁵. Неустойчивость можно отметить и в других звучаниях. Мы ограничиваемся только этими примерами, так как в нашу задачу не входит изучение фонетики Литовской метрики.

Приведённые примеры различного звучанья слов совершенно достаточны, чтобы придти к выводу, что в Литовской метрике фонетика была ещё не вполне белорусская.

Эти данные позволяют придти к выводу, что литературный белорусский язык в конце XV в. ещё окончательно не оформился; об этом свидетельствует путаница в правописании, которую отнюдь нельзя объяснить безграмотностью писца. Белорусский язык длительно литературно оформлялся, вырабатывалось правописание. Изучение правописания Литовской метрики и соотношения согласных и гласных покажет, что о едином правописании и звучании ещё не может быть и речи. Значит, в конце XV, начале XVI в. ещё не оформился окончательно литературный белорусский язык. Некоторые лингвисты-исследователи, отметив белорусское звучание в отдельных словах документов XIII—XIV вв., ошибочно относят образование белорусского народа к этому периоду. Весьма интересно, что сочетание «дз» представлено весьма слабо в документах Литовской метрики. Поэтому неправ А. Шахматов, говоря о «дзеканьи» как о результате влияния говоров мнимо «ляшских» племён — радимичей. Безусловно, прав Е. Карский, считающий, что «дз» белорусского происхождения. Во всяком случае, советские лингвисты должны обратиться к изучению языка Литовской метрики.

С начала XVI в. феодальная культура Белоруссии вступает в блестящий период своего подъёма. «Белорусское возрождение» XVI в. — «золотой век» в развитии белорусской письменности. Начало его связано с именем полоцкого мещанина Франциска-Георга Скорыны — «доктора лекарских наук» Падуанского университета, который, поселившись в Чешской Праге в 1517—1519 гг., стал печатать в собственной типографии перевод Библии на язык «посполитых людей» в целях просвещения.

¹ Литовская метрика. Книга записей. РИБ. Т. XXVII, стр. 125 — 128, 130, 131, 140, 148, 149, 152 — 159, 161 и т. д.

² Там же, стр. 497, 617, 785, 787.

³ Там же, стр. 47, 72, 57, 61.

⁴ Там же, стр. 96, 98, 205, 308.

⁵ Там же, стр. 76, 196.

⁶ Там же, стр. 10.

⁷ Там же, стр. 493.

⁸ Там же, стр. 103.

⁹ Там же, стр. 285.

¹⁰ Там же, стр. 44, 85, 286.

¹¹ Там же, стр. 46.

¹² Там же, стр. 48 — 50, 53, 62, 123, 175, 179.

¹³ Там же, стр. 44, 14.

¹⁴ Там же, стр. 49.

¹⁵ Там же, стр. 769, 194, 321.

Затем Фр. Скорына поселился в «столечном месте» Вильне, где с помощью некоторых богатых мещан устроил типографию, в которой в 1525 г. вышла первая печатная книга в Белоруссии — «Апостол», а затем — так называемая «Малая Подорожная Книжица».

Белорусское возрождение, как и западноевропейское, — движение городское. На базе общего экономического подъема белорусский город в конце XV и начале XVI в. вступил в период своего культурного расцвета.

Белорусское возрождение является отражением роста народного сознания, крепнувшего и развивавшегося в обстановке начавшегося шляхетско-польского католического наступления на «русский» народ. Переводя Библию на язык «простого народа», Фр. Скорына создавал литературный белорусский язык. Он является подлинным его создателем подобно знаменитому реформатору и просветителю Яну Гусу в Чехии и Мартину Лютеру в Германии. Переведя почти все книги Библии, Фр. Скорына предпослал каждой из них введение, характеризующее его философско-теоретические взгляды. Фр. Скорына — верный сын своего народа, стремящийся к его просвещению, отдавший ему все свои силы, чтобы вывести его из того убогого состояния, в котором он находился. Его предисловия к книгам Библии проникнуты рационализмом и критическим отношением к библейским легендам. Они интересуют его только с точки зрения морали. Фр. Скорына высоко ценил научное знание и хотел видеть свой «просты» люд просвещенным¹.

Фр. Скорына называет свой язык «русским языком», противопоставляя ему «язык славянский». М. Вовк-Леванович, тщательно исследовавший язык перевода Библии Скорыны, приходит к правильному выводу, что «живая белорусская речь эпохи Скорыны в большинстве своих характерных черт — фонетики, морфологии и словах была такой же, какой мы её знаем теперь»².

Этот вывод очень ценен для исследователя этногенеза белорусского народа. Язык Скорыны — язык «посполитых людей», как единого этнического целого, язык «русский».

Превосходным памятником книжного белорусского языка и белорусской феодальной культуры является юридический кодекс феодального права, известный под именем Литовского статута 1529 года. Польские исследователи начиная с Тадеуша Чацкого в начале XIX в. пытались доказать, что статут 1529 г. является памятником польской юридической культуры XVI века³. Польским исследователям во что бы то ни стало надо было доказать польский характер статута 1529 г., чтобы подчеркнуть, что Русь (Белоруссия и Украина) уже в это время находилась в сфере влияния польской культуры. Эта тенденциозная точка зрения, усиленно поддерживаемая и польской литературой послевоенного периода, опровергается исследованиями русских историков и историков-юристов, таких, как Ф. И. Леонтович⁴, Н. А. Максименко⁵, И. И.

¹ Владимир П. «Доктор Франциск Скорына, его переводы, печатные издания и язык». СПб. 1889; Петухов Ч. М. «Францешек Скарына и яго літаратурная дзейнасць»; Пічета В. «Бялорускае адралженье у XVI сталець». «Друк на Беларусі у XVI и XVII сталецьня» (1776 — 1926); Воук-Левановіч Ч. Я. «Мова выданьву Францішка Скарыны»; Шчакаціхін «Гравюры і кніжныя адзобы у выданьнях Францішка Скарыны». Все эти работы напечатаны в сборнике «400-лецьце Беларускага друку». Менск. 1926

² «400-лецьце Беларускага друку», стр. 383.

³ Czacki T. «Ohitewskich i Poolskich prawach w Krakowie». 1861.

⁴ Леонтович Ф. «Русская Правда и литовский статут». Т. II, VI. Киевский университет. 1865.

⁵ Максименко Н. «Русская Правда и литовский статут». Киев. 1904.

Лаппо¹, не раз отмечавших, что в основе статута 1529 г. лежит феодальное право Руси — «Русская Правда».

Равным образом и автор этих строк, изучая институт опекунского права в Литовском статуте, также видит в Русской Правде основной его источник. Судебные решения по делам об опеке лишь развивали и уточняли юридические нормы Русской Правды².

Огромной заслугой русских учёных является разрушение легенды, созданной старопольскими шляхетскими учёными о господстве норм польского права в Литовском статуте 1529 года. Правда, шляхетско-польские учёные обычно не обращают внимания на исследования русских учёных и возрождают отвергнутые научными исследованиями их не обоснованные выводы. Так, Ст. Эстрейхер³ и самоуверенный А. Брюкнер⁴, профессор Берлинского университета, пытаются возродить старопольскую оценку Литовского статута. Статьи обоих шляхетско-польских учёных не были случайными. В это время правительство пилсудчиков готовилось к захвату Литвы.

Язык Литовского статута до сих пор оставался вне поля зрения специалистов-лингвистов, но общая его характеристика дана Е. Ф. Карским. Изучение лексики, фонетики и морфологии языка Литовского статута привело Е. Ф. Карского к выводу, что он «в общем сходен с языком других западноевропейских памятников XVI в., хотя в статуте полонизмов вообще больше, нежели в других произведениях. Но следует помнить, замечает Е. Ф. Карский, что эти полонизмы только лексического характера, но не в фонетике и морфологии (за малыми отступлениями), чем главным образом определяется язык памятника»⁵. Е. Ф. Карский правильно отметил наличие полонизмов в языке Литовского статута, но не дал объяснения причины этого. Между тем внедрение полонизмов в язык статута — отнюдь не случайное заимствование отдельных слов для выражения тех или других юридических норм. Полонизмы в языке статута — результат начавшейся полонизации феодальной литовской верхушки, а вместе с тем и полонизации феодальных белорусских верхов. Правда, эта полонизация была пока в зародыше. Белорусские феодалы ещё считали себя «русскими» и были православными, но развитие феодально-крепостнических отношений объединяло их с литовской феодальной верхушкой.

Общепризнано рассматривать XVI в. в истории Белоруссии как «золотой век» в развитии письменности на белорусском языке, как оригинальной, так и переводной, а также и церковной проповеди. Церковнославянский язык ещё применялся при отправлении религиозного культа, но в письменности его вытесняет белорусский язык в книжной обработке. Эта белоруссизация письменности — основное явление в литературном движении в Белоруссии XVI в., начало которого было положено Фр. Скорыной из Полоцка.

Язык белорусской письменности, достигший высокого развития в XVI в., разумеется, отличался от живой народной речи «простых людей», хотя фонетически и морфологически был белорусским. Этот книжный язык образовался на основе старославянского языка, который становился уже непонятным для феодального класса и поэтому нуждался в известной модернизации — упрощении и сближении с живым народным языком. Однако рядом с письменностью на книжном языке появляется письменность на белорусском языке, в основу которой положен язык «простых людей». Авторы подобных произведений предназна-

¹ Лаппо И. «Литовский статут 1588 г.» Т. I—II. Каунас. 1934—1936.

² Пичета В. «До історії опекуньскаго права». Сборник статей в честь Д. Я. Багалая.

³ «Kultura staropolska», str. 72—73. Kraków. 1932.

⁴ Ibidem, str. 712.

⁵ Карский Е. Указ. соч. Т. III, Ч. 2-я, стр. 12.

чают их не для феодального класса, а для «простых людей». Эта письменность нового типа вышла из лагеря протестантов.

Пропагандисты протестантизма стремились вовлечь в сферу своего влияния широкие народные массы. Им надо было разъяснить, что собой представляет протестантизм, как система вероучения. С этой целью известный протестантский деятель Симон Будный, принадлежавший к арианству, левому направлению в протестантизме, напечатал в 1562 г. «Катихизис», то есть «наука стародавняя христианская от светого писма для простых людей языка Русского в питаннях и отказах собрана». Язык «Катихизиса» Симона Будного отличается от языка иных памятников письменности XVI века. В нём нет полонизмов. Он подлинно живой язык со всеми фонетическими и морфологическими особенностями белорусского языка.

Для иллюстрации приведу несколько наугад взятых слов: «аглашэньне» — оглашение, «учэніе» — ученье, «учаніцы» — ученики, «ця пер» — теперь, «чыняць» — чинят, «наўчыўшы» — научивши, «дьябал» — дьявол, «абычаю» — обычно, «межы» — между, «чалавэкам» — человеку, «учыці» — учить, «верылі» — верили, «людзей» — людей, «в дзяцінстве» — в детстве, «міластыня» — милостыня, «вадою» — водою, «спушчалі» — спустили, «імяньня» — имения, «рызы» — ризы, «колакалы» — колокола, «навучаюць» — учат, «праўда» — правда, «знаюць» — знают, «прад» — пред, «вучыці» — учить, «хацелі» — хотели, «инача» — иначе, «законьнікі» — законники, «сабе» — себе, «лякарства» — лекарство, «шукаў» — искал, «пастарал» — пастораль, «божае» — божье, «чаго ж» — чего же, «водзіцы» — водить, «ня» — не, «дзяржали» — держали, «жили» — жили, «ісціны» — истины, «шырэі» — шире, «будзець» — будет, «напатом» — потом, «жаждушчыя» — жаждущие.

Приведённые нами слова, взятые из «Предисловия» к «Катихизису» Симона Будного, свидетельствуют об установившемся начертании звуков, вполне отвечающем фонетическим особенностям живой белорусской речи. Её фонетические особенности: аканье, дзяканье, локанье и др. — отражены в языке Симона Будного. В «Катихизисе» Симона Будного нет того неустойчивого звучания, столь свойственного Литовской метрике конца XV и начала XVI века. Таким образом, язык «Катихизиса» Симона Будного наглядно свидетельствует о закончившемся процессе формирования белорусского языка на общерусской основе. Поэтому можно утверждать об образовании белорусской народности к половине XVI века. В то же время в Белоруссии формирование книжного языка было двусторонним. С одной стороны, язык старославянской письменности секуляризировался и приближался к народной речи с её фонетическими и морфологическими особенностями. Он становился языком класса феодалов. С другой стороны, живой народный белорусский язык был представлен книжным языком Симона Будного. Литературный опыт Симона Будного был едва ли не единственным.

Протестантское движение не проникло в глубь народных масс. В связи с этим не появлялось новых книг на подлинном живом белорусском языке. Протестанты обратили всё своё внимание на класс феодалов. Естественно, что другой представитель арианского толка, полоцкий шляхтич Василий Тяпинский, при переводе евангелия польского на белорусский, использовал язык тогдашней феодальной письменности, а не народный язык. Прав Н. Янчук в своей характеристике языка Василия Тяпинского: «Язык Тяпинского не чисто народный, а книжный, но он далеко отошёл от церковно-славящины и много принял в себя местных элементов не только белорусских, но подчас и польских. Но он весьма приближается к тогдашнему народному белорусскому языку. По мнению Н. А. Янчука, в переводе евангелия Василием Тяпинским «мы видим наилучший образец тогдашнего белорусского языка образованных сословий белорусского общества, которое не отрекалось от своего родного сло-

ва»¹. В условиях феодального общества, конечно, не мог образоваться литературный белорусский язык на народной основе. Только после отмены крепостного права, когда в связи с развитием капиталистических отношений создавались предпосылки для формирования белорусской нации, начался процесс формирования белорусского литературного языка на основе живого народного языка. Вся новейшая художественная литература во второй половине XIX в. начиная с её основоположника Фр. Богушевича отражала процесс создания подлинного белорусского литературного языка, богатство и красота которого нашли столь яркое отражение в блестящем поэтическом творчестве народных поэтов — покойного Янки Купалы и ныне здравствующего Якуба Коласа. Несмотря на все неблагоприятные культурно-политические условия развития Белоруссии белорусский народ сохранил свой язык, столь богато представленный в разнообразных памятниках народного творчества.

Подведём некоторые итоги нашего исследования.

Хотя белорусский народ находился с русским народом в одном государстве под властью царского правительства, тем не менее в дворянско-придворных кругах существовало смутное представление о том, что собой представляли белорусы в этническом и языковом отношении. Однако русские исследователи уже в первой четверти XIX в. установили генетическую связь старобелорусской письменности с древнерусской письменностью. Чешский славист П. Шафарик со свойственной ему чёткостью и обоснованностью отнёс белорусов к русской ветви славянства. Общие наблюдения Шафарика были проверены русскими славистами-библиографами, которые, изучая рукописное богатство, сохранившееся от прошлой жизни белорусского народа, пришли к выводам о единстве происхождения русского и белорусского языков. В то же время историки показали исконные исторические связи Западной Руси с восточной, отмечая единство земли Русской, сохранившееся вплоть до монголо-татарского нашествия, когда, по меткому выражению В. О. Ключевского, произошёл разрыв единой русской народности. Материалы белорусского народного творчества, тщательно собираемые специалистами-фольклористами, показали культурную и языковую близость белорусов к русскому народу, а вместе с тем опровергли представление националистических кругов, будто Белоруссия есть только географический термин.

Опубликование многочисленного и разнообразного актового материала, а также изучение истории великого княжества Литовского и истории северо-западных русских земель с древнейших времён до начала XIV в., а также развитие общего славяноведения позволили поставить вопрос об этногенезе белорусского народа и его языка. В этом отношении большие заслуги принадлежат академику А. А. Шахматову и Е. Ф. Карскому, труды которых взаимно дополняли друг друга. Если внимание А. А. Шахматова было сосредоточено на изучении славянских передвижений, то Е. Ф. Карский изучает период, начиная с окончательного оседания тех славянских племён, которые составили этническую основу белорусского племени вплоть до вхождения Западной Руси в состав великого княжества Литовского, в пределах которого завершился процесс формирования белорусского народа. Теоретические положения Е. Ф. Карского были усвоены его продолжателями, которые, однако, не вышли за пределы мнений, высказанных виднейшим белоруссоведом. Поэтому вопрос об этногенезе белорусского народа нуждался в пересмотре и новом научно-теоретическом обосновании с широким использованием тех общих наблюдений, к которым пришли А. А. Шахматов и Е. Ф. Карский.

Изучение поставленного вопроса позволяет отметить три момента в процессе образования белорусского народа, а именно: а) время освоения

¹ Янчук Н. «Нарысы по гісторыі Беларускай літаратуры. Старадаунны перыяд», стр. 37. Менск. 1932.

территории Белоруссии славянскими племенами, б) период феодальной раздробленности и в) период после разрыва единой русской народности.

Изначальным моментом процесса формирования белорусской народности, окончательное сложение которой следует отнести ко времени нахождения Западной Руси в составе великого княжества Литовского, является период установления экономических связей между отдельными областями, которые содействовали исчезновению этнического множества и образованию этнического единства народа. Ещё до периода феодальной раздробленности на общерусской лингвистической основе на территории Белоруссии возникли местные говоры, но в культурном отношении западнорусские земли были органически связаны с остальными русскими землями.

Процесс формирования белорусской народности неотделим от процесса образования белорусского языка на базе слияния местных говоров. Сравнение языка «Слова о полку Игореве» с современным белорусским языком устанавливает генетическую связь между общерусским языком этого замечательного поэтического памятника и белорусским языком.

Параллельно формированию белорусского языка создавался и книжный язык на основе староцерковно-славянской письменности с усвоением белорусской фонетики и морфологии. Творцами этого книжного белорусского языка были писцы великокняжеской канцелярии, переводчики отдельных произведений польского и чешского происхождения, составители оригинальных сочинений. Этот книжный язык был языком белорусских феодалов. В половине XVI в. протестант арианского толка Симон Будный опубликовал «Катихизис» на белорусском языке на основе тогдашнего живого белорусского языка с его «аканьем», «дзеканьем» и другими его фонетическими особенностями. Однако язык Будного не стал языком класса феодалов, и переводчик евангелия Василий Тяпинский пользуется обычным книжным языком. Формирование литературного белорусского языка на основе живого народного языка было связано с развитием новой художественной литературы во второй половине XIX в. в условиях развития капиталистических отхождений в Белоруссии.

КРЕСТЬЯНЕ-НОВОПОРЯДЧИКИ

Академик Б. Греков

Едва ли я ошибусь, если скажу, что вопрос о крестьянах-новопорядчиках привлекал в нашей литературе наибольшее внимание, никогда не снимался с очереди, всегда вызывал много разноречивых соображений и до сих пор продолжает приковывать внимание исследователей.

Для историков, считавших бродячее состояние крестьянства исконным и долго непрекращающимся, вопрос о «поряде» не мог не быть центральным, так как, по их мнению, только порядок делал на тот или иной срок крестьянина оседлым, сообщая бесформенной кочующей массе юридические признаки.

Б. Н. Чичерин, крепко веривший во «всеобщее брожение по всей Русской земле», изображал крестьян временными жильцами в той или иной вотчине. Понятно, что вотчинник, пишет он, «...старался удержать у себя поселённых на его земле хлебопашцев и перезвать к себе новых поселенцев... Но при бродячем духе народонаселения удержать их было невозможно... Князья были собственно владельцами земли, а подданных у них не было»¹. Крестьянская порядна есть договор «найма земли поселенцем».

В. О. Ключевский в своих рассуждениях о крестьянстве очень последователен. Его утверждение, что крестьянин «исстари» селился на чужой земле, покоится на свособразном понимании возникновения частного землевладения. Автор представляет дело так: дружинник занимал ненаселённую землю и по собственной инициативе заселял её рабами². Первоначальным рабочим населением боярских вотчин была челядь, руками которой землевладельцы эксплуатировали свои земли. Но чем более развивалось боярское землевладение, тем больше привлекали бояре на свои земли хлебопашцев из свободного населения. Эти хлебопашцы получали от землевладельцев ссуду на обзаведение и земельные участки в пользование, которые обрабатывали барским скотом и барскими орудиями, за что работали на землевладельца. Смерд, по определению В. О. Ключевского, есть «вольный хлебопашец, живший на княжеской земле». Смерды — это население государственной земли; закупы и рабы — население частновладельческих земель³.

Таково логически стройное, но не обоснованное фактами построение В. О. Ключевского. Он не допускает мысли, что боярин стал боярином потому, что он овладел населённой землёй и заставил работать на себя сидевшего на этой земле смерда, которого склонен был трактовать так же, как и своего раба. В. О. Ключевский не считается с наличием в «Русской Правде» смерда, зависимого от землевладельца — не князя. Владельческими крестьянами он считает только закупов.

Отсюда вытекает и понимание владельческого крестьянина московского времени как привлечённого на частновладельческую землю свободного арендатора. По мнению Ключевского, в московское время только крестьяне чёрные и дворцовые живут на государевой земле, а «крестьяне крепостные — это поселившиеся на землях частных владельцев обыкновенно со ссудой на сельскохозяйственное обзаведение и состояв-

¹ Чичерин Б. «Опыты по истории русского права», стр. 175—176, 199 и др.

² Ключевский В. «История сословий в России», стр. 42, 1913.

³ Там же, стр. 49—50.

шие в личной крепостной зависимости от них, но не прикрепленные ни к своим земельным участкам, ни к сельским обществам»¹.

«Крестьянин был вольный хлебопашец, сидевший на чужой земле по договору с землевладельцем». Подразумевается договор аренды. «Условия этого арендного договора излагались в порядных грамотах или записях». После рассмотрения содержания порядных автор приходит к следующему окончательному выводу: «Итак крестьяне XVI в. по отношениям своим к землевладельцам были вольными и переходными арендаторами чужой земли, государевой, церковной или служилой».

В XVI в. крестьянство, по Ключевскому, ещё не было сословием. «Оно было тогда временным вольным состоянием, точнее, положением». «Существенную его особенность составляло занятие (разрядка автора. — Б. Г.): вольный человек становился крестьянином с той минуты, как «наставлял соху» на тяглом участке, и переставал быть крестьянином, как скоро бросал хлебопашество и принимался за другое занятие». «В XVI в. поземельное тягло падало не на крестьянина по тяглой земле, а на самую тяглую землю, кто бы ею ни владел и кто бы её ни обрабатывал»².

За Ключевским шли многие исследователи. Между ними и Г. Ф. Блюменфельд, поставивший себе специальную задачу изучить формы землевладения в древней Руси. Он повторяет ту же мысль («закупень превратился в крестьянина, сидевшего на владельческих землях»³) и признаёт, что частная собственность на землю возникла очень рано. По его мнению, она возникла «путём свободной заимки». Эту занятую пустую землю заимщик культивировал при помощи «наёмного труда»⁴. Сам автор приходит в недоумение от своего собственного вывода. «Но откуда взялись, — спрашивает автор, — в ту отдалённую эпоху лица, согласившиеся работать на другого, в то время, когда земли было такое обилие, и каждый из них мог сделаться самостоятельным хозяином?» Отвечает на этот вопрос он так: бояре-де и дружинники занимали пустую землю и имели скот и земледельческие орудия, а бедные люди имели только рабочие руки. Естественно, — продолжает он, — между ними (этими двумя категориями людей. — Б. Г.) должно было установиться известное отношение. Бедняки, не имевшие скота, поряжались работать на богача, расчищать ему землю за известную долю произведений (копа) или за известное количество скота (отарица), получая при этом подмогу деньгами, скотом и земледельческими орудиями». «Земледелец был съёмщиком скота, который сдавал боярин»⁵.

Нельзя не признать, что в рассуждениях автора есть доля истины. Мы не можем отрицать ни наличия в известное время бедняков, нуждавшихся в заработке, ни богачей, владеющих, между прочим, и скотом и нуждавшихся в рабочих руках. Но суть вопроса всё же не в этом. Блюменфельд не объясняет, каким путём появились бояре, в чём заключалось их основное богатство.

Он никак не хочет допустить, чтобы кто-либо из князей и окружавшей их знати мог покуситься на общинную землю, издревле обрабатываемую смердами, и на самих смердов-земледельцев.

Довольно близко к В. О. Ключевскому примыкает и М. А. Дьяконов. Он уверен в том, что крестьянин московского времени происходит от разорённых и обезземеленных смердов, вынужденных садиться на чужую землю: «Процесс обезземеления мелких собственников-смердов привёл к тому, что в московское время масса сельского населения не имела соб-

¹ Ключевский В. «История сословий в России», стр. 96. 1913.

² Ключевский В. «Курс русской истории». Ч. 2-я, стр. 369—370. 372—374. 1906.

³ Блюменфельд Г. «О формах землевладения в древней Руси», стр. 103. 1884.

⁴ Там же, стр. 100.

⁵ Там же, стр. 101.

ственных участков и проживала на чужой земле в качестве арендаторов»¹.

Для определения условий крестьянской аренды в распоряжении историка имеются порядные записи. «Сущность крестьянского порядка состояла в том, что порядчик нанимал хозяйственный (преимущественно, пашенный) участок и за то принимал на себя ряд обязательств в отношении хозяина или волости».²

М. С. Грушевский решает вопрос о появлении зависимого крестьянства в крупных вотчинах в том же направлении.

Даже Н. П. Павлов-Сильванский, совершенно правильно трактовавший проблему о смердах, признававший наличие двух категорий смердов (зависимых от землевладельцев и независимых), считавший зависимого смерда полусвободным, т. е. крепостным, настаивавший на процессе обояривания общины и на существовании общин под властью боярина, касаясь вопроса о появлении и расширении крупного землевладения, на первое место ставит захват крупными землевладельцами пустопорожней земли: «Крупные землевладельцы захватывают пустующие не возделанные земли (разрядка моя.—Б. Г.), обрабатывают их частью силами своих холопов, частью силами крестьян, которых привлекают на свои земли денежными ссудами и льготами в уплате налогов». Правда, тут же Павлов-Сильванский указывает и на другие способы образования и расширения боярщины: 1) крупные землевладельцы «скупают участки возделанных земель от членов свободных волостных общин»; 2) захватывают такие участки силой; 3) получают от власти в виде пожалования: «Князья с течением времени упрочивают свою высшую власть над территориями общин, которая первоначально была вполне номинальной, и распоряжаются общинными землями, отдавая их во владение своим слугам, боярам и монастырям. Они раздают общинные земли целыми волостями и отдельными сёлами... Некоторые общины и отдельные крестьяне добровольно отдавались во владение боярам...»³

Когда именно князья упрочили свою власть, мы точно сказать не можем, но мы прекрасно знаем, что киевские князья обладали достаточно крепкой властью и в одинаковой мере распоряжались землёй, как населённой, так и ненаселённой.

Но ведь Киевское государство и докиевские государственные образования могли возникнуть только при наличии знати, которая при условии господства земледелия в стране не могла быть иной, как только землевладельческой. Здесь разумеется владение землёй, населённой: землевладелец владел землёй и людьми, её обрабатывающими. Неизбежное наличие у крупных владельцев и пустопорожних пространств сути дела не меняет.

Не может быть ни малейшего сомнения в том, что Русь развивалась так же, как и другие европейские страны, что Русь знала процесс феодализации и те же феодальные отношения. А могущество феодала всех стран основывалось всегда на его «подданных», основную массу которых всегда и везде составляли крестьяне.

Крестьянин, член общины, не мог иначе попасть в положение «подданного», как только путём внеэкономического принуждения. В то же время процесс освоения смерда — процесс и политический.

Надо отдать справедливость, что и в старой нашей литературе вопрос разрешался не всегда так, как его решали В. О. Ключевский, М. А. Дьяконов и их последователи.

В. И. Сергеевич не высказывается по этому вопросу до конца, по-

¹ Дьяконов М. «Очерки общественного и государственного строя древней Руси», стр. 324, 1910.

² Там же, стр. 338.

³ Павлов-Сильванский Н. «Феодализм в удельной Руси», стр. 247. 1910.

сколько он стоял перед ним в другой плоскости, но самый подход к его разрешению у Сергеевича несколько иной.

В. И. Сергеевич начинает своё исследование о крестьянах с определения содержания этого термина. Термин «крестьянин», по его мнению, обозначает «земледелца, занимающего определённый участок земли и живущего своим домом, своим хозяйством». «С какого времени со словом «крестьянин» стало соединяться такое понятие, этого за недостатком источников мы определить не можем, но во всех досшедших до нас памятниках старины (с XIV века. — Б. Г.) слово это употребляется именно в этом смысле».

В. И. Сергеевич не говорит о том, в каком соотношении он представляет себе крестьян и смердов. Но по его определению понятия «смерд» видно, что принципиальной разницы между смердом и крестьянином он не видит. Смерды—это «сельское население, занимавшееся возделыванием земли». Смерды в Пскове, по его мнению, сидят на землях землевладельцев.

А так как «бояре,—по определению того же автора,—суть поземельные собственники»,¹ то можно думать, что В. И. Сергеевич представляет смердов-крестьян земледелцами, живущими на землях бояр и других земельных собственников, в том числе и князей. Как они очутились на частновладельческой земле, куда девалась та земля, на которой они сидели до возникновения боярского землевладения, В. И. Сергеевич, за недостатком источников, не говорит. Но ведь есть проблемы, которые и при отсутствии прямых источников могут быть освещены на основании сравнительного материала, хотя бы и гипотетически.

Ведь никто не будет изображать дело так, что история сельского хозяйства началась с освоения земли боярством. Смерд начал пахать землю за много столетий до появления боярства, пахал на себя и на своих родных, не зная над собой никого, кому он был бы обязан принудительно отдавать часть своего труда или продукта. Сидел он на земле, которую в той или иной степени считал своей. Как же случилось, что он её потерял и превратился в «арендатора»? Эти вопросы действительно требуют своего освещения. Без их решения мы ничего не поймём ни в истории крестьянства, ни в истории боярства.

Совсем иначе представляют историю крестьян вообще и крестьян-новопорядчиков те исследователи, которые наличие и древность крестьянских общин не считают сюжетом мифологическим.

М. Ф. Владимирский-Буданов решительно заявляет: «все... частные имущества (боярские сёла. — Б. Г.) развиваются главным образом на счёт свободных волостных земель». Волостные земли — это земли общинные, позднее ставшие государственными. Светские вотчинники, как выражается автор, вторгались в середину чёрных волостей и постепенно разрушали их. Великокняжеские, княжеские, монастырские вотчины «иногда по происхождению своему были не что иное, как чёрные волости, обращённые в частную собственность». Но автор не решается из своего совершенно правильного обобщения сделать вывод, что сельское население этих освоенных общин есть исконное свободное крестьянство, которое и составляет основную массу населения, попадающего в зависимость от князей, бояр, церкви и других привилегированных землевладельцев при освоении этих волостных земель феодалами. Вместо этого он говорит о другой категории населения вотчин, игнорировать которую, конечно, тоже нельзя: о «пришлом населении», иначе «о переходных поселенцах», правовое положение которых определяется «рядными записями»².

¹ Сергеевич В. «Русские юридические древности». Т. I, стр. 181, 205, 338. 1902.

² Владимирский-Буданов М. «Обзор истории русского права», стр. 138—139. 1907.

Значительно более чёткую и, как мне думается, более правильную позицию в данном вопросе занял К. А. Неволин.

«Первоначальное происхождение поземельной собственности в России принадлежит временам той отдалённой древности, в которую не проникает свет истории». Частная собственность на землю у нас существовала ещё до пришествия варягов. Вотчинниками в это время были «постоянные оседлые жители княжеств». Служилое и церковное землевладение возникло позднее. «Частные лица в самые древнейшие времена, не сомнительно, обладали у нас поземельною собственностью, и нет никакой причины принимать, чтобы вся эта поземельная собственность или даже большая часть её была приобретена ими от князя». «Право обладать поземельной собственностью не принадлежало исключительно или преимущественно некоторым разрядам свободных состояний».¹

К сожалению, рамки специального труда К. А. Неволлина не позволили ему высказаться более подробно по вопросу, нас интересующему. Во всяком случае, признание права земельной собственности с древнейших времён за всеми классами общества неизбежно ведёт к признанию этого права прежде всего за теми, кто непосредственно сидел на земле и её обрабатывал, т. е. за земледельцами-крестьянами. Так и пишет К. А. Неволин, что освоение земли отдельными лицами наиболее соответствовало положению народа, который получал своё пропитание главным образом от земледелия и звероловства.²

Освоение земли княжеской дружиной и церковью автор считает явлением более поздним. Он, надо думать, не возражал бы против положения о том, что дружинники и церковь осваивали землю не только пустую, а и населённую теми самыми земледельцами-крестьянами, о которых и говорил К. А. Неволин.

Но и К. А. Неволин, когда подходит вплотную к проблеме найма имуществ, говорит о крестьянах в такой форме, что и его, пожалуй, придётся зачислить в категорию тех авторов, которые крестьянина считают съёмщиком чужой земли. «Наём земель и угодий крестьянами, — пишет он, — в древние времена имел несколько видов: 1) наём половнический; 2) содержание из платежей определённого оброка; 3) производство сельских работ с правом на известную часть произведений земли; 4) то же, но с предварительным притом ещё займом денег и хлебных зёрен, который обеспечивался свободою работника».

Нетрудно догадаться, что под вторым видом «найма земли» автор подразумевает наём земли по порядной крестьянской записи. Однако из вышеприведённых рассуждений автора видно, что он не склонен всех крестьян считать съёмщиками чужой земли.

Из этого далеко не полного обзора литературы по данному вопросу совершенно ясно видно, что большинство исследователей считало зависимых крестьян Московской Руси арендаторами чужой земли, в своё время пришедшими к землевладельцам со стороны и вступившими с ними в договорные отношения (подразумевался тот же договор аренды).

Понятно, почему и вопрос о крестьянах-новопорядчиках принял такой острый характер. «Условия крестьянской аренды» должны были разрешить и характер отношений между землевладельцем и земледельцем, приведших, в конечном счёте, к закрепощению крестьян. М. А. Дьяконов так и пишет: «Для выяснения той почвы, которая подготовила появление указа 1597 года, необходимо ближе познакомиться с условиями крестьянской аренды»³. А так как М. А. Дьяконов вслед за В. О. Ключевским верил в то, что крестьян закрепостила их задолженность, то, естественно, он, как и все его последователи, основное внимание уделял

¹ Неволин К. «История российских гражданских законов». Т. II, стр. 126—133. 1851.

² Там же, стр. 127.

³ Дьяконов М. Указ. соч., стр. 338.

вопросу о подмоге или ссуде, которую крестьянин часто брал у землевладельца при порядке.

Сторонникам крестьянской задолженности, как основания крестьянского закрепощения, важно было показать, что задолженность весьма распространена и что выплата долга для крестьян представляет непреодолимые затруднения. Но М. А. Дьяконов всегда очень точен, и факты заставляют его признать, что степень распространённости крестьянской задолженности остаётся всё же неизвестной¹. «Как широко была распространена эта задолженность, с точностью сказать, конечно, нельзя». «Но скорее надо предполагать, — спешит прибавить автор, — что она составляла довольно обычное явление».

Я и не собираюсь возражать М. А. Дьяконову. Действительно, задолженность крестьянина — явление обычное. Но мне хочется отметить, каким путём М. А. Дьяконов доказывает этот тезис. «Это подтверждает, — пишет он, — подробные правила Псковской грамоты о взыскании покрупы. На то же указывают нередкие упоминания московских памятников о крестьянских долгах и крестьянах-серебренниках»,² т. е. автор берёт для доказательства своего тезиса не факты крестьянской задолженности, а условия порядка серебренников, одной из специфических прослоек сельского и городского населения, которое поступало в зависимость именно через «долги».

Предполагая, что таким аргументом тезис доказан, автор старается показать последствия этой задолженности для крестьян. «Невозможность... расплатиться с долгами заставляла таких должников и против воли оставаться за землевладельцами-кредиторами, если те соглашались терпеть у себя неаккуратных должников в положении крестьян. Последние за эту милость принимали на себя новые обязательства в форме новых или увеличенных барщинных повинностей». Отсюда фактическая невозможность для крестьянина пользоваться своим правом «выхода» и превращение факта в право.

Так объясняет М. А. Дьяконов появление и судьбу «старожильцев». «Именно таким путём крестьяне старинные, или старожильцы, образовали первую группу владельческих крестьян, утративших право перехода в силу давности или старины. Это первые наши крепостные крестьяне»³ (разрядка моя. — Б. Г.).

Несоостоятельность такого понимания как сущности, так и происхождения старожильцев очевидна. Но напомнить эту теорию, столь распространённую ещё в недавнее время, необходимо именно здесь в связи с вопросом о крестьянах-новопорядчиках.

Крестьяне-новопорядчики — это разновидность поступающих на сельскую работу обедневших людей, и безоговорочно смешивать их с массой тяглого полноценного крестьянства, этой основы хозяйственной и политической жизни всей страны, нет оснований. Несомненно, что часть новопорядчиков по истечении своих льготных годов вливается в состав тяглых крестьян. Но это обстоятельство не позволяет нам забывать того, что в каждый данный момент в Московской Руси, так же как и в Литве (конечно, в известное время и в других странах), существуют две основные категории сельского зависимого населения: крестьяне непохожие (старожильцы) и крестьяне похожие (новопорядчики).

Юридическую природу крестьянина-новопорядчика действительно можно изучить по порядным записям. Мы и должны это сделать, только с определённой оговоркой о том, что условия порядка определяют положение только одной разновидности зависимого сельского населения. Необходимо помнить, что состояние новопорядчика временное. По истечении льготных лет он может стать крестьянином, равным по своему поло-

¹ Дьяконов М. Указ. соч., стр. 346.

² Там же.

³ Там же, стр. 348.

жению крестьянину-старожильцу. До этого момента он от крестьянина-старожильца отличается.

Самая ранняя порядная, на которую ссылается и М. А. Дьяконов, помещена в судном деле по жалобе Николаевского Корельского монастыря на крестьян Першу Трубина и Онисима Васильева, занявших монастырскую землю.

В этом интересном деле 1571 года фигурировало в виде доказательств несколько грамот, среди них и порядная отца Перши Трубина, Елизария Фёдорова сына Трубина, 1544 года.

Истец настаивал на том, что, когда Елизарий Трубин поряжался, у него не было с в о е й земли. Ответчик настаивал на том, что и его отец и он сам сидели и сидят на «с в о е й земле» (разрядка моя.—Б. Г.). Судьи велели прочитать порядную. В ней написано: «Се яз Елизарей Фёдоров сын Трубин, лисеостровец, порядился есми Тимофею и Барсану Селиверстовым детям в Карзину курью великого князя, а своего ж владенья: от Елизара шло 5 вервей, а другая 5 вервей шла от Онтонна и от Ивана, от их же сродчев. И яз Елизар порядился на всю 10 вервей. А сеяти мне на них 6 пудов жита уроком. А приедуть писци великого князя, и мне Елизару и моим детем на той земли не описыватися. А на то послуши (идёт перечень). Лета 7052 генваря в 28 день». Судьи спросили Першу, Елизарова сына, давал ли эту порядную на себя его отец. Сын ответил утвердительно и тут же снова прибавил: «да и тогда, государь, у отца моего земля была ж с в о я, и яз, государь, с в о е ю з е м л ё ю и владею, а тою, государь, яз землёю не владею, которая земля в порядной писана». Тимофей и Барсан Селиверстовы дети — это небольшие северного типа крестьяне-землевладельцы, в пользу которых отказал часть своей земли отец ответчика Перши, в доказательство чего он привёл «отступную запись» 1537 года¹.

Абсолютно нет никаких сомнений в том, что Елизарий Трубин не подходит под тот обычный тип обедневших людей, которые вынуждены садиться на чужую землю, брать у хозяина ссуду и льготы. Это человек, не столько потерявший возможность исполнять лежащие на его земле государственные повинности, сколько не желавший их выполнять, поэтому он и решил «отступиться» от половины своих владений, во всяком случае, — человек достаточно обеспеченный, чтобы вести своё собственное хозяйство. Можно сказать больше: «отступившись» от части тяглого своего участка, он берёт землю на стороне, т. е. не сокращает своего хозяйства.

Елизар Трубин предъявил на суде и «дельную» 1531 г., из которой видно, что он действительно владел значительным имуществом, в том числе и землей, внесённой в писцовую книгу Ивана Петровича². Среди

¹ «Се яз Елизарей Федоров сын да яз Павел Онкиндинов сын отступилися есмя Тимофею да Гаврилу Барсану Селиверстовым детям великого князя земли, а своего владенья, половины своего жеребья. Да и тое яз Елизарей половины отступился земли, что мне отступилися братни дети Онкиндиновы... в Карзине курьи половину во дворех и в дворищах и в орамах землях и в пожнях и в притеребах и в рыбных ловищах и в угодьях, что изстарь потягло от века к той земли. А не измогли есмя великого князя службы служити и дани давати и всяких разрубов земских. И мы взяли себе на посилье у Тимофея да у Гаврила 8 рублёв денег в Московское число. А служба великого князя служити и дань давати и всякие разрубы нам Елизарью да Павлу лета 7046. На то послуши... Лета 7045». «Акты юридические», № 23, стр. 54.

² «Се яз Назарья Офонасьев сын, да яз Есип, да яз Григорей, да яз Валфроломей Филиповы дети, да яз Елизар Федоров сын (подчёркнуто мной.—Б. Г.) да яз Василий, да яз Павел, да яз Иван Онкиндиновы дети, да яз Омос, да яз Онтон, да яз Иван Стефановы дети, да яз Ларион Стефанов сын, разделили семя животы отцов своих: кони и коровы и овцы, хлеб и деньги, котлы и сковороды, и суды, и седла, и весь живот без вывета, и земля в Карзине курьи свое владение, и серебряное. Все земли есмя разделили в Карзине курьи по третям, дворы и дворища (идет перечень)... Елизару досталась с Онкиндиновыми детьми четверть црена и с росолом... Да платье есмя разделили. Не в делу у нас вобчеге живота осталось: на луды двор да лодья с якорем, да шейма и вся снасть, да парус, да мерин; да в Ислохом конце деревня, Омосова купля,

имущества тут названы: скот, црены, суда, рыбные ловли. Это человек, во всяком случае, не бедный. Берёт он по порядной землю не от бедности, он не поступает на работу к хозяину, а поряжается пахать чужую землю на известных условиях, очевидно, выгодных для него самого. Чтобы его не смешали с обычного типа крестьянином-новопорядчиком, он вносит в порядную совершенно ясную оговорку, никогда в крестьянских порядных не встречающуюся: «а приедут писцы Великого князя, и мне Елизару и моим детям на той земли не описыватися»¹. В этой оговорке он видит гарантию от включения его в крестьянское тягло.

Перед нами действительно договор аренды, где арендная плата заменена частью продукта. М. А. Дьяконов, считающий каждого крестьянина арендатором, имел основание и эту порядную 1544 г. отнести к числу крестьянских порядных. Мы этого основания не находим, так как в крестьянине-новопорядчике видим прежде всего «человека, вынужденного искать пристанища («крестьянские пристани», как выражается одна псковская крестьянская порядная², у состоятельного хозяина, заинтересованного в приобретении рабочих рук. Часть крестьян-новопорядчиков по истечении льготных лет превращалась в старожильцев, часть, просидев некоторое время «во крестьянях», уходила искать нового счастья у другого хозяина. Ведь закон Судебников говорил о праве крестьянина-новопорядчика совершенно ясно: «А которой христианин поживёт за кем год да пойдёт прочь... а два годы поживёт да пойдёт прочь... а три годы поживёт, а пойдёт прочь...»³.

В нашем распоряжении достаточно материалов для того, чтобы убедиться, что крестьяне-новопорядчики, «походячие», по терминологии западно-русского права, пользуются своим правом временного пребывания в крестьянстве.

Кандидаты в кабальное холопство рассказывают свои биографии и довольно часто упоминают о том, что они успевали иногда побыть и в крестьянстве. Вот, например, Антонида, Федотьева дочь, Назарьевская жена «в роспросе сказала: не служивала (по служилой кабале, подразумевается) ни у кого, жила во крестьянях»⁴. Никифор Иванов сын «в роспросе сказал: не служивал ни у кого, жил во крестьянях за Фёдором за Кур... ным»⁵. Григорий Фёдоров сын Иванов «в роспросе сказал: жил, господине, преж сего во Ржеве у Григорья у Мольянинова во крестьянях»⁶. То же самое говорил о себе и Ондрюша Кузьмин сын: он «не служивал ни у кого, жил во крестьянях в Прибужском погосте за Ортемьем за Опалевым»⁷. «Не служивал ни у кого, жил во крестьянях в Вотцкой пятине за Лобаном за Лугменевым в Бутковском погосте», сказал о себе Кузьма Никитин сын⁸. Таких фактов можно привести и больше. Все они говорят о том, что в биографиях определённого круга людей пребывание во крестьянстве — явление временное и довольно частое.

Это люди всё бедные: кто из них до поступления в кабальную службу «ходил по казаком, коровы пас»⁹, кто жил в наймах «добровольно» (хо-

---

да в Похтокурьи полтонн, Назарьина купля, да на Ширшемской кошки полтони, Онтонова купля, да два оловяника, да два креста, оба серебром обложены, один позолочен да шесть вставок, да лодья дома и с парусом да два якори. Да кабалы воичии не делашы». «Акты юридические» № 23, стр. 54—55.

¹ Подобная же оговорка имеется и в арендном договоре 1589 г., приложенном к «Актам тяглового населения» М. А. Дьяконова. Вып. 1-й, стр. 77.

² Там же, стр. 43.

³ «Судебник 1497 г.», ст. 57.

⁴ Кабальная книга по Шелонской пятине 111 года. «Новгородские записные кабальные книги 100—104 и 111 годов». Под ред. А. И. Яковлева. Ч. 2-я, стр. 302.

⁵ Там же, стр. 303.

⁶ Там же, стр. 304.

⁷ Там же, стр. 316.

⁸ Там же, стр. 334.

⁹ Там же, стр. 321.

лопство добровольное») ¹, кто «под окна хлеба прошал» ², кто «жил походя наймом» ³, кто «приставал в бобылках» ⁴.

В приходной книге Волоколамского монастыря 1579 г. не раз отмечаются факты пребывания крестьянина в крестьянстве в течение одного года. Какой-то Васька «жил один год», Фёдор тоже «жил один год». Для случаев такого кратковременного пребывания даже выработался тут особый термин — «перебылое», равнозначный «пожилому» Судебников ⁵.

Вот этот поистине бродячий элемент русского общества тем, кто нуждался в рабочих руках, надо было ловить и создавать условия для удержания на месте.

В тот период истории Русского государства, который интересует нас сейчас, положение создавалось довольно сложное: запретить крестьянам свободу выхода и передвижений — значило сильно затруднить служилому дворянину, обзаводящемуся своим хозяйством, возможность привлекать к себе крестьян; сохранить старый закон Судебников о крестьянском отказе в силе — это значило поддерживать неустойчивость рабочей силы в хозяйстве того же служилого дворянина. Не секрет, что «пожилое», т. е. обязанность крестьянина выплачивать в случае выхода некоторую сумму денег, мало стесняло крестьянские переходы, так как тут заинтересован был не столько сам крестьянин, сколько нуждающийся в крестьянине землевладелец, для которого, если он был мало-мальски человеком состоятельным, выплата «пожилого» не представляла больших затруднений. Нечего говорить о землевладельцах богатых, у которых для этого рода операций выделялись особые суммы, выдаваемые приказчикам, и даже имелись особые специалисты, «отказчики». Новгородский владыка выдавал своим «отказчикам» особые суммы для вербовки крестьян в свои вотчины ⁶. Волоколамский монастырь делал то же самое. Перед 26 ноября, старого стиля, монастырь проявляет кипучую деятельность. Начиная с 10 ноября (1573 г.) идёт рассылка денег приказчикам, «крестьяном давати на выход». В эту осень роздано приказчикам около 30 рублей. Иногда в записях даже указывается, у кого именно предполагается вывести крестьянина: 19 ноября дано приказчику Андрею Мохову «рубль денег крестьянину на выход, что ему отказывать из-за Бориса из-за Сукина» ⁷. Эти выдачи имеют место в монастыре и в другие годы ⁸ до 1581 года. В 1581 г. практика выходов прекращается совсем.

По волоколамским записям, можно получить полное представление о крестьянах, переведённых на землю монастыря из других мест. Эти крестьяне имели здесь особое наименование: они назывались «нововходцами». Они поселялись на новых местах, обзаводились хозяйством, и монастырь старался путём ссуд и льгот от тягла дать им всё необходимое для создания условий, при которых только и может крестьянин быть доходной статьёй для своего хозяина.

В феврале 1574 г., например, было взято «з Балашковских же деревень з Деденева да с Никитина да с Благинина с выти по полтине оброку. Итого с осьми вытей 4 рубли, а з девятой выти взято 10 алтын без 2 денег. Отдано им за то, что они новые входцы». «Того же месяца

¹ Кабальная книга по Шелонской пятине 111 года. «Новгородские записные кабальные книги 100—104 и 111 годов». Под ред. А. И. Яковлева. Ч. 2-я, стр. 319, 320, 321, 322, 324 и др.

² Там же, стр. 195.

³ Там же, стр. 184, 187, 191, 192, 193 и др.

⁴ Там же, стр. 323, 324 и др.

⁵ Извлечения из приходо-расходных книг Волоколамского монастыря. Тимофеев Н. «Крестьянские выходы конца XVI века». «Исторический архив». Т. II, стр. 77—78, 81 и др.

⁶ Греков Б. «Юрьев день и запозедные годы».

⁷ Тимофеев Н. «Крестьянские выходы конца XVI века». «Исторический архив». Т. II, стр. 72—73.

⁸ Там же, стр. 76, 83.

февраля в 30 день заплатил с села Турова приказчик Посник Васильев с 16 вытей без чети, с вытя по чети рубля. Итого 5 рублей без 2 алтын с полушкою, да с новых входцов взято с выти вполы оброку пол-5 алтына»¹ (разрядка везде моя.— Б. Г.). 24 октября 1579 г. «нововходцу Иванку Самойлову дано на клеть 4 гривны»². 9 января 1580 г. новому входцу Афремку дана полтина на избу и сверх того займы 15 алтын. 22 января того же года дано «крестьянину Василью нововходцу займы пол-30 алт. и кабала на него взята». 29 января того же года дано «крестьянину нововходцу Гришке на клеть 15 алтын». 16 марта того же года дана «по игуменскому приказу... крестьяном нововходцам Ивану Черныге да Истоме на лес полтина денег»³. Имеются указания на то, что некоторые крестьяне-нововходцы живут на льготе. Крестьянин Юра «жил год на льготе»⁴. Таким образом, монастырь старается удержать крестьянина, хотя бы на определённый срок, для чего и требовал поручителей за нововходцев.

Иногда нововходцы своим поведением подводили своих поручителей. Священник Пафнутий, например, должен был заплатить полтину денег «за то, что он имался порукой по Олёшке по Карлове, и тот Олёшка збежал за его порукою, а году не зжил»⁵. Тут, впрочем, неясно, в качестве кого это Олёшка порядился жить за монастырём в течение года.

Не подлежит сомнению, что нововходцы заключали с монастырём письменные соглашения, где и указывались условия, на которых они поряжались в монастырь.

К сожалению, порядные крестьянские записи Волоколамского монастыря до нас не дошли.

Но нам хорошо известен тип этого документа. По собранным Археологической комиссией, М. А. Дьяконовым и другим порядным записям мы твёрдо можем установить составные элементы этого документа. В нём отмечалось: 1) кто поряжается; 2) кому; 3) куда именно; 4) срок и условия выхода по истечении срока; 5) подмога и ссуда; 6) трудовые обязательства порядчика и взносы в пользу землевладельца; 7) податные обязательства; 8) льготы; 9) санкция; 10) часть удостоверительная.

Не во всех порядных находятя налицо все перечисленные элементы: иногда отсутствует упоминание о сроке, часто не бывает указания относительно подмоги и ссуды, очень разнообразны условия льготы по отношению повинностей как государственных, так и частновладельческих.

Вот одна из типичных порядных — порядная крестьян Никифора Яковлева и Софонтия Афанасьева с Вяжицким монастырём 23 ноября 1576 года:

«Се яз Микифор Яковлев сын да яз Софонтий Афанасьев сын, Васильевы крестьяне Басланова из деревни из Замошья, дали есмя на себя запись Вежицкому слуги Тимохы Павлову сыну в том, что порядилися есмя за Николу Чюдотворца в Заверяжской погост на деревню в Липовец на штину обжы. А взяли есмя п о д м о г и 2 рубля Московскую да л ь г о т ы на 2 годы в монастырь дани не давати и не ходити на дело, от лета 7085 да до лета 87.

А живучи нам на той деревни т я г л о г о с у д а р ь с к о е всякое тянути с властью вместе, как соху наставим.

А з а т у п о д м о г у нам и з а л ь г о т у деревня распахати и поля огородити и старые хоромы починити и новые поставити два хлева да мыльня.

И как пройдут те льготные два годы, и нам давати в монастырь Ни-

¹ Тимофеев И. «Крестьянские выходы конца XVI века». «Исторический архив». Т. II, стр. 74.

² Там же, стр. 83.

³ Там же, стр. 83—84.

⁴ Там же, стр. 70.

⁵ Там же, стр. 71.

колы Чюдотворцу оброку по рублю по Московскому на год и на дело на монастырское ходити, как иные крестьяне ходят.

А не отживём мы тех льготных дву годов, и деревни не расчистив и поль не огородив и хором старых не починив и новых не поставив, да пойдём вон, и нам та подмога монастырская 2 рубля московская по сей записи отдати слуге Тимофею Павлову.

А на то послуши: Еремей Семенов да Конан Никитин.

А запись писал Матфеец Фёдоров сын, Вежыцкой слуга лета 7085 ноября в 23 день»¹ (разрядка везде моя. — Б. Г.).

Хочу обратить внимание на дату заключения договора — 23 ноября, т. е. за три дня до Юрьева дня осеннего, и на то, что крестьяне Никифор Яковлев и Софонтий Афанасьев поряжаются в Вяжицкий монастырь не с воли, а от прежнего своего хозяина Василия Басланова, т. е. переходят от одного землевладельца к другому по правилам Судебника.

Несомненно, «отказчик» Вяжицкого монастыря оформил выход или, вернее, вывоз этих крестьян по всем требованиям закона, т. е. переманил их к себе, очевидно, предоставив им лучшие условия, чем те, на которых они жили за Баслановым. К сожалению, мы не знаем ни этих условий, ни продолжительности пребывания этих крестьян у прежнего своего хозяина. Мы только видим, что закон о Юрьеве дне действует, отнюдь не являясь «эфемерным», как полагал П. И. Беляев².

Для чего же понадобились Вяжицкому монастырю новые крестьяне? Конечно, для того, чтобы они работали на монастырь. В порядной так и сказано: они должны «деревня роспахати и поля огородити и старые хоромы починити и новые поставити». Это в первые 2 льготных года, «по истечении коих, эти крестьяне должны будут включиться в государственное тягло и в монастырский оброк (по рублю в год), а также и в монастырскую барщину наравне с иными монастырскими крестьянами».

Для обзаведения в течение 2 льготных лет монастырь гарантирует новоприходцам свободу от всяких платежей и даёт подмогу в 2 рубля. «За ту подмогу... и за льготу» крестьяне и обязуются выполнить выше-названные работы. Само собой разумеется, что этой работой они погашают подмогу.

Монастырь, привлекая к себе новопорядчиков, не обольщает себя надеждой, что они останутся за монастырём навсегда. Он прекрасно знает, что по истечении 2 лет (не исключается и более ранний срок) может появиться отказчик соседнего землевладельца и может переманить к себе монастырских новоприходцев. В порядной сделана только одна оговорка — стносительно 2 льготных лет, в течение которых крестьяне-новопорядчики обязуются отработать подмогу. Но и тут сказано, что если они уйдут раньше срока, не отработав подмоги, то они должны вернуть её монастырю.

Разница со служилой деревенской кабалой тут лишь в том, что, по служилой кабале, работник обязуется «за рост пашню пахати и двор ставити»³ и не собирается включаться в крестьянское тягло.

Крестьянин-новопорядчик, таким образом, представляет интерес не только для землевладельца, но и для государства. Это возможный тяглец. Нет никаких сомнений, что значительная часть новопорядчиков и оправдывала надежды государства, превращаясь по истечении льготных годов в полноценных тяглецов. Но мы бы сделали большую ошибку, если бы тут же не отметили, что немалая часть новопорядчиков на самом законном основании уходила от старых своих хозяев к новым. Документы Волоколамского монастыря и расспросы кандидатов в кабальные лю-

¹ «Акты юридические», № 178.

² Беляев П. «Древнерусская сеньёрня и крестьянское закрепощение». «Журнал министерства юстиции» Т. XI, стр. 138. 1916.

³ Гейман В. «Несколько новых документов». «Сборник Российской публичной библиотеки» Т. II, Вып. I, № 4, стр. 286.

ли, записанные в новгородские кабальные книги, в этом нас наглядно убеждают.

М. А. Дьяконов останавливается на вопросе о сроках пребывания крестьянина за хозяином (на вопросе «о сроке аренды», как оценивает акт поряда автор). Он совершенно справедливо отмечает, что в порядных XVI в. обозначается чаще всего срок начала «аренды» и вовсе не указывается её продолжительность.

Мне кажется, что это совершенно понятно и даже неизбежно при наличии закона о Юрьеве дне. Что же касается замечания М. А. Дьяконова о том, что «во всех северных порядных (Двинск. у.), а таких большинство, указан срок аренды, продолжительность которого колеблется от 1 года до 10 лет»,¹ то следует с ним согласиться, но только с очень существенной оговоркой — о том, что эти северные порядные — не порядные во крестьяне, а настоящий договор аренды. М. А. Дьяконов смешивает два различных, хотя и близких друг другу документа, — порядную во крестьяне и договор аренды, рассматривая оба акта как договор аренды. Для тех же, кто порядную во крестьяне не склонен рассматривать как договор аренды, такое смешение совершенно недопустимо.

Возьмём для примера документ, который М. А. Дьяконов считает порядной во крестьяне. «Се яз Зеновей Павлов сын, да яз Кондратей-Богдан Андреев сын, оба мы Великокурские волости, взяли есмя у Спасского церковного приказщика у Ивана у Михайлова сына у Дудорова и а п р а з г у (разрядка моя.—Б. Г.) Спасскую церковную землю в Курской волости половину Войбута острова. И та нам земля орати и сеяти и сено косити один год лета 7000 восмдесятого. А празги есмя порекли от тое земли 2 гривны денег. И та нам празга дати на Семен день Летопроводца, лега 7000 восмдесят первого. А дань и оброки и всякие земские розметы годовые платити с тое земли с волостными людьми мне Зеновью да мне Богдану. А как мы хлеб и сено сойдем, и нас с тое земли огородов не свозити.

На то послуси Деонисей Антипов сын да Третьяк Алексеев сын Поленов. Запись писал Спаской дьяк Алексеец Исааков сын Лета 7000 восмдесятого июня в 10 день. Н а о б о р о т е: Послух Третьяк Алексеев руку приложил. П о м е т а: По сей записи Зинов да Богдан празги 2 гривны заплатили»².

Документ очень незатейливого содержания. Два постоянных жильца Великокурской волости, совершенно не собирающиеся покидать своего насиженного места и своей земли (об их земле в документе не говорится ничего, но они волостные люди, ео ipso владельцы своих участков), решили принанять церковную землю сроком на год за плату («празга» — плата за наём). Прошёл год, празга уплачена. Весь инцидент исчерпан. Тут перед нами совершенно ясный договор найма имущества.

Ясно выступает договор аренды, например, и в оброчной памяти 1589 г., помещённой М. А. Дьяконовым в приложении к 1-му выпуску своих «Актов тяглого населения», которую сам М. А. Дьяконов не считает порядной во крестьяне и помещает только «для сравнения с порядными». Тут дьяк Тимофей Петров берёт «на льготу на 6 лет» землю Троице-Сергиева монастыря. Он обязуется в «те льготные лета пашня госпахивать и двор устроить». По истечении льготных лет он обязуется платить монастырю «оброк» по 1 рублю в год и «государева дань и посоха и всякие государевы подати... платити с троецкими крестьяны по вытню». Этой земли он не имеет права ни продать, ни заложить, «и в писцовые книги за собою не написати». Если понадобится эта земля монастырю, Тимофей обязуется вернуть её «со всем... и с хоромы»³.

¹ Дьяконов М. Указ. соч., стр. 311.

² «Русская историческая библиотека». Т. XIV, стр. 90—91.

³ «Акты Дьяконова». Вып. 1-й, стр. 77.

Такого же смысла и другая запись, помещённая М. А. Дьяконовым в приложении¹. Перед нами действительно договор аренды.

Но совсем не с том говорят подлинные порядные во крестьяне. Тут вопрос гораздо сложнее, и сводить крестьянскую порядную запись к договору аренды нет решительно никаких оснований.

В 1916 г. против трактовки порядной как договора аренды энергично выступил П. И. Беляев. По его мнению, «Порядная... есть договор о вступлении в подданство с поселением на определённой территории землевладельца». «Как и подданный государства, крестьянин принимает на себя в порядной обязательство подчиняться праву сеньёра облагать его денежными и натуральными повинностями по усмотрению». «Как подданный сеньёрии, крестьянин обязывается и подчиняться юрисдикции землевладельца»².

Возражая против трактовки крестьянской порядной как договора аренды, автор выставляет следующие соображения: многие порядные не говорят: 1) об объекте договора (не упоминают об участке, который снимается крестьянином); 2) о плате за этот участок; 3) о сроке договора³.

Несмотря на то что наблюдения П. И. Беляева не совсем точны (он не различает бобыльских и крестьянских порядных, не учитывает изменений в юридическом положении крестьян на протяжении XVI—XVII вв.), тем не менее во многом он прав. Прав прежде всего в том, что крестьянская порядная не есть договор аренды. Нельзя не сочувствовать его борьбе с укоренившимся предрассудком, будто русские крестьяне XVI—XVII вв. есть арендаторы. Это мысль, навеянная в период освобождения крестьян, когда вопрос о праве освобождаемого крестьянина на землю решался до некоторой степени справкой о прошлом крестьянина. Слишком многие были заинтересованы в решении вопроса в пользу землевладельца. В наше время, когда все эти практические и политические соображения отпали, не может быть никаких побуждений изображать дело не объективно.

Порядная во крестьяне будет для нас ясна, если мы правильно поймём, кем был крестьянин XV—XVI вв. и в более позднее время в своей экономической и правовой сущности. Русский крестьянин в этом отношении абсолютно ничем не отличается от крестьян других европейских стран. Крестьянин в феодальном обществе — это: 1) мелкий непосредственный производитель, ведущий своё сельское хозяйство в соединении с домашним ремеслом, на земле, принадлежащей феодалу; 2) плательщик государственных податей, в то же время обязанный и натуральными повинностями в пользу государства; 3) в силу внеэкономического принуждения зависимый от своего сеньёра человек, подчинённый ему в судебном и административном отношении и обязанный отдавать в его пользу часть своего труда и продукта.

Для правильного понимания правовой природы крестьянина в феодальном обществе надо иметь в виду сущность феодальной, иерархической, или, иначе, расчленённой, структуры земельной собственности, где низшую ступень иерархии составляют крестьяне, в процессе феодализации общества теряющие свою независимость и, в конечном счёте, превратившиеся в зависимую от своих сеньёров массу.

Термины римского права, обычно привлекаемые к объяснению феодальных общественных отношений, тут мало полезны, так как они не соответствуют специфике феодальных отношений.

Поступление в крестьянство, стало быть, не может быть простым арендным обязательством. Понятие о крестьянине феодального общества решительно не исчерпывается понятием об арендаторе даже тогда, ког-

¹ «Акты Дьяконова». Вып. 1-й, стр. 78.

² Беляев П. Указ. соч., стр. 164—165.

³ Там же, стр. 166.

да он приходит вновь и садится на землю феодала. Нечего говорить о старожилцах, большая часть которых живёт наследственно, из поколения в поколение, на земле своих отцов и дедов. Они с арендаторами не имеют никакого сходства.

А поскольку вновь поряжающийся новоприходец заявляет о своём желании стать крестьянином, т. е. после истечения льготных годов включиться в крестьянскую среду, не похожую на арендаторов, мы не имеем никаких оснований и новоприходца считать арендатором, несмотря на то, что некоторые элементы аренды в порядной и имеются. Новопоряжающийся обычно имеет перед собой довольно большой выбор состояний. Он может дать на себя служилую кабалу, может стать бобылём, может «служить добровольно», или стать половником, наконец, детёнышем (если собирается работать в монастыре). Если же он твёрдо заявляет о желании стать крестьянином и даёт на себя порядную именно в крестьяне, то он, несомненно, имеет в перспективе и государственные повинности, и частновладельческие обязательства, и зависимость от землевладельца, судебную и административную, т. е. довольно сложный переплёт условий, далеко выходящий за рамки арендного договора.

Другой вопрос, как долго новопорядчик проживёт у своего хозяина. Закон давал ему право, по соглашению со своим хозяином, уходить в Юрьев день. Но эта сторона дела не меняет правовой природы крестьянина вообще. Льгота, при посредстве которой приманивает землевладелец потенциального крестьянина, лишь отодвигает на определённое время полное включение новопорядчика в среду тяглого крестьянства, освобождает его на время, чаще всего только от одной стороны крестьянских обязанностей — государственного тягла, реже — и от платежей и повинностей частновладельческих, но всегда с обозначением, что по истечении льготных годов новоприходец обязуется делать и то и другое.

Итак, мы, с одной стороны, не имеем права закрывать глаза на то, какие конечные цели ставит себе порядная крестьянская запись; с другой стороны, — не можем не отметить в каждый данный момент наличия в любой вотчине двух категорий крестьян: полноценных крестьян-старожильцев и крестьян, пребывающих в переходном состоянии, живущих на льготе.

Если крестьянин феодальной сеньории представляет собой вполне законченный тип общественного состояния, то и крестьянин-льготчик в период своего сидения на льготе заслуживает того, чтобы быть отмеченным особо, как тип со своим, особым правовым обликом, хотя и не поддающимся точному определению в рамках античного или капиталистического права.

Если основная масса крестьян-старожильцев — это потомки мелких землевладельцев, подпавших под власть феодалов путём главным образом внеэкономического принуждения, то крестьянин-новоприходец — это следствие экономического принуждения. При примитивности в условиях феодального строя техники сельского хозяйства привлечение новых крестьян на ещё не распаханые или по тем или иным причинам опустевшие участки земли, увеличение количества мелких крестьянских хозяйств, способных давать землевладельцу докапиталистическую земельную ренту, были единственным способом удовлетворить растущую жажду землевладельца к деньгам, особенно обострившуюся со второй половины XV века. Количество новопорядчиков было велико и по мере расширения площади культурной земли неуклонно росло.

До нас дошло множество жалованных грамот XV—XVI вв., особенно монастырям, где разрешалось и даже рекомендовалось землевладельцам называть на свои земли новых крестьян. Государственная власть, несомненно, видела здесь и свой большой интерес. Во имя этого интереса эта же власть ограничивала аппетиты землевладельцев условием не

принимать к себе тех крестьян, которые уже тянули государственное тягло и сидели на княжеской земле.

Для иллюстрации приведу выписку из жалованной грамоты Углицкого князя Андрея Васильевича Покровскому монастырю 1476 г.: «Съяз князь Андрей Васильевич пожаловал есми Покровского игумена Паисею с братьею... слободу собирати на сей стороне Волги... и кого к себе в ту слободу перезовут жити из иных княжений, а не из моей вотчины княжения Андреевы Васильевича, и тем их людям слобожаном ненадобеть моя дань на 20 лет, а кого к себе перезовут жити из моей вотчины безвытных людей или себе откупив посадят, и тем их людям ненадобеть моя дань на 10 лет... а тяглых моих людей письменных и вытных в ту слободку им не принимати»¹.

Тут указываются два возможных источника для пополнения монастырских крестьянских кадров: первый — из иных княжений; второй — из Углицкого княжения, но только людей безвытных или серебреников. Первых князь особенно рекомендует и для вящей приманки даёт льготу от податей на 20 лет, вторых рекомендует, но уже не так рьяно. И, наконец, решительно запрещает принимать подлинных крестьян-старожильцев.

Это обычный и совершенно понятный приём государственной власти каждого из княжений. Факты, подтверждающие это положение, весьма обильны.

После ликвидации отдельных княжеств и слияния их в единое Русское государство Москва начинает регулировать крестьянский вопрос в общегосударственном масштабе. Появился первый после «Русской Правды» общерусский законодательный сборник «Судебник 1497 года».

Но пережитки старой практики сохранились и в XVI веке. Строгановым — этим нового типа крупным феодалам — в особых жалованных грамотах повторено было старое правило: «А из Перми, ни из иных городов нашего государства Григорью (в другой аналогичной грамоте Якову) тяглых людей и письменных к себе не называти и не принимати... а приедет кто к Григорью (к Якову) из иных городов нашего государства или из волостей тяглые люди с жёнами и с детьми... И Григорью (Якову) тех людей тяглых с жёнами и с детьми от себя отсылати опять в те ж города... а у себя тех людей и не держати и не принимати... А которые люди пойдут из Перми жити, и тех людей Григорью (Якову) имати с отказом, неписьменных и нетяглых»².

Такое же разрешение даётся и Важанам, Шенкурцам и Вельскому стану: «А на пустые им места дворовые в Шенкурске и в Вельску на посаде и в станех и волостех в пустые деревни и на пустоши и на старые селища хрестьян называть и старых им своих тяглецов хрестьян из-за монастырей выводить назад бессрочно и беспошлинно и сажати их по старым деревням, где кто в которой деревни жил преже того»³.

Из этих документов с полной очевидностью вытекает: 1) контингент лиц, годных к поселению в крестьяне, имеется достаточный, несмотря на то, что московскому правительству уже не приходилось указывать на «иные княжения» как на источник законного переманивания рабочих рук; 2) потребность в осаживании новых крестьян на земли феодалов не исчезла; 3) правила Судебников о крестьянском отказе ещё в силе.

Само собой разумеется, что каждый землевладелец был заинтересован в том, чтобы крестьяне, обжившиеся за льготные годы на его земле, продолжали у него жить и впредь, и принимал с этой целью соответствующие меры. Некоторые из землевладельцев (например Троицкий мо-

¹ «Акты Археографической экспедиции» (ААЭ). Т. I, № 102.

² «Дополнения к Актам историческим». Т. I, № 117 и 119.

³ Имяотцы в виду крестьяне, разошедшиеся «в монастыри бессрочно и без отказу». ААЭ Т. I, № 234, стр. 231, 238. Указанная Важская грамота 1552 года.

настырь, как мы уже видели) добились ещё до издания общего закона об отмене Юрьева дня запрещения перехода с их земель крестьян-старожильцев. В конце XV и в первых трёх четвертях XVI в. общих мер о запрещении крестьянских выходов государство ещё не принимало, так как далеко не всем землевладельцам такая мера в это время была выгодной.

Она была невыгодна для основных кадров растущей армии московского великого князя, а потом царя,—так называемым помещикам, детям боярским, энергичной и верной опоре власти централизуемого государства.

Надо было подождать, когда дети боярские крепче осядут в своих поместьях и обзаведутся своим хозяйством. Понадобились особые события общегосударственного характера, чтобы побудить правительство сделать решительный шаг в этом направлении.

Но и после решительных мер, неоднократно принимаемых государством, начиная с 80-х годов XVI в. и в течение всего XVII в., новопорядчики не исчезли. Изменилось только их правовое положение: они стали поряжаться «до государевых выходных лет».

Итак, новопорядчики — особая категория сельского населения, которую нельзя смешивать с массой крестьян-старожильцев.

1. Новопорядчики — это обедневшие люди, которые не могли справиться с крестьянским тяглом, не имели средств начать крестьянское хозяйство, но надеялись современем при помощи землевладельца стать в ряды крестьян-старожильцев.

2. Количество таких обедневших людей растёт с конца XV в. в связи с ростом внутреннего рынка.

3. Землевладельцы, особенно те, у которых хозяйство ещё мало устроено, заинтересованы в приёме к себе новопорядчиков.

4. Государство до известного времени поддерживает их право переходов.

5. Договор, определяющий отношения между землевладельцем и новопорядчиком, не может быть точно определён ни в терминах античного, ни в терминах капиталистического права. Это договор средневекового феодального права о вступлении вольного человека в сеньориальную зависимость.

ФИЛИППИНСКАЯ РЕСПУБЛИКА 1898 г. И ЕЕ БОРЬБА ЗА МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРИЗНАНИЕ

Проф. А. Губер

Филиппинская республика возникла в огне революционного национально-освободительного восстания 1896—1898 годов. За короткий срок своего существования республика наряду с вооружённой борьбой против испанских, а затем и американских сил развила интенсивную дипломатическую деятельность, усиленно добываясь международного признания независимости Филиппин и созданного революцией правительства.

Дипломатическую сторону борьбы за независимость учитывали уже подготавливавшие вооружённое восстание руководители тайной организации. Восстание, вспыхнувшее в августе 1896 г., было возглавлено тайным обществом — «Высоким и досточтимым Союзом сыновей народа», обычно известным под кратким названием «Союз» (Катипунан).

Катипунан был подлинно народной, демократической организацией, созданной выходцем из народных низов — «великим плебеем» Андресом Бонифацио — и группой разделявших его пылкие революционные устремления мелкобуржуазных интеллигентов. Катипунан опирался на манильскую городскую бедноту, ремесленников, крестьян. Он сумел объединить в строго дисциплинированную конспиративную организацию, причудливо сочетавшую в своём уставе и деятельности традиции древних восточных тайных обществ с европейским масонством¹, не менее 25 тыс. человек². Филиппинская буржуазная интеллигенция, блестящие юристы, поэты и историки, — в основном связанные с манильской аристократией, воспитанные на испанской культуре и преклонении перед былой мощью и величием Испании, — стояла в стороне от плебейского Катипунана.

Представители сформировавшейся в конце XIX в. буржуазии и либеральных помещиков выдвигали программу экономических и политических реформ и рассчитывали добиться их проведения мирным путём при поддержке испанских либералов. Многолетняя кампания за реформы в Испании и отчасти в самой колонии изощряла филиппинских политических деятелей в тонкостях маневрирования и в искусстве использования борьбы партий и течений в Мадриде³.

¹ Это сказывалось в организации Катипунана, в ритуале приёма членов, в наличии трёх степеней посвящения и т. д. Имена руководителей были известны лишь членам высшей степени посвящения. В Катипунане им были присвоены вымышленные имена, обычно имена исторических прогрессивных и революционных деятелей (Боливар, Дж. Бруно, Галилей). См., например, документ, опубликованный Састроном (*Sastrón*) «*La insurrección Filipina*», Ch. IV, p. 55).

² Установление количества членов Катипунана при глубоко конспиративном характере организации представляется весьма затруднительным. Наиболее компетентные исследователи филиппинского освободительного движения приводят различные данные. В работе, опубликованной в момент восстания, Рейес Лала утверждает, что уже вскоре после создания Катипунана число членов составляло не менее 50 тыс. (*Ramon Reyes Lala* «*The Philippine Islands*», p. 289. New York. 1898). Састроном в своём ярко антифилиппинском, но основанном на первоисточниках исследовании определяет количество членов организации накануне восстания (не считая Манилы) как превышающее 50 тыс. (*Sastrón*. Op. cit., p. 48). Цифра Калау — 100—400 тыс. чел. явно преувеличена (*Kalaw M.* «*The development of Philippine politics*», Manila, p. 77. 1926). Самые скромные подсчёты Лос Рейеса колеблются между 15 и 45 тысячами.

³ Перениска Марсело дель Пилар — одного из самых энергичных руководителей кампании за реформы в Мадриде, председателя политической секции испано-филиппинской ассоциации — указывает даже на попытки использовать разногласия в среде высшего мадридского духовенства.

Наряду с многочисленной филиппинской колонией в Мадриде в годы, предшествовавшие восстанию, широкий поток изгнанников и политических эмигрантов, гонимых ужасами колониального режима, направлялся в столицы других европейских государств, в США, Японию. Многие из филиппинских эмигрантов были связаны с политическими деятелями и общественными кругами иностранных столиц¹. Из них впоследствии вышел ряд дипломатических агентов Филиппинской республики. Но нам неизвестна сколько-нибудь активная деятельность, направленная к использованию иностранных держав для достижения филиппинской независимости. В этом разительное отличие филиппинского дореволюционного, буржуазно-национального движения от сепаратистских креольских движений в американских колониях Испании в конце XVIII — начале XIX века. Отличие, предопределяющееся прежде всего тем, что филиппинские буржуазные деятели не выдвигали в качестве непосредственной своей задачи отделение Филиппин от Испании.

Даже «отец филиппинской нации», как его с любовью называют филиппинцы, горячий патриот, крупный учёный, поэт и художник, Хосе Ризаль искренно верил в возможность мирного и постепенного достижения независимости путём реформ, полученных из рук Испании. Основанная им в 1892 г. в Маниле Филиппинская Лига не только объединяла почти исключительно представителей буржуазно-помещичьей верхушки, но своей программой и кратковременной деятельностью отражала их либеральную ограниченность.

Андрес Бонифацио, один из немногих представителей народных низов в Лиге², поклонник Ризаля, тщетно пытался при поддержке наиболее радикальных членов Лиги вдохнуть в неё жизнь и революционную энергию. После ареста и ссылки Ризаля в отдалённый район о-ва Минданао испуганные репрессиями участники Лиги предпочли распустить её добровольно.

Лишь после этого вся энергия Бонифацио, его ближайшего соратника и автора доктрин Катипунана Эмилио Хасинто и др. направляется целиком на укрепление Катипунана и подготовку вооружённого восстания. Заслуживает особенного внимания, что вожди Катипунана рассматривали свою организацию не только как орган восстания, но и как орган будущей революционной власти.

Из членов Верховного совета Катипунана заранее были выбраны лица, призванные после победы над Испанией возглавить основные отделы государственного управления и заменить колониальный административный аппарат. В провинциальных секциях Катипунана также было намечено будущее местное управление.

В составленном до начала восстания центральном правительстве был предусмотрен и пост министра иностранных дел, который предназначался Эмилио Хосито.

Однако нет данных, свидетельствующих о сколько-нибудь заметной внешнеполитической активности Катипунана в период, предшествующий восстанию. У нас нет оснований доверять широко распространявшимся испанскими газетами утверждениям о тесных связях между Катипунаном и японцами и о согласии Бонифацио уступить Японии в обмен на

¹ Один из биографов Ризаля утверждает, что благодаря связям крупного филиппинского адвоката Рехидора с английскими политическими кругами был разработан план освобождения арестованного испанскими властями и отправленного на Филиппины Ризаля. Лишь случайные обстоятельства помешали осуществлению этого плана (Russell y Rodriguez «The Hero of the Philippine», p. 203; см. более подробно Губер А. и Рыковская О. «Хосе Ризаль». М. 1937).

² Имя Бонифацио мы находим и среди перечисленных на мемориальной доске, прибитой к дому, где была основана Лига. Он был единственным представителем народных низов среди членов, организаторов Лиги.

помощь оружием один из Филиппинских островов¹. Эти утверждения, основанные якобы на показаниях видных участников Катипунана, арестованных после начала восстания, противоречат всей политике, проводившейся в этот период Японией в отношении Филиппин.

Даже оставляя в стороне официальное заявление японского министра графа Окума, заверявшего испанского посла в Токио, что Япония никогда не займёт в отношении восстания на Филиппинах такой позиции, какую заняли США по отношению к событиям на Кубе², следует учитывать, что Япония была слишком занята своими агрессивными планами на континенте и подготовкой войны с Россией, чтобы одновременно активно выступать в филиппинском вопросе, способном осложнить её отношения с европейскими державами и США. Из европейских держав к тихоокеанским колониям Испании наибольший интерес, хотя и тщательно прикрываемый «симпатиями» к испанской монархии, проявляла империалистическая Германия.

Однако планы германских империалистов строились на использовании наиболее консервативных монархических элементов филиппинского общества³.

Германская агентура, представленная и немецкими консулами и весьма активным руководителем европейской масонской ложи⁴, вела двойную игру, поддерживая связи одновременно и с испанскими колониальными властями и с консервативными филиппинскими кругами.

Именно поэтому с немцами не была, да и не могла быть связана тайная народная революционная организация.

Прозвучавший 24 августа 1896 г. «клич из Балинтавака» — призыв вождя Катипунана Бонифацио к вооружённой борьбе против испанского господства — явился не только сигналом для выступления Катипунана, но и всколыхнул широкие массы филиппинского народа. В короткий срок почти безоружные повстанцы одержали победу над испанскими войсками в важных районах Лусона⁵.

В первую очередь восстание охватило наиболее экономически развитые провинции Центрального Лусона.

Такие важные провинции, как Кавите, оказались под контролем Катипунана. Власть и управление на местах переходили к провинциальным и уездным организациям Катипунана, из руководителей которых ещё до начала восстания были намечены лица, призванные возглавить вновь создаваемую революционную администрацию.

Успехи восстания способствовали переходу в революционный лагерь части буржуазно-помещичьих деятелей, стоявших в стороне от Катипу-

¹ Архив внешней политики (АВП). Канцелярия министерства иностранных дел (К.), д. № 132, 1896 г. Донесение русского посла в Мадриде от 5 января 1897 г. См. также приложение, (Ibid, л. 201), показания Н. Андриано, М. Сальвадора и др.

² АВП. К., д. № 132, л. 199.

³ Германский генконсул, защищая активную политику на Филиппинах, доказывал возможность образования независимых Филиппин в виде монархии, возглавленной каким-нибудь немецким принцем.

⁴ О деятельности немецкого «масона» и его попытках связаться с консервативными кругами филиппинских националистов и после начала испано-американской войны упоминает в своих интересных мемуарах Кальдерон (Caldern F. «Mis memoris sobre la Revolución Filippina», 1921). Полный английский перевод см. в VIII томе «Encyclopaedia Filippina». Хорошо известны враждебная позиция немецкого морского командования в Манильской бухте и связи Дидериха с заблокированными в Маниле испанскими колониальными властями через посредство немецкого консула.

⁵ При этом туземные солдаты колониальной испанской армии массами переходили на сторону повстанцев. См. Benoist «La Révolte des Philippines». «Revue des deux mondes», vol. IV, p. 325, 1897. Это должен был открыто признать и испанский премьер Кановас дель Кастилья. См. также донесение русского посла из Мадрида. АВП, к., д. № 132, л. 158.

нана и не веривших до начала восстания в успех вооружённой борьбы¹. Привлечённые открывшейся перспективой завоевания национальной независимости, буржуазные элементы стремились захватить руководство народным движением и революционным правительством в свои руки. Борьба за руководство между буржуазно-помещичьей и плебейской фракциями революции уже в первые месяцы 1897 г. привела к изоляции, а затем и к вероломному убийству Бонифацио.

Борьба против Бонифацио и Катипунана прикрывалась его противниками требованиями демократического представительного правительства, призванного заменить «партийную диктатуру» Катипунана.

Лозунг создания выборного революционного правительства находил отклик и поддержку не только в широких массах, принявших непосредственное участие в борьбе за национальное освобождение, хотя и не связанных с Катипунаном, но и у многих членов этой организации. Они считали, что Катипунан уже сыграл свою роль и должен уступить место выбранной всем населением администрации.

После убийства Бонифацио во главе революционного правительства оказался ставленник буржуазно-помещичьих слоёв Эмилио Агинальдо. В дальнейшем ходе развития филиппинской революции ему принадлежала наиболее заметная, хотя далеко не самая славная роль.

Агинальдо был признан главой революционного правительства, президентом Филиппинской республики. Фактически он сумел сосредоточить в своих руках контроль над военными и гражданскими органами революционной власти. В созданном им правительстве пост министра иностранных дел был представлен Х. Лумбреросом, но Агинальдо непосредственно руководил весьма ограниченной в своих возможностях дипломатической деятельностью революционного правительства. Несмотря на провозглашение республики и создание правительства перед филиппинскими революционерами стояла достаточно трудная задача завершения борьбы против испанского господства. Захватившие власть буржуазные элементы не были способны возглавить последовательную борьбу с возраставшими за счёт подкрепления из метрополии испанскими войсками. При первых же временных успехах колониальных властей в результате полученных из метрополии подкреплений и чудовищных репрессий в отношении даже умеренных элементов Агинальдо и стоявшие за его спиной буржуазно-помещичьи силы готовы были пойти на соглашение с колонизаторами при условии проведения Испанией тех политических и экономических реформ, которые выдвигались буржуазными националистами до начала восстания. Испания, с своей стороны, видела необходимость действовать не только силой, но и обещаниями. Задачу нейтрализации и привлечения на сторону Испании умеренных и колеблющихся элементов понимал ещё генерал-губернатор Бланко, в период управления которого началось восстание². Неудача кровавой тактики преемника Бланко — генерала Палавехо³ — заставило его уйти в отставку. На смену ему был прислан из Испании Примо де Ривера.

¹ Даже горячий патриот Ризаль не только принципиально выступал против вооружённого восстания в своих известных произведениях (см., например, «Noli me tangere», «El Filibusterismo» и др.), но только отклонил предложение Катипунана взять на себя руководство подготовляемым восстанием, но и обратился к испанским властям с просьбой предоставить ему возможность в качестве врача участвовать на стороне правительства в войне на Кубе (См. Russel y Rodriguez. Op. cit., p. 291; Kalow. Op. cit., p. 76).

² Об этом свидетельствует уже инструкция Бланко своим колониальным чиновникам от 11 октября 1896 г., напечатанная в официальной манильской «Gazette». Бланко запретил и публичные выступления испанцев, разжигавшие испано-филиппинскую ненависть. См. «Nord China Herald» от 6 ноября 1896 г., стр. 805.

³ Кровавые мероприятия Палавехо, обеспечившие ему благосклонность испанского двора, были настолько малоэффективны, что, характеризую генерал-губернатора, русский посол Шевич писал, что он «не внушает доверия к его государственным способностям». АВП. К., д. № 70. 1899 г., л. 312. Образцы декретов Палавехо см. у Sastrón. Op. cit., p. 171—174.

Хитрый и вероломный Примо де Ривера несмотря на известные военные успехи очень быстро осознал необходимость компромисса и готов был вступить в переговоры с руководителями революционного правительства. На этих переговорах, по существу, и оказалась сконцентрированной вся энергия Агинальдо и его дипломатического ведомства. Уже к концу лета центр революционного правительства был перенесён в небольшой городок Биак-на-Бато в труднодоступной горной части провинции Булакан.

Здесь руководители национально-освободительной борьбы провели сессию Учредительного собрания представителей народа Филиппинских островов, выработавшую первую дошедшую до нас¹ временную конституцию² Филиппинской республики.

Декларируя демократические свободы (всеобщее избирательное право, свободу совести, печати, образования и т. д.), конституция фактически закрепляла власть Агинальдо и его ближайших соратников. Первая статья конституции предусматривала, что «верховное управление республики сосредоточено в руках Верховного совета, состоящего из президента, вице-президента и четырёх министров, руководящих внешними сношениями, военными делами, внутренними делами и финансами».

Фактически в руках Верховного совета сосредоточивалась вся полнота власти. От него же зависел и созыв собрания представителей.

Хотя в соответствии с новой конституцией на пост министра иностранных дел был назначен Антонио Монтенегро, Агинальдо непосредственно контролировал его деятельность.

Принятие конституции, несомненно, рассматривалось самим Агинальдо и его ближайшим окружением в первую очередь как средство давления на Испанию. Об этом свидетельствовал тот факт, что одновременно с выработкой конституции, торжественно провозгласившей в своей вводной части, что «отделение Филиппин от испанской монархии и превращение их в независимое государство со своим собственным правительством — Филиппинскую республику — были целью, к которой стремилась революция в нынешней войне, начатой 4 августа 1896 г.», — в Биак-на-Бато начались переговоры с представителями испанских властей.

Переговоры, закончившиеся подписанием 18 ноября 1897 г. Биакнабатского пакта, так же как и самый пакт, явились довольно своеобразной формой отношений между «законной» государственной властью и правительством «мятежников».

В качестве представителя испанского генерал-губернатора в лагерь Агинальдо был направлен известный манильский деятель, выходец из влиятельной метисской семьи, Петро Патерно. Типичный либеральный сторонник реформ, он, как и многие другие манильские либералы, не принимал участия в революционной борьбе. В глазах испанских властей он был наиболее подходящим посредником для установления контакта с буржуазно-помещичьими элементами революционного лагеря³. В ходе переговоров правительство Агинальдо выдвинуло как основу для мира следующие требования: изгнание монахов или, в крайнем случае, закрытие монастырей, представительство Филиппин в испанских кортесах, распространение на Филиппины всех испанских законов, равенство перед

¹ Некоторые филиппинские авторы утверждают, что первая конституция, провозгласившая «Тегалогскую республику», была принята под руководством Бонифацио в октябре 1896 г. (см. L a l a. Op. cit., p. 293).

² Текст Биакнабатской конституции был впервые опубликован Максимо Калао, являющимся, так же как его брат Теодоро, не только крупным филиппинским историком, но и коллекционером относящихся к истории революции документов (см. K a l o w. Op. cit., p. 418—422. Appendix «B»).

³ Природа филиппинского революционного правительства, установившегося после устранения Бонифацио, была ясна и наиболее наблюдательным современникам-иностранцам (см. B e l l s o r t A. «Unes semaine aux Philippines». «Revue des deux mondes», 15 mar. 1899).

законом туземцев и испанцев, расширение доступа туземцев к высшим гражданским должностям, реформу налогов и распределения церковных приходов в интересах туземцев, гарантию свободы совести, ассоциаций и прессы¹.

Наряду с этим филиппинское правительство настаивало на выплате Испанией трёх миллионов пезо в качестве компенсации пострадавшим участникам революционного движения и их семьям.

Предложенные правительством Агинальдо основы для компромисса, по существу, не шли дальше реформ, выдвинутых до начала восстания Филиппинской Лигой². Дипломатия Агинальдо не смогла добиться даже формального обещания Испании провести требуемые реформы. Педро Патерно, получивший полномочия революционного правительства на подписание соглашения с Примо де Ривера, так же как и сам Агинальдо, удовлетворился устным обещанием реформ. Оба они приняли точку зрения испанского генерал-губернатора, утверждавшего, что перечисление уступок в самом тексте договора «сделает испанское правительство предметом жестокой критики и даже насмешек»³.

В результате подписанный 18 ноября 1897 г. пакт содержал лишь обязательства революционного правительства прекратить борьбу против Испании и обязательства Испании уплатить денежную компенсацию в сумме 800 тыс. пезо. О реформах в самом договоре упоминалось очень глухо и неопределённо. В пункте, касавшемся прекращения революционной борьбы, говорилось, что, «она скорее задерживает, чем ускоряет проведение необходимых реформ».

Объективно договор означал капитуляцию правительства Агинальдо, а занявший центральное место вопрос о денежной компенсации впоследствии явился поводом для обвинения Агинальдо и его сподвижников в том, что они продали дело национального освобождения⁴. Урегулирование порядка уплаты компенсаций растянулось ещё на месяц и завершилось подписанием дополнительного соглашения 14 декабря 1897 года. Было установлено, что Агинальдо и его ближайшие соратники, вынужденные по соглашению покинуть Филиппины, получают чек на 400 тыс. пезо, подлежащий оплате в Гонконге. Для гарантии уплаты два испанских генерала должны были оставаться в качестве заложников в лагере Агинальдо⁵. После отъезда Агинальдо началась передача испанским властям оружия инсургентов. Затем представителям Агинальдо на Филиппинах вручались два чека по 200 тысяч. Один подлежал немедленной оплате, другой — лишь после объявления всеобщей амнистии и торжественного молебна в манильском соборе по поводу прекращения вооружённой борьбы.

Роль Агинальдо и самый смысл соглашения остались неясными для представителей филиппинского народа. Многие рассматривали Агинальдо как жертву: его путь к небольшому порту Лингоен, когда он со своими

¹ См. «The Philippine Revolution by Teodoro Kalow», p. 67; Kalow M. Op. cit., p. 93.

² Сравни с собственноручно написанными Ризалем целями Лиги. См. Губер А. и Рыковская О. «Хосе Ризаль», стр. 161.

³ Aguinaldo у Таму в «Reseña verídica de la Revolución Filipina». См. Kalow. Op. cit. Опасения Примо де Ривера были не лишены основания. Даже в том окончательном виде, какой ему удалось придать Биакнабатскому пакту, последний вызвал резкую критику в испанских кортесах. См. «Diario de sesiones de cortes. Congreso de los Diputados», Vol. IV. 1898. Састрон считал его «крупнейшей ошибкой генерал-губернатора» и «величайшим потрясением испанского господства на архипелаге». Sastrón. Op. cit., p. 311.

⁴ Военный министр США Э. Рут прямо утверждал: «Агинальдо и его соратники были куплены за 400 тыс. пезо и обещанием других 400 тыс. Root E. «The military and colonial policy of the United States. Addresses and reports», p. 38. 1916

⁵ Последнее обстоятельство вызывало в Испании особенно резкую критику (см., например, выступление депутата кортесов Уриа 20 апреля 1898 г. «Diario de session de cortes, etc.», p. 112—113).

спутниками покидал Филиппины, был украшен цветами и арками зелени. Толпы народа провожали изгнанников. Впоследствии многие филиппинские историки, стремившиеся обелить Агинальдо и оправдать его капитуляцию, изображали Биакнабатский пакт как искусный дипломатический маневр, вынужденный военным превосходством Испании. Однако вся слабость их аргументации очевидна. Даже если допустить, что прекращение борьбы было продиктовано военной слабостью Агинальдо, то уже ничем нельзя оправдать его подобострастного послания, направленного в момент отъезда генерал-губернатору¹. Соображения о невозможности продолжения борьбы также отпадают². Уже после капитуляции Агинальдо, сдачи части оружия, категорического обращения Агинальдо к народу с предложением прекращения борьбы целый ряд подлинно революционных народных вождей не признал соглашения и продолжал сопротивление. В ряде районов Филиппин Испании так и не удалось больше восстановить своего господства. Вплоть до возобновления вооружённого восстания и испано-американской войны в центральных районах острова Лусон сохранялись революционные местные органы. После возобновления революционной борьбы на всём архипелаге они вошли в состав вновь воссозданной республики.

Для испанских властей соглашение было лишь способом добиться прекращения революционной борьбы. Вместо обещанных на словах реформ последовали новые репрессии. Агинальдо в эмиграции и буржуазные элементы в Маниле очень скоро должны были убедиться в крахе всех своих надежд на экономические и политические преобразования.

Руководители революционного правительства, прибыв в Гонконг, вместе с находившимися там филиппинцами организовали патриотическую хунту и вскоре возобновили свою борьбу против колониального режима.

В период, когда филиппинские эмигранты, в среде которых не было единодушия, перестраивали свои ряды и пытались наладить связи с революционным движением на архипелаге, началась испано-американская война.

Резолюция о Кубе, принятая конгрессом США 21 апреля 1898 г., вселяла и в филиппинцев надежду на достижение независимости при американской поддержке. Контакт между филиппинскими эмигрантами в Гонконге и американскими военными и консульскими представителями был установлен ещё до начала военных действий.

Господствующая в американской исторической литературе традиция (воспринятая и иностранными авторами) изображает превращение Филиппин в колонию США как случайный, побочный результат испано-американской войны³. Но даже доступная документация (опубликованные мемуары и другие источники) позволяет, на наш взгляд, установить наличие империалистических планов захвата Филиппин ещё до начала войны.

¹ В своём послании Агинальдо, между прочим, писал: «Мы все уверены, что Испания без войны, но путём законности и права введёт необходимые реформы... Привлечённое магнитом отеческой заботливости вашего превосходительства, это правительство (революционное.— А. Г.) передаёт в ваши руки вместе с миром, который мы лояльно предлагаем Испании, реализацию и прав и свобод, за которые так много патриотов отдали свою жизнь. Да благословит бог и да сделает он вечным этот мир для славного будущего нашей любимой родины — Филиппин — и для процветания и величия Испании» (см. K a l o w M. Op. cit., p. 95).

² Военная слабость Испании была очевидна (АВП. К., д № 70. 1897 г., л. 69). Корреспондент «Норд Чайна Геральд» писал, что испанские подкрепления состоят «главным образом из неопытных юнцов, не умеющих даже как следует обращаться со своим оружием» («Nord China Herald», 18. X. 1896). О непрекращавшейся борьбе см. выступления депутатов кортесов. «Diario de los sesiones de Cortes. Congreso de los diputados. 1898». Vol. II, p. 532; vol. IV, p. 1286—1289.

³ См., например, Worcester «The Philippines. Past and present»; Barrows «The history of the Philippines. 1905»; Baily «A diplomatic history of the American people. 1941».

Назначение в конце 1897 г. начальником дальневосточной эскадры США командора Дьюи, открытого сторонника захвата Филиппин, отнюдь не явилось случайностью. Теодор Рузвельт, тогда лишь помощник морского министра, употребил всё своё влияние, чтобы добиться этого назначения, так как считал разумным иметь на этом посту человека, «сумеющего в случае необходимости войти в Манилу»¹. Ещё до начала испано-американской войны Рузвельт телеграфно инструктировал своего ставленника о возможных операциях на Филиппинах².

Пребывание Дьюи в Гонконге облегчило ему связи с филиппинской хунтой. Но к началу войны Агинальдо в Гонконге не было: в сопровождении двух членов хунты он направлялся в Европу; по дороге, в Сингапуре, его успел перехватить американский консул Пратт. О содержании переговоров Агинальдо с Праттом впоследствии велись длительные споры. Агинальдо и филиппинская сторона утверждали, что в этих переговорах Праттом от имени США была обещана американская помощь в достижении независимости Филиппин³.

Опубликованные в своё время американские документы — донесения Пратта и переписка с ним государственного департамента, — бесспорно, свидетельствуют, что Пратт не был уполномочен на какие бы то ни было заявления и обещания от имени США. Более того, Вашингтон даже указывал Пратту на его неудачное выступление при приёме делегации филиппинских резидентов в Сингапуре⁴. Однако это, с одной стороны, является подтверждением нашего положения, что судьба Филиппин как будущей американской колонии уже решалась империалистическими кругами США, а с другой — указывает на то, что характер бесед Пратта с филиппинцами мог укрепить их уверенность в бескорыстной помощи США. Пратт телеграфно сообщил Дьюи о согласии Агинальдо сотрудничать с США и о его готовности непосредственно договориться с командором. Ответ Дьюи гласил: «Передайте Агинальдо, чтобы приезжал как можно скорей»⁵.

Пратт немедленно устроил Агинальдо и его спутников под вымышленными именами на английский корабль, направлявшийся в Гонконг. Но Агинальдо уже не застал Дьюи: американская эскадра под его командованием 27 апреля взяла курс на Манилу. Здесь 2 мая 1898 г. в коротком сражении был уничтожен испанский флот, причём американцы не потеряли ни одного человека убитым.

Начатые в Сингапуре переговоры Агинальдо с Праттом продолжались в Гонконге с консулом США Вильямсом. Вопрос о возвращении Агинальдо и сотрудничестве с американскими силами горячо дискутировался в хунте. Весьма характерно, что большинство филиппинцев не сомневалось в бескорыстии США. Феликс Агонсильо, впоследствии один из неутомимых дипломатов Филиппинской республики, поддерживая целесообразность возвращения Агинальдо, аргументировал это так: «Президент с его престижем на Филиппинах будет в состоянии поднять массы для отпора требованиям США, если они колонизируют страну, и сможет повести массы, если обстоятельства потребуют, на титаническую борьбу за независимость»⁶. Но и Агонсильо считал, что если США останутся верны

¹ Roosevelt T. «An autobiography», p. 223—224. L. 1913; Theodore Roosevelt «La vie intense», p. 151—152. P. s. d.

² Roosevelt T. Op. cit., p. 224; Robinson A. «The Philippine, the war and the people», p. 40. 1901.

³ Aguinaldo y Family «Recena verídica de la Revolución Filipina. Congressional records». Vol. XXX; Акт протеста Агонсильо и его меморандум сенату США 30 января 1899 года.

⁴ 55. Congress, 3 Session, Senate document, № 62, p. 442. Foreign relation 1898; Message from the president of the US to the two Houses of Congress... with the report of the heads of departments. Vol. 1—4. Washington. 1899.

⁵ Senate documents. № 62, pt. I, p. 342.

⁶ Kalow M. Op. cit., p. 104—105.

принципам своей конституции, никакой угрозы с их стороны филиппинской независимости ожидать не приходится.

Через две недели после манильского морского сражения Агинальдо был доставлен на Филиппины на американском военном судне и вновь стал во главе вспыхнувшего с новой силой восстания против испанского господства.

Испано-американская война создала обстановку, благоприятную для быстрой и успешной ликвидации испанского господства.

Провозглашение 12 июня 1898 г. независимости Филиппин, создание революционного правительства на значительно более широкой основе, нежели на первом этапе революции, в 1896—1897 гг., всенародный характер антииспанской борьбы и успешная ликвидация испанского господства на всём протяжении архипелага, за исключением Манилы и отдельных пунктов, завершились конституционным оформлением Филиппинской республики на революционном конгрессе, собравшемся в октябре 1898 г. в Малалосе.

Положение на Филиппинах в первые месяцы испано-американской войны и тактика американского командования в отношении филиппинского революционного правительства способствовали укреплению надежд на завоевание полной независимости¹. В этой связи важно установить подлинный характер филиппино-американских отношений до конца испано-американской войны.

Освещая этот период, филиппинские политические деятели и историки неизменно стремились показать фактическое признание Филиппинской республики американцами. С другой стороны, американские авторитеты, начиная с президента Мак Кинли и кончая представителями военно-морского командования на Филиппинах, отрицают не только какое бы то ни было признание филиппинских революционных властей, но даже вообще наличие у филиппинцев стремления к независимости.

Впоследствии командор Дьюи дошёл до утверждения перед сенатской комиссией США, что ему «даже и не снилось, что они хотят независимости». Довольно откровенно он заявлял: «Я никогда не рассматривал его (Агинальдо) как союзника, я использовал его и туземцев лишь для помощи в операциях против Испании».

У нас нет основания утверждать, что осторожный Дьюи действительно связал себя какими-нибудь формальными обещаниями, но его попытки задним числом отрицать самые тесные связи с Агинальдо и тактику укрепления иллюзий относительно истинных намерений США опровергаются как филиппинскими, так и американскими свидетельствами.

Если опубликованную Агинальдо в самый разгар филиппино-американской борьбы в 1899 г. брошюру можно заподозрить в пристрастном изображении начального периода отношений, то у нас нет никаких оснований не доверять весьма объективным и сдержанным свидетельствам творца малалоской конституции — Кальдерона.

При этом утверждения Кальдерона, бывшего свидетелем свиданий Дьюи с Агинальдо, совпадают и с показаниями американского коррес-

¹ Вряд ли приходится удивляться иллюзиям филиппинского революционного правительства. Значительно более опытные иностранные дипломаты не считали вероятным захват Филиппинских островов США не только в начале испано-американской войны, но и после подписания Вашингтонского протокола. Японский посол в США Хосе Сатору доносил в этот период японскому министерству иностранных дел графу Окума: «Намерения Америки заключаются отнюдь не в Тихом океане» (Асадо Ридсабуро «История иностранных сношений с Тихим океаном», Токио, 1921. На японском языке). Сам Ридсабуро считает, что в момент подписания Вашингтонского протокола «президент США не имел намерения захватить Филиппинские острова» (там же, стр. 286). Аналогичного мнения придерживался и русский посол в США Кассини (АВП, К., д. № 114, л. 220). Более того: испанский министр иностранных дел даже настойчивость США в вопросе о формулировке 3-й статьи Вашингтонского протокола объяснял «принятыми американским адмиралом обязательствами в отношении Агинальдо» (см. АВП, К., д. № 70, 1898 г., л. 216).

пондента Робинсона, почти два года находившегося на Филиппинах. Робинсон идёт гораздо дальше Кальдерона. Он отмечает оказание почестей филиппинскому национальному флагу (факт, упорно отрицавшийся Дьюи), передачу американцами пленных испанцев филиппинским революционным властям и т. д.¹

Протест от имени Испании по поводу плавания кораблей инсургентов мы находим и в ноте Тьебо, замещавшего одно время французского посла Ж. Камбона в Вашингтоне².

Командующий первыми американскими сухопутными силами генерал Андерсен, прибывший на Филиппины 30 мая 1898 г., немедленно установил с правительством Агинальдо самый дружеский контакт. В письме, адресованном Агинальдо, 4 июня 1898 г. он писал: «Генерал, имею честь сообщить Вам, что США, силами которых я имею честь здесь командовать, находясь в состоянии войны с Испанией, имеют полную симпатию и самые дружеские чувства к населению Филиппинских островов. Поэтому я желал бы иметь дружеские отношения с Вами и пользоваться Вашим и Вашего народа сотрудничеством».

Андерсен при этом не только сам отдавал себе отчёт в стремлении Филиппин к независимости, но и информировал об этом военное министерство США.

Его телеграмма от 22 июля прямо указывала, что «филиппинский народ ожидает независимость».

Любопытно, что эта телеграмма не только была отправлена через Дьюи и им визирована, но и опубликована в отчёте Дьюи в 1898 году³. Очевидно, в тот момент адмирал не предполагал ещё необходимости через два года доказывать, что ему и «во сне не снилось» филиппинское стремление к независимости.

Об отношениях Андерсена с филиппинскими властями мы знаем и со слов генерала Меритта, прибывшего на Филиппины 25 июня 1898 г. в качестве главнокомандующего. В беседах с представителем США на Парижской мирной конференции в конце 1898 г. Меритт утверждал, что Андерсен относился к Агинальдо и его правительству «как к союзнику и местной власти»⁴.

Да и к самому Дьюи правительство Агинальдо обращалось как к союзнику. Не удивительно поэтому, что, подводя итог тактике американцев в период испано-американской войны, крупный знаток Филиппин, Ле Рой, отнюдь не склонный защищать филиппинскую точку зрения, должен был согласиться, что она являлась по меньшей мере молчаливым признанием правительства Агинальдо⁵.

Таким образом, можно считать установленным, что американское командование до разгрома Испании всячески избегало обострений взаимоотношений с филиппинским революционным правительством и предпочитало не разрушать иллюзий, касавшихся позиций США по вопросу о независимости Филиппин.

Причина этой тактики понятна. В первую очередь она заключалась для США в том, чтобы руками филиппинцев ликвидировать испанское господство. По существу, США вступили в войну неподготовленными и лишь к концу войны смогли полностью развернуть и комплектование армии и её снабжение⁶.

¹ Robinson Op. cit., p. 51; Cp. Le Roy «The Americans in the Philippines», Vol. I, p. 214.

² «Foreign relations», 1898, n. 810—811.

³ 56 Congress, 1st Session. Document 208.

⁴ «Foreign relations, 1898», p. 920.

⁵ Le Roy. Op. cit. Vol. I, p. 214.

⁶ Слабую готовность США к войне признавал впоследствии и военный министр Э. Рут (см. его речь в военном колледже 1908 г. «Root E. Addresses and reports», p. 127). Американский генерал Вильсон прямо утверждал, что счастливым окончанием войны

До конца операций на Кубе США не могли направить на архипелаг сколько-нибудь значительные силы. Вместе с тем сложившиеся в период войны филиппино-американские отношения отнюдь не исключали задач революционного правительства защищать интересы молодой республики дипломатическим путём и добиваться её международного признания.

Уже декрет Агинальдо от 23 июня 1898 г., являвшийся вплоть до утверждения конституции, выработанной революционным конгрессом в ноябре 1898 г., органическим законом, создавал министерство иностранных дел. Одновременно ст. 31 этого декрета предусматривала создание заграничного революционного комитета в составе трёх секций: дипломатии, армии и флота. В условиях ещё не законченной борьбы на Филиппинах этот комитет, находившийся в Гонконге, играл очень активную роль.

В «медовый месяц» филиппино-американских отношений правительство Филиппин пыталось через посредство своих американских союзников доводить до сведения иностранных держав о своих мероприятиях и законах. Так было с актом провозглашения независимости от 12 июня 1898 года.

Укрепление положения революционного правительства на архипелаге, с одной стороны, и разгром Испании — с другой, активизировали дипломатическую деятельность филиппинцев. Несомненным толчком явились начатые Жюлем Камбоном в Вашингтоне по поручению испанского правительства переговоры о прекращении военных действий.

6 августа 1898 г. Агинальдо опубликовал обращение к иностранным державам, в котором говорилось: «Нижеподписавшийся в силу своей власти как президента революционного правительства Филиппин и от имени представителей филиппинского народа обращается за поддержкой ко всем державам цивилизованного мира, настоятельно приглашает к официальному признанию революции воюющей стороны и к признанию независимости Филиппин».

Через несколько дней (10 августа) был реорганизован революционный зарубежный комитет и одновременно назначен в качестве представителя филиппинского правительства в США Фелипо Агонсильо.

Были утверждены уполномоченные революционного правительства и в других странах. Большею частью это были давно там проживавшие представители крупной филиппинской буржуазии и интеллигенции.

Представителями в Париже были утверждены один из крупнейших богачей Манилы, Педро Рохос, и талантливый филиппинский художник Хуан Луна, брат одного из выдающихся революционных генералов — Антонио Луна¹. В Лондоне революционное правительство было представлено давно натурализовавшимся адвокатом Рехидором, в Японии — Мориано Понсе, выполнявшим ещё раньше поручения по закупке оружия.

Вряд ли филиппинское правительство могло быть в курсе тех острых споров, которые развернулись в Вашингтоне в связи с формулировкой третьей статьи Вашингтонского мирного протокола, касавшейся Филиппин. Затяжка переговоров Жюля Камбона, начатых 22 июля 1898 г., до

США «обязаны больше неготовности и неэффективности испанских армий и флота нежели более высокой организованности и руководству своих» (Wilson J. H. «Under the old Flag». Vol. II, p. 415). Это полностью совпадает и с выводами русского полковника генерального штаба Жилинского, командированного по высочайшему повелению на Кубу (Жилинский «Испано-американская война. Отчёт. Не подлежит оглашению», стр. 235—237. СПб. 1898). Об очень плохом состоянии лагерей волонтеров, их вооружении и снабжении говорят отчёты русского генерального консула в Нью-Йорке. Наконец, русский посол Кассини доносил в Петербург, что «Америку толкает к миру тяжёлое положение армий». В его депеше от 18 августа 1898 г. имеется ссылка на заявление американского командования на Кубе: «Если американские войска не будут немедленно эвакуированы, то армия не только не будет иметь сил идти на врага, но даже добраться до судов, которые должны её отправить в США» (АВП. К., д. № 114. 1898 г., л. 238).

¹ K a l o w. Op. cit., p. 227.

12 августа связана была главным образом с филиппинским вопросом США настаивали на следующей редакции 3-й статьи: «США займут город, бухту и гавань Манилы до заключения мирного трактата, который определит контроль, владение (possession) и управление Филиппинскими островами». Испания, всё ещё рассчитывавшая на сохранение Филиппин¹, настаивала на замене слова «владение» словом «распоряжение» (disposition). Испания боялась признать американскую формулировку, ставившую под сомнение вопрос о суверенитете над Филиппинами. При этом президент Мак Кинли уже во время Вашингтонских переговоров доказывал, что морская победа Дьюи создаёт факт «завоевания» Филиппин. Слабость этой аргументации была ясна самим американским империалистам. Несомненно, захват Манилы вооружённым путём 14 августа 1898 г., хотя США на основе Вашингтонского протокола от 12 августа могли её оккупировать мирным порядком, связан был с сознательным созданием оснований для претензии на «завоевание». Впоследствии это завоевание Манилы было искусно использовано делегатами США в Париже соответственно с непосредственными указаниями Мак Кинли. Испания понимала смысл вооружённого захвата Манилы, поэтому ещё до начала парижских переговоров тщетно пыталась добиться от США признания, что американские войска находятся в Маниле, в соответствии с Вашингтонским протоколом от 12 августа, а не на основе акта о капитуляции манильских властей от 16 августа 1898 года. Всё это как нельзя лучше свидетельствует, что намерения захватить Филиппины существовали вопреки обычным представлениям ещё до начала парижских переговоров. Лишь в результате настояний Камбона, Мак Кинли отказался от своей редакции (possession).

Но даже в своей окончательной редакции эта статья в отличие от статьи, касавшейся Кубы, оставляла вопрос о Филиппинах открытым.

Уже это обстоятельство побуждало филиппинское правительство к немедленным действиям.

Ещё более тревожным предупреждением явилось изменение тактики американского командования после подписания мирного протокола с Испанией.

Как известно, столица Филиппин, Манила, была взята американцами с бою после подписания Вашингтонского протокола и одновременного распоряжения Мак Кинли о прекращении военных действий.

Этот факт впоследствии явился предметом длительных споров между американскими и испанскими дипломатами. Но для филиппинского правительства захват американцами Манилы, падение которой было подготовлено филиппинскими военными действиями, немедленно обернулся своей империалистической стороной. Запрещение филиппинцам не только участвовать в занятии города, но и переходить установленную американцами демаркационную линию было первым наглядным уроком. С этого дня между военными силами филиппинцев и американцев создаются напряжённые отношения, которые в дальнейшем обостряются независимо от официальной политики филиппинского правительства и логично приводят к вооружённому столкновению в самый невыгодный для филиппинцев момент — накануне голосования парижского договора в сенате США.

Агонсильо прибыл в Вашингтон 27 сентября, т. е. после отъезда американской делегации в Париж. Он сумел добиться аудиенции у президента Мак Кинли, но частной, а не официальной, как ему того хотелось.

Беседа с Мак Кинли оказалась совершенно бесплодной и из свидания с американским государственным деятелем Агонсильо вынес твёрдое убеждение, что тот и не думает о признании Филиппинской республики.

¹ См. заявление испанских государственных деятелей и донесения очень близкого к испанскому двору Шевича. АВП. К., д. № 114, 1898 г., л. 76.

Филиппинскому представителю оставалось только немедленно послать соответствующую пессимистическую информацию на родину. Не теряя времени, он направился в Париж, где, как ему было обещано в Вашингтоне, американские делегаты должны были выслушать его пожелания. Однако в Париже филиппинского представителя ждало ещё большее разочарование. Он не только не был допущен к работам конференции, но не смог даже добиться свидания с главой американской делегации.

С большим трудом ему удалось через генерала Грина представить краткий меморандум¹, не оказавший, как и вся деятельность Агонсильо, какого-либо влияния на ход конференции.

Испания была разбита и разорена. Судьба её колоний зависела от милости победителя. 10 декабря 1898 г. Парижский договор зафиксировал крах Испании как колониальной державы. Уступка Испанией своих колониальных прав на Филиппины Соединённым Штатам разбила надежды филиппинцев на независимость. Агонсильо вынужден был выступить с заявлением протеста и кампанией в парижской прессе. Учитывая резкую оппозицию против колониальной политики Мак Кинли в США и надеясь, что договор не будет утверждён сенатом, Агонсильо снова возвратился в США. Здесь он поддерживает тесные связи с американскими «антиимпериалистами» и руководящими кругами демократической партии, стремившейся использовать оппозиционные настроения в своих интересах. В то же время он продолжает упорно добиваться, чтобы его признали официальным представителем филиппинского правительства.

5 января 1899 г. Сиксто Лопес, секретарь Агонсильо, обратился к государственному секретарю, настаивая на приёме Агонсильо и урегулировании вопроса о вручении им своих верительных грамот президенту. Письмо осталось без ответа, так же как и последующие личные обращения Агонсильо к государственному секретарю². Когда 25 января 1899 г. было решено, что голосование по вопросу о Парижском договоре в сенате состоится 6 февраля, Агонсильо направил через государственный департамент длинный меморандум, в котором освещалась история испано-филиппино-американских отношений и доказывались несомненные права филиппинского народа и созданного им республиканского правительства на признание.

Судьбу этого интересного меморандума нам не удалось проследить, но практических результатов он не принёс.

Отклоняя все домогательства филиппинского представителя, президент Мак Кинли принимал меры к тому, чтобы ускорить установление американского суверенитета над Филиппинами. Он, как и другие сторонники аннексии Филиппин, стремился поставить сенат США к моменту голосования Парижского договора перед свершившимся фактом.

Президент соответствующим образом инструктировал генерала Отиса, заменившего на посту главнокомандующего американскими силами генерала Меритта, после отъезда последнего на Парижскую конференцию. Отис был назначен военным губернатором Филиппин и пытался выполнить требования Мак Кинли как можно скорее установить американское господство над архипелагом.

Это вызвало самые энергичные протесты филиппинского республиканского правительства.

В создавшейся обстановке Агинальдо, наконец, решился утвердить и опубликовать принятую революционным конгрессом конституцию, прокламирование которой он задерживал, будучи недоволен ограничением в ней прав президента.

2 января Агинальдо назначил премьером республиканского кабинета Аполинарио Мобини, одного из наиболее последовательных сторонников

¹ 55 Congress, 3 Session, S. Doc. № 62, p. I, pp. 429—440.

² Kallow. Op. cit., pp. 233—235.

полной независимости Филиппин. 5 января 1899 г. было опубликовано за подписью президента Агинальдо обращение к «братьям филиппинцам и к уважаемым консулам и союзникам». Оно содержало резкий протест против попыток американских войск силой захватить Висайские острова, против назначения Отиса военным губернатором и т. д. Хотя воззвание и заканчивалось заявлением о готовности защищать территорию Филиппин с оружием в руках, филиппинское правительство до ратификации договора в сенате США ещё рассчитывало на возможность мирным путём добиться признания независимости.

В то время как Агонсильо тщетно добивался признания в США, на Филиппинах 11 января 1899 г. начались непосредственные переговоры между американскими представителями, назначенными Отисом, и филиппинскими делегатами.

В отличие от правительства в Вашингтоне, Отис не мог уклониться от переговоров. Он видел нарастающее напряжение на Филиппинах и в то же время не располагал достаточным, по его мнению, количеством солдат.

С первых же дней переговоры были обречены на безрезультатность. Филиппинская делегация доказывала право страны на независимость и настаивала на её признании американцами. Переговоры тянулись около месяца. Глава американской делегации генерал Хьюс довольно откровенно заявлял, что «старался их продолжать до тех пор, пока прибудет судно генерала Лоутона с четырьмя батальонами».

По настоянию филиппинских делегатов Отис вынужден был сообщать их требования в Вашингтон. При этом он не мог не признать, что «инсургенты желают квалифицированной независимости под протекторатом Соединённых Штатов». Возможно, что эти переговоры явились одной из причин посылки Мак Кинли на Филиппины специальной комиссии, возглавленной известным финансовым деятелем, для обследования положения на месте. Но прежде чем эта комиссия добралась до Манилы, на Филиппинах вспыхнули военные действия между филиппинскими и американскими силами. Первые выстрелы, прозвучавшие 4 февраля 1899 г., почти накануне голосования в сенате Парижского договора, были представлены в США как «вероломное нападение» филиппинцев. Они обеспечили утверждение договора большинством трёх голосов.

Договор был ратифицирован. Филиппины признаны американской колонией. Однако для того чтобы осуществить полученные по договору «права», Соединённым Штатам пришлось в течение нескольких лет вести кровопролитную борьбу с филиппинским народом, послать на архипелаг более 70 тыс. солдат и пойти на реальные уступки в области колониального управления.

Вооружённая борьба филиппинского народа против новых колонизаторов явилась основной причиной того, почему США должны были пойти на значительные уступки, почему возникший на Филиппинах американский колониальный режим по своему относительно либеральному и демократическому характеру столь сильно отличался от режима в колониях других держав.

Народная борьба переплетается и с попытками дипломатическим путём добиться удовлетворения филиппинских чаяний. При этом наглядно выступает и постепенная дифференциация в лагере Филиппинской республики.

Примкнувшие к революции либеральные буржуазно-помещичьи элементы постепенно готовы были отказаться от требования полной независимости и искать компромисс с США. Широкие возможности развития торговли, упразднение стеснительных ограничений испанских времён, открытие Манилы для торговли всех наций смогли использовать в первую очередь те наиболее консервативные слои филиппинского общества, которые вообще не принимали участия в восстании. Они отсиживались

в блокированной революционерами Маниле под властью испанцев и остались в столице после её захвата американцами.

Между этими элементами и либеральным крылом в лагере республики существовала постоянная связь. Постепенно, по мере отхода либералов от революционной борьбы под влиянием трудностей, с одной стороны, и американских уступок — с другой, они перебираются в Манилу и начинают также фактически сотрудничать с американскими властями.

Все эти процессы наметились уже в 1899 г., в связи с прибытием в Манилу комиссии Шермана. 4 апреля 1899 г. комиссия выпустила воззвание к филиппинцам, обещавшее в случае прекращения вооружённого сопротивления и признания верховенства США демократические порядки, буржуазные свободы и т. д.

Позиция, занятая комиссией, способствовала открытому выступлению манильских консерваторов в пользу немедленного мира любой ценой. В лагере республики принципиальная позиция А. Мабини вызывала оппозицию со стороны либеральных элементов. Петро Патерно, в своё время являвшийся посредником между испанским генерал-губернатором Примо де Ривера и революционным правительством, и крупный адвокат и помещик Буэн-Камино возглавляли эту оппозицию. Патерно и его единомышленники, требуя переговоров с США, тем не менее не были ещё готовы идти на полную капитуляцию, подобно консервативным кругам Манилы. Неудачи американцев в борьбе против филиппинцев, наличие регулярной народной филиппинской армии под командованием способных и энергичных генералов Антонио Луна, Рикорте и др. — всё это порождало у Патерно надежды добиться больших уступок, нежели те, которые были предложены комиссией Шермана.

Под давлением группы Патерно — Буэнкамино, Агинальдо в конце апреля 1899 г. согласился на переговоры с комиссией Шермана. Чтобы облегчить переговоры с США, Агинальдо отстранил кабинет Мабини и создал новый — во главе с Патерно и Буэнкамино.

Мабини неспособен был отстаивать свою линию путём борьбы. Больше всего опасаясь разногласий в революционном лагере, он безропотно уступил свой пост либералам. В кругах военных руководителей Филиппинской республики эта смена кабинета правильно расценивалась как опасный симптом готовности к компромиссу.

Один из наиболее способных и энергичных генералов революции, Антонио Луна, открыто выступил против «предательских попыток сговориться с американцами». Популярный генерал казался сторонникам переговоров гораздо более опасной фигурой, нежели Мабини. Не рискуя его сместить, Агинальдо избрал путь вероломного его устранения. Убийство Луна в июне 1899 г. нанесло удар военной организации Филиппинской республики и одновременно ослабило и позиции Филиппин в переговорах с новой американской комиссией, возглавленной Вильямом Тафтом.

В конце 1899 г. правительство Агинальдо отказалось от сохранения регулярной армии и перешло целиком к партизанским методам борьбы. Это явилось сигналом к дальнейшей дифференциации в руководстве республики. Всё возрастающие воинские контингенты США позволяли американцам военным путём подчинять себе один за другим административные центры архипелага.

Филиппинские дипломаты за границей и в первую очередь гонконгский революционный комитет, к которому переходит инициатива дипломатической деятельности за пределами Филиппин, продолжают связывать надежды на филиппинскую независимость с поражением республиканцев и, в частности, с поражением в президентских выборах Мак Кинли. Их деятельность направлена на поддержание связей с демократической партией США и со всеми антиимпериалистическими лигами, проявлявшими особую активность в связи с избирательной кампанией. В то же

время в нашем распоряжении имеются и материалы, свидетельствующие о дальнейших попытках филиппинской дипломатии добиться признания со стороны некоторых европейских стран.

Переизбрание Мак Кинли явилось новым ударом по филиппинским надеждам получить независимость из рук американской демократической партии.

Процесс капитуляции либеральных элементов и их постепенный переход в Манилу усиливается. Однако начиная с 1900 г. официальная дипломатическая деятельность на Филиппинах не имеет места. Филиппинского правительства уже фактически с этого времени не существует. Но народ продолжает борьбу. И упорный характер этой борьбы диктует США необходимость уступок.

Уже при организации временного управления на «освобождённой» от филиппинских отрядов территории американцы широко привлекают видных филиппинских деятелей, зарекомендовавших себя умеренными взглядами.

Принятый конгрессом США в 1902 г. закон о Филиппинах, предусматривавший демократические права филиппинцев, создание выборной законодательной нижней палаты и т. д. обеспечили прекращение вооружённой борьбы и переход филиппинских националистов на путь мирной парламентской борьбы за достижение независимости.

В 1903 г. была распущена и гонконгская хунта; тем самым прекратились и всякие попытки самостоятельной внешнеполитической деятельности Филиппин.

Филиппинская республика потерпела поражение, но вооружённая борьба народа и усилия его дипломатов не прошли бесследно. Только в результате размаха филиппинского национально-освободительного движения Филиппины могли добиться такого статуса, который хотя и не удовлетворил справедливых требований национальной независимости, но всё же обеспечил более благоприятные, нежели в других колониях, условия для борьбы за неё.

СООБЩЕНИЯ, ПУБЛИКАЦИИ, ЗАМЕТКИ

ВОПРОС О МАНУФАКТУРНОЙ СТАДИИ РАЗВИТИЯ ГЕРМАНСКОГО КАПИТАЛИЗМА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Проф. С. Кан

I

В современной советской исторической литературе не раз уже отмечался факт полной невозможности для буржуазной исторической науки удовлетворительно разрешить проблему перехода от феодализма к капитализму и найти единое, целостное объяснение сложному, протекающему в противоречиях процессу зарождения и становления капиталистического способа производства.

Печальный, признанный самой буржуазной историографией факт полного провала попытки разрешить эту проблему в книге Вернера Зомбарта «Современный капитализм» является только лишним доказательством полной безнадежности найти удовлетворительное объяснение генезиса капиталистического способа производства, оставаясь на позициях исторического идеализма. Начав, как известно, с попыток открыть корни капитализма в аккумуляции городской ренты и переходя затем к войне, роскоши, еврейству и тому подобным «факторам», Зомбарт в последнем издании своей монументальной книги в конце концов докатился, по существу, до вульгарной плюралистической позиции и свёл проблему генезиса капитализма к проблеме генезиса неуловимого и мистического «капиталистического духа».

Не идут дальше этих поисков капиталистического духа, к сожалению, и замечательные во многих отношениях поучительные социологические построения таких крупнейших буржуазных историков-экономистов, какими, бесспорно, являлись Макс Вебер и Эрнст Трельч. Выводя капитализм из этики протестантизма или сводя проблему генезиса капитализма к проблеме генезиса религиозного сознания человека последних веков феодализма, оба эти социолога, вольно или невольно, ставили наголову подлежащие разрешению вопросы и, понятно, не в силах были дать хоть сколько-нибудь адекватное действительности объяснение происхождения и развития капиталистического способа производства.

Поразительный успех исторических концепций Дюшша и Пиренна в годы, предшествовавшие второй мировой войне, убедительно свидетельствует о настойчивом стремлении буржуазной научной мысли найти выход из того своеобразного тупика, куда её завели многочисленные, но безнадежные попытки Зомбарта и зомбартианцев найти корни капитализма в развитии «капиталистического духа».

И Дюшш, заявляющий о том, что «историк-экономист, который отдаёт себе отчёт во всём незероятном богатстве движущих сил общественного развития и не желает подходить к вопросу односторонне или недооценить значение отдельных факторов»¹, должен отказаться от попыток «систематизации» и «отграничения» отдельных исторических эпох, поскольку эпохи эти «не исключают вовсе одна другую, но сосуществуют зачастую друг около друга или проникая одна в другую»², и Пиренн, утверждающий, что между феодализмом и капитализмом «можно найти только количественные, но не качественные отличия»³, безусловно смягчали для буржуазной историографии горечь длинного ряда неудач. Они отвлекали несуществующую самую проблему и тем как бы выводили буржуазную историческую мысль из тупика и «преодолевали» кризис. «История представляет собой *ein fortlaufendes Kontinuum*», — подчёркивает со всей решительностью Шпангенберг в своей специальной работе, посвящённой проблемам исторической периодизации, — границы между отдельными историческими периодами могут быть обозначены только условно, а сами исторические периоды могут представлять собой только субъективные и искусственные образы» («Gebilde»)⁴.

Разумеется, отказ от разрешения общей проблемы перехода от одной общественно-экономической формации к другой и даже отрицание самой возможности исторической периодизации не освобождали буржуазную историографию от необходимости раскрывать причины перехода к «новому стилю хозяйственной жизни» в истории отдельных европейских стран и не снимали с неё обязанности и необходимости в той или иной мере объяснять своеобразные особенности в их развитии. Указанный выше отказ от разрешения общей методологической проблемы должен был на практике привести и действительно привёл к исключительной неразберихе, открыл простор для самого безудержного эклектизма как в области общей истории экономического развития

¹ Dösch A. «Gesammelte Aufsätze», S. 289. Wien. 1928.

² *Ibidem*. S. 290.

³ Pirenne H. «Les périodes de l'histoire sociale du capitalisme». Bruxelles. 1922.

⁴ Spangenberg «Die Perioden der Weltgeschichte». «Historische Zeitschrift». Bd. 127, S. 3, 16.

Европы, так и в области истории экономического развития отдельных европейских стран. Этот эклектизм в области изучения конкретной истории перехода от феодализма к капитализму отдельных стран, и в частности Англии и Франции, не один раз уже отмечался в нашей периодической печати¹.

Тот же, если не больший, эклектизм и методологический разброд являются уделом и немецкой экономической истории. Не будет никаким преувеличением сказать, что проблема перехода Германии к капитализму, не разрешённая вовсе до конца XIX в. представителями так называемой «исторической школы», как «старой», так и «новой», не разрешена удовлетворительно и в XX в. несмотря на всю хвалёную техническую мощь немецкой исторической науки дофашистского периода, несмотря на огромное количество монографий и диссертаций, посвящённых «Wirtschaftsgeschichte» Германии и германского народа!

Понятно, что буржуазная историография Германии не могла не разделять всех основных методологических пороков, присущих буржуазной историографии Западной Европы вообще. Кроме того разрешение сложной проблемы перехода Германии от феодализма к капитализму наталкивалось на ряд дополнительных и специфических трудностей. Не следует упускать из виду то обстоятельство, что именно проблема перехода Германии от феодализма к капитализму больше чем какая-либо другая проблема немецкой экономической истории находилась в зависимости от определённой и классово обусловленной схемы, отказ от которой был совершенно невозможен для большинства представителей немецкой исторической науки.

Не приходится, разумеется, много говорить о хвалёной «объективности» немецкой исторической науки. Легенда об этой объективности задолго до гитлеровского переворота была разоблачена самими представителями немецкой университетской науки, совсем не считавшими нужным скрывать присущую их историческим трудам тенденциозность. Даже в школьных пособиях, в методических руководствах теория факторов давным-давно признавалась лучшим средством борьбы против зловредного исторического материализма².

Покойный Георг Белов ещё в 1920 г. до

¹ Косминский Е. «Английский рабочий в эпоху промышленного переворота». Архив ИМЭЛ 1927 г. Т. III, стр. 421—440; Потёмкин Ф. «Промышленная революция во Франции». «Историк-марксист». 1929. Т. XII, стр. 115—153.

² «История хозяйственного развития должна способствовать гражданскому воспитанию юношества... она должна постоянно подчёркивать «das Nebeneinander der geistiger und materieller Triebkräfte» и тем ограничивать распространение теории исторического материализма» — из методического пособия, выпущенного Силезской исторической комиссией.

конца разоблачил немецкую историческую науку XIX—XX вв. в своей мало известной у нас, но заслуживающей большого внимания книге, посвящённой «Партийно-правительственной новейшей историографии» Германии³.

С редкой откровенностью Белов заявил в ней, что все основные положения современной немецкой историографии корнями своими уходят в эпоху романтизма и своим остриём направлены против идейного наследия революции XVIII века. О том, что в действительности представляла собой знаменитая формула Леопольда Ранке о задачах исторического исследования⁴, тот же Белов достаточно прямо высказывается в другой своей работе⁵. По мнению Белова, историк вообще не может быть объективным. Объективное знание в области исторической науки вообще недостижимо, и лучшее средство приближения к нему состоит, по его мнению, в осознании полной субъективности всякого исторического опыта, в «понимании зависимости нашего суждения» от субъективных «впечатлений и настроений»⁶.

В одном отношении Белов безусловно прав: действительно, объективно познать прошлое с помощью тех методологических приёмов исследования, которые присущи всем немецким историкам со времён Л. Ранке, совершенно невозможно. Субъективизм, безусловно, вполне определяет содержание исторических «трудов» не только верноподанных историков так называемой «прусской школы», но и содержание работ немецких историков-экономистов.

Легенда об особой исторической миссии прусского государства, созданная историками прусской школы во времена воссоединительных войн, не только не умирала, но, наоборот, с особенной силой расцвела именно к концу XIX в. и в том или ином виде легла в основание всех, без исключения, схем перехода Германии от феодализма к капитализму, от средних веков к новому времени, — схем, получивших задолго до гитлеровского переворота самое широкое распространение в трудах немецких историков-экономистов.

Схема, предложенная историками прусской школы, и прежде всего Дройзеном и Трейчке, достаточно хорошо известна. Задача историков-пруссиков состояла прежде всего в том, чтобы возможно ярче представить ту историческую миссию в области культурно-хозяйственного и политического развития немецкого народа, которая будто бы выпала на долю прусских государей и созданного ими государства. И немецкое просвещение («Aufklärung») XVIII в. —

³ Below G. «Die parteiamtliche neue Geschichtsauffassung», Langensalza. 1920.

⁴ Ранке определяет эту задачу как задачу установления «wie es eigentlich gewesen», — как это было в исторической действительности.

⁵ Below G. «Die deutsche Geschichtschreibung», S. 17 ff. München. 1924.

⁶ Below G., «Die parteiamtliche neue Geschichtsauffassung», S. 9.

Лессинг и Кант, Шиллер и Гёте — и невиданный подъём народного хозяйства Германии, её промышленности и торговли, начавшийся в XIX в., по мнению историков прусской школы, были бы совершенно невозможны без плодотворной деятельности «просвещённых» автократов, освободивших будто бы дремавший «дух» немецкого народа от оков предшествующего периода.

Именно на мрачном фоне развала старой германской империи XVI—XVIII вв. — печального последствия Тридцатилетней войны и Вестфальского мирного договора — рисовали Дройзены и Трейчке, Фрейтаги и Зибели картину блестящей созидательной деятельности Гогенцоллернов, сумевших понять историческую миссию Германии и создать предпосылки для нового подъёма. Начало этого подъёма неизменно связывалось при этом с деятельностью Фридриха II и особенно с реформаторской деятельностью министров Фридриха-Вильгельма III — Штейна и Гарденберга¹.

II

В области экономической истории и, в частности, при попытках объяснить переход Германии от феодализма к капитализму схема Дройзена — Трейчке получила самое широкое распространение.

Уже так называемая «старая историческая школа» немецких историков-экономистов в лице Рошера, Гильдебранда и Кнуса отводила в своих построениях достаточно большое место роли государства, что, разумеется, носило не случайный характер, поскольку всеми своими корнями школа эта уходила в идейный мир романтизма, а воззрения Рошера, например, непосредственно связаны были с воззрениями Савиньи и других представителей исторической школы права.

«Новая историческая школа» в области экономической истории, созданная и возглавленная в 70-х годах прошлого века Г. Шмоллером, довела своё преклонение перед прусской государственностью, т. е. перед той грубой силой, с помощью которой создана была «железом и кровью» вторая германская империя, до логического конца. «Ферейн социальной политики», как известно, целиком одобрял и поддерживал социально-экономическую политику Бисмарка, «этически» оправдывал «новый меркантилизм» железного канцлера и ставил своей задачей прежде всего выяснение связей между хозяйственным и социально-политическим развитием страны².

Шмоллер в своих бесчисленных статьях и речах открыто восхвалял немецко-прусское государство. Его экономические взгляды, так же как и взгляды большинства его учеников, складывались «в атмосфере новой империи» в твёрдой вере в то, что именно «монархия, армия и чиновничество» призваны вносить успокоение в раздираемый классовыми противоречиями мир ка-

питализма³. Именно в немецких государях и созданном ими государственном аппарате и видит Шмоллер первопричину всего хозяйственного подъёма Германии в новое время, видит основной и действительный фактор, обеспечивший самый переход её от феодального застоя XVI—XVIII вв. к капиталистическому расцвету XIX века.

Периодизация экономической истории мыслится Шмоллером в форме сменяющихся «эпох», которые отличаются друг от друга прежде всего в чисто политическом отношении. За «эпохой территориальных государств», охватывающей XVI—XVIII вв., следует, согласно предложенной им схеме, «эпоха национальных государств большого масштаба» (XVIII—XIX вв.), за которой в свою очередь следует «эпоха новых мировых держав с их охватывающими весь земной шар экономическими связями»⁴.

Замечательно, что даже наиболее последовательный и строгий критик Г. Шмоллера и всей его «исторической школы», вышедший из рядов всё той же немецкой университетской науки, Георг Белов, сам, по существу, стоит и, конечно, не может не стоять на почве всё той же «прусской», тенденциозной схемы.

Указывая со всей решительностью на то, что предложенная Шмоллером теория ступеней («Stufentheorie») экономического развития целиком связана с его исследованиями в области политики Гогенцоллернов и может быть по-настоящему понята «только под этим углом зрения»⁵, сам Белов, в свою очередь, считает единственно возможным принципом периодизации в области экономической истории только чисто политический принцип. «В земной человеческой юдоли именно политический момент представляется наиболее всеобщим и всеобъемлющим», — указывает он, подчёркивая дальше, что этот политический момент «будет служить для него путеводной нитью при исследовании всех дальнейших общественных связей»⁶.

Белов весьма остро полемизирует против выдвинутого Шмоллером понятия «территориального хозяйства» как промежуточного, переходного периода, охватывающего XVI—XVIII столетия германской истории. Но сам он при этом выдвигает в качестве такого переходного периода «период городского хозяйства под княжеским руководством» («Periode der Stadtwirtschaft unter landesfürstlicher Leitung»)⁷ и, следова-

³ Meinecke Fr. «Der Generationen deutscher Gelehrtenpolitik». «Historische Zeitschrift». Bd. 125, S. 265. J. 1924.

⁴ Proesler H. «Die Epochen der deutschen Wirtschaftsentwicklung», S. 30—31. Nürnberg. 1927.

⁵ Below G. «Zur Würdigung der historischen Schule der Nationalökonomie». «Zeitschrift für Sozialwissenschaft», S. 378. VII Jahrgang. 1904.

⁶ Below G. «Ueber die historischen Periodisierungen», S. 18. Berlin. 1925.

⁷ Proesler H. Op. cit., S. 25; Below G. «Probleme der Wirtschaftsgeschichte», S. 616 ff. Tübingen. 1920.

¹ См. например Treitschke «Deutsche Geschichte im 19. Jahrhundert». Bd. I, S. 7. 29, 76.

² Proesler H. «Die Wirtschaftsgeschichte in Deutschland». S. 16. Nürnberg. 1928.

тельно, для своей собственной периодизации экономической истории Германии также ищет *principium divisionis* отнюдь не в сфере производства и производственных отношений.

Следует иметь в виду, что в той же чисто политической области ищет движущую силу экономического развития Германии огромное большинство историков-экономистов. Даже Допш, свободный в известной степени от «пруссских» увлечений, в одной из своих более поздних работ горячо поддерживает Белова, утверждающего, «что политический фактор имеет большое значение для развития хозяйственных отношений и что развитие денежного хозяйства обычно по большей части определяется политическими обстоятельствами»¹. «Всемирная история определяется прежде всего жизнью государств, политическая жизнь влияет больше, чем что-либо другое, больше, чем хозяйственная, на условия существования народов»², — вторит Белову и Допшу Шпангенберг в своей работе, специально посвящённой проблеме исторической периодизации.

Однако, подчёркивая примат политического фактора, выдвигая именно его в качестве *principium divisionis* всякой исторической периодизации, включая и периодизацию экономической истории, все историки-буржуа, и социал-демократические в том числе, не забывают отмечать плавность и безусловную непрерывность общественно-экономического развития, не знаящего будто бы вовсе ни «цезур», ни «скачков». Переход Германии от феодализма к капитализму, от средних веков к новому времени, мыслится всеми ими исключительно в форме чисто количественного приращения отдельных, наличных уже в самые ранние века признаков. Не будет поэтому преувеличением сказать, что воззрения Пиренна и Допша оказали определяющее влияние буквально на всех современных немецких историков-экономистов, писавших о развитии хозяйства Германии в XVI—XIX веках. Г. Белов, например, прямо указывает, что «если свести воедино все мнения, высказанные по вопросу о периодизации истории, то придётся признать, что в области историко-экономического развития средние века и новое время представляются скорее слитными воедино, чем разъединёнными»³. А. Шпангенберг, подытоживая существующие взгляды, указывает, что в результате длительного обсуждения и столкновения отдельных мнений в настоящее время «граница между новым временем и средними веками стала столь расплывчатой, что представляется вообще почти что совершенно снятой»⁴.

Нет, к сожалению, никакой возможности сколько-нибудь подробно анализировать

здесь многочисленные концепции этого будто бы медленного и плавного перехода Германии от феодализма к капитализму, предложенные отдельными немецкими историками, в том числе и социал-демократическими. Достаточно будет сказать, что большинство их или прямо, как указано выше, стирает границу между средними веками и новым временем, между феодализмом и капитализмом, или же вводит между ними промежуточную, переходную ступень. Так, Зивекинг говорит, например, о «периоде феодального капитализма», Бринкман — о периоде «абсолютистского капитализма» и т. д.

При этом характерно, что почти все немецкие историки в противоречии с собственными представлениями о «непрерывности» и «плавности», стремясь возможно ярче отделить плодотворную созидательную деятельность гогенцоллернских чиновников, обычно всячески преуменьшают степень хозяйственного развития Германии в XVI—XVIII веках. Они склонны представлять весь период после Вестфальского мира в качестве периода почти полного хозяйственного и политического застоя, исключаяющего какой-либо заметный рост и прогресс. «Во времена Альбрехта Дюрера и Ганса Сакса Германия обладала относительно более цветущим хозяйством»⁵, чем в начале XIX в., утверждает, например, Геркнер, повторяя при этом общее мнение. И он и другие немецкие историки склонны тянуть немецкое средневековье вплоть до периода наполеоновских войн и реформ Штейна — Гарденберга и не видят никаких существенных изменений ни в области аграрного строя, ни в области организации промышленности Германии в период между Вестфальским и Тильзитским миром⁶. Они, разумеется, не могут не замечать широкого развития домашней промышленности — *Hausindustrie*, — протекающего как раз в рамках этого периода, но они, как показано будет ниже, вовсе не усматривают капиталистического характера этой рассеянной по немецким деревням мануфактуры и видят в ней лишь старинные промысла «независимых» немецких кустарей.

Настоящим принцем из сказки, пробуждающим от долгого сна «спящую красавицу» — Германию XVI—XVIII вв., — историки-пруссаки типа Дройзена или Трейчке, как известно, изображали сухого и педантичного «философа из Сан-Суси» — старого Фрица. Все историки-экономисты Германии также всячески подчёркивают значение хозяйственной деятельности этого прусского короля, но ещё большее значение они придают реформам прусских мини-

¹ Dopsch A. «Geldwirtschaft und Naturalwirtschaft in der Weltgeschichte», S. 20. Wien. 1930.

² Spangenberg. Op. cit., S. 4 ff.

³ Below G. «Probleme der Wirtschaftsgeschichte», S. 583.

⁴ Spangenberg. Op. cit., S. 2.

⁵ Herkner H. «Die Wirtschafts-soz. Bewegungen von der Mitte des 18. Jahrhunderts». «Propädeäen — Weltgeschichte». Bd. VIII, S. 347. То же самое повторяет и Clapham «Economic development of France and Germany».

⁶ Proesler H. Op. cit., S. 91, Spangenberg. Op. cit., S. 48 также отмечают 1807 год в качестве рубежа между двумя периодами.

стров-либералов Штейна и Гарденберга в период, непосредственно следовавший за Иеной и Ауэрштедтом. Выдвигая, как уже было сказано выше, чисто политический принцип периодизации экономической истории, немецкие историки проводят условную, с их точки зрения, черту—1807 год; именно с этого года начинается, по их мнению, «*Neue Zeit*» — новый период хозяйственного развития — и создаются предпосылки для быстрого подъёма производительных сил страны.

Мы видим, следовательно, что тенденциозная, верноподданническая прусская схема целиком торжествует не только в области политической, но и в области экономической истории современной Германии. Даже те отдельные историки-экономисты, которые, подобно Зомбарту, отдавая дань марксистским «увлечениям» молодости, отказываются признать примат политического фактора и в качестве *principium divisionis* выдвигают другие моменты¹, всё же выпячивают на первый план всё ту же плодотворную деятельность прусских королей и в особенности прусских юнкеров-помещиков. Что же касается Зомбарта, то о его «помещичье-юнкерском крене» не раз уже говорилось в нашей советской печати. В книге «Народное хозяйство Германии» он ставит вопрос о том, «чем обусловлен специфический талант немецкого капитализма?»². И, отвечая на этот вопрос, пишет, что «выдающиеся образцы в области промышленной дисциплины» достигнуты были немцами «путём продолжительного искусственного воспитания», путём прививки всем немцам понятия долга «*Pflicht*». В особенности фактором, благоприятным для развития промышленности, является в данном отношении военная муштра³, подчёркивает он.

Перечисляя во втором томе своего «Современного капитализма» различные препятствия для развития капиталистического духа, Зомбарт, понятно, неслучайно не упоминает о пережитках феодализма. Он вовсе не усматривает в классе юнкеров-помещиков какого-либо препятствия для развития в Германии капиталистических отношений. Наоборот, юнкера-помещики, «являющиеся в Германии прирождёнными вождями», в значительной своей части сами превращаются в капиталистических предпринимателей и гармонически вырастают в новый «стиль хозяйственной жизни». «Феодальный класс, — пишет Зомбарт, — подвержен непрекращающемуся омоложению»⁴.

Это характерное стремление к перенесе-

нию в прошлое Германии любезного сердцам современных немецких буржуа факта сближения их собственных классовых интересов с интересами помещиков можно усмотреть не только в сочинениях В. Зомбарта: «феодальным креном» захвачены все немецкие историки-экономисты, неизменно выдвигающие на первый план фигуру помещика-предпринимателя и капиталиста и подчёркивающие в качестве особенности исторического развития Германии союз между бюргерством — буржуазией — и дворянством.

В этом отношении наиболее последовательную позицию занимает плодовитый гейдельбергский историк-экономист Карл Бринкман. В своих трудах он, подобно многим другим, открыто идеализирует средневековое сословное государство и уделяет много внимания государству периода абсолютизма. Под его бойким пером государства маленьких прусских и австрийских автократов превращаются в какие-то инкубаторы, где под заботливой опекой государей вылупляются первые германские капиталисты. Момент, от которого больше всего зависит понимание всей новейшей истории Германии, говорит он, «состоит в общественно-экономической связанности немецкого абсолютизма с подлинным представителем современного капиталистического бюргерства»⁵.

По мнению Бринкмана, немецкое чиновничество осуществило в Германии то, что в соседней Франции осуществлено было революцией: «Монархия и бюрократия шли здесь многообразными путями навстречу конституционному государству и демократии»⁶, а «феодальные порядки здесь нигде, как это имело место во Франции, не стесняли ни бюргерского предпринимательства, ни сельскохозяйственного развития»⁷.

Сказанного, полагаем, вполне достаточно, для того чтобы сделать следующие общие выводы: методологические пороки, свойственные всей буржуазной западноевропейской историографии, целиком свойственны и историографии немецкой. Уделяя огромное внимание проблемам экономической истории, немецкие историки-буржуа в борьбе против учения Маркса об общественно-экономических формациях безнадёжно запутывались в сетях собственных построений. Уводя вслед за Допшем и Пиренном капитализм в глубь веков и усматривая его признаки чуть ли не у древних херусков, они одновременно, подобно Белову и Зомбарту, доводят средние века и феодальный уклад в области хозяйства чуть ли не до середины XIX в. и положительно неспособны хоть сколько-нибудь определённо объяснить сложный, протекающий в противоречиях процесс становления в Германии новых, капиталистических отношений. «Прусские очки» мешают им видеть и далёкое и недалёкое прошлое германско-

¹ Зомбарт, например, в своей книге «Народное хозяйство Германии» в качестве такого принципа применяет «ритмы хозяйственного развития», приливы и отливы благородных металлов. См. о его взглядах на значение политического фактора «*Der moderne Kapitalismus*». Bd. II, S. 13 ff.

² Зомбарт В. «Народное хозяйство Германии», стр. 65.

³ Там же, стр. 68.

⁴ Там же, стр. 258—260.

⁵ Brinkmann C. «Die bewegenden Kräfte in der deutschen Volksgeschichte», S. 59. Leipzig. 1922; см. также его «*Wirtschafts und Sozialgeschichte*». München. 1927.

⁶ *Ibidem*, S. 64.

⁷ *Ibidem*.

го народа в неискажённом виде! Не только развитие мануфактуры на немецкой почве, но и развитие промышленного переворота получает самое неправильное, далёкое от исторической действительности освещение.

III

С 70-х годов прошлого века вопрос о возникновении и развитии в Германии домашней кустарной промышленности надолго привлекал к себе общественное внимание. Как раз тогда, в годы, непосредственно следовавшие за победным утверждением новой германской империи, «болезненные глухие стоны снова раздались из хижины голодающих домашних ткачей и вызвали в обществе ужас и недоумение»¹.

Большое количество статей и специальных монографий, посвящённых домашней промышленности вообще и отдельным её отраслям в частности, обязано было своим происхождением именно этому, возросшему к концу XIX в. общественному интересу к судьбам немецкого кустарничества, погибающего под напором крупной, машинной индустрии.

Различным вопросам, связанным с проблемой «Hausindustrie» как особой формой промышленной организации или промышленного предприятия, уделяли много внимания вплоть до начала XX столетия и проф. Штида, и Г. Бюхер, и В. Зомбарт, не говоря уже о самом создателе так называемой исторической школы Г. Шмоллере.

Со времени Рошера и Гильдебранда немецкие историки-экономисты продолжали давать самые сбивчивые и противоречивые ответы на вопросы, связанные с переходом немецкой промышленности от средневекового ремесла к капиталистической машинной индустрии, и в особенности на вопросы, относящиеся к домашней промышленности — к деревенскому и недеревенскому кустарничеству, получившему и в Германии самое широкое распространение. На «господствующую неясность», даже «невежество», объясняющиеся отсутствием точного, принципиального понимания существенных сторон вопроса, между прочим, уже давно указывал не кто иной, как В. Зомбарт, много потрудившийся над тем, чтобы по возможности больше занутать сложную проблему генезиса капитализма на немецкой почве².

Нет, разумеется, никакой необходимости обременять читателя обзором многочисленных «теорий» домашней промышленности, выдвинутых отдельными немецкими историками-экономистами, тем более что в трудах проф. Штида или Лифмана³ желающие без особого труда найдут необходимые све-

дения о том, как самые различные исследователи, начиная с XVIII в., определяли сущность «Hausindustrie» или объясняли причины её возникновения.

Однако невозможно понять причины полнейшей несостоятельности, обнаружившейся при попытках конкретного описания и объяснения той стадии немецкой промышленности, которая непосредственно предшествовала машинному производству, если не отдавать себе отчёта в господствовавших среди буржуазных историков немецкого народного хозяйства теоретических построениях, как бы поверхностны они ни были.

Первым историком-экономистом, подвергшим ещё в 50-х годах XIX в. подробному анализу домашнюю промышленность Германии, был В. Рошер — «господин профессор Рошер», как иронически величал его Маркс.

В своих многочисленных историко-экономических трудах и прежде всего в статье «О крупной и мелкой промышленности»⁴ Рошер не раз возвращается к вопросу о происхождении и сущности домашней промышленности в Германии. Совершенно невдумываясь в действительное содержание отношений, царивших в немецкой домашней промышленности, он, не колеблясь, относит к ремеслу те ранние формы капиталистической простой кооперации и рассеянной мануфактуры, при которых работающий надому кустарь сохраняет формально хозяйственную самостоятельность — лично закупает сырьё, продаёт на рынке купцу готовое изделие, в действительности находясь уже в полной зависимости от капитала. Эта система («Kaufsystem»), широко распространённая во всей Германии вплоть до середины XIX в. и даже позже⁵, остаётся для В. Рошера «народным производством», не имеющим ничего общего с мануфактурой, а это, разумеется, неизбежно ведёт к полнейшей невозможности понять экономическую действительность Германии первой половины прошлого века.

И. Шмоллер также не сумел в своих объёмистых трудах далеко уйти от вульгарных определений В. Рошера. И для него, как это уже в своё время отмечал Зомбарт, домашняя промышленность — только «экспортирующее ремесло», т. е. экономическое явление, целиком объясняющееся и определяющееся купеческими интересами. Только через пару десятков лет, уже после выхода в свет своих главных, посвящённых домашней промышленности работ⁶, Шмоллер приходит, наконец, к выводу, что «существенным признаком» данной формы промышленности является «совместная деятельность двух различных социальных клас-

¹ Зомбарт В. «Домашняя промышленность Германии». В «Handwörterbuch der Staatswissenschaften». Русский перевод в сборнике «История труда», стр. 362.

² Там же, стр. 303.

³ Stieda «Literatur, heutige Zustände und Entstehung der deutschen Hausindustrie». Lpz. 1889; Liefmann «Wesen und Formen des Verlags». Freiburg. 1899.

⁴ Roscher W. «Ansichten der Volkswirtschaft». Leipzig. 1861.

⁵ См. об этом Stieda. Op. cit, S. 18.

⁶ Schmoller G. «Zur Geschichte der deutschen Kleingewerbe im 19. Jahrhundert». Halle. 1870; «Die Entwicklung und die Krisis der deutschen Weberei im 19. Jahrhundert». Berlin. 1873.

сов»¹. И он вместе с тем, подобно Рошеру, противопоставляет так называемую «Kaufsystem» системе раздачи предпринимателям сырья на выработку. Только эту раздачу сырья на выработку он и склонен считать подлинной домашней мануфактурой, сводя, следовательно, отношения, возникающие в этом случае между непосредственным производителем—кустарём—и купцом, к обычным отношениям между производителем и потребителем товара, к простой купле-продаже изделий мелких самодельных мастеров.

При этом Шмоллер ещё более наивно, чем Рошер, идеализирует домашнюю промышленность, не останавливаясь даже перед явной и грубой фальсификацией. Кустарь, например, при этом продолжает для него оставаться «в конечном счёте предпринимателем» («eigentlich Unternehmer») и «продавцом товаров» («Waarenverkäufer») ², самостоятельным хозяйчиком, ничем принципиально не отличающимся от мастера-ремесленника прошлых лет.

Можно было бы без большого труда привести массу подобных высказываний как самого Шмоллера, так и его сотрудников по пресловутому «Ферейну социальной политики», но в этом нет никакой необходимости. Исходя прежде всего из интересов *Mittelstand'a* доказать живучесть народного кустарного производства при капитализме, все они на разные лады восхваляют прелести «домашней системы».

Так, между прочим, думают такие крупные буржуазные учёные, как Штида, Гельд, Лексис, Шенберг, Лифман, причём последний в своей известной монографии о «Сущности и формах домашней промышленности» доходит даже до полного отрицания возможности сравнивать домашнюю капиталистическую промышленность как форму организации промышленного предприятия с капиталистической фабричной индустрией, а самого кустаря — с рабочим. По мнению Лифмана, капиталисты, раздающие сырьё на выработку, вовсе не являются предпринимателями в собственном смысле этого слова, а купцами, которые берут на себя лишь одни распределительные функции, и поэтому совсем не отвечают за все те бедствия, которые выпадают на долю кустарей ³. Бедствия эти, по мнению Лифмана, следует объяснять не отсутствием у кустарей средств производства, не эксплуатацией и т. п. и не сосредоточением капитала в руках людей, организующих сбыт, а исключительно наличием конкуренции между самими мелкими производителями, обусловленной самой формой данного вида промышленной деятельности ⁴.

¹ Schmoller G. «Die geschichtliche Entwicklung der Unternehmung». «Schmollers Jahrbuch». Jahrg. XIV. H. 4, S. 25. Leipzig. 1890.

² Schmoller G. «Die geschichtliche Entwicklung der Unternehmung». «Schmollers Jahrbuch». Jahrg. XIV. H. 4, S. 32. Leipzig. 1890.

³ Liefman, Op. cit., S. 40 ff.

⁴ Ibidem. S. 49.

Порочность всех этих теоретических представлений о домашней промышленности, которые в конечном счёте сводятся к тому, что огромное количество фактически зависимых от капитала работников относится к категории самостоятельных хозяйчиков-мастеров, теснейшим образом связана с недостатками прусской промышленной статистики XIX века.

Общие сведения о состоянии народного хозяйства Пруссии, этого крупнейшего государства Северной Германии, историки-экономисты черпали из материалов двух промышленных переписей—1846 и 1849 гг.—первых переписей, охватывающих до ста и более отдельных отраслей и профессий. Данные этих двух переписей сводились после обработки собранного статистического материала в так называемые «Tabellen und amtliche Nachrichten über den Preussischen Staat» и издавались специальным статистическим бюро в Берлине.

На серьёзные недостатки, допущенные при составлении этих таблиц, указывали ещё статистики середины прошлого века (Реден, Дитеричи). Недостатки эти в основном заключаются в том, что данные о состоянии той или иной отрасли промышленности разносились по соответствующим рубрикам обеих таблиц — и «промысловой» и «фабричной» — часто по чисто случайным и неустойчивым признакам, не имеющим ничего общего с подлинно научной классификацией промышленных форм.

Нам уже приходилось указывать на серьёзные недостатки прусской промышленной статистики, которые затрудняют пользование собранным в «Таблицах» цифровым материалом и не позволяют делать правильные выводы о действительном уровне промышленного развития Пруссии накануне и в начале промышленного переворота ⁵.

Несколько позднее Н. И. Фриман в своей работе о «Берлинском пролетариате накануне революции 1848 года» ⁶ подверг детальному критическому анализу методы составителей указанных «Таблиц». Он доказал, что «Таблицы» эти «не могут дать самостоятельной иллюстрации характера прусской промышленности» и вообще страдают столь большими недостатками, что не позволяют правильно судить о состоянии и степени развития промышленности Пруссии в 40-х годах XIX века. По его мнению, в «Таблицах» преуменьшается степень развития наёмного труда и тем самым — классовых противоречий, и это неизбежно приводит к полному искажению исторической действительности.

Особенно сильно затушёвывают действительные отношения «Промысловые таблицы», поскольку они охватывают всех занимающихся ручным трудом («Handwerker»), не делая вовсе различия между са-

⁵ Кан С. «Два восстания силезских ткачей (1793—1844)». Монографическое исследование (машинопись). М. 1940.

⁶ Фриман М. «Берлинский пролетариат накануне революции 1848 г.». Монографическое исследование (машинопись). М. 1941;

мостоятельным мелким товаропроизводителем и рабочим мелких капиталистических промыслов и капиталистической мануфактуры. Понятно, что допущенное в «Таблицах» смешение самых различных категорий работников приводит на практике к резкому преувеличению количества самостоятельных хозяев, к затушёвыванию классового расчленения и, в конечном счёте, к явному преуменьшению степени капиталистического развития домартовской Пруссии.

Выводы Н. И. Фримана, таким образом, вполне подтверждают вскользь брошенные Марксом в предисловии к первому изданию I тома «Капитала» слова о социальной статистике Германии, которая «...находится в жалком состоянии» и только «...приоткрывает покрывало как раз настолько, чтобы заподозрить под ним голову Медузы»¹.

Пороки первых двух промышленных переписей наложили свой отпечаток на всю последующую деятельность прусского статистического бюро, которое, понятно, поставляло соответствующий материал и для теоретических обобщений Рошера и Шмоллера. С другой стороны, сами эти порочные теоретические построения влияли на результаты статистических подсчётов, поскольку самая методика сбора и обработки материала опиралась на те или другие теоретические построения и схемы.

Проф. Штида, например, обращает внимание на то, что промышленная перепись 1882 г. проводилась в германской империи под непосредственным влиянием Лексиса, который рассматривал кустарей исключительно только как «dislozierte Arbeiter» т. е. видел в них лишь разбросанных по своим светёлкам промышленных рабочих, и отказывался видеть в тех кустарях, которые самостоятельно закупают сырьё и продолжают продавать готовые изделия купцам на рынках, работников домашней капиталистической промышленности².

В переписи 1882 г. понятие «домашняя промышленность» оказывается столь суженным, что большое число мелких кустарей, уже давно целиком потерявших всякую связь с потребителем и полностью зависящих от предпринимателей-мануфактуристов, скупающих у них готовые или полуготовые изделия, отнесено в рубрику «ремесленников», что, разумеется, совершенно искажает действительность. Немецкие статистики, как это видно, разделяли все пороки, которыми страдала и наша русская земская статистика конца прошлого века.

IV

Указанными выше недостатками и пороками ещё не исчерпываются все теоретические погрешности, присущие представи-

см. статью М. Фримана «Критический обзор источников и литературы о берлинском пролетариате накануне революции 1848 г.». Учёные записки Ярославского пединститута, вып. VII, 1945.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVII, стр. 7.

² Stieda. Op cit., S. 17.

телям немецкой университетской экономической истории. В «Фабричных таблицах» к «фабричным заведениям» («Fabrikanstalten») отнесены все крупные предприятия вообще, независимо от того, применяется ли в них система машин или нет. Фабричные предприятия в подлинном, научном смысле этого слова свалены в них в одну кучу с мануфактурами.

Ещё Ленин в «Развитии капитализма в России» указывал: «Смешивать мануфактуру и фабрику — значит брать в основу классификации чисто внешние признаки и просматривать те существенные особенности техники, экономики и бытовой обстановки, которые отличают мануфактурный и машинный период капитализма»³. Это смешение понятий фабрики и мануфактуры, как известно, особенно характерно для двух крупнейших немецких историков-экономистов конца XIX в. — Гельда и Бюхера, по адресу которых и сказаны были Лениным приведённые только что слова.

И Гельд и Бюхер хорошо понимают, что домашняя промышленность, как особая форма промышленности, представляет собой явление нового, не средневекового порядка. И оба они поэтому выделяют работу на скупщика в особую форму промышленного производства. Однако это признание капиталистической природы кустарничества несколько не мешает и Бюхеру и Гельду всячески затушёвывать факты именно капиталистической эксплуатации кустаря, неразрывно связанные с мануфактурной стадией развития капитализма. Одновременно они не меньше Шмоллера идеализируют новые производственные отношения, создающиеся в процессе общественного разделения труда.

На страницах «Возникновение народного хозяйства» Бюхер, как известно, уделяет достаточно внимания вопросу об упадке средневекового ремесла. Он исходит при этом из весьма спорного положения о полном преобладании ремесла в промышленности Германии не только в конце XVIII, но и в первые десятилетия XIX века.

Описав скромное, но безбедное существование мелких ремесленных мастеров во времена средневековья, Бюхер с удовлетворением констатирует, что именно «таково было старое ремесло» и что, по существу, вплоть до 40-х годов XIX в. «в этом отношении мало что изменилось»⁴. Только позднее кустарная и фабричная промышленность, по мнению Бюхера, совершенно поглотила некоторые мелкие ремёсла, другие же оказались отодвинутыми на второй план, что, однако, совсем не привело к уничтожению ремесла вообще: если ремесло не смогло больше процветать в крупных городах, говорит он, то «оно тем более распространилось в деревне и здесь породило многочисленные, связанные с земледелием пред-

³ Ленин. Соч. Т. III, стр. 430.

⁴ Бюхер «Возникновение народного хозяйства», стр. 131.

приятия, на которых с удовольствием останавливается глаз человеколюбивых людей»¹.

«Человеколюбивый глаз» самого Бюхера не видит всех тех бедствий, выпадающих на долю мелких производителей, которые неизбежно связаны с распространением кустарничества. Бюхер готов даже подвергнуть сомнению правильность многочисленных «жалоб и нареканий» со стороны разоряющихся ремесленников, которые раздаются «с самого начала новой хозяйственной эпохи»². Главная причина этих жалоб кроется, по его мнению, «в ложном представлении о той степени благосостояния, которую вообще может дать ремесло, как форма промышленности»³. Аргументация Бюхера, таким образом, предвосхищает выводы современных английских буржуазных апологетов капитализма, стремящихся затушевать факт социальных бедствий, связанных с переходом к капиталистическому способу производства, ссылаясь на будто бы аналогичное положение трудящихся в предшествующий экономический период.

Гельд ещё решительнее, чем Бюхер, идеализирует капиталистический способ производства и первые стадии капитализма в промышленности. Он также не усматривает никакой принципиальной, качественной разницы между средневековым ремеслом и последующими формами промышленной деятельности. Предвосхищая Пиренна и А. Озе, он утверждает, что между всеми этими формами можно найти лишь «количественное отличие»⁴, связанное прежде всего с увеличением размеров производства под влиянием всё растущего спроса. Средневековые ремесленные мастерские вовсе не отличаются «столь принципиально»⁵ от капиталистических предприятий, полагает он, и в средние века имелись налицо случаи создания крупных капиталов и сбыта товаров на далёкие рынки. Полемизируя с марксистами, Гельд совершенно отрицает эксплуатацию как явление, присущее капитализму, и рассматривает отношения между трудом и капиталом как отношения взаимных услуг («Dienste») между подчинённым и подчиняющим, основанные на взаимной пользе⁶.

И Гельд, подобно Бюхеру, выделяет домашнюю промышленность как особую форму промышленной организации. Оба они одинаково далеки от правильного понимания стадий развития капитализма в области промышленности. Оба они отрывают «Hausindustrie» от «Fabrikindustrie», сближают кустарничество с ремеслом, совершенно не отдавая себе отчёта в том, что, говоря словами Ленина, «...немецкая Hausindustrie, русская «домашняя система крупного производ-

ства» представляют из себя капиталистическую организацию промышленности, ибо тут не только господствует товарное производство, но и владелец денег господствует над производителем и присваивает себе сверхстоимость»⁷. Оба они берут в основу классификации чисто внешние признаки (длину пути прохождения товара от производителя к потребителю, размеры сбыта) и, по существу, совсем снимают с обсуждения важнейший вопрос — о связи и преемственности между отдельными формами промышленности.

Гельд, например, характеризуя в своей работе «Основные формы промышленности» (Grundformen des Gewerbetriebes), выделяет, так же как и Бюхер, «Hausindustrie» в особую форму промышленности, но самую возможность разделения экономической истории на отдельные, ограниченные друг от друга эпохи допускает, по существу, только для одной Англии. В Германии, по мнению Гельда, можно было наблюдать последовательное развитие кустарной и фабричной промышленности, «однако здесь невозможно вообще различать между собой две эпохи и две фазы развития промышленности, из которых одна представляет из себя победу кустарничества, а другая — фабрики»⁸.

Таким образом, Гельд не только не выделяет мануфактурную стадию развития капитализма, но и растворяет кустарничество — работу на скупщика — в других формах немецкой промышленности; он выбрасывает эту форму из общей схемы промышленного развития Германии.

И Бюхер и Гельд, подобно русским народникам, учившимся на их трудах, совершенно не понимают, что «...самая тесная и неразрывная связь между торговым и промышленным капиталом есть одна из наиболее характерных особенностей мануфактуры»⁹ и что «Скупщик» почти всегда переплетается здесь с «мануфактуристом»¹⁰. Именно поэтому при классификации капиталистических форм и стадий промышленности Бюхер и Гельд, с одной стороны, сближают ремесло с кустарничеством, а с другой — смешивают мануфактуру с фабрикой.

Нельзя отрицать влияния, оказанного теоретическими воззрениями Бюхера и Гельда на разработку экономической истории Германии XVIII—XIX вв. и, в частности, на разработку вопросов, связанных с историей возникновения и развития её фабричной промышленности. Не меньшее, если не большее, влияние на разработку вопросов экономической истории Германии в новое время оказали методологические установки и конкретно-исторические выводы Вернера Зомбарта.

Свои общие воззрения на сущность кустарничества Зомбарт излагает в специальной главе «Современного капитализма», анализирующей начальные формы крупных капита-

¹ Бюхер «Возникновение народного хозяйства», стр. 126.

² Бюхер. Указ. соч., стр. 146.

³ Там же.

⁴ Held «Zwei Bücher zur sozialen Geschichte Englands», S. 536. Leipzig. 1881 («Einen quantitativen Unterschied»).

⁵ I b i d e m («so prinzipiell scharf»).

⁶ Held. Op. cit., S. 539.

⁷ Ленин. Соч. Т. I, стр. 306.

⁸ Held. Op. cit., S. 548.

⁹ Ленин. Соч. Т. III, стр. 342.

¹⁰ Там же.

листических предприятий¹. Обрисовав широкое распространение этой формы промышленного производства в Европе уже в XIV—XVI вв. и установив, что основным для этой формы является предоставление владельцем денежных средств кредита в денежной или натуральной формах мелким производителям, Зомбарт переходит к выяснению вопроса о том, имеем ли мы основание усматривать в кустарничестве начатки промышленного капитализма. Правильный ответ на этот вопрос, по его мнению, можно получить только после правильного определения самого понятия «капитализм»: если под капитализмом понимать любые отношения эксплуатации труда капиталом, кустарничество должно быть безусловно отнесено к формам капиталистического производства; если же под капитализмом понимать только определённую форму организации самого производственного процесса, то в этом случае не может быть и речи об отождествлении кустарничества с капитализмом! При «чистом» предоставлении кредита мелкому производителю возникающие отношения целиком принадлежат к сфере распределения и совершенно не затрагивают самого процесса производства — кустарь остаётся попрежнему всё тем же ремесленником, а капитал купца остаётся всё тем же торговым капиталом. Коренное изменение, по мнению Зомбарта, наступает только тогда, когда купец («Geldgeber») берёт на себя руководство процессом производства. «С этого момента возникает капиталистическая организация», — говорит Зомбарт, который ещё раньше категорически отказывался видеть капитализм, там, где зависимость мелких производителей от обладателей денежных средств выражается в скупке этими последними изделий мелких производителей².

Исходя, таким образом, из своего понимания капитализма как определённой формы организации крупного предприятия, Зомбарт отказывается видеть капиталистические отношения не только при наличии «Kaufsystem», как это делали до него многие немецкие буржуазные историки-экономисты, но даже и при наличии раздачи сырья на выработку, предоставлении кредита производителям и т. д. «Verlag» — кустарничество — для него имеет, таким образом, «только чисто внешнее сходство с капиталистическим предприятием, по существу же («innerlich») они друг с другом не имеют ничего общего»³.

Зомбарт, следовательно, подобно большинству других немецких буржуазных экономистов, сближает кустарничество с ремеслом и уже по одному этому закрывает себе пути к правильному пониманию тех явлений в конкретной исторической действительности, с которыми ему придётся столкнуться при анализе экономического развития Германии в период перехода от феодализма к капитализму. Вынося ранние формы простой

кооперации и мануфактуры за рамки капиталистических предприятий и не усматривая в этих формах ничего принципиально нового, Зомбарт, как увидим дальше, пытается дать картину экономической жизни Германии конца XVIII и начала XIX в., неизбежно запутывается в сети противоречий. И это оказывается для него совершенно неизбежным ещё и по другой причине: категорически отказываясь признать существование мануфактурной стадии развития капитализма, он подчёркивает «Nebeneinander, nicht etwa Nacheinander»⁴ в развитии форм крупных капиталистических предприятий. В отличие от Бюхера и Гельда он, хотя и признаёт необходимость отличия понятия мануфактуры от понятия фабрики, тем не менее совершенно не понимает, что различие в самой технике производства неизбежно ведёт к самой непосредственной и самой тесной связи и преемственности между отдельными формами промышленности.

Пристально вглядываясь в отдельные стороны хозяйственной жизни Германии начала XIX в., Зомбарт приходит к выводу, что в промышленной жизни тогда ещё почти исключительно господствовала ремесленная организация⁵, что в связи с этим «здание старого цехового строя стояло ещё непоколебленным в своей старой форме»⁶ и что, наконец, в Германии тогда имелось налицо только укрупнённое ремесло. Большого не представляла ещё и «индустрия»⁷, решительно заявляет он.

По мнению Зомбарта, сдвиги, имевшие место в промышленной жизни в первые десятилетия XIX столетия, мало что изменили в экономике Германии.

Проникновение капиталистических элементов в производство Германии вплоть до начала 50-х годов, полагает Зомбарт, происходило лишь в ограниченных размерах⁸, и случаи капиталистической эволюции, если они имели место, «касались лишь поверхности хозяйственного строя»⁹. Общий колорит хозяйственной жизни домартовской Германии был, следовательно, «совершенно отличен от нынешнего»¹⁰, современного, и именно поэтому только лишь второй половине XIX столетия «было предназначено сделать капиталистическую хозяйственную систему общераспространённой в Германии»¹¹.

Грубая ошибка, допущенная Зомбартом при характеристике уровня экономического развития Германии первой половины XIX в., связана, понятно, с его методологией. В книге «Очерки промышленного развития Германии» он сам признаёт, что «обращал главное внимание лишь на то, что можно назвать «внешней организацией производства»: на отношения, возникающие между

⁴ Ibidem, S. 733.

⁵ Зомбарт В. «Народное хозяйство Германии в XIX и в начале XX в.», стр. 36. М. 1924.

⁶ Там же, стр. 41.

⁷ Там же, стр. 72.

⁸ Там же, стр. 14.

⁹ Там же, стр. 17.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, стр. 240.

¹ Sombart W. «Der moderne Kapitalismus», Bd. II, T. 2, S. 25. Lpz. 1921 («Die Vorstufen der kapitalistischen Grosshettie»).

² Sombart W. Op. cit., S. 722—724.

³ Ibidem, S. 862.

производителем и потребителем, с одной стороны, и между различными производителями, представителями различных отраслей производства — с другой. «Внутренней организации ремесла», — признаётся Зомбарт, он касался «лишь при случае», а под этой «внутренней организацией ремесла» он понимает, ни больше ни меньше, как «взаимные отношения производителей». «внутренний строй самого ремесленного сословия»¹.

Вследствие этого Зомбарт оказывается не в состоянии проследить, как на различных стадиях капитализма меняется самый характер развития производства. Он не проследивает развития капитализма в мелких крестьянских промыслах и равнодушно проходит мимо капиталистической мануфактуры в том случае, если не видит перед собой крупного капиталистического предприятия в его полуцентрализованной или централизованной форме.

Приведя в своих очерках статистические данные, характеризующие «крайне ограниченные размеры» фабричной промышленности домартовского периода, он с пренебрежением подчёркивает, что «во всех отраслях немецкой промышленности того времени всё ещё преобладает кустарная система производства»².

Он не даёт себе труда подробно проследить за развитием этой формы производства и поступает при этом вполне последовательно, поскольку, как мы уже знаем, вообще отказывается видеть капитализм в ранних формах рассеянной мануфактуры, которые как раз и преобладали в первую половину XIX в. в различных отраслях германской промышленности.

Как отмечалось, Зомбарт отказывается признать учение Маркса о капиталистической мануфактуре и категорически отрицает самый факт исторического существования мануфактурного периода. Теперь этот методологический порок мстит за себя, не давая Зомбарту возможности понять и правильно описать сложную хозяйственную действительность переходного периода и толкая его в дебри неразрешимых противоречий!

V

Не подлежит никакому сомнению, что именно все эти неправильные взгляды Зомбарта способствовали широчайшему распространению самых превратных представлений о народном хозяйстве Германии первой половины XIX века.

Мы сталкиваемся с этими неверными представлениями в большинстве работ как немецких историков-экономистов, так, что особенно досадно, историков-иностранцев, писавших об экономике Германии домартовского периода. Последние, несмотря на отсутствие у них предвзятой схемы, охотно вслед за Зомбартом повторяли, что в начале XIX столетия «German industry in general

could in no sense be called capitalistic»³. И те и другие хорошо запомнили те блестящие по форме, яркие страницы домартовских книг, где рассказывается о «ночном стороже с копьём в руках и рожком», как символе старого, будто бы сохранившегося до 1884 г. уклада, и где в образных выражениях живописуется средневековой ещё облик Германии начала прошлого века, и проходят мимо тех маловыразительных и бледных страниц, где Зомбарт, в противоречии с самим собой, не столько говорит, сколько шепчет о существовании в Германии того времени «коственной зависимости от капитала».

Особенно характерны в этом отношении утверждения автора известного руководства по экономической истории Германии Сарториуса фон Вальтерсхаузена, который подытоживает господствующие взгляды. Сарториус начинает с утверждения, что ко времени создания германского союза именно «ремесло лежало в основе промышленного производства Германии»⁴. О развитии кустарничества он говорит немного, указывая всё же на распространение этой формы промышленного производства в Германии того времени⁵, «частично в деревне, частично в городе». Отношения эксплуатации, царящие в домашней капиталистической промышленности, Сарториусом не раскрываются; наоборот, он подчёркивает будто бы сохранившуюся здесь полную гармонию в отношениях между мелким производителем и купцом-предпринимателем⁶.

Из другого места «Руководства» Сарториуса читатель узнаёт о том, что вплоть до 30-х годов ремесло сохранялось в Германии «в своем старом объёме» и только позднее вытесняется новыми формами промышленной организации⁷. О том же, по существу, говорят и Поле, и Гернике, и Шнабель. Для первого из них к началу XIX в. именно ремесло в Германии являлось «гораздо более важной производственной формой» — «eine weitaus wichtige Betriebsform», — а весь экономический строй носил «einen ausgesprochenen mittelalterlichen Charakter»⁸. Для Гернике также вплоть до первых десятилетий XIX в. «der Zunftmässige geleitete und überwachte Kleinbetrieb war die Regel»⁹, а Шнабель в своём известном пособии по истории Германии указывает, что влияние первых шагов технического переворота, сделанных Германией в 20-х—30-х годах, на общественную и государственную жизнь «было едва заметным» — такой, по мнению Шнабеля, отста-

³ Clapham «The economic development of France and Germany», p. 85. Camb. 1923.

⁴ Sartorius von Waltershausen «Deutsche Wirtschaftsgeschichte», S. 17. Jena. 1923.

⁵ Ibidem, S. 18.

⁶ Ibidem.

⁷ Ibidem, S. 72 ff.

⁸ Pohle «Die deutsche Volkswirtschaft im XIX J.». Berlin. 1909.

⁹ Hörnicke «Die Entwicklung Deutschlands von Agrarstaat zum Industriestaat», S. II, 25. Berlin. 1922.

¹ Зомбарт В. «Очерки промышленного развития Германии», стр. 93.

² Там же, стр. 23.

лой и «средневековой» была ещё тогда Германия¹.

В плену у той же зомбартовской схемы оказываются и многие иностранные историки, изучавшие экономическую историю Германии домартовского периода.

Веблен, американский экономист, вообще склонный к парадоксальным точкам зрения, например, не смущаясь, утверждает в своей монографии об «Индустриальной революции в Германии», что страна эта в начале XIX в. «в промышленном отношении целиком ещё находилась на ремесленном уровне развития» и что по сравнению с Англией она к тому времени отстала на два с половиной — три столетия. По мнению Веблена, только во второй половине XIX в. иностранное влияние стало здесь серьёзно угрожать «архаической системе производства»².

Ещё более решительно хозяйственную отсталость Германии в начале XIX в. оттеняет известный английский историк Клефем. По его мнению, хозяйственную жизнь Германии того времени даже нельзя сравнивать с относительно более развитой экономикой Германии времён Дюрера и Г. Сакса³. «Положение, жившее в Германии между концом наполеоновской эпохи и серединой XIX столетия, мало чем содействовало непосредственному развитию капиталистического духа и, хотя и подготовило капиталистическое развитие... само почти не было затронуто дуновением капитализма»⁴, — заявляет Клефем в полном противоречии с действительностью.

И. Бенерте, автор новейшей французской монографии, посвящённой «происхождению крупной германской промышленности», также явно склонен преувеличивать степень экономической отсталости Германии к 30-м годам XIX века. Правда, он не идёт в этом отношении так далеко, как Клефем, или тем более Веблен, и у него мы не найдём сравнения Германии начала прошлого века с Германией Дюрера и Сакса. Он совершенно правильно оценивает отставание германского промышленного развития от английского приблизительно лишь на 50 лет⁵. Но и он в своей книге также не уделяет достаточного внимания германской мануфактуре и проходит мимо всех с нею связанных проблем. Для него, как и для других буржуазных историков-экономистов, не существует вовсе мануфактурной стадии развития капитализма, и он усматривает значимые вехи в Германии машин в том, что оно «внезапно» сломало узкие, ограниченные рамки старого промышленного производства и сразу же создало крупную германскую промышленность⁶.

¹ Schnabel «Deutschland in der weltgeschichtlichen Wandlungen», S. 117 ff.

² Veblen «Imperial Germany and the industrial Revolution», p. 63, 76. London. 1915.

³ Clapham. Op. cit., p. 82, 85, 88.

⁴ Clapham. Op. cit., p. 51.

⁵ Benaerts «Les origines de la grande industrie allemande», p. 119. Paris. 1933.

⁶ Ibidem, p. 460 — 573.

Под крупной промышленностью Бенерте понимает только промышленность фабричную и именно поэтому, повторяя Зомбарта, утверждает, что «в Германии настоящая крупная промышленность была создана только с введением машинизма»⁷. До введения машинной индустрии организация промышленного производства в Германии, по его мнению, опиралась «по существу («essentiellement») на формы прошлого»⁸, состояла из массы изолированных, мелких, не знающих ещё отделения труда от капитала предприятий («Einheitsbetriebe») ⁹. До введения машин Германия, заявляет Бенерте, «меньше всего может быть названа страной капиталистов»¹⁰.

Недостаточное понимание всей сложности процесса перехода от одной формы промышленности к другой, полное игнорирование связи и преемственности этих форм — вот источник всех этих поверхностных и глубоко неверных утверждений. Значительное преувеличение отсталости народного хозяйства Германии конца XVIII и первых десятилетий XIX в. ведёт неизбежно к полной невозможности хоть сколько-нибудь понятно объяснить причины его быстрого капиталистического расцвета во второй половине прошлого века. Из Германии ремесленной и средневековой буржуазные историки-экономисты сразу создают Германию высокой капиталистической индустрии, Германию Тиссенов и Круппов. При этом остаются совершенно неизученными и невыясненными не только особенности именно германского мануфактурного периода, но и сходные черты, объединяющие мануфактурное развитие Германии с соответствующим мануфактурным развитием других стран.

Таким образом, мануфактурный период развития капитализма в Германии просто отбрасывается, и это всемерно облегчает возможность построения любой произвольной схемы её экономического развития, позволяя вместе с тем в качестве *principium divisionis* историко-экономической периодизации выдвигать чисто политические моменты.

VI

Что же в действительности представляла собой промышленность домартовской Германии и почему неправильно вместе с Зомбартом и другими буржуазными историками-экономистами называть её просто «ремесленной»? Почему нельзя никак согласиться с тем, что вплоть до середины XIX в. именно ремесленная организация являлась в Германии «организацией, почти исключительно господствовавшей в промышленной жизни». Нет необходимости излагать здесь те блестящие по форме и глубокие по содержанию страницы «Капитала», где Маркс раскрывает сущность капиталистической мануфактуры.

⁷ Ibidem, p. 373.

⁸ Ibidem, p. 115.

⁹ Ibidem.

¹⁰ Benaerts, Op. cit., p. 123 («Aussi l'Allemagne était elle rien moins qu'un pays de capitalistes»).

Как характерная форма капиталистического процесса производства именно мануфактура господствует в Европе. «...в течение мануфактурного периода в собственном смысле этого слова, т. е. приблизительно с половины XVI столетия...»¹, — указывает Маркс, подчёркивая в то же время, что «...полное осуществление присущих ей тенденций наталкивается на разнообразные препятствия»², и это не даёт ей возможности «...ни охватить общественное производство во всём его объёме, ни преобразовать его до самого корня»³. В связи с этим и в течение мануфактурного периода «городское ремесло и сельская домашняя промышленность» сохраняют ещё широкое и повсеместное распространение.

Правильное понимание процесса развития промышленных форм какой-либо страны зависит, разумеется, от методологии исследователя. Задачи, стоящие перед исследователем-экономистом, работающим в области изучения промышленных форм, давно уже исчерпывающе определены Лениным. Исследователь этот, если только он хочет добиться плодотворных результатов, должен прежде всего обратить самое пристальное внимание на первые стадии капитализма в промышленности, а затем на капиталистическую мануфактуру; он должен показать, какова была экономическая организация важнейших отраслей промышленности «...после того, как они выросли из стадии мелких крестьянских промыслов, и до того, как они были преобразованы крупной машинной индустрией»⁴.

Немецкие исследователи проходят мимо мануфактуры, этой «кооперации, основанной на разделении труда», и, что особенно важно, относят низшие формы «Hausindustrie» к ремесленной форме организации промышленности. Они не понимают, что даже и эти низшие формы домашней промышленности, при которых внешне сохраняются самостоятельность и независимость мелкого производителя, в действительности только скрывают от недостаточно зорких глаз капиталистическую организацию промышленности, господство купца-предпринимателя над производителем.

Для того чтобы действительно понять существо отношений, господствовавших в народном хозяйстве Германии первой половины XIX в., необходимо в противоположность Зомбарту и другим буржуазным исследователям прямо поставить вопрос о мануфактурной стадии развития германского капитализма и только под этим углом зрения изучать сложный процесс перехода от ремесла к фабрике в отдельных отраслях германской промышленности.

Приходится безусловно признать, что из всех буржуазных историков, писавших о германской экономике конца XVIII и начала XIX в., только один Жорес несмотря на всю парадоксальность высказанных им взглядов

ближе всех подошёл к истине. Известно, что именно он обратил на страницах III тома своей «Истории французской революции» внимание на факт постоянного преувеличения экономической отсталости Германии времён французской революции и Наполеона и, главное, предложил со всей решительностью не забывать, что Германия, так же как и Англия и Франция, проходила через мануфактурную стадию капитализма. «В экономическом развитии Германии накануне французской революции мы находим все особенности мануфактурного периода»⁵, — указывает он, ссылаясь на сочинения и показания современников — графа Мирабо, Юстуса Мезера, Георга Форстера. В Германии конца XVIII в., подчёркивает Жорес, отнюдь не наблюдается полного застоя или рутинности. «Промышленность Германии, конечно, не обнаруживает того могучего подъёма, какой происходит во Франции, но она перерождается, переживает кризис, который свидетельствует о мощности её молодых сил»⁶. Развитие промышленности идёт и во Франции и в Германии «в одном направлении».

Со всем этим, повторяем, нельзя не согласиться, отдавая должное зоркости французского историка-социалиста, сумевшего куда лучше разобраться в экономических отношениях Германии, чем это сделали многие и многие исследователи-немцы. Но, к сожалению, Жорес не ограничивается этими правильными общими положениями, стремясь свести свои счёты с историческим материализмом и марксизмом, забывает установить своеобразные особенности развития именно германской национальной промышленности. Он склонен преувеличить степень развития германской экономики и, конечно, совершенно напрасно полагает, что Маркс не видел или не хотел видеть развития капиталистической мануфактуры на немецкой почве. Приходится удивляться, заявляет Жорес, «что Маркс не иллюстрировал свои великолепные исследования мануфактурной эпохи фактами, которые в изобилии мог бы ему доставить этот период в развитии Германии»⁷. Но Маркс, как известно, совершенно сознательно не уделяет внимания мануфактурному развитию Германии в своём «Капитале», в котором даётся анализ капиталистических отношений в их классической и чистой форме. Он, разумеется, хорошо осведомлён о тенденциях экономического развития своей вынужденно покинутой родины. Именно поэтому, как бы предвидя упреки Жореса, уже в предисловии к первому тому своего труда он пишет о том, что всё, сказанное им в первом томе, относится исключительно к Англии. «De te fabula narratur!» — пишет он в предисловии к первому тому «Капитала», обращаясь к немецкому читателю, который вздумает успокаивать себя тем, «...что в Германии дело обстоит далеко не так плохо»⁸.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVII, стр. 370.

² Там же, стр. 405.

³ Там же, стр. 406.

⁴ Ленин. Соч. Т. III, стр. 299.

⁵ Жорес «История французской революции». Т. III, Ч. 2-я, стр. 17.

⁶ Там же, стр. 20.

⁷ Там же, стр. 11.

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVII, стр. 4.

«Страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину её собственного будущего»¹, — указывает Маркс дальше. Меринг, впрочем, уже давно подверг критическому анализу выдвинутые Жоресом против Маркса упрёки и давно и совершенно справедливо назвал «фантазией» слова Жореса о том, что Маркс будто бы хранил «полнейшее молчание» по поводу начальной стадии капитализма в Германии².

В свете всех этих контрверзов лучше вырисовываются задачи подлинно научного исследования в области новой экономической истории Германии и германского народа. Проблема перехода Германии от феодализма к капитализму не может быть разрешена без детального анализа истории возникновения и развития её национальной мануфактуры, её мануфактурной стадии.

Но детальный анализ этот требует от исследователя много больше, чем может дать поверхностная болтовня о «счастливой связи» между предпринимателями и мелкими непосредственными производителями-мастерами, на которую мы наталкиваемся во многих книгах, посвящённых развитию домашней промышленности на немецкой почве. Он требует прежде всего внимания к связи и преемственности отдельных промышленных форм, внимания к национальным особенностям их развития в период, непосредственно предшествующий созданию капиталистической машинной индустрии. Он требует умения применять единственно научный метод исторического исследования — метод марксизма-ленинизма — при изучении конкретных условий перехода промышленности той или другой страны от средневекового ремесла к капиталистической машинной промышленности.

Работы в этой области предстоит много, поскольку подлинно научный анализ вопросов, связанных с процессом перехода германской промышленности от ремесла к фабрике, ещё далеко не охватил не только всей этой промышленности в целом, но и отдельных её отраслей.

В нашей монографии, посвящённой «Дзум восстаниям силезских ткачей», сделана попытка осветить процесс перехода к капиталистическому способу производства на примере текстильной промышленности одной из провинций Пруссии. Детальный анализ внутреннего строя силезских полотняных промыслов, произведённый на основе марксистско-ленинского метода, привёл нас к совершенно новым конкретным результатам³, чем Шмоллера и А. Циммермана, разрабатывавших в конце XIX в. этот же вопрос.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVII, стр. 4.

² Mehring «Pour le roi de Prusse», «Neue Zeit». Bd. I. S. 517.

³ Кан С. «Два восстания силезских ткачей», гл. I (машинопись).

Уже к началу XIX в. в силезской текстильной промышленности — вне всякого сомнения, более отсталой, чем текстильная промышленность Рейнско-Вестфальской области и Саксонии, — вовсе не существовало тех простых и патриархальных отношений, на которые указывают почти все без исключения немецкие историки-экономисты. Здесь давно уже была широко распространена типичная рассеянная капиталистическая мануфактура, далеко ушедшая от старинных домашних промыслов силезских крестьян и тем более от городских ремесленных форм средневековья.

Мануфактура эта имела свои специфические особенности, связанные с сохранением в Силезии до середины XIX в. пережитков крепостничества и феодализма. Пережитки эти тяжело отражались на производстве и обусловливали неизбежное отставание силезской текстильной мануфактуры от промышленной и других более передовых стран, выражавшееся в характерном замедлении здесь перехода от одной формы капиталистической мануфактуры к другой и в длительном переживании так называемой «Kaufsystem».

К не менее отличным от обычных для буржуазной литературы выводам пришёл в своём, к сожалению, также ещё не напечатанном исследовании, посвящённом «Берлинскому пролетариату накануне революции 1848 года» и М. И. Фриман.

Последний ничего, по существу, не оставляет от характеристики Берлина, данной Зомбартом и повторённой позднее Эдуардом Бернштейном: первый из них в своих «Очерках» называет прусскую столицу 40-х годов прошлого века «ремесленным городом» и «большим селом», а второй в своей «Истории рабочего движения в Берлине» подчёркивает, что здесь «в общем ремесленники и их подмастерья всё же составляли подавляющее большинство»⁴.

На основании проведённого со всей возможной тщательностью анализа имеющегося статистического материала (переписи 1846 и 1849 гг.) М. И. Фриман приходит к выводу, что «Берлин 40-х годов был одним из значительных торгово-промышленных центров Германии, в котором ремесло находилось уже не на начальной, а на последней стадии разложения». В отличие от Зомбарта, Бернштейна, Кварка и многих других авторов, не желавших видеть в предмартовском Берлине «города социальных антагонизмов», советский исследователь пришёл к выводу, что Берлин 40-х годов «был городом, экономика которого основывалась на капиталистической мануфактуре» со всеми вытекающими отсюда последствиями и для сферы социальных классовых отношений.

⁴ Фриман М. «Берлинский пролетариат накануне революции 1848 г.», стр. 88 (машинопись).

К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЯХ РОССИИ И ГРУЗИИ В ПЕРВУЮ ПОЛОВИНУ XIX ВЕКА

Действ. чл. АН Грузинской ССР Г. Хачапуридзе

I

Политические и культурные нити издавна связывали русский и грузинский народы. Эти нити особенно укрепились в XVIII столетии. Грузинский царь Вахтанг VI, царствовавший в Карталинии с перерывами между 1703 по 1724 г., заключил военный союз с Петром I, рассчитывая при помощи России избавить свою страну от политической зависимости Ирана. Но этот план не осуществился, а сам Вахтанг VI вынужден был вместе со своими сторонниками переселиться в Россию, где он всецело отдался культурно-просветительной деятельности. В Москве основалась обширная грузинская колония. В селении Всесвятском была открыта грузинская типография, в дальнейшем много способствовавшая расширению и укреплению политико-культурных связей между Россией и Грузией.

Вахтанг VI был одним из образованнейших людей своей эпохи. В основанной им в Тбилиси в 1709 г. типографии впервые была напечатана бессмертная поэма Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» («*Вепхис ткаосани*»). Вахтанг VI сопровождал своими комментариями гениальное произведение Руставели, являющееся замечательнейшим памятником художественной литературы. Прекрасный знаток восточной литературы, Вахтанг перевёл на грузинский язык и редактировал многие произведения (известный сборник басен «Калила и Димна», поэмы «*Барам-Гуламдани*», «*Хосров и Ширин*» и др.). Вахтанг проявил себя как крупный законодатель, собравший и издавший кодекс законов, известный под названием «*Уложение царя Вахтанга*». Этот последний труд был переведён впоследствии и на русский язык и продолжал применяться в Грузии и в первой половине XIX века. Вахтанг являлся и поэтом, собравшим свои лирические стихотворения в сборник «*Маджама*»¹. В своей поэзии Вахтанг отразил горячую любовь к родине и красочно описал свою, богатую невзгодами и превратностями судьбы жизнь.

В установлении культурной связи Грузии с Россией немалую роль сыграли выдающиеся грузинские поэты-классики Мамука Бараташвили, Давид Гурамишвили, Бесика (Габашвили). Находясь на далёкой чужбине, они продолжали горячо интересоваться судьбой своего народа, знакомили русский народ с культурой Грузии, в частности с гениальной поэзией Шота Руставели. В стихах Бараташвили, написанных в последние годы его жизни, отразилось влияние рус-

ской поэзии. Широко использовал в своей поэзии мотивы русских народных песен Гурамишвили.

Вместе с Вахтангом VI переселился в Россию его друг и сподвижник Сулхан Орбелиани. Дипломат, учёный, литературный и общественно-политический деятель, он является автором грузинского «Лексикона» и особенно известного оригинального сборника под названием «*Мудрость лжи*», заключающего в себе около 162 басен, афоризмов и анекдотов. Выдающийся географ, Вахушти Багратиони дал ряд научных трудов, среди них особенно было известно «*Описание Грузинского царства*», вышедшее в свет в 1745 году.

Среди грузин, переселившихся в Россию, многие отмечены в истории как видные военные и государственные деятели. К числу их относится Александр Арчилович Багратиони, который был сначала отправлен в Западную Европу для усовершенствования в военных науках, а затем Петром I назначен первым генерал-фельдцейхмейстером русской артиллерии. В 1709 г. А. Багратиони вместе со многими другими грузинами принимал участие в битве под Нарвой против шведов.

По министерству иностранных дел приобрели известность своей службой А. Р. Муравёв, Г. Хвабулов, который посылался в Грузию чрезвычайным поверенным в период русско-турецкой войны (1768—1774). Видным дипломатом в царствование Екатерины II был С. Л. Лашкарев (Лашкарнишвили), отец которого приехал в Москву в 1725 г., сопровождая Вахтанга VI. Лашкарев знал, помимо грузинского и русского языков, ещё итальянский, турецкий, французский, арабский, персидский, греческий и армянский языки. Лашкарев был драгоманом в Константинополе, резидентом при последнем крымском хане Шагин-гирее, поверенным в делах в Иране. Он сыграл видную роль и в вопросе присоединения Карталино-Кахетинского царства к России.

Вторая половина XVIII в. характеризуется общим политико-экономическим укреплением как Восточной, так и Западной Грузии. С 1760 г. во главе Карталино-Кахетинского царства стал выдающийся государственный деятель, дипломат и полководец Ираклий II. С его именем в представлении грузинского народа связывается возрождение былого политического могущества Грузии и нового культурного подъёма.

В русско-турецкой войне 1768—1774 гг. Ираклий II принимал участие на стороне России. Русское войско, преодолев большие трудности, впервые в русской истории прошло через Дарьяльское ущелье и в августе 1769 г. вступило в Грузию.

«Хотя русские и грузинские войска.— пишет проф. А. А. Цагарели,— совместно не

¹ В Грузинской поэзии «*Маджама*» употребляется и в смысле сборника отдельных лирических стихотворений и в смысле омонимных рифм.

совершили больших военных предприятий и нередко возникали недоразумения между царями грузинскими и начальниками русского отряда, тем не менее почти трёхлетнее пребывание русского войска в Грузии для взаимного знакомства и сближения грузин и русских было бесполезно»¹.

Наряду с стремлением внести упорядочение в управление страной, провести ряд важнейших социально-экономических реформ, Ираклий II проводил мероприятия и культурно-просветительного характера, став при этом на решительный путь усвоения европейской культуры и образованности. Он имел в этом отношении преданного соратника и деятельнейшего сотрудника в лице своего двоюродного брата, католика Антония. Одно время последний жил в России, занимая должность архиепископа во Владимире. Антоний является автором многих богословских произведений. Он написал несколько руководств и учебников, перевёл на грузинский язык «Физику» Вольфа, «Логику», «Этику» и «Метафизику» Баумейстера. По настоянию Антония в Тбилиси была восстановлена типография, закрытая в связи с отъездом Вахтанга VI в Москву. Только за первые два года существования этой типографии в ней было отпечатано 7400 экземпляров разных книг.

В Тбилиси в 1756 г. была основана семинария. Ректором её был назначен «доктор философии», друг Антония, священник Филипп Каитмазашвили. В 1782 г. семинария была открыта также в Телави. Ректором этой семинарии был назначен ученик Антония — Ганоз, переехавший впоследствии в Россию и назначенный епископом Моздока. Ганоз много способствовал обогащению грузинской научной литературы. Он является автором истории Грузии, грузинской грамматики, он же перевёл на грузинский язык Марка Аврелия, «Регламент» Петра I, «Историю древнего Востока», «Историю Египта» и др.

В 1785 г. Романоз Зубашвили открыл типографию в Кутаиси, где происходило печатание церковной и светской литературы. Увеличилась роль Гелатского и Шемокмедского монастырей как культурных очагов. Там происходило собирание исторических документов и рукописей. При этих монастырях имелись школы, где преподавались философия, литература, грузинский, греческий, латинский и другие языки.

Ираклий II и группировавшаяся вокруг него передовая часть грузинского общества с большим интересом следили за развитием в России и в европейских странах науки, техники, литературы, военного дела. Стала практиковаться посылка молодых людей для получения образования в Россию. В самом Тбилиси при помощи лиц, получивших образование в России, и приглашённых просвещённых европейцев юноши из высшего сословия изучали русский и европейские языки, знакомились с философией и естественными науками.

¹ Цагарели А. «Сношения России с Кавказом», стр. 43. СПб. 1891.

Под влиянием западноевропейской цивилизации, особенно русской, в жизнь и быт высших классов Грузии проникают европейские обычаи и порядки (в costume, домашней обстановке и т. д.). Под влиянием русского театра зарождается и грузинский театр, который был основан в Тбилиси в 1791 году. В большинстве случаев пьесы переводились с русского языка, но были попытки к созданию оригинальных грузинских пьес. Пионерами грузинского театра являлись известный дипломат и путешественник Георгий Авалишвили, верховный судья Давид Чолокашвили, майор Гавриил, получивший воспитание и этот чин в России. Авалишвили был автором оригинальной пьесы «Царь Теймураз», постановкой которой в 1795 г. и открылся первый грузинский театр. Театр погиб во время нашествия в 1795 г. Ага-Магомед-хана на Тбилиси. Погибли также все артисты, принимавшие участие в сражении.

При оценке культурной жизни Грузии в XVIII в. акад. Н. Я. Марр приходит к выводу, что «исторические, географические и юридические работы, сводные труды грузинских писателей, начатые с конца XVIII в., являются свидетелями необычайного углубления ещё тогда грузинского национального сознания. Точно предвидя конец грузинского царства, авторы их... спешили завещать потомству доступную им реальную яркость и глубину патриотического воодушевления. передать заветные, веками выношенные мысли тем, которые должны были стать на смену им на страже культурных интересов грузинского народа»².

II

В самом начале XIX столетия к Российской империи была присоединена Восточная Грузия. Впоследствии в этом же направлении был разрешён вопрос и о судьбе Западной Грузии. По поводу этого важнейшего события в жизни грузинского народа виднейший грузинский писатель и общественно-политический деятель Илья Чавчавадзе в статье «Сто лет тому назад», написанной в 1899 г., говорит: «Другого пути не было. Царь Георгий XII (последний царь Восточной Грузии.— Г. Х.) должен был опереться или на Турцию, или на Иран, или же на Россию, чтобы как-нибудь спасти Грузию от стольких нагрянувших бедствий. С этим делом надо было спешить. Конечно, царь Георгий избрал единовременную Россию. Это диктовалось ему и заветами предков, так как задолго ещё до его царствования, с 1491 г., грузинские цари неоднократно вступали в переговоры с Россией, ожидая от неё помощи»³.

После присоединения Грузии к России культурные связи между ними ещё более усиливаются и укрепляются.

Однако царский деспотизм, угнетая свой собственный народ, обрекал многочисленные народы царской России на бесправие и всяческие притеснения.

² Марр Н. «История Грузии», стр. 38. СПб. 1906.

³ Чавчавадзе И. Соч. Т. V, стр. 226. Тбилиси. 1927 г.

Главным военным и гражданским начальником Грузии и Северного Кавказа был назначен главнокомандующий войсками на Кавказской линии. Для непосредственного управления Грузией было учреждено так называемое верховное грузинское правительство. Военные методы управления господствовали всюду. Беззаконие и произвол, взяточничество, волокита и подкупы стали обычным явлением. Крестьянское хозяйство разорялось от грабительской налоговой политики царизма и выполнения многочисленных повинностей в пользу помещиков.

Социальный и национальный гнёт вызывал решительный отпор грузинского народа. Вся первая половина XIX в. в Грузии прошла под знаком крестьянских восстаний.

Насилия и гнёт царизма по отношению к трудящимся массам Грузии вызывали решительный протест со стороны передовых представителей русского народа. Одним из первых передовых русских людей, поднявших голос против национальной и социальной политики царизма на Кавказе и в Грузии, был писатель В. Т. Нарезный. Ещё 20-летним юношей в 1801 г. Нарезный попал на службу в канцелярию при верховном грузинском правительстве в Тбилиси. На основании своих впечатлений и конкретного материала Нарезный написал первый русский роман о Кавказе: «Чёрный год или горские князья», в котором разоблачает политику царизма на окраине, жестокость и произвол местных помещиков. За резко обличительный и сатирический характер роман «Чёрный год» в своё время не был пропущен цензурой и увидел свет лишь в 1829 г., уже после смерти Нарезного.

После ряда удачных войн с Ираном и Турцией, к 30-м годам XIX столетия, Россия окончательно закрепила свои позиции в Закавказье. К 1814 г. заканчивается строительство Военно-грузинской дороги. Между Центральной Россией и Грузией устанавливаются регулярные почтовые сообщения. Эти факты, а также правильные сообщения по Чёрному и Каспийскому морям облегчали укрепление социально-экономических связей между Россией и Грузией. В статье «Падение Карса»¹ Маркс превосходно оценил, какое значение имело для царизма в войнах с Ираном и Турцией присоединение Грузии и обладание таким важным пунктом, как Тбилиси, который стал центральным пунктом русской власти в Азии. Здесь находился главный штаб командования Кавказской армией, разрабатывались планы военных действий. Здесь же были сосредоточены склады оружия и боеприпасов, собирался транспорт для передвижения войск и их снабжения. Тбилиси стал и центром гражданского управления Кавказом. Русское правительство строило обширные планы по освоению нового богатого края.

В русском обществе также появляется интерес к Кавказу, и в особенности к Грузии. К 30-м годам прошлого столетия о Кавказе и Грузии уже накопилась значительная оригинальная литература: С. Д. Бурнашева

«Картина Грузии или описание политического состояния царств Карталинского и Кахетинского» (Курск. 1793), «Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа, из путешествия... акад. И. А. Гильденштедта» (СПб. 1809).

В русском обществе популярным являлось сочинение С. Броневского «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе»², Н. Н. «Записки во время поездки из Астрахани на Кавказ и в Грузию в 1827 году» (М. 1828) и др. Издаваемые в то время журналы также уделяли большое внимание Кавказу, печатая статьи по истории, этнографии и экономике. Так, в журнале «Вестник Европы» были помещены статьи Н. Пальта «Взгляд на Грузию в её историческом и статистическом отношении»³, «О городе Тифлисе»⁴ и др.

Важную роль в деле распространения правильных сведений о Грузии, в укреплении культурных связей между русским и грузинским народами продолжали играть сами грузины.

Число грузин, проживавших в России, особенно в Москве и С.-Петербурге в начале XIX в., немало увеличилось. По политическим соображениям царское правительство выслало из Грузии почти всех членов многочисленной царской семьи и их родственников, а также всех оппозиционно-настроенных, недовольных потерей Грузией независимости. Среди этих лиц многие являлись видными общественно-политическими деятелями, учёными, писателями и поэтами. Оторванные от родной почвы, они тем не менее продолжали сохранять любовь и привязанность к национальной культуре, родному языку и своему народу. Изучив русский язык, они внимательно следили за общественно-политической жизнью России и Западной Европы, знакомились и близко сходились с передовыми русскими людьми. Являясь поборниками дальнейшего развития самобытной грузинской культуры и желая познакомить соотечественников с достижениями европейской и русской культуры, они перевели на грузинский язык классиков русской и западно-европейской литературы и научные труды. Среди этих грузинских деятелей в России следует отметить видного государственного деятеля, замечательного полководца, писателя Давида Багратиони, сына последнего царя Восточной Грузии Георгия XII. Он был одним из сторонников и пропагандистов в Грузии французской просветительной философии и у современников получил кличку «вольтерьянца». Он перевёл на грузинский язык «Дух законов» Монтескье.

Являясь автором целого ряда ценных исследований по истории Грузии, Давид Багратиони в 1805 г. пишет на русском языке «Краткую историю о Грузии», изданную Российской академией наук.

² Броневский С. «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе». Ч. 1-я, стр. XXVII и 352; ч. 2-я, стр. 465. М. 1823.

³ «Вестник Европы» № 17 за 1826 год.

⁴ «Вестник Европы» № 1 за 1828 год.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. X, стр. 555.

Широко, европейски образованным человеком и государственным деятелем являлся также Иоанн Багратиони. Своему отцу — царю Георгию XII — он представил обширный план государственного переустройства в европейском духе. После 1801 г., живя в С.-Петербурге, он составил обширный русско-грузинский словарь, написал ряд учебников по грузинской грамматике, математике, естествознанию. Наиболее крупной работой Иоанна Багратиони является трёхтомный энциклопедический труд «Касмасоба». Труд этот отражает многообразную жизнь современной автору Грузии (приблизительно 1798—1828 гг.) и показывает глубокую осведомлённость его во многих отраслях современной ему науки¹.

Глубоко одарённым от природы и одним из образованнейших людей своего времени был Теймураз Багратиони. С 1810 г. он живёт в Петербурге, где плодотворно ведёт многогранную научно-исследовательскую работу в области грузиноведения. Среди многочисленных его исторических трудов наиболее ценными являются изданные на грузинском языке: «История Грузии со дня её возникновения», «История Месхетии», «Краткая история об Иберии» и др.

Как известно, в 1837 г., по приглашению Российской академии наук, из Парижа в Петербург переехал М. Броссе, сделавший очень много в области изучения истории Грузии. Теймураз Багратиони, который был дружен с М. Броссе, оказывал ему большую помощь в работе. Отмечая это, Броссе писал: «Не могу без благоговения произносить имя Теймураза, в котором высокая нравственность сочетается с просвещённой мыслью и глубокой учёностью... Целью Теймураза является своими трудами обессмертить память о своём народе, учеником его, говоря по совести, считал себя я»².

За выдающиеся заслуги в области науки Теймураз Багратиони в 1837 г. был избран почётным членом Российской академии наук.

III

В первый период после присоединения Грузии к России вместе с полицейскими, чиновниками толпою ринулись сюда всякого рода тёмные дельцы, искатели лёгкой наживы. Они стяжали себе славу вопиющими злоупотреблениями, беззаконием и произволом.

Однако современем попадают в Грузию и передовые представители русского народа. Их интересуют и восхищают не только величественная природа, романтика самобытной страны, поиски сильных ощущений, но и желание разобраться в действительной обстановке, внести свою лепту в дело сближения русской и грузинской культур.

¹ Последнее издание «Касмасоба», или «Хождение по сбору царевича Иоанна», сделано издательством «Заря Востока». Тбилиси, 1945. Перевод, введение и комментарии принадлежат В. Дондуа.

² Цит. по статье доц. Иселиани А. «Царевич Теймураз — почётный член Российской академии наук». «Заря Востока» № 167 за 1945 год.

Многие передовые русские люди и неблагоннадёжные, с точки зрения царизма, элементы попадали на службу на Кавказ и в Грузию в период пребывания здесь на посту главнокомандующего и командира отдельного Кавказского корпуса генерала А. П. Ермолова (1816—1827). Он проявил себя на Кавказе настойчивым и упорным проводником политики завоевания и усмирения края. Ермолов был убеждён, что «внушением страха», суровыми репрессиями против непокорных народов можно достигнуть успеха в управлении и скорейшего умиротворения края. Однако следует отметить и другую сторону деятельности Ермолова.

Крупный военный деятель, ученик Суворова, старый вольнодумец ещё екатерининского времени, открыто выступивший против немецкого засиления при царском дворе и в армии; Ермолов обладал большим умом, стальной волей и был горячим патриотом своей родины.

Популярный герой Бородина, Ермолов по собственному желанию попал в новый край, получил от современников прозвище «проконсула Кавказа» и пользовался в армии большой популярностью.

В письме к Кюхельбекеру Грибоедов дал следующую характеристику Ермолова, этого «сфинкса новейших времён»: «Какой наш старик чудесный, не взирая на все о нём кривые толки, вот уже несколько дней, как я пристал к нему вроде тени, но ты не поверишь, как он занимателен, сколько свежих мыслей, глубокого познания людей всякого разбора, остроты рассыпаются полными горстями, ругатель безжалостный, но патриот, высокая душа, замыслы и способности точно государственные, истинно русская, мудрая голова»³.

На Кавказе, в Тбилиси вокруг Ермолова собралась многочисленная группа прогрессивно настроенных людей, которых Кюхельбекер объединил в одном слове «ермоловцы». Среди них адъютанты Ермолова — И. Д. Талызин и Н. П. Воейков, арестованный впоследствии по делу декабристов. К этому «ермоловскому кружку» относились будущие участники декабристского движения: П. Каховский, А. Якубович, А. Авенариус, П. Х. Граббе, Фонвизин, В. К. Кюхельбекер, братья Александр и Николай Раевские, Г. И. Копылов. К ермоловцам примыкали передовые общественно-политические деятели — грузины А. Г. Чавчавадзе, Н. Палавандишвили, В. Чилашвили. При Ермолове служил известный генерал Д. О. Бебутов, по национальности армянин. В канцелярии Ермолова также служил азербайджанский историк и поэт Аббас Кули Бакиханов. При Ермолове же служил в Тбилиси великий русский писатель, драматург А. С. Грибоедов, которого Ермолов, по словам Дениса Давыдова, любил «как сына» и облекал полнейшим доверием. Когда был получен приказ об аресте Грибоедова в связи с восстанием декабристов, Ермолов предупредил писателя об этом своевременно и дал ему возможность уничтожить свои бумаги.

³ Грибоедов А. Соч. Т. III, стр. 183. Петроград, 1917.

Сосланный на Кавказ декабрист М. Н. Пушкин в своих воспоминаниях пишет об исключительно тёплом и сердечном приёме, оказанном ему Ермоловым. «Час этот, проведённый у Ермолова,— пишет он,— поднял меня в собственных глазах моих, и, выходя от него, я уже с некоторою гордостью смотрел на свою солдатскую шинель»¹.

По инициативе Ермолова в Тбилиси открылся офицерский клуб, библиотека которого получала все книжные новинки и выписывала русские и иностранные журналы. В настоящее время ещё не имеется авторитетного подтверждения того обстоятельства, что в кавказской армии существовала какая-либо организация декабристов. Однако известно, что руководители декабристского движения рассчитывали на поддержку кавказской армии. В состав Временного правительства декабристы, как известно, предлагали ввести и Ермолова.

Заслуживает интереса и тот факт, что Ермолов на Кавказе наряду с суровой завоевательной политикой вёл борьбу с злоупотреблениями и произволом военных и гражданских властей. С целью упорядочения хозяйства и финансов он добился установления в Закавказье в 1821 г. льготного тарифа. Ермолов делал также попытки урегулировать взаимоотношения между помещиками и крестьянами, расширить сеть школ и улучшить в них систему преподавания. Особенно интересно, что при Ермолове, с 1819 г., в Грузии стала издаваться первая литературно-политическая газета на грузинском языке «Сакартвелос газети» («Газета Грузии») ².

Если иметь в виду, что в то время в России издавались всего три провинциальные газеты (в Харькове, Казани и Астрахани), то издание газеты в Тбилиси, да ещё на грузинском языке, представляло явление незаурядное. Изданием газеты заведовал особый комитет при штабе главнокомандующего. Печаталась она также при типографии штаба.

«Сакартвелос газети» составлялась по-русски, затем текст её переводился на грузинский язык. Главное внимание она уделяла освещению внутренней и иностранной жизни, тем не менее в ней помещались материалы беллетристического, исторического и этнографического характера. Интересно отметить, что среди иностранных сообщений в газете подробно было освещено греческое восстание 1821 года.

Первая газета на грузинском языке просуществовала всего до 1822 года. Она имела небольшой тираж, тем не менее в истории грузинской прессы, в истории культурных связей между Россией и Грузией она сыграла, безусловно, положительную роль.

Многим обязан грузинский народ бессмертному гению Грибоедова, который впервые приехал в Тбилиси в октябре 1818 г. и прожил здесь с перерывами до 9 сентября 1829 года. Близкими друзьями Грибоедова

были декабристы: К. Рылеев, П. Каховский, А. Бестужев, Н. Бестужев, А. Одоевский, Е. Оболенский, В. Кюхельбекер. Он был знаком с П. Пестелем, И. Якушкиным, С. Трубецким, Сергеем и Артамоном Муравьёвыми и др. Грибоедов разделял взгляды декабристов на необходимость отмены крепостного права в России, введение гласного суда и свободного книгопечатания. Он знал о замыслах декабристов и подготовке ими вооружённого восстания против царизма. Было вынесено решение о приёме Грибоедова в члены Северного общества, но А. Бестужев и Рылеев сознательно не приводили его в исполнение, «не желая подвергнуть опасности такой талант»³.

Своим непосредственным заступничеством перед главнокомандующим на Кавказе, генералом Паскевичем, Грибоедов облегчил участь многих сосланных сюда декабристов. Мало того, в настоящее время, по архивным документам, стало известно, что в 1828 г. при свидании с царём Николаем I по поводу заключения Туркманчайского мира Грибоедов имел мужество и смелость просить его об облегчении участи декабристов вообще⁴.

При главнокомандующем Ермолове Грибоедов занимал должность дипломатического секретаря, а при сменившем Ермолова в 1827 г. генерале И. Ф. Паскевиче он заведовал сношениями с Ираном и Турцией, а также являлся начальником казённой экспедиции.

Входя в содружество ермоловцев, Грибоедов особенно близко сошёлся с В. Кюхельбекером, который приехал в Тбилиси в декабре 1821 г., после своего путешествия по Европе, и работал здесь в канцелярии главнокомандующего. Дружба обоих поэтов крепла на почве общности политических взглядов, свободолюбия, любви к литературе и родине.

Со стороны Кюхельбекера эта дружба скоро превратилась в настоящее преклонение перед личностью и талантом Грибоедова. Кюхельбекер, который во время пребывания в Тбилиси пишет одно из лучших своих произведений — трагедию «Аригвяне», посвящает восторженные стихи Грибоедову и предсказывает ему великую будущность.

Как писал Пушкин, Грибоедов в Грузии «пробыл осемь лет в уединённых неустанных занятиях»⁵. Под небом Грузии расцвёл его творческий гений. В Тбилиси Грибоедов написал первые акты гениальной комедии «Горе от ума», этой драгоценной жемчужины русской классической литературы.

Из Тбилиси Грибоедов послал в Петербург первую окончательно отделанную рукопись. «Горе от ума» впервые было поставлено в отрывках на домашней сцене ещё в 1827 году. Постановка всей комедии любительскими силами произошла в доме Барятини в 1832 году. Спектакль имел большой успех и скоро был повторён. Среди передовой части грузинского общества комедия «Горе от ума» распространялась в рукопис-

¹ «Русская старина», стр. 307, февраль 1884 года.

² Со второй половины 1820 г. газета изменила название на «Картули газети» («Грузинская газета»).

³ «Восстание декабристов». Центрархив. Т. VIII, стр. 74. Л. 1925.

⁴ «Правда» от 14 января 1945 года.

⁵ Пушкин А. Т. IV, стр. 585. М. 1936.

ных списках и вызвала огромный интерес. Тогда же возникла мысль перевести её на грузинский язык и поставить на грузинской сцене, но это удалось осуществить гораздо позднее. Первым переводчиком на грузинский язык «Горе от ума» в отрывках явился известный грузинский драматург и основатель грузинского театра Георгий Эристави. Он лично был знаком с великим русским писателем, встречаясь с ним часто в доме А. Чавчавадзе. Реалистические образы комедии, бытовой и социальный реализм «Горе от ума» оказали значительное влияние на творчество Г. Эристави.

На основе грузинских народных сказаний Грибоедов в Тбилиси написал также романтическую трагедию «Грузинская ночь», рисующую ужасы крепостной неволи. Эта трагедия дошла до нас в отрывках. В Грузии же Грибоедов написал поэму о юноше-грузине, который был продан в рабство («Кальянчи»). Наконец в Тбилиси им был составлен план трагедии «Родамист и Зенобия», основанной на событиях в Грузии и Армении в начале нашей эры. В плане этого произведения ощущается огромная сила Грибоедова-трагика, сопоставляющего бессильный дворцовый заговор вельмож с победоносным народным восстанием против угнетателей.

Следует также отметить, что первый русский романс на грузинскую тему был написан композитором Глинкой при содействии Грибоедова. Сам Глинка по этому поводу пишет: «Грибоедов был хорошим музыкантом, он познакомил меня с темой грузинской песни, на которую впоследствии Пушкин написал романс» (известное стихотворение Пушкина «Не пой, красавица»).

Грибоедов любил Грузию как вторую свою родину. Он изучает грузинский язык, знакомится с историческим прошлым страны, с современным экономическим состоянием, её нуждами. Хорошо знал Грибоедов и народное творчество Грузии.

Грибоедов был не только великим писателем, но и искусным дипломатом и высокоодарённым государственным деятелем. За время пребывания в Грузии ему много удалось сделать для блага грузинского народа. Грибоедов открыто осуждал колониальные методы управления Кавказом, выразив это в служебных записках и в стихотворении «Хищник на Чегеме».

Грибоедов советовал Паскевичу предоставить грузинскому народу самостоятельность в деле внутреннего самоуправления, считаться с его самобытной культурой, обычаями и правом. «Не навязывайте здешнему народу, — писал он, — не соответствующих его нравам и обычаям законов, которых никто и не понимает и не принимает. Дайте народу им же самим выбранных судей, которым он доверяет. Если возможно, то не вмешивайтесь в его внутреннее управление: пусть в органах управления и в суде присутствуют депутаты, назначенные правительством, а в остальном не прибегайте ни к какому насилию»¹.

¹ Журнал «Квали» («Борозда») № 2 за 1895 г., стр. 2.

Вместе с известными грузинскими деятелями — Н. Палавандишвили и В. Чилашвили — Грибоедов принимает участие в комиссии по переводу на русский язык «Уложения царя Вахтанга», чтобы дать возможность применить грузинские законы в тогдашнем русском судопроизводстве.

Грибоедов принимает участие в составлении проекта о преобразовании края и, по предположению исследователей эпохи, является автором записки «Некоторые предположения о Грузии и сопредельных областях» (1827). В этой записке осуждается существование в Грузии крепостного права и предлагается или совсем его уничтожить, или, по крайней мере, ограничить.

В 1827 г. Грибоедов представил генералу Паскевичу «Записку о лучших способах построить город Тифлис и о Гилане». Как известно, Тбилиси в 1795 г. подвергся почти полному разрушению со стороны иранского завоевателя Ага-Магомет-хана. Совместно с гражданским губернатором Грузии П. И. Завилейским в сентябре 1828 г. Грибоедов закончил составление обширной «Записки об учреждении Российской Закавказской компании». Эта записка ярко свидетельствует что авторы её прекрасно были осведомлены об экономике края и о насущных нуждах его народов. Они предлагали эксплуатировать природные богатства края, расширить торговлю, открыть ярмарки, устроить судоходство по реке Куре и т. д.

По инициативе Грибоедова было осуществлено первое социально-экономическое обследование многих районов Закавказья и Грузии, в результате чего уже после смерти Грибоедова, в 1835 г., в Петербурге был издан в четырёх томах труд «Обзорение российских владений за Кавказом», не потерявший своего значения и в настоящее время. Грибоедов явился фактическим основателем в 1828 г. первой в Закавказье газеты на русском языке — «Тифлисские ведомости». В газете печатались сообщения с театра военных действий, правительственные распоряжения и объявления, разные новости «для края сего любопытнейшие». Наряду с русским изданием, под тем же названием выходила газета с литературным приложением и на грузинском языке. Особо важное значение в истории грузинской культуры имеет литературное приложение. Оно является, по существу, первым грузинским журна-

² С. Додашвили — один из первых европейски образованных грузин, литератор, философ, общественно-политический деятель. Окончил С.-Петербургский университет. В 1827 г. на русском языке был напечатан его труд «Курс философии». Часть первая. «Логика». У тогдашней критики труд этот получил весьма лестную оценку. После своего возвращения из С.-Петербурга, в 1827 г., в Тбилиси Додашвили ведёт весьма разностороннюю деятельность как педагог, учёный, литератор. За участие в заговоре 1832 г. он был арестован и сослан в Вятку, где познакомился с Герценом. Умер Додашвили от туберкулёза, в ссылке, 20 августа 1836 г., в возрасте 31 года.

лсм. Редактировал «Тифлисские ведомости» с литературным приложением на грузинском языке Соломон Додашвили³.

К участию в литературном приложении С. Додашвили удалось привлечь все известные тогда грузинские литературно-художественные силы. В этом органе печатались оригинальные и переводные художественные произведения (например в переводе С. Размадзе были напечатаны отрывки из «Евгения Онегина», «Ночной романс» Пушкина), статьи по истории, по литературе и т. д. Много сделал Грибоедов и в области народного образования. С его именем связано преобразование благородного училища в гимназию, в которой впоследствии учились такие видные деятели грузинской культуры, как Н. Бараташвили, Д. Кипиани, Р. Эристави, Илья Чавчавадзе и др. По проекту же Грибоедова в городах Грузии открываются первые уездные училища.

Говоря о заслугах Грибоедова перед народами Кавказа, один из первых его биографов, известный грузинский деятель Д. Эристави, пишет: «Грибоедов был одним из первых русских, с любовью отнёсшихся к нашему краю; трезво смотрел на его будущность и горячо сочувствовал его судьбам. Он одним из первых, если не первым, сумел понять, что на Кавказе живут и будут жить люди, достойные симпатии, поддержки и любви со стороны всех порядочных людей русской земли»¹.

В свою очередь с величайшей любовью и уважением относилась к Грибоедову передовая грузинская общественность. Грибоедов, как мы указывали выше, был хорошо знаком с грузинскими писателями Г. Эристави и С. Додашвили. Он общался с поэтами Григола, Вахтангом Орбелиани, должен был знать юношу Николая Бараташвили, ставшего впоследствии великим грузинским поэтом-романтиком. Но подлинную дружбу и теплоту он обрёл в семье одного из замечательных людей Грузии первой половины XIX столетия — А. Г. Чавчавадзе.

Сын полномочного министра царя Ираклия II при русском правительстве Г. Чавчавадзе, сыгравшего видную роль в вопросе присоединения Грузии к России, А. Г. Чавчавадзе родился в С.-Петербурге и учился в Пажеском корпусе. Находясь на службе в лейб-гвардии гусарском полку, он принимал участие в войне 1812 г. и заграничных походах. Чавчавадзе вместе с русской армией побывал в Париже и вернулся в 1814 г. в составе того же самого лейб-гвардии гусарского полка, где служили П. Я. Чаадаев, Н. Н. Раевский, П. Н. Кавелин.

С 1817 г. А. Чавчавадзе служил в кавказской армии, где прославился как мужественный и храбрый командир, пользующийся любовью офицерства и солдатских масс. В армии Чавчавадзе дослужился до чина генерал-лейтенанта, был затем членом совета главного управления Закавказского края и управляющим почтовой частью в Закавказье. А. Чавчавадзе известен как один из дарови-

тейших грузинских поэтов-романтиков. Глубокий патриот, образованнейший человек своей эпохи, Чавчавадзе принимал близкое участие во всех прогрессивных начинаниях и в общественно-политическом движении своего народа. Дом Чавчавадзе в Тбилиси являлся центром тогдашнего грузинского общества, здесь собирались поэты, писатели, общественные деятели. В салоне Чавчавадзе находили радушный приём и передовые русские люди, попадавшие в Грузию.

Об отношениях, которые установились между Грибоедовым и Чавчавадзе, К. А. Бороздин пишет: «Грибоедов... близко сошёлся с Александром Чавчавадзе, который, как сам поэт, более других мог понять и оценить его личность, и между ними установилась самая искренняя, сильная, тёплая дружба»².

Грибоедов полюбил дочь Чавчавадзе, Нину Александровну, и женился на ней. Замечательная грузинская женщина, Нина Александровна, по свидетельству современников, была хорошо образована, обладала изумительной красотой и прекрасными душевными качествами. Она стала украшением жизни и сердечным другом поэта. Нина вдохновляла творчество и грузинских поэтов и писателей — Г. Орбелиани, Н. Бараташвили, Г. Эристави и др. Прекрасные стихи посвятил ей русский поэт И. П. Полонский.

Брак Грибоедова был встречен грузинским обществом и самим А. Чавчавадзе с большой радостью и удовлетворением. Грибоедова называли «зятём грузинского народа».

Преждевременная и трагическая смерть Грибоедова в Иране не дала ему возможности осуществить дальнейшие планы укрепления дружбы между русским и грузинским народами. Нина Александровна всю жизнь осталась верна памяти своего мужа. Похоронив прах Грибоедова на Давидовской горе, она поставила памятник с глубоко прочувствованной надписью: «Ум и дела твои бессмертны в памяти русских, но для чего пережила тебя любовь моя».

Летом 1829 г. Пушкин приезжает на Кавказ в действующую армию. Он был очевидцем многих боёв и взятия турецкой крепости Эрзерум. На фронте Пушкин большую часть времени проводил у командира Нижегородского полка Н. Н. Раевского, старого друга своего, виделся со своим братом Львом Сергеевичем и со многими сосланными на Кавказ декабристами.

Проездом в армию Пушкин останавливался на некоторое время в Тбилиси. Его восторженно встречала и чествовала передовая грузинская общественность. Он имел встречи с А. Чавчавадзе, Г. Орбелиани, С. Додашвили и др. Со многими грузинами Пушкин был знаком ещё по Москве и по С.-Петербургу, а капитан гвардии Преображенского полка А. Л. Дадниани, служивший у Паскевича адъютантом, приходился поэту троюродным братом.

³ Бороздин К. «Нина Александровна Грибоедова». «С.-Петербургские ведомости» № 31—32, 34 за 1883 год.

¹ «Заря Востока» № 12 за 1940 год.

Собираясь на Кавказ, Пушкин основательно познакомился с существующей литературой как на русском, так и на иностранных языках об этом крае и его народах. На месте же Пушкин продолжал изучать обычаи, быт, народное творчество. Он познакомился с лучшими образцами современной ему грузинской поэзии и народными песнями. В «Путешествии в Эрзерум» Пушкин приводит перевод стихотворения «Ахал-агнаго-суло», автором которого являлся Д. Туманишвили. Песня эта в то время пользовалась большой популярностью. Пушкин был увлечён Грузией, она стала одним из живительных источников его вдохновения.

«Он один только певец Кавказа,— писал по этому поводу Гоголь,— он влюблён в него всей душой и чувствами; он проникнут и напитан его чудесными окрестностями, южным небом, долинами прекрасной Грузии... Может быть, от того и в своих творениях он жарче и пламеннее там, где душа его ксннулась юга»¹.

Пушкин один из первых в русской литературе отметил поэтические особенности грузинского народа, его одарённость, храбрость, отвагу. Он пишет: «Грузины народ воинственный. Они доказали свою храбрость под нашими знамёнами»².

Родоначальник новой русской литературы, поборник новых идей, широко приблизивший литературу к жизни народа, Пушкин сыграл большую роль и в деле укрепления тесных литературных связей между Россией и Грузией и дальнейшего расцвета оригинальной грузинской культуры. В первую очередь необходимо отметить, что поэзия Пушкина безусловно способствовала внедрению в грузинскую литературу реализма. Особенно это заметно в творчестве выдающихся писателей Грузии XIX в.—Ильи Чавчавадзе и Акакия Церетели. Большое влияние Пушкин оказал на грузинских романтиков (Григола и Вахтанга Орбелиани). Из поэзии великого русского писателя они черпали новые образы и мотивы. Пушкин был подлинным властителем их дум. Один из исследователей грузинской литературы, проф. К. Дондуа, пишет: «Через Григола и Вахтанга Орбелиани грузинская лирика любви приобретает тот особенный колорит, который свойственен пушкинским любовным стихотворениям и который мы условно называем пушкинским»³. Первыми переводчиками Пушкина на грузинский язык были Теймураз Багратиони, С. Размадзе и Г. Орбелиани. В дальнейшем Пушкина переводят Илья Чавчавадзе, Акакий Церетели и др. Особенно замечательные переводы Пушкина дал Илья Чавчавадзе (среди них «Пророк»).

IV

Искренние и честные патриоты, верные сыны своей Родины, декабристы в декабре 1825 г. подняли вооружённое восстание. Они боролись за уничтожение феодально-кре-

постнических отношений, завоевание политических свобод, подъём производительных сил страны, рост передовой русской культуры.

Отмечая восьмидесятую годовщину восстания декабристов, газета «Кавказский рабочий листок», руководимая товарищем Сталиным, в передовой статье «Декабристы» писала: «Восьмидесятая годовщина восстания декабристов совпадает с моментом всеобщей политической стачки, когда воспрянувшая от сна Россия, охваченная революционным пожаром, мобилизует свои силы для последней и решительной схватки с грозными твердынями самодержавия и тем самым исполняет завет героев 14 декабря 1825 года»⁴.

Царское правительство сурово расправилось с участниками декабрьского восстания. 13 июля 1826 г. на кронверке Петропавловской крепости были повешены: П. И. Пестель, С. Н. Муравьев-Апостол, М. Н. Бестужев-Рюмин, К. Ф. Рылеев, П. Г. Каховский; 114 декабристов после лишения чинов и звания дворянства на разные сроки были сосланы в Сибирь, на каторгу или на поселение; 2 были сосланы на Кавказ; сюда же впоследствии были переведены ещё 39 человек, что составляет к общему числу осуждённых более 33 процентов. На Кавказ было сослано ещё 27 человек, так называемых «прикосновенных», т. е. таких лиц, которые были обвинены в сочувствии к декабристам или имели какое-либо отношение к тайным обществам. Наконец, на Кавказ был отправлен Черниговский полк, под руководством декабристов поднявший восстание на Украине, а также сводный гвардейский полк, составленный из рот Московского гренадерского полка, принимавших участие в выступлении на Сенатской площади. Этот полк имел в своём составе 33 офицера и 1333 нижних чина⁵.

Все сосланные на Кавказ декабристы были разжалованы в рядовые и зачислены в те воинские части, которые принимали участие в кавказских войнах того периода.

Декабристы тянули обычную тяжёлую солдатскую лямку: как правило, жили в общих помещениях, соблюдали форму одежды, строжайшую дисциплину и бесчисленные мелочные формальности, испытывали мелкие придирки начальства, вообще подвергались крайнему стеснению свободы. Не оправдались надежды декабристов и на то, что, отличившись на войне, им удастся продвигаться по служебной лестнице и тем восстановить свои гражданские права.

⁴ «Кавказский рабочий листок» от 14 декабря 1905 года.

⁵ Пресняков А. «14 декабря 1825 года», стр. 196. М. 1926. Сведения о пребывании декабристов на Кавказе имеются в мемуарах и воспоминаниях декабристов Лорера, Гангелова, Беляева, Розена, Пушина. В «Русской старине» за июнь 1903 г. помещена статья Е. Вейденбаума «Декабристы на Кавказе». В архивном отделе НКВД Грузинской ССР хранится также неопубликованная рукопись С. Э с а д з е «Декабристы на Кавказе».

¹ «Русские писатели XIX века о Пушкине», стр. 155. Л. 1936.

² Пушкин А. Соч. Т. IV, стр. 579. М. 1931.

³ «Заря Востока» № 39 за 1937 год.

В Кавказской армии служили и воспитывались многие грузины командного состава. Своим военным искусством и личной храбростью многие из них приобрели широкую известность. Достаточно назвать имена таких генералов, как И. М. Андроникашвили, М. К. Амираджиби, Р. Багратиони, К. Х. Мамацашвили, А. Г. Чавчавадзе, И. Н. Абхази, Г. Д. Орбелиани, Л. И. Меликишвили, полковника И. С. Квинитадзе и др. В Кавказской армии находились и отдельные грузинские части, неоднократно награждаемые за боевые отличия георгиевскими знамёнами. Грузины, служившие в армии, общались с передовым русским офицерством и устанавливали с ним крепкую дружбу.

Большой популярностью среди сосланных на Кавказ декабристов и передового офицерства вообще пользовался генерал Н. Н. Раевский, сын известного боевого генерала и героя войны 1812 года. Раевский был близок многим членам Южного общества.

Он просидел в Петропавловской крепости шесть месяцев. Помимо военного таланта и личной храбрости, Раевский обладал большим умом, был разносторонне образован, выделялся демократичностью взглядов и был обаятелен в обращении с людьми. Он был очень дружен с Пушкиным, который посвятил ему ряд своих произведений: «Кавказский пленник», «Андре Шенье» и др. Раевский на Кавказе командовал Нижегородским драгунским полком, принимавшим участие в военных действиях против Турции. Под начальством Раевского служил член Южного общества декабрист Н. Н. Семичев, декабристы З. Г. Чернышёв, Н. Н. Оржицкий и др. В Нижегородском полку служили и многие офицеры из грузин. Раевский благожелательно относился к ним, часто приглашал их к себе на обед, устраивал с ними литературные собеседования. Эти встречи особенно участились во время приезда в действующую армию Пушкина, который всё время жил в палатке своего друга Н. Н. Раевского. Всё это не прошло даром для Раевского. Во время нахождения в декабре 1829 г. Раевского в отпуску, в Тбилиси было получено распоряжение Николая I об аресте Раевского на восемь суток, а затем переводе его на службу в Россию. Обращает на себя внимание тот факт, что исполнение приказа об аресте Раевского было поручено бывшему тогда на военной службе в чине генерал-майора А. Г. Чавчавадзе. Однако он сказался больным, не желая привести в исполнение распоряжение относительно Раевского, с которым был дружен¹.

По делу декабристов были привлечены и грузины. Среди них был А. С. Гангеблов. Он служил в Петербурге в лейб-гвардии Измайловском полку, общался с декабристами и в 1825 г. стал членом Северного общества. Сосланный на Кавказ Гангеблов был зачислен в 8-й пионерский (сапёрный) полк, участвовал при взятии русскими войсками Еревана, Ахалцыха и Олты. Проживая одно время в Тбилиси, Гангеблов установил связь с грузинским обществом и находившимися здесь сосланными декабристами. Как бывшие соратники и единомышленники, декабристы

часто собирались на квартире у Гангеблова и вместе проводили время. Однако так продолжаться долго не могло. Бдительное начальство зорко следило за жизнью декабристов в Тбилиси, и скоро их выслали из города².

По делу декабристов привлекались и поручики Измайловского полка П. И. Цицианов и М. П. Баратаев. Последний был сыном симбирского губернатора, участвовал в войне 1812 года. После ухода Баратаева с военной службы в 1820 г. симбирское дворянство избрало его своим губернским предводителем. Человек большого ума, образованный, Баратаев отличался передовыми взглядами и пользовался всеобщим уважением и любовью. В Симбирске он основывает ложу масонов под названием «Ключ к добродетели». По обвинению в связях с декабристами Баратаев был арестован и вывезен в Петербург, но впоследствии был освобождён. В 1839 г. он был назначен управляющим таможенным округом в Грузии и пробыл в этой должности четыре года. За это время Баратаев углубляет свои знания по истории Грузии, усиленно собирает коллекцию старинных монет и разных вещей. По возвращении в село Баратаевку, близ Симбирска, Баратаев написал труд «Нумизматические факты Грузинского царства», изданный в 1844 г. в С.-Петербурге. Известный грузинолог М. Броссе дал высокую оценку этому труду, а парижский нумизмат Лауглуа, издавший в 1852 г. на основании работы Баратаева новый обзор грузинской нумизматики, писал: «Это самый замечательный из всех трудов по нумизматике Грузии, до сих пор изданных»³.

Сосланный на Кавказ Н. И. Лорер, член Северного общества декабристов, также был со стороны матери грузином, из рода Цициановых.

В Грузии жил поэт-декабрист А. Одоевский, одна из привлекательнейших и одарённых личностей. Друг Грибоедова, А. Бестужева, Лермонтова, член Северного общества, Одоевский был осуждён на 12 лет каторги, а в 1837 г. был переведён рядовым на Кавказ. 15 августа 1839 г. Одоевский умер от злокачественной малярии на Черноморском побережье, неподалёку от Сочи.

Живя подолгу в Тбилиси, Одоевский близко сошёлся со многими представителями прогрессивной грузинской интеллигенции, посещал литературные салоны. Он был знаком с А. Чавчавадзе, который перевёл его стихотворение «Роза и соловей» на грузинский язык. В стихотворении этом чувствуется влияние грузинской поэзии. Одоевский посвятил Грузии ряд прекрасных прочувствованных стихотворений: «Брак Грузии с русским царством», «В странах, где сочны лозы виноградные» и др. Декабрист Розен пишет: «Одоевского застал я в Тифлисе, где он находился временно по болезни. Часто он хаживал на могилу своего друга

² Для изучения движения декабристов весьма ценным является напечатанное сначала в «Русском архиве», а затем вышедшее отдельным изданием «Воспоминание декабриста Александра Семёновича Гангеблова» М. 1888.

³ Цит. по Э с а д з е Б. «Летопись Грузии», стр. 347.

¹ См. Архив Раевского. Т. II, стр. 1.

Грибоедова, воспевал его память, воспел Грузию звучными стихами»¹.

Неоднократно бывал в Грузии сосланный на Кавказ А. Бестужев (Марлинский). Он жил в Тбилиси, Кутаиси, Сухуми, Ахалцихе. Бестужев был видным и активным членом Северного общества. Он был близок к Рылеву, Грибоедову, Кюхельбекеру, Пестелю. Совместно с Рылевым А. Бестужев с 1823 г. издавал литературный орган декабристов «Полярная звезда». Богато и разносторонне одаренный, он являлся одним из самых ярких представителей русского романтизма 20—30-х годов прошлого столетия. По словам Белинского, Бестужев-Марлинский был «первым нашим повествователем, был творцом или, лучше сказать, зачинщиком русской повести». У русского читателя 30-х годов особой популярностью пользовались очерки и повести Бестужева из кавказской жизни «Аммалат-бек», «Мулла Нур», «Рассказ офицера, бывшего в плену у горцев» и др. Романтические герои повестей Марлинского наделены чертами мужества, отваги, благородства, сильной волей, храбростью, развитым чувством дружбы. С историко-культурной точки зрения значение повестей и очерков Бестужева увеличивается тем, что в своей основе они имеют реальные факты. Так, в основе повести «Аммалат-бек», как пишет Бестужев, лежит «истинное происшествие» и что «от себя» он «прибавил только подробности». Реальным лицом является и другой герой повести — «Мулла Нур», этот «благородный разбойник», который борется за справедливость и независимость.

Бестужев с уважением относится к нравам, обычаям, культуре народов Кавказа, к их героической борьбе за свою национальную независимость и свободу. Бестужев, подобно Грибоедову, критически и с осуждением относится к русскому управлению Кавказом, к методам ведения войны. В письме к Н. Полевому в 1831 г. он писал: «Что сказать вам о состоянии здешнего края? Паскевич, отдав свою доверенность людям, которые всего менее её заслуживали, довёл Кавказ до высшей степени расстройства»².

А. Бестужев один из первых поставил вопрос о необходимости серьёзного изучения настоящего и прошлого народов Кавказа. Сам он был для своего времени прекрасным знатоком Кавказа и предвидел блестящее промышленно-экономическое развитие этого края. Так, в одном из писем к своим братьям Бестужев писал: «Кавказу суждены в будущем великие судьбы, как винограду России и как воротам в Азию... по Куре могут расти все красивые и пряные травы, а сахарный тростник всходит отлично. Одним словом, край этот ждёт одной головы, многих рук и всего более золота»³.

Литературная деятельность Бестужева

способствовала распространению объективно правильных сведений о Кавказе, вызвала в передовом русском обществе горячее сочувствие к борьбе его народов, уважение к их самобытной культуре. Следует также отметить, что никто до Бестужева не дал такой обширной галереи портретов русских солдат и офицеров Кавказской армии. Он с подлинным мастерством описывает их героизм, высокий патриотический дух, святое выполнение своего воинского долга.

Бестужев в совершенстве овладел азербайджанским языком, что дало ему возможность перевести на русский язык стихотворение на смерть Пушкина, написанное известным писателем и общественным деятелем азербайджанского народа Ахундовым. В Грузии Бестужев был знаком со многими грузинскими литературными и общественными деятелями, посещал литературные салоны. Он снискал любовь и уважение всех народов Кавказа. Более четырёх лет он вынужден был прожить в исключительно тяжёлых условиях в Дербенте. За это время он завоевал симпатию и сочувствие к своей судьбе у всего населения. Когда, наконец, Бестужева перевели в Грузию, «армяне, азербайджанцы, иранцы, русские,— половина Дербента провожала Бестужева в далёкий путь... Его добрый и весёлый нрав, хорошее знание азербайджанского языка, грустная и непонятная для многих судьба — всё это привлекало сердца и мысли дербентцев к изгнаннику»⁴.

В Тбилиси Бестужева арестовали за то, что он встречался с другими ссыльными декабристами на квартире Гангелова и «отрицательно» влиял на молодых офицеров. Как политический заключённый, Бестужев просидел некоторое время в мрачном Метехском замке. Он погиб 7 июня (ст. ст.) 1837 г. при занятии русским отрядом мыса Адлера.

Творчество Бестужева (Марлинского) имело отклик и в Грузии. Так, в грузинском журнале «Цискари» («Заря»), который начал выходить с 1852 г., печатались переводы на грузинский язык повестей «Мулла Нур», «Аммалат-бек» и др.⁵.

В Грузии служил выходящий военный инженер М. И. Пушин, брат лучшего друга Пушкина по лицу — И. И. Пушина. Он числился рядовым в 8-м пионерском (сапёрном) батальоне, фактически же исполнял обязанности начальника инженерных войск Кавказского фронта. Пушин участвовал в осаде и взятии Аббас-Абада, Сардар-Абада, Еревана, Ахалциха. В 8-м пионерском полку служил рядовым член Северного общества П. П. Коновницын.

Из других лиц, которые находились в Грузии, следует отметить И. Г. Бурцева. Он близко стоял к Пестелю, командовал украинским пехотным полком, был человеком большого ума и образования. После следствия и суда над декабристами Бурцев отбывал наказание в Бобруйской крепости.

¹ Розен А. «В ссылку (записки декабриста)», стр. 208. М. 1900.

² «Русский вестник» № 3 за 1861 г., стр. 301.

³ «Русский вестник», июль 1870 г., стр. 72.

⁴ Голубев С. «Бестужев (Марлинский)», стр. 382. М. 1938.

⁵ См. «Цискари» №№ 1—8 за 1852 год.

Переведённый в Грузию, он с 1827 г. сначала служил в Тифлисском, а затем в Мингрельском полку и умер от смертельной раны, полученной в сражении против турок при Байбурте. Похоронен в г. Гори, где стоял его полк.

Видную роль в штабе кавказской армии при Паскевиче играл лицейский товарищ Пушкина, друг Грибоедова, причастный к декабристскому движению, В. Д. Вольховский. Он был дельным и способным человеком, участвовал в целом ряде боёв и выдвигая храбростью и распорядительностью. Вольховский принимал участие в ведении мирных переговоров с Ираном. Сосланные на Кавказ декабристы называли Вольховского своим «ангелом-хранителем». Пушкин, приехав в действующую армию, представился Паскевичу. «Здесь,— рассказывал он,— увидел я нашего Вольховского, запялённого с ног до головы, обросшего бородой, изнурённого заботами. Он нашёл, однако, время побеседовать со мною как старый товарищ»¹.

Декабрист Д. А. Искрицкий составил военно-топографическое описание ахалцхского и эрзерумского пашалыков, а также боржомского имения.

За «прикосновенность к делу о злоумышленном тайном обществе», т. е. к декабристам, был переведён из гвардии на Кавказ В. Д. Сухоруков, историк донского казачества; он совместно с А. О. Карниловичем в 1824 г. издал исторический альманах «Русская старина». Сухоруков был знаком с Пушкиным. Как человека образованного и владеющего пером, Паскевич прикомандировал Сухорукова к своему штабу для письменных занятий. В Эрзеруме Пушкин неоднократно проводил вечера с Сухоруковым, которого называл «умным и любезным».

По поручению Паскевича Сухоруков собрал материалы для истории русско-турецкой войны 1828—1829 годов. Он сотрудничал также в газете «Тифлиссские ведомости».

В Кахетии (урочище «Красные колодцы») служил рядовым в Эриванском пехотном полку А. О. Карнилович. Он был человеком больших дарований, всесторонне образованный, знал почти все европейские языки. Карнилович писал статьи по истории России, сотрудничал в журналах «Сын отечества», «Северный архив» и «Полярная звезда» и, как было указано выше, совместно с Сухоруковым в 1824 г. издал исторический архив «Русская старина». Выдающимися способностями Карниловича можно объяснить тот факт, что в 22-летнем возрасте он имел уже чин штабс-капитана гвардейского генерального штаба. В мае 1825 г. Карнилович стал членом Южного общества. По решению Верховного уголовного суда он был приговорён к ссылке на каторжные работы сроком на 12 лет с лишением прав дворянства. В 1832 г. он был переведён в Грузию, где вёл беспросветную солдатскую жизнь. Попытки Карниловича перевестись в Тбили-

си и заняться литературным трудом не увенчались успехом, и в августе 1832 г. он умер от жёлчной горячки.

«Гром пушек на Сенатской площади разбудил целое поколение», — писал Гершен. К этому поколению принадлежал и великий русский поэт М. Ю. Лермонтов, которого Луначарский справедливо назвал «последним и глубоко искренним эхом декабрьских настроений». За своё знаменитое стихотворение «На смерть поэта» Лермонтов был арестован, а затем в феврале 1837 г. переведён в Нижегородский полк, стоявший в Кахетии (местечко Карагац). В этом же полку служил сосланный на Кавказ поэт-декабрист А. Одоевский. Между ними завязалась и окрепла дружба. В известном стихотворении «Памяти А. И. Одоевского» Лермонтов дал яркую характеристику своему рано умершему другу, жертве николаевского режима.

В октябре того же года Лермонтов имел возможность более трёх недель прожить в Тбилиси и познакомиться здесь с грузинским обществом. Литературные исследователи предполагают, что Лермонтов встречался с гениальным грузинским поэтом Н. Бараташвили и другими выдающимися представителями грузинского романтизма: А. Чавчавадзе, Г. Орбелиани. Близко был знаком с Лермонтовым литератор и военный деятель К. Мамацашвили, оставивший о поэте интересные воспоминания.

Путешествие по Грузии, соприкосновение с грузинским народом и изучение его творчества имело огромное влияние для расцвета гения Лермонтова. Белинский, который писал о Лермонтове, как о «глубоком и могучем духе», в то же время отмечал, что «Кавказ взял полную дань с музы нашего поэта». Сам Лермонтов называл Кавказ и Грузию «страной чудес», говорил, что его «гений сплёл себе венок в ущельях Кавказа». В своих произведениях Лермонтов дал замечательное описание природных красот Грузии и облёк в поэтическую форму отдельные сказания грузинского народа—«Демон», «Мицри» и др.

В свою очередь и творчество Лермонтова оказало благотворное влияние на грузинскую литературу. Ещё И. Чавчавадзе указал на поэтическое родство Николоза Бараташвили и Лермонтова. Глубокий и самобытный писатель Бараташвили изучил поэзию Лермонтова, часто его цитировал. В одном из своих писем, от 21 августа 1841 г., к своему дяде, известному поэту Г. Орбелиани, он приводит лермонтовские стихи для выражения своего разочарования в окружающей жизни. «Что мне написать тебе ещё? Я тороплюсь на службу. И вообще здесь «и скучно и грустно и некому руку пожать в минуту душевной невзгоды». По поэтической концепции с лермонтовским «Демоном» перекликается знаменитое стихотворение Бараташвили «Мерани» («Пегас»). Творческое восприятие поэзии Лермонтова особенно возросло в грузинской литературе в 50—60-х годах. Лермонтова усиленно изучают и переводят на грузинский язык Г. Орбелиани, Акакий Церетели, Илья Чавчавадзе и др.

¹ Вересаев В. «Слутники Пушкина». Т. II, стр. 392. М. 1937.

V

Находясь в Тбилиси и в других местах Грузии, сосланные декабристы продолжали общаться друг с другом, часто собирались вместе «для дружеских бесед», как бывшие соратники по борьбе против самодержавия и крепостничества.

По мере возможности декабристы принимали участие в культурной жизни страны. Так, они сотрудничали в газете «Тифлиссские ведомости». Исследователь этой эпохи И. К. Ениколопов пишет: «Если принять во внимание, что в Грузии в то время проживало много сосланных сюда декабристов, среди которых встречаются такие крупные литературные величины, как Бестужев (Марлинский), Карнилович, Кривцов и др., имевшие возможность встречаться и проводить вместе вечера, то определённо можно ползгать, что работа в редакции «Тифлиссские ведомости» проходила не без их участия, а декабрист Сухоруков был даже сотрудником газеты»¹.

Декабристы находят братский приют и гостеприимство у грузинского народа. Они являлись желанными гостями в доме А. Чавчавадзе. На людей, с которыми приходилось декабристам соприкасаться, они производят сильное впечатление стойкостью, моральной чистотой, душевным благородством и непоколебимостью своих убеждений.

Говоря о тбилисском обществе 40-х годов прошлого столетия, Торнау пишет: «К числу лиц, разнообразивших интерес нашего круга, бесспорно принадлежали многие из помилованных декабристов, отбывавших на Кавказе последние годы своего отчуждения от родины. Это были люди, получившие большей частью хорошее воспитание, некоторые с замечательными душевными качествами, испытанные несчастьем и наученные тяжёлым опытом жизни. Для молодёжи они могли служить спасительным примером и уроком»².

В 1832 г. в Тбилиси властями был раскрыт заговор, направленный против царизма. Участниками этого заговора были главным образом верхи грузинской дворянской знати; всё ещё не примирившиеся с мыслью о потере политической власти, они предполагали восстановить в Грузии то политическое положение, которое существовало в ней до присоединения Грузии к России. Большинство участников заговора, число которых, по документальным данным, насчитывалось до 145 человек, твёрдо держалось монархических идей: власть царя они предполагали ограничить лишь в пользу дворян созданием двух палат: верхней («Зеда саммартвело»), куда должен был входить и царь, и нижней («Кведа саммартвело»), которая составлялась от уездных депутатов. Однако среди участников заговора были и такие, которые являлись сторонниками республиканского строя и мыслили будущее устройство Грузии без царя. Эта группа находилась под влиянием западноевропейских национально-

освободительных идей, предполагала привлечь к борьбе против царизма крестьянские массы, городскую бедноту, а также войсковые части, среди которых соответствующую работу должны были вести грузинские офицеры. В заговоре принимали участие такие передовые и прогрессивные деятели грузинского народа, как А. Чавчавадзе, Г. Орбелиани, Г. Эристави, С. Додашвили и др.

Идея организации тайного общества возникла первоначально в 1826—1827 гг. в С.-Петербурге среди грузин, которые здесь находились. Есть основание предполагать, что толчком к ней явилось восстание декабристов.

Между прочим, очевидцами восстания декабристов в 1825 г. в Петербурге среди других грузин были С. Додашвили и С. Размадзе, активные участники заговора 1832 года. Заговорщики переводили и популяризировали вольнодумные стихи Пушкина. При обыске у Додашвили найдена копия письма Рылеева к жене, написанного им накануне казни. Поэт В. Орбелиани часто читал в кругу своих друзей «Исповедь Наливайко» Рылеева, а Г. Орбелиани, применив это стихотворение к условиям грузинской жизни, написал «Исповедь Гиви Амилахвари».

Как выяснило следствие, участники заговора 1832 г. на своих собраниях часто вспоминали восстание декабристов и с особым уважением и восторгом упоминали имена вождей декабристов — Пестеля и Рылеева.

Декабристы в грузинском народе по праву заслужили ореол борцов за передовые идеи своей эпохи, борцов против царизма и крепостного права. Борьба декабристов, их идеология, непосредственное общение многих из них с грузинским народом во время нахождения в ссылке оказали благотворное влияние на общественно-политическую и культурную жизнь Грузии.

VI

Преследуя прежде всего политические и утилитарные цели укрепления своей власти в стране, царское правительство осуществляет ряд мероприятий и в области просвещения и культуры. В 1802 г. в Тбилиси для дворян было открыто единственное на всю Грузию двухклассное училище, переименованное в 1804 г. в Тифлиссское благородное училище. В 1817 г. в Тбилиси для подготовки служителей культа были открыты православное училище и духовная семинария, а в 1822 г. — семинария для армян.

В 1829 г. было утверждено положение о закавказских училищах и появилась особая учебная администрация. С этого времени в Кутаиси и других уездных городах Грузии также открываются училища.

В 1830 г. для обучения дочерей дворянства в Тбилиси был открыт пансион, который в 1840 г. был преобразован в Закавказский девичий институт. В 40-х годах был поднят вопрос об открытии в Тбилиси университета, однако власти решительно воспротивились этому, опасаясь, что высшее учебное заведение может стать очагом распространения национально-освободительных идей. Царское правительство ограничива-

¹ Ениколопов И. «Грибоедов в Грузии и в Персии», стр. 80.

² «Русский вестник» № 4 за 1869 г., стр. 700.

лось тем, что посылало ежегодно несколько юношей для получения высшего образования в русские университеты.

В 1849 г. по типу российских учебных округов был организован Кавказский учебный округ. В 1853 г. в Тбилиси было открыто первое коммерческое училище, где обучались главным образом дети буржуазии. В тот же период впервые стали открываться в больших сёлах и городах так называемые «первоначальные» училища, куда могли поступать и дети крестьян.

В 1856 г. в Грузии существовало 2 гимназии, 14 уездных училищ, 11 начальных школ и 12 частных школ. Число детей, обучающихся в них, доходило до 3 тысяч. Если принять во внимание, что в это время в Грузии приблизительно насчитывалось до 800 тыс. населения, то процент учащихся во всех учебных заведениях по отношению ко всему населению не превышал 0,4. Мы уже указывали выше, что с 1819 г. в Тбилиси стала издаваться первая газета — «Сакартвелос газети». В 1828 г. начала выходить первая еженедельная газета на русском языке — «Тифлиские ведомости», — просуществовавшая до 1834 года. С 1838 г. в Тбилиси начал издаваться на русском языке «Закавказский вестник», просуществовавший как самостоятельное издание до 1856 года. Редактором этой газеты был грузинский учёный и литератор П. Иоселиани. В неофициальной части газеты печатались статьи и заметки по истории, экономике, культуре Грузии как самого редактора, так и постоянных сотрудников газеты — Броссе, Бердзенишвили и др.

С 1846 г. в Тбилиси начала издаваться газета «Кавказ». Сначала это была еженедельная газета, затем она стала выходить два раза в неделю, а с 1876 г. была преобразована в большую ежедневную газету «столичного образца». Одновременно с этой газетой в Тбилиси стал издаваться «Кавказский календарь», на страницах которого помещалось немало ценных этнографических, исторических и статистико-экономических статей о Закавказском крае.

26 апреля 1850 г. состоялось открытие в Тбилиси публичной библиотеки.

Желая привить массе дворянства европейское обхождение, модные костюмы, европейскую обстановку жилищ и т. д., Воронцов усиленно практикует устройство в дворянских домах танцевальных и семейных вечеров. Сначала в Тбилиси, а затем и в других городах Грузии были открыты дворянские и купеческие клубы. В 1845 г. в Тбилиси был основан постоянный русский театр, для которого выстроено специальное великолепное здание, а затем приглашена была итальянская опера.

Все эти мероприятия в области просвещения и культуры были односторонни и недостаточны. Они преследовали цель — связать Закавказье с Россией «гражданскими и политическими узами в единое тело и за-

ставить жителей тамошних говорить, мыслить и чувствовать по-русски»¹.

Несмотря на то что царизм жестоко душил и подавлял всё передовое и прогрессивное, выдающаяся культура русского народа самостоятельно пробила себе дорогу в Грузию и своими плодотворными идеями влияла на развитие культуры грузинского народа. В герценовском «Колоколе» печатались проникнутые глубоким сочувствием письма о положении трудовых масс Грузии.

Особого успеха в своём развитии достигла грузинская художественная литература. Уже первая половина XIX в. была представлена такой блестящей плеядой поэтов-романтиков, как А. Чавчавадзе, Г. Орбелиани, Н. Бараташвили, В. Орбелиани. При всём индивидуальном своеобразии творчества их объединяет высокая поэтическая культура. Они дали блестящие образцы разнообразных жанров, насыщенных социальными проблемами, богатым эмоциональным содержанием. Поэты-романтики обогатили грузинскую поэзию новыми традициями, они углубили связи грузинской литературы с русской культурой, с русской литературой. В первую очередь поэтов-романтиков роднит с русскими писателями могучее чувство любви к родине и сознание высокого гражданского долга перед ней. Среди поэтов-романтиков особое место занимает великий поэт грузинского народа Н. Бараташвили (1816—1845), оказавший заметное влияние на всё последующее развитие поэзии Грузии. И. Чавчавадзе справедливо провозгласил Бараташвили родоначальником новой грузинской поэзии и отметил мировое значение его поэтического творчества. Он был одним из тех передовых грузинских людей, которые осознали всё величие русской культуры и необходимость братского содружества русского и грузинского народов. Особенно ярко Бараташвили выразил это в стихотворении «На могиле царя Ираклия», написанном в 1842 году. В знаменитом стихотворении «Мерани» («Пегас») Бараташвили, объявляя борьбу всем тёмным силам общества, выражает непреклонное стремление к борьбе за свободу, к самопожертвованию во имя блага родины, во имя счастья людей². Следует отметить, что Н. Бараташвили прекрасно ориентировался в истории Грузии. Об этом свидетельствует тот факт, что в 1843 г. Российская академия наук поручила ему составление описи важнейших древних грузинских рукописей и их описание.

В области художественной литературы следует отметить грузинского писателя-романиста Даниила Чонкадзе (1830—1860), автора широко известной повести «Сурамская крепость», вышедшей в 1859 году. Даниил Чонкадзе открыто и смело выступил против существовавших в то время в Грузии феодально-крепостнических отношений. У грузинского народа «Сурамская крепость» приобрела широкую популярность и оказала в дальнейшем значительное влияние на раз-

¹ «Колониальная политика российского царизма в Азербайджане», ч. I, стр. 280. Изд-во АН СССР, 1936.

² В октябре 1945 г. советская общественность широко отметила 100-летие со дня смерти великого грузинского поэта Николая Бараташвили.

витие грузинской революционной литературы.

Следует также отметить писателя Л. Ардазиани (1818—1870). В романе «Соломон Исакович Меджгануашвили», опубликованном в 1861 г., Ардазиани впервые в Грузии отразил в художественной литературе развитие капиталистических отношений и дал образы мещан нового типа.

Георгий Эривтави (1811—1864), получивший среднее образование в Москве, участвовавший в заговоре 1832 г., был горячим поборником передовой русской культуры. Писатель-драматург, он является выдающимся представителем реалистического направления в грузинской литературе. В своих драматических произведениях — «Тяжба», «Раздел» и др. — Эривтави рисует быт грузинских помещиков, показывает тяжёлое положение крепостного крестьянства, произвол царских чиновников.

Г. Эривтави — основатель грузинского профессионального театра, открытого в Тбилиси в здании гимназии 2 мая 1850 года. В этом театре сразу выдвинулись такие талантливые актёры, как Г. Дванадзе, Н. Мейпарияни, Джапаридзе, Кордзая, Натиева и др. Поставленные в театре пьесы «Раздел», «Тяжба», Эривтави и «Затмение солнца в Тбилиси» Зураба Антонова не сходят со сцены и до сегодняшнего дня как лучшие образцы грузинской классической драматургии.

С именем Г. Эривтави также связан выход с 1852 г. первого грузинского журнала «Цискари» («Заря»). В журнале в разное время принимали участие Г. Орбелиани, В. Орбелиани, И. Иоселиани, Дм. Кипиани, М. Туманишвили и др. В общественно-политической жизни Грузии журнал «Цискари» сыграл большую прогрессивную роль, подготовив почву для развития в будущем периодической прессы. Новые социально-экономические условия вызвали развитие в Грузии науки и научной мысли.

Глубокая преданность науке, неизменное стремление сочетать научные искания с интересами и потребностями страны и народа, популяризация научных знаний среди широких народных масс — таковы характерные черты нового поколения учёных Грузии. Мы говорили выше о деятельности учёных Грузии: Теймураза Багратиони, С. Додашвили, Баратаева и др. Следует также отметить первого профессора грузинской словесности в С.-Петербургском университете учёного-филолога Д. И. Чубинишвили (1814—1891).

Он положил начало систематическому изучению грузинского языка, ему принадлежит заслуга изучения и опубликования многих ценнейших рукописей и документов по истории Грузии. Он издал грузино-французский словарь, а также двухтомный русско-грузинский словарь. Чубинишвили дважды был удостоен Российской академией наук Демидовской премии.

Во второй половине XIX столетия появляется плеяда замечательных грузинских деятелей во главе с И. Чавчавадзе и А. Церетели, которые утвердили реализм в грузинской литературе, выступили как поборники свободы и просвещения и возглавили национально-освободительную борьбу против националистического и социального гнёта.

О плодотворном влиянии оригинальной, самобытной, творческой литературы русского народа на Грузию И. Чавчавадзе пишет следующее: «Нечего и говорить, что русская литература сыграла руководящую роль на пути прогресса и оказала большое влияние на все наши духовные силы и наложила свой отпечаток на наш ум, на нашу мысль, на наши чувства... В данное время нет у нас ни одного литературного и общественного деятеля, который был бы свободен от влияния русской литературы»¹.

Большое развитие получает грузинский национальный театр, давший целое поколение драматургов и блестящих мастеров сцены. Развивается национальная грузинская музыка, опирающаяся на музыкальный фольклор. Появляются крупнейшие мастера грузинской живописи, которые борются за утверждение национального реалистического искусства.

На формирование мировоззрения грузинской молодёжи XVIII и XIX вв. сильное влияние оказали великие русские революционеры-демократы: Белинский, Герцен, Чернышевский, Добролюбов. Особым авторитетом и уважением в прогрессивном грузинском обществе пользовался Чернышевский.

Становится известным в разных областях знаний новое поколение грузинских учёных, на развитие научного мировоззрения которых оказала большое влияние передовая русская наука. Но всё это является темой дальнейшего исследования.

¹ Чавчавадзе И. Т. VIII, стр. 285.

ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ В КОНЦЕ XVIII ВЕКА *

Проф. К. Сивков

В последней трети XVIII в. Россия переживала весьма заметное разложение феодально-крепостнического строя и рост буржуазно-капиталистических отношений. Помещичье хозяйство становится менее натуральным и замкнутым. Растут фабрично-заводская промышленность, внутренняя и внешняя торговля; встаёт и настоятельно требует своего разрешения вопрос о сравнительной выгодности вольного и крепостного труда.

Процесс развития буржуазных отношений сопровождался ухудшением положения народных масс, большей социальной дифференциацией, напряжённой междуклассовой и внутриклассовой борьбой.

Борьба в области социально-экономических отношений и большие изменения в социальной структуре общества вызвали значительную перестройку идеологического фронта, на котором тоже шла напряжённая борьба. В этом же направлении действовало всё усиливавшееся влияние прогрессивных идей и революционных событий Запада. Всё это делает изучение общественной мысли и общественного движения в России в последней трети XVIII в. особенно важным.

Историческая наука немало сделала для того, чтобы стало возможно составление полной и исчерпывающей истории общественной мысли и общественного движения XVIII в. и, в частности, его последней трети. Больше всего изучена общественно-политическая и литературная деятельность таких крупнейших деятелей конца XVIII в., как, например, Фонвизин, Державин, Карамзин, князь Щербатов, Новиков, Радищев и др. Неплохо выяснена деятельность Вольно-экономического общества, Академии наук и Российской академии. Очень много сделано для написания истории пугачёвского восстания, этого грандиозного народного движения 70-х годов XVIII века.

Но история общественной мысли и общественного движения России в конце XVIII в. не укладывается в рамки деятельности только названных выше лиц и учреждений, а движение широких народных масс не ограничивалось лишь их участием в восстании под предводительством Пугачёва. Были менее заметные деятели и более мелкие общественные движения, которыми историки мало занимались. Меня интересовали взгляды и настроения среднего и мелкого дворянства того времени, поведение которого было не менее важно в общем ходе жизни, чем поведение верхов дворянства.

Конечно, и в комиссии 1767 г. и в тогдашней публицистике идеология среднего и мелкого дворянства нашла своё отражение, и тем не менее я считал необходимым собрать и проанализировать ещё новый материал по вопросу о взглядах и общественном движении этого социального слоя. Также важно для понимания общественной мысли и общественного движения конца XVIII в. выяснение того, чем жила и к чему стремилась средняя и мелкая буржуазия того времени, удельный вес которой возрастал во всех областях жизни.

Интересовал меня также вопрос о роли и месте духовенства в общественном движении конца XVIII века. Наконец, мне хотелось выявить настроения и роль в общественной жизни конца XVIII в. той социальной группы, которая только стала складываться в XVIII в., — разночинцев.

Всё сказанное выше привело меня к изучению документов и литературы по истории общественной мысли и общественного движения в последней трети XVIII века. Но изучение напечатанных документов показало, что при всём их обилии многие важные вопросы остаются мало освещёнными.

Мною был сделан вывод о необходимости найти в архивах новые материалы, которые характеризовали бы настроения и движения широких масс населения России. Меня давно интересовали документы фонда Тайной экспедиции (VI и VII разряды Государственного архива), документы политических процессов, которые вела это учреждение в последней трети XVIII века (Тайная экспедиция, как известно, была создана в 1762 г.). Изучением указанного архивного фонда я и занялся. Мною было изучено 1095 дел этого фонда, объёмом в несколько десятков тысяч листов¹. Так как Тайная экспедиция имела, так сказать, филиал в Москве, то часть политических процессов была проведена там. Дела этих процессов входят в фонд «Тайной канцелярии и других секретных учреждений» и значатся в описи № 285, охватывая 1751—1800 годы. Оба фонда хранятся в Государственном архиве древних актов в Москве. Параллельно я вёл изучение Полного собрания законов и разнообразных печатных материалов и литературы.

Приступая к работе над диссертацией, я поставил своей задачей осветить несколько крупных и, по моему мнению, важных моментов и явлений в области общественной мысли и общественного движения последней трети XVIII в., на которых мало останавливалось или совсем не останавливалось внимание предшествующих исследователей.

Документы процессов, которые вела Тайная экспедиция, содержат в себе своеобраз-

* Автореферат докторской диссертации «Очерки по истории политических процессов в России в последней трети XVIII в. (К истории общественной мысли и общественного движения конца XVIII в.)»

¹ Из 1095 дел мною были отобраны документы 150 процессов, которые и послужили основным материалом для моей работы.

разные и очень богатые материалы по истории общественной мысли и общественного движения последней трети XVIII века. Эти материалы в некоторой своей части были предметом публикации уже в дореволюционное время, а отчасти после Октябрьской социалистической революции и вошли в научный оборот, но во всём своём объёме они до сих пор не являлись предметом чьего-либо исследования. А между тем без этих материалов политических процессов (которые долгое время хранились в секретных фондах) невозможно дать полную историю общественной мысли и общественного движения того времени.

В отборе материалов из указанных выше архивных фондов я руководствовался следующими соображениями. Я не изучал дела уголовного порядка, разбиравшиеся в Тайной экспедиции, так как они не характеризуют общественную мысль и общественное движение. По этой же причине я не изучал дел об иностранцах. Немногочисленные дела Тайной экспедиции о старообрядцах и масонах содержат отрывочные и очень неполные сведения. Кроме того и по своему характеру эти дела, в сущности, ничего не дают для характеристики общественно-политических настроений.

Документы о восстании под предводительством Пугачёва, имеющиеся в большом количестве в фонде Тайной экспедиции (преимущественно в VI разряде Государственного архива), были уже не раз предметом изучения и публикации и, конечно, будут и впредь изучаться и публиковаться. Я изучил эти документы лишь с целью выявления многочисленных самозванцев последней трети XVIII в. и посвятил этой теме VI главу своей работы.

Я не ввёл в своё изучение также документы Тайной экспедиции о Новикове и Радищеве. Они давно известны и не раз изучались. Меня привлекала другая задача: показать тот широкий общественный фон, на котором развивалась деятельность Новикова и Радищева, показать тот круг людей, среди которых эта деятельность находила разнообразные отклики. Поэтому мне представлялись особенно интересными материалы о Кречетове, Гр. Попове, В. Пассеке и других «вольнодумцах» конца XVIII в., а также об авторах различных проектов и о неизвестных обличителях, пытавшихся раскрыть злоупотребления властей.

В силу высказанных соображений и отчасти под влиянием содержания изучавшихся мною архивных и печатных материалов определилось следующее содержание моей диссертации (общим объёмом свыше 30 печатных листов): 1. Тайная экспедиция, её деятельность и документы. 2. Процессы недовольных среди разных социальных слоёв населения России. 3. Процессы, связанные с секуляризацией церковных имуществ. 4. Процессы о подпольной литературе. 5. Процессы о попытках раскрыть злоупотребления властей. 6. Процессы о самозванцах. 7. Процессы о подготовке переворота. 8. Процессы авторов проектов. 9. Процессы вольнодумцев.

Я не изучал всё делопроизводство Тайной экспедиции и на процессуальной стороне

дела в I-й главе остановился лишь постольку, поскольку это было нужно для характеристики документов, которые отложились в результате деятельности Тайной экспедиции и были предметом моего изучения. Содержание следственных материалов Тайной экспедиции очень разнообразно. Тут имеются протоколы допросов, «вопросные пункты», собственноручные показания людей, попадавших в Тайную экспедицию, «изветы» и т. п., а также разными путями попадавшие в Тайную экспедицию различные подложные манифесты и указы, подложные письма или «пасквили», по терминологии того времени, наконец, проекты, записки, различные «сочинения». Эти последние виды документов Тайной экспедиции являются наиболее ценными материалами фонда Тайной экспедиции, так как были написаны до того, как их авторы, действительные или предполагаемые, попали в руки Тайной экспедиции.

Самым существенным недостатком материалов Тайной экспедиции является то, что они лишь частично освещают вопрос о роли и месте просветительных идей в сознании лиц, попадавших в Тайную экспедицию. Её руководителей и организаторов не интересовала, видимо, проблема возникновения и развития этих идей, а люди, попадавшие в руки Тайной экспедиции, естественно, лишь отчасти освещали эти вопросы в своих показаниях.

Чтобы охарактеризовать те документы, которыми я пользовался в своей работе, я считал необходимым остановиться на условиях и обстановке их возникновения и на лицах, под воздействием которых эти документы создавались и которые ими потом оперировали. Я выяснил, как Екатерина II сейчас же по вступлении на престол создала Тайную экспедицию при Сенате, которая полностью заменила Тайную канцелярию, упразднённую при Петре III. Манифестом 19 октября 1762 г. и частными распоряжениями от 2 октября 1762 г. на имя генерал-прокурора А. И. Глебова и от 3 октября того же года по делу Хрущёвых и Гурьевых был определён тот порядок рассмотрения и решения политических дел, который продержался в течение всего царствования Екатерины II. Менялись за 34 года лица, но порядок прохождения и решения этих дел оставался всё тот же.

После недолгого пребывания на посту генерал-прокурора А. И. Глебова генерал-прокурорскую должность занял князь А. А. Вяземский. При вступлении в должность Вяземский получил от императрицы собственноручное «секретнейшее наставление». Екатерина считала его своим учеником. Н. И. Панин, который совместно с князем Вяземским в течение многих лет подписывал приговоры Тайной экспедиции, выражал удивление, «как фортуна его на это место поставила». С 1792 г. до конца жизни Екатерины II генерал-прокурором был А. Н. Самойлов (пожалованный в 1795 г. в графы), обязанный своим назначением князю Г. А. Потёмкину, на родной сестре которого был женат его отец.

Таковы были те лица, которым принадлежала руководящая роль в проведении поли-

тических процессов в последней трети XVIII века. Всё это были посредственные фигуры, действовавшие по шаблону. Они не были государственными людьми, и потому деятельность их в Тайной экспедиции носила ведомственный, узкий характер. Правда, среди членов коллегии Тайной экспедиции (формально она никогда не была создана) была фигура и совсем иного масштаба — Н. И. Панин. Он подписывал приговоры Тайной экспедиции сначала совместно с Глебовым, потом с Вяземским, но, по всем данным, руководящей роли в проведении политических процессов 60—80-х годов он не играл (за исключением дела Мировица). Включение его в решение вопросов по «тайным делам» было ловким тактическим шагом Екатерины. Панин был сторонником регентства Екатерины, и у него было, видимо, немало приверженцев в этом вопросе. Екатерина не любила Панина и боялась его. Чтобы связать его, она сделала Панина воспитателем своего сына. Введя Панина в число деятелей Тайной экспедиции, Екатерина обезвреживала его. Наконец, этим она устанавливала своего рода контроль над действиями генерал-прокуроров.

Фактическим вершителем дел Тайной экспедиции был известный С. И. Шешковский, бессменный неофициальный глава её в течение 30 лет (с 1763 г.), который, по выражению Потёмкина, «кнутобойничал» в ней. Шешковский был розыскных дел мастером, неразборчивым в средствах при добытии сведений, нужных начальству.

Всё делопроизводство Тайной экспедиции с несомненностью подтверждает, что в ней широко применялись и телесные наказания, и пытки, хотя эти факты неоднократно отрицались Екатериной. Главным материалом, на котором возникали и строились процессы Тайной экспедиции, были доносы.

Изучение делопроизводства Тайной экспедиции показывает, что материалы некоторых процессов дошли до нас не полностью, а часть дел была уничтожена по распоряжению свыше. Некоторые процессы при Екатерине II разбирались специальными комиссиями.

Все приговоры Тайной экспедиции носили явно выраженный классовый характер. Это сказывалось, с одной стороны, в степени наказания, к какому присуждались представители разных классов, а с другой — в размере денег, которые отпускались на содержание осуждённого в назначенном ему месте заключения.

Выяснив всесторонне недостатки материалов Тайной экспедиции, я тем не менее пришёл к заключению, что они являются очень важным и ценным источником для истории общественной мысли и общественного движения конца XVIII века.

В главе II своей работы я рассматриваю причины и формы словесного проявления недовольства существовавшим тогда в России строем. Я выясняю, что сложная и глубокая перестройка социально-экономических отношений, происходившая в России в последние десятилетия XVIII в. и затрагивавшая интересы всех социальных слоёв населения, естественно, создавала в их среде много недовольных, которые, однако, в про-

мадном своём большинстве направляли своё недовольство не против всего тогдашнего строя жизни, а против отдельных представителей власти и прежде всего против императрицы и её окружения. Главную причину всех народных бедствий многие крестьяне и солдаты видели в том, что на престоле находится женщина; при «настоящем государе» жизнь должна, по их мнению, измениться к лучшему. Непосредственными причинами недовольства широких народных масс в последней трети XVIII в. были частые рекрутские наборы, общие тяжёлые условия жизни солдат, многочисленные обременительные сборы и повинности, лежащие на населении, злоупотребления и поборы чиновников, рост дороговизны жизни и, в частности, рост хлебных цен.

Особенно важное значение для правительства Екатерины II имело недовольство среди армейских и гвардейских частей. Несмотря на ряд мероприятий, имевших целью удержать армию и особенно гвардию на стороне правительства, среди солдат и офицеров екатерининской армии в первые 15—20 лет царствования преемницы Петра III было большое число недовольных, выражавших своё недовольство в разных формах. В 80-х и 90-х годах настроение армии и гвардии, видимо, меняется, и в эти годы Тайная экспедиция почти не вела процессов о выражении недовольства среди солдат и офицеров.

Наибольшее влияние на настроения армии, в частности гвардии, в первые 15—20 лет царствования Екатерины II оказали три обстоятельства: частые рекрутские наборы; начавшаяся в конце 1768 г. война с Турцией, осложнявшаяся начатым раньше вмешательством в дела Польши; лагерные сборы, устраивавшиеся с 1765 года.

Рост оппозиционных настроений среди офицеров и солдат в известной мере был вызван созывом комиссии 1767 г. для выработки проекта нового Уложения. Неправильно толкуя намерения правительства Екатерины II, офицеры осуждали этот шаг, как антидворянский, солдаты подозревали в созыве комиссии опасную затею господ.

Количество крестьян разных категорий, выражавших недовольство существовавшим тогда строем и попавших за это в Тайную экспедицию, было относительно невелико, оно в несколько раз меньше количества солдат, прошедших через Тайную экспедицию в 1762—1796 годах. Объясняется это отчасти тем, что аппарат Тайной экспедиции не охватывал своими щупальцами всей крестьянской массы, многие случаи выражения крестьянами недовольства рассматривались в местных учреждениях, и потому эти мелкие процессы не нашли своего отражения в документах Тайной экспедиции.

В высказываниях недовольных мелких и средних чиновников звучали те же мотивы, что и в высказываниях крестьян и солдат. Кроме того они указывали на невзгоды, именно их угнетавшие: трудность, а иногда и невозможность найти службу, её плохую оплату, обиды со стороны высокомерного и ленивого начальства.

Количество недовольных среди купечества, по данным Тайной экспедиции, было

совершенно незначительно. Ряд мероприятий общэкономического и финансового характера, открывавших купечеству возможность развития торговли и промышленности, завершённых грамотой 1785 г., более или менее примирял его с теми явлениями русской жизни, на которые жаловались представители других социальных слоёв.

Дворянство как наиболее развитый и лучше других организованный класс выражало своё недовольство не только и не столько на словах, сколько в активных выступлениях. Что касается чисто словесного выражения недовольства со стороны дворянства, то материалы Тайной экспедиции дают немного таких примеров. Вообще же в выражении своего недовольства, в критике существующего строя представители дворянства не шли дальше указаний на отдельные частные факты, не обобщая их и не возводя к основной причине всех неурядиц русской жизни.

Все рассмотренные мною случаи недовольства были пассивной формой борьбы с существующим строем. Другой разновидностью этой пассивной формы борьбы было стремление уйти от жизни. Оно выражалось в попытках бежать за границу или покончить с собой. В документах Тайной экспедиции есть данные о фактах и того и другого порядка. Среди лиц, пытавшихся в 80-х годах бежать за границу, наиболее интересной фигурой был Н. Смирнов, дворовый человек князей Голицыных, типичный представитель крепостной интеллигенции конца XVIII века. Сохранилось его собственноручное показание-автобиография, в котором он чрезвычайно живо рассказывает о том, как он дошёл до мысли о бегстве за границу и как пытался осуществить свой план.

Из самоубийц конца XVIII в. наиболее интересен ярославский дворянин И. М. Опочинин. В своём предсмертном письме от 7 января 1793 г., проникнутом крайним пессимизмом, он писал: «Я никакой причины не имел пресечь своё существование. Будущее, по моему положению, представляло мне своевольное и приятное существование, но оно скоро бы миновало», «а напоследок, — писал Опочинин дальше, — самое отвращение к нашей русской жизни есть то самое побуждение, принудившее меня решить своевольно мою судьбу». Он просил братьев отпустить его крепостных на волю, хлеб раздать крестьянам, а книги, которые только и «читали» его в жизни, — сжечь.

Меня интересовало настроение духовенства и его отношение к событиям последней трети XVIII века. Разумеется, по-разному были настроены и вели себя верхи и низы духовенства, но вообще, как показывают прежние исследования и материалы Тайной экспедиции, духовенство не играло сколько-нибудь заметной роли в истории общественной мысли и общественного движения в конце XVIII века. Секуляризация церковных владений, затрагивавшая интересы верхов духовенства, не вызвала в его среде движения в защиту права на эти владения.

Сельское приходское духовенство, судя по данным Тайной экспедиции, редко выступало со словесными протестами против правительства Екатерины II и его политики. Вид-

ное участие оно принимало в движении самозванцев; но тут преимущественная роль принадлежала не православному, а старообрядческому духовенству.

Настроенные широких слоёв населения России в последней трети XVIII в., их отношение к происходившим тогда событиям, к политике правительства и к его отдельным представителям не могли найти выражения в тогдашней легальной печати. Это делает особенно важным выявление и изучение подпольной политической литературы того времени. Исследованию этой проблемы посвящена IV глава моей работы.

Подпольная политическая литература последней трети XVIII в. была по преимуществу продуктом творчества социальных низов. Здесь же она и получала главным образом своё распространение. В большинстве случаев Тайная экспедиция не обнаруживала авторов тех многочисленных и разнообразных подпольных произведений, по поводу которых она вела расследования.

После 1775 г. количество подпольных сочинений, судя по данным Тайной экспедиции и по имеющимся сведениям в нашей литературе, уменьшается. Поражение, понесённое крестьянством в восстании 1773—1774 гг., и губернская реформа 1775 г., усилившая роль и значение дворянства в местной жизни, показали воочию широким народным массам, какую силу представляет в государстве дворянство; бороться со всё усиливавшейся диктатурой дворянства подмётными письмами было теперь явно безнадёжным делом.

В 80-х и 90-х годах XVIII в. в связи с обострившимся внутренним состоянием страны и ростом сознания широких народных масс ясно обнаруживается в разных слоях населения стремление разоблачить конкретных виновников общественного зла и тем принести пользу отечеству. Попытки обличить неправосудие и взяточничество были подсказаны идеей служения отечеству, которая в это время находила всё новых и новых adeptов. Проф. М. Н. Гернет правильно усматривает в этих попытках раскрыть злоупотребления властей, тот «рост сознания широких народных масс», который «был чреват для правительства совсем нежелательными последствиями и беспокоил его более чем неправосудие судей»¹. Этой теме я отвёл V главу.

Особый интерес для меня представляло изучение самозванчества последней трети XVIII в. как одной из форм и одного из проявлений обострившейся в то время классовой борьбы (гл. VI).

Частое появление самозванцев в последней трети XVIII в. было результатом ухудшения общих условий жизни народных масс в связи с обострением классовой борьбы и частым повторением таких бедствий, как неурожай, голод и рост дороговизны жизни. В том же направлении действовала активная внешняя политика дворянского правительства Екатерины II, требовавшая частых рекрутских наборов и увеличения податей и налогов.

¹ Гернет М. «История царской тюрьмы». Т. I, стр. 41. М. 1941.

Все самозванцы последней трети XVIII в. (а их было более 20), за немногими исключениями, принадлежали к социальным низам и были беглыми солдатами, беглыми крестьянами или однодворцами. Значительную роль в возникновении и распространении самозванчества как движения социальных низов играли представители старообрядчества и сельского православного духовенства, положение и интересы которого были близки к положению и интересам народных масс. Одной из самых крупных сил в самозванчестве последней трети XVIII в. были однодворцы. Этой частной проблеме я отвёл в своей работе особое место. Самозванчество, как и всё движение социальных низов в то время, было движением стихийным, плохо организованным. Я установил, что основной территорией возникновения и распространения самозванчества были районы прежних народных восстаний: Украина, область Среднего и Нижнего Дона, Среднее и Нижнее Поволжье.

После поражения восстания под предводительством Пугачёва и издания Учреждения для управления губерниями, усилившего диктатуру дворянства на местах, самозванческое движение не прекращается. Причины, вызвавшие это движение, не перестали действовать и в 80-х и в 90-х годах.

Лозунги, с которыми выступали самозванцы, были несложны. Основное, что они прямо обещали или что мыслилось как естественное следствие их успехов, — это освобождение от крепостной неволи. Народные массы шли за самозванцами во имя борьбы с помещиками, но за хорошего царя.

Я изучил многочисленные попытки совершить после 28 июня 1762 г. новый переворот, попытки, возникавшие на почве широко распространённого в первую половину царствования Екатерины II в дворянских кругах (и среди гвардейского офицерства, в частности) недовольства её внутренней и внешней политикой. Но основным стимулом, толкавшим организаторов и участников этих переворотов на их выступления, являются их личные или узко групповые интересы. Поэтому почти все эти выступления могут быть отнесены к той категории переворотов, о которых Ленин писал: «Возьмите старое крепостническое дворянское общество. Там перевороты были до смешного легки, пока речь шла о том, чтобы от одной кучки дворян или феодалов отнять власть и отдать другой»¹. Только в выступлении офицеров Озерова, Панова, Степанова и их сообщников (1769) была известная идейная направленность. Процесс этих лиц интересен как показатель настроений «мелкой дворянской сошки», выступившей с серьёзной критикой внутренней и внешней политики Екатерины II.

Восстание под предводительством Пугачёва сплотило дворянство вокруг трона Екатерины II. В то же время опасения насчёт возможных изменений в феодально-крепостническом строе в ущерб дворянству, возникшие в связи с созывом комиссии 1767 г., рассеялись, а законодательные акты

1775 и 1785 гг. окончательно показали, что правительство Екатерины стоит всецело на страже интересов «первенствующего сословия», и «век Екатерины» среди массы дворянства окружается теперь особым ореолом. В 80-х и 90-х годах не было ни заговоров, ни попыток совершить переворот. В самом конце XVIII и в начале XIX в. дворянство уже выступает, сначала в лице Радищева, а потом в лице декабристов, на борьбу со всем феодально-крепостническим строем в целом и с его политической формой — самодержавием. Этим начинается новый период в истории русской общественной мысли и общественного движения.

Тщательное изучение дела Мировича (1764), пытавшегося освободить Ивана Антоновича, даёт много оснований подозревать в этом деле хорошо продуманную и ловко проведённую Екатериной II провокацию. Но прямых доказательств этого нет, и потому попытку Мировича можно отнести к той же категории переворотов, к которой принадлежит большинство попыток этого рода в последней трети XVIII века. Если в первый период царствования Екатерины II при попытках совершения переворота выдвигалась кандидатура Ивана Антоновича, то в 70-х годах заговорщики выдвигали преимущественно кандидатуру великого князя Павла Петровича. Только в заговоре Оловенникова, Селехова и др. кандидаты на престол выдвигались, с одной стороны, из среды заговорщиков, с другой, — из «больших господ», в частности кандидатура князя М. М. Щербатова. В ряде процессов о попытках совершить переворот характерны расчёты их организаторов и участников на помощь извне.

Важным показателем политического роста русского общества в последней трети XVIII в. были проекты и записки об изменении существующего строя, которые через Тайную экспедицию попадали в руки императрицы. Этот материал существенно дополняет то, что уже было опубликовано по этому вопросу раньше и связано, например, с деятельностью Вольно-экономического общества. Указанные проекты и записки относятся к первой половине 70-х годов и первой половине 90-х годов. Они исходили от представителей разных социальных слоёв. Лишь один из авторов проектов был защитником интересов крупного землевладения, но и он в соответствии с духом времени много говорит о купечестве и торговле, что вообще является характерной чертой проектов и записок как 70-х, так и 90-х годов. Несколькими из этих записок было составлено под непосредственным влиянием событий 1773—1774 гг., на других сказалось влияние событий внутренней и внешней жизни России конца 80-х — начала 90-х годов, а также событий буржуазной революции во Франции.

Наличие значительного количества проектов и записок, несомненно, свидетельствовало о большой демократизации общественно-политической мысли в России в конце XVIII века. Дворянство в общественном движении того времени занимало ведущее положение, но всё заметнее становится участие в нём буржуазии и разночинцев.

¹ Ленин в. Соч. Т. XXIII, стр. 486.

Правительство Екатерины II не сумело понять и использовать поступавшие к нему записки и проекты. Оно видело в их авторах только людей, совавшихся не в своё дело, напрасно «утруждавших» императрицу. Записки и проекты, сохранившиеся в делах Тайной экспедиции, очень разнообразны по содержанию, но по преимуществу они были посвящены экономическим и политическим вопросам. Большое внимание в них уделялось критике тогдашних административных и судебных порядков. Характерной чертой их была вера в силу указа императрицы в возможность перестроить всю жизнь распоряжением сверху. Одна из записок — Г. И. Попова (1792) — основным своим содержанием имела крестьянский вопрос. Попов выступил в ней горячим сторонником отмены крепостного права. По своей идейной направленности она представляет большой интерес и прямо подводит нас к «кругу» Радищева, но никаких указаний на знакомство Попова с Радищевым и его «Путешествием» в документах нет. Косвенные указания на знакомство Попова с Новиковым и его «кругом» в деле имеются.

Особый проект чисто классового характера выдвинуло в середине 90-х годов XVIII в., по инициативе губернского предводителя Хорвата, харьковское дворянство, среди которого шла борьба разных группировок. Проект имел целью укрепить «дворянский корпус» и усилить в местной жизни роль верхов дворянства. Правительство Екатерины II решительно отвергло притязания верхов харьковского дворянства. Генерал-прокурор граф Самойлов в своих «замечаниях» к «пунктам» Хорвата писал, что все они должны быть отклонены, так как одни из них излишни, другие противоречат существующим законам.

Значительный интерес представляют проекты купца Бабкина и разночинца (по паспорту тоже купца) Попова.

Наконец, IX глава моей работы «Процессы вольнодумцев» посвящена изучению нескольких типичных и интересных для конца XVIII в. проявлений «вольнодумства». В этой главе я стремился показать окружение и атмосферу, в которых созревало и вылилось в революционный акт выступление Радищева. Мне не удалось установить наличие непосредственных личных связей Радищева с теми вольнодумцами, о которых я говорю в этой главе, но близкая идейная связь между ними и Радищевым, интерес к нему определённо чувствуются. Точно так же при сопоставлении с деятельностью Кречетова несколько иное освещение получает деятельность Новикова и его окружения.

Одно из видных мест среди вольнодумцев конца XVIII в. занимает только что названный разночинец Ф. В. Кречетов, взгляды ко-

торого в нашей литературе не получили правильной оценки (я имею в виду высказывания Гр. Гуковского и Н. П. Чулкова; наиболее правильно его понял Плеханов). Кречетов был вольнодумцем-просветителем, не имевшим не только революционных, но даже радикальных социально-политических взглядов. В крестьянском вопросе он занимал очень консервативную позицию; он говорил, что Радищев своей «книгою одно дурачество и дерзость глупую показал». Кречетов отстаивал свободу совести и слова, был против агрессивных войн, восставал против несправедливости, взяточничества и всяких злоупотреблений. Его деятельность по организации просветительно-издательского общества характеризует Кречетова как общественного деятеля, шедшего в ногу со многими его современниками. Эта сторона его деятельности, а отнюдь не его многочисленные сочинения представляет наибольший интерес.

Из других «вольнодумцев» конца XVIII в. наибольший интерес представляет майор В. В. Пассек (отец В. В. Пассека, друга Герцена), попавший в 1794 г. в руки Тайной экспедиции и являющийся представителем прогрессивно и демократически настроенного молодого поколения конца XVIII века. Человек увлекающийся, наделённый некоторым литературным талантом, с разнообразными литературными интересами, настойчивый и смелый, он, хотя и отрицал склонность к «французской вольности», но держал себя в Тайной экспедиции с достоинством и независимостью, редкими в практике этого учреждения. Он не просил, по его словам, о снисхождении и прощении, а добивался справедливости. Характерно его признание: «Быть игралищем прихотей вредных начальников не мог никогда». Одним из отличающих его личных свойств была готовность жертвовать собой, чтобы облегчить положение других, с кем он был связан дружескими или деловыми отношениями.

Процесс В. В. Пассека, вскрывающий его знакомства, показывает, что идеи «французской вольности» довольно глубоко проникли в среду провинциального офицерства и чиновничества. Была здесь известна и книга Радищева. Через четыре года после её выхода в свет и осуждения её автора «Путешествие из Петербурга в Москву» можно было найти в Кременчуге, проникла она и за границу, в Молдавию; при «дворе» князя Тавриды она в это время, повидимому, обращалась совсем открыто.

Другие фигуры вольнодумцев, которые были предметом моего исследования, менее яркие, но, взятые вместе, они хорошо дополняют тот фон, на котором более чётко выступают такие крупнейшие величины общественной мысли конца XVIII в., как Радищев и Новиков.

АРХИВ Д. А. МИЛЮТИНА

П. Зайончковский

Личность Дмитрия Алексеевича Милютин — крупнейшего государственного деятеля, военного министра Александра II, а вместе с тем и одного из наиболее ярких представителей русского либерализма — представляет исключительный интерес для изучения истории России второй половины XIX века. С именем Милютина неразрывно связана коренная реформа всей системы военного управления и организации войск, ставившая своей целью создание современной массовой буржуазной армии.

Было бы неверным сводить правительственную деятельность Милютина лишь к военным вопросам. В первой половине 60-х годов Милютин принимает живое участие в происходивших государственных преобразованиях; после 1866 г. он ведёт ожесточённую борьбу с реакционной кликой Шувалова—Толстого—Тимашева, отстаивая с либеральных позиций буржуазные реформы начала 60-х годов. Во второй половине 70-х годов, особенно в последние два—три года царствования Александра II, Милютин занимает одно из первых мест в правительстве, оказывая большое влияние как на внутреннюю, так и на внешнюю политику России.

Всё это делает понятным тот огромный научный интерес, который вызывает архив Д. А. Милютина, хранящийся в отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина.

Милютин прекрасно понимал научную ценность своего архива и в последние годы своей жизни уделял его состоянию большое внимание. В 1903 г. Милютин составил подробное завещательное распоряжение, касающееся разбора архива и дальнейшей его судьбы.

Большая часть архива, согласно воле завещателя, была передана Николаевской академии генерального штаба. Когда руководство Академии перешло на сторону белых, эта часть архива попала в Сибирь. При освобождении Владивостока частями Красной Армии в 1922 г. она была захвачена в числе трофеев на острове Русский и передана в рукописное отделение Румянцевского музея (ныне Библиотека имени В. И. Ленина).

Остальные материалы архива были эвакуированы в 1918 г. вместе с библиотекой Николаевской академии в Москву и также переданы Румянцевскому музею. Общее количество пропавших материалов невелико.

Вторая часть архива, содержащая эпистолярное наследство, авторские экземпляры, «Дневник» и «Воспоминания», а также ряд других материалов, была передана дочерью Милютина непосредственно Румянцевскому музею. Из этой части архива не сохранились письма брата Дмитрия Алексеевича—Влади-

мира, — представлявшие большой научный интерес, повидимому, уничтоженные наследниками, а также переписка Милютина с женой — Натальей Михайловной, урождённой Понсе. Эта переписка была сожжена согласно воле завещателя. Кроме того, по указаниям Милютина, были уничтожены черновики его работ, относящиеся к раннему периоду жизни.

Часть материалов по истории Кавказа, собранных Милютиным, была отдана им Д. Х. Бушену, а позднее передана в Военно-учёбный архив главного штаба. Такова вкратце история архива после смерти его владельца.

Архив Д. А. Милютина насчитывает около 400 единиц хранения. Все эти материалы можно было бы подразделить на следующие части: «Дневник» и «Воспоминания»; различные материалы, касающиеся служебной деятельности Милютина, посвящённые главным образом военным вопросам, в частности преобразованиям в армии; частная и семейная переписка; разнообразные материалы, классифицировать которые каким-либо определённым образом довольно трудно: сюда относятся материалы, связанные с детством и юностью, детские альбомы, списки различных стихотворений, путевые дневники за период заграничного путешествия в начале 40-х годов, различные записки, касающиеся борьбы с революционным движением, проект переустройства правительственных и административных органов, реформы народного образования и т. д., а также разнообразные хозяйственные документы.

Огромный научный интерес представляют собой «Дневник» и «Воспоминания» Милютина. Свой дневник Милютин начинает вести с 8 апреля 1873 года. Во вступлении к дневнику он следующим образом определяет причины, заставившие его взяться за перо: «Принимаюсь вести свой дневник только теперь, на 57-м году жизни, побуждаемый к тому пережитыми в первые три месяца текущего года непрерывными неприятностями и душевными волнениями. Всё происходившее в этот тяжёлый для меня период постараюсь при первой возможности рассказать подробно в особой записке, совершенно объективно, ничего не скрывая, никого не щадя, на основании сохранившихся у меня заметок и официальных документов. Исполнить эту работу я должен для ограждения собственной своей нравственной ответственности перед судом истории»¹.

Действительно, в 1873 г. Милютину пришлось вынести тяжёлую борьбу, закончившая проводимые им преобразования русской армии.

Дневник Милютина состоит из шести па-

¹ Рукописное отделение Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, фонд Д. А. Милютин, 7821. Предисловие к дневнику.

нок, общей сложностью 2151 лист in folio. Дневник представляет собой написанный чернилами авторский экземпляр со многими поправками и вставками (судя по цвету чернил, эти поправки явились результатом более поздней правки). Есть основания полагать, что находящийся в архиве экземпляр не является первоначальным, так как сохранились отрывки более раннего варианта, написанные карандашом. Повидимому, автор первоначально набрасывал свои мысли вчерне, а затем уже заносил их в свой дневник. Рассматриваемый нами авторский экземпляр не является последней редакцией: в 1900 г. Милютин, готовя свой дневник к печати, занимается редактированием его. Одновременно с этим дневник переписывали набело его дочери (12 переплетённых книг общей сложностью в 1561 лист). Последний вариант несколько отличается от авторского экземпляра не только стилистическими поправками, но и пропусками отдельных мест, которые Милютин не считал удобным публиковать в печати. Эти исправления и пропуски по своему содержанию представляют большой интерес. Так, например, в последнем варианте отсутствует любопытная характеристика командования русской армии в период войны 1877—1878 годов. В авторском экземпляре в записи от 14 августа 1877 г. Милютин пишет: «Непокойничкий под видом сдержанного молчания прикрывает свою бездарность и бездействие, помощник его ген.-майор Лезицкий оказывается вовсе несуществующим той репутации, которой пользовался в гвардии и академии генерального штаба, сам же великий князь не в силах своим умом объять такую сложную задачу, каково командование армией на войне!»¹. Отсутствуют также зачёркнутые в авторском экземпляре характеристика интимных сторон жизни Александра II, рассказ о спекулятивной деятельности великих князей и отдельные высказывания Милютина о современном внутреннем положении России.

Особенно много редакционных исправлений и зачёркиваний в «Дневнике» за 1881 год.

Необходимо отметить, что Милютин при редактировании авторского экземпляра так тщательно вычёркивает отдельные места, что они вовсе не поддаются дешифровке.

Дневник, охватывающий собой период с 1873 по 1899 г., несмотря на свой апологетический характер представляет огромный научный интерес. Милютин сообщает в своём «Дневнике» чрезвычайно много интереснейших фактов, касающихся всех областей государственной жизни.

В «Дневнике» за 1873—1878 гг. Милютин останавливается подробно на вопросах внутренней политики и, главным образом, на ходе подготовки закона о воинской повинности, обсуждении его в Государственном совете и особом присутствии о воинской повинности. Здесь же Милютин рассказывает некоторые подробности о приезде в 1873 г. в Петербург Вильгельма I в сопровождении

Визмарка и Мольтке. Не лишена интереса характеристика всеобщей реакционной клики Шувалова и описание закулисной борьбы в правительственных сферах.

В «Дневнике» за 31 декабря 1873 г. имеется следующая записка: «Всё делается под исключительным влиянием гр. Шувалова², который задушил государя ежедневными своими докладами о страшных опасностях, которым будто бы подвергается и государство и лично сам государь. Вся сила Шувалова опирается на это пугало. Под предлогом охранения личности государя и монархии гр. Шувалов вмешивается во все дела, и по его наущинчеству решаются все вопросы. Он окружил государя своими людьми; все новые назначения делаются по его указаниям. Таким образом уже теперь в Комитете министров большинство членов действует всегда заодно с гр. Шуваловым, как оркестр по знаку капельмейстера. Тимашев, гр. Толстой, гр. Палея, Валуев— послушные орудия гр. Шувалова. Эта клика собирается для предварительного соглашения во всяком предпринимаемом деле. В заговорах её участвует Грейг и гр. Бобринский. Министр финансов Рейтерн, хотя и стоит более независимо, избегает однако же столкновений с всеобщей шайкой и часто делает ей уступки не совсем честные. Ещё менее осмеливается поперечить Набоков и кн. Урусов: у этих людей нет и капли того мужества, которое называется courage civique... Абаза искусно лавирует, пользуясь своим нейтральным положением. Более всех мог бы держаться самостоятельно кн. Горчаков, по своему положению в свете, перед государем и по значению, приобретённому его именем в Европе, но он вовсе устраняется от дел внутренней политики, а подчас его аристократические инстинкты сближают его с работорцами обскурантизма и помещичьего режима. Наконец для полноты счёта надобно добавить гр. Александра Владимировича Адлерберга и адм. Н. К. Краббе. Первый вполне сочувствует аристократической партии и, быть может, готов бы был пойти гораздо далее шуваловских идеалов, но он прежде всего человек придворный, причём апатичен и лично не любит Шувалова, а потому не станет в ряды его шайки, хотя часто помогает ей, пользуясь своим исключительным положением в семейном кругу царского дома. Что же касается адм. Краббе, то его едва ли можно и считать в числе министров: принятая им на себя шутовская роль и эротические его разговоры ставят его вне всякого участия в серьёзных делах государственных.

Вот та среда, в которой обречён я действовать. Есть ли возможность одному бороться против целой могущественной шайки? Какое поразительное и прискорбное сравнение с той обстановкой, при которой вступил я в состав высшего правительства 13 лет тому назад! Тогда всё стремилось вперёд, теперь всё тянет назад. Тогда государь сочувствовал прогрессу, сам двигал вперёд, теперь он потерял доверие ко всему

¹ Зачёркнутое в квадратные скобки зачёркнуто автором.

² Фонд Д. А. Милютин, 7823, л. 112.

³ Шувалов Пётр Андреевич — шеф жандармов.

им же созданному, ко всему окружающему его, даже к себе самому. При таком положении дел возможно ли мне одному устоять на обломках кораблекрушения и не будет ли извинительно, если я решусь сложить с себя оружие. Один в поле не воин»¹.

Не менее интересна запись в «Дневнике», освещающая причины отставки Шувалова, происшедшей летом 1874 года: «...Государь тяготится опекою гр. Шувалова, его нахальством, его интригами. [Сегодня Трепов даже рассказывал... что Шувалова свергнула клевета, возведённая на него некоторыми дамами, которые сговорились с разных сторон уверить государя, что Шувалов открыто говорил о нём как об идиоте, сделавшемся совершенно неспособным к делам государственным...]. По мнению Трепова, государь решил избавиться от слишком уже усилившегося влияния временщика и, как будто сбросив камень с плеч, заметно сделался веселее и спокойнее»².

Балканский кризис середины 70-х годов, русско-турецкая война 1877—1878 гг., а также Берлинский конгресс занимают большое место на страницах «Дневника».

Милютин подробно останавливается на международных отношениях накануне войны, подчёркивая стремления Германии и, в частности, Бисмарка, втравить Россию в войну с Турцией. Описание кампании 1877 г. также вызывает большой интерес. Находясь вместе с Александром II на театре военных действий, Милютин сообщает интересные данные о порядках, существовавших в главной квартире, ходе военных операций, подвергая анализу причины первоначальных неудач.

Так, он сообщает заслуживающие внимания подробности о совещании, происшедшем 31 августа, после неудачного штурма Плевны: «Уже близко было к закату солнца, когда кто-то подошёл ко мне и сказал, что государь спрашивает меня. Я встал и подошёл к государю, который вполголоса, с грустным выражением сказал: «Приходится отказаться от Плевны, надо отступить». Поражённый как громом таким неожиданным решением, я горячо восстал против него, указав неисчислимые пагубные последствия подобного исхода дела. «Что же делать, — сказал государь, — надобно признать, что нынешняя кампания не удалась нам». «Но ведь подходят уже подкрепления», — сказал я; на это главнокомандующий возразил, что пока эти подкрепления не прибыли, он не видит возможности удержаться перед Плевной и с горячностью прибавил: «Если считаете это возможным, то и принимайте команду, а я прошу меня уволить». Однако же после этой бутады, благодаря благодушию государя, начали обсуждать дело спокойнее. «Кто знает, — заметил я, — в каком положении сами турки? Каковы будут наши досада и стыд, если мы потом узнаем, что отступили в то время, когда турки сами считали невозможным более держаться в этом котле, обложенном со всех сторон нашими

войсками». Кажется, этот аргумент подействовал более всех других. Разумею, было, чтобы войска оставались на тех занятых ими позициях, прикрывая укреплёнными и не предпринимая новых наступательных действий»³.

Далее Милютин рассказывает, что Александр II после взятия Плевны, воздав ему о совещании 31 августа, наградил его орденом Георгия 2-й степени. С возмущением описывает Милютин «действительность» Александра II на театре военных действий, которая сводилась к грубому вмешательству в функции главнокомандующего, что, естественно, отрицательно отражалось на руководстве военными операциями, а также к беспредельным ежедневным поездкам «на позицию», откуда после сытного завтрака благополучно возвращались обратно. Милютин очень неодобрительно отзывается о стремлении Александра II во что бы то ни стало принять участие в «бою», выдвигая для этого столь «серьёзный» аргумент, как участие «в боях» Вильгельма I в период франко-прусской войны. По словам Милютина, Александр II стремился во всём следовать примеру своего «августейшего дядюшки».

Вообще Милютин, сохраняя почитательный тон и даже благоговей перед Александром II, как верноподданный перед своим государем, даёт ему вместе с тем подчас далеко не лестные характеристики.

Так, например, 14 марта 1874 г. Милютин заносит в свой «Дневник» следующее: «В одной из зал Зимнего дворца государь занимался распределением рекрут по гвардейским полкам. Это уже четвёртая или пятая смена приводимых во дворец рекрут, представляемых его величеству по мере прибытия их в Петербург из разных округов. Я стараюсь по возможности уклониться от присутствия при этой операции: мне тяжело видеть самодержца 80 миллионов подданных, занятого таким ничтожным [пустым] делом»⁴.

Милютин в своём «Дневнике» за 1881 г. передаёт интересный рассказ гр. Адельберга о взаимоотношениях Александра II с кн. Юрьевской, характеризующий его как человека безвольного, находившегося «под башмаком» у этой «некоронованной императрицы».

Большое место уделяет Милютин в своём «Дневнике», особенно за 1878—1880 гг., вопросам внешней политики. Подробно освещаются международные отношения в период Сан-Стефанского мира и Берлинского конгресса.

Небезынтересна характеристика кн. Горчакова: отдавая должное его уму и способностям, Милютин отмечает в нём крупный недостаток, заключавшийся в том, что он любит «позировать... всегда пускает фейерверки». К концу 70-х годов, по словам Милютина, Горчаков представлял собою пол-

³ Там же, 7823, л. 122—123.

¹ Фонд Д. А. Милютин, 7821-1, л. 54—56. Все цитаты из дневника и воспоминаний даются по авторскому экземпляру.

² Там же, 7821-2, л. 49—50.

Газенкамф в своих воспоминаниях («Мой дневник 1877—78») освещает это иначе, приписывая инициативу продолжения осады ген. Левицкому.

⁴ Там же, 7821-2, л. 33.

нейшую развалину, был не только неспособен руководить министерством, но даже сколько-нибудь логически мыслить. Описывая одно из совещаний по вопросу внешней политики накануне Берлинского конгресса, Милютин говорил: «Что касается кн. Горчакова, то созвучие нынешнего дня окончательно показало, что он человек отживший. Он говорил мало, — всякий раз, когда пробовал что-нибудь сказать, — выходило как-то невпопад. Он уже не в состоянии схватывать мысли; не может проникнуть в сущность дела; голова его перестала работать. Как же будет он разыгрывать на конгрессе роль первого представителя России?»¹ — задаёт вопрос Милютин. В конце 70-х годов, когда министерство иностранных дел фактически возглавлял Гирс, Милютин играл большую роль в решении внешнеполитических вопросов: он, как правило, присутствовал при докладах Гирса царю, с ним советовались по всем принципиальным вопросам внешней политики, что находило своё отражение как на страницах «Дневника», так и в переписке Гирса с Милютиным.

Большой интерес представляет подробное освещение русско-германских отношений конца 70-х годов. Милютин рассказывает о встрече двух императоров — Александра II и Вильгельма I — в августе 1879 г. на пограничной станции Александрово, о своих беседах с Вильгельмом I и фельдмаршалом Мантейфелем по вопросам европейской политики.

Заслуживает внимания и взгляд Милютина на внутреннее положение в стране к началу 80-х годов.

В своём «Дневнике» за 1880 г. он даёт следующую характеристику внутреннего положения: «Никогда ещё не было предоставлено столько безграничного произвола администрации и полиции. Но одними этими полицейскими мерами, террором и насилиями, едва ли можно прекратить революционную подпольную работу, принявшую уже такие значительные размеры. Трудно искоренить зло, когда ни в одном слое общества правительство не находит ни сочувствия к себе, ни искренней поддержки»².

Вообще Милютин был ярким противником полицейско-административных мер, считая, что лучшим методом борьбы с революционным движением является завершение буржуазных реформ, прерванных событиями 1866 года.

Исключительный интерес представляет «Дневник» за 1881 г., освещающий борьбу в правительственных сферах в первые месяцы вступления на престол Александра III. Мы считаем излишним останавливаться на этом вопросе, получившем подробное освещение в весьма содержательной и интересной статье покойного академика Ю. В. Готье «Борьба правительственных группировок и манифест 29 апреля 1881 года»³, в которой автор широко использовал материалы «Дневника» Милютина.

¹ Фонд Д. А. Милютин, 7824, л. 83.

² Там же, 7826, л. 9.

³ «Исторические записки» Института истории Академии наук. Т. II, стр. 240—299.

После своей отставки, в мае 1881 г., Милютин удалился в своё крымское имение Симеиз, где и прожил почти безвыездно до своей смерти. Здесь, в Крыму, перед Милютиным возникает вопрос: стоит ли продолжать вести «Дневник»? «А будет ли историк дорожить показаниями старика, удалившегося от дел государственных в уединённый уголок... Однако ж, поразмыслив ближе, прихожу к тому заключению, что и заметки отшельника бывают небесполезны; а тот, кто был многие годы близким очевидным и отчасти действующим лицом в событиях государственных, не может разом оторваться от своего прошлого и безусловно стереть в своей памяти все следы минувшей деятельности. Вот почему мне кажется, что и в теперешнем моём положении, как бы ни старался я уединиться, не раз представится мне случай зайти в свой дневник какую-либо черточку, пригодную для будущего летописца»⁴.

Милютин оказался прав. Поселившись в Симеизе, он внимательно следил за всем происходящим в Петербурге и заносил свои впечатления на страницах дневника.

Частые встречи с великим князем Константином Николаевичем, поселившимся на положении опального неведальки от Симеиза, в имении Орианда, свидания с Гирсом, Сабуровым, Кони, Чичериным и другими государственными и общественными деятелями, подробная информация о всём происходящем в правительственных сферах, получаемая регулярно от его друга А. В. Головина, — всё это ставит Милютина в курс как внутренней, так и внешней политики и придаёт «Дневнику» большой интерес. Примерно с 1885—1886 гг., когда большинство друзей Милютина либо умерло либо ушло в отставку, «Дневник» приобретает более личный характер.

Свои «Воспоминания» Милютин начал писать в Симеизе с 1862 года. В течение пяти лет (1882—1887) он описывает период с 1861 по 1873 год. С начала 1887 г. Милютин приступает к работе над «Воспоминаниями» за предшествующий период — с детства по 1861 г., — которые и были им закончены во второй половине 1892 года.

«Воспоминания» представляют большую ценность не только для изучения биографии Д. А. Милютина, но и целого ряда вопросов истории России XIX века. Они составляют 17 папок, общей сложностью 6319 листов формата 4°. Есть основания полагать, что хранящийся в архиве экземпляр не является первоначальным, так как написан набело, почти без поправок. Имеющиеся же поправки и вставки сделаны значительно позднее — в первые годы XX в., когда «Воспоминания» переписывались набело в связи с подготовкой их к печати.

«Воспоминания», переписанные, так же как дневники, дочерью Милютина, составили 20 переплетённых книг. Одна из книг (VI) утеряна, и таким образом в наличии имеется 19 книг общим количеством 2769 листов.

⁴ Фонд Д. А. Милютин, 7828—I, л. 1—2.

Авторский экземпляр незначительно отличается от последней редакции, главным образом поправками стилистического характера, либо пропуском некоторых несущественных подробностей.

«Воспоминания» по своему характеру отличаются от «Дневника». Автор, описывая события, рассматривает их сквозь призму десятилетий, что вполне естественно налагало на них определённый отпечаток. Отдельные вопросы вовсе опускаются, некоторые освещаются в чисто фактологическом плане. Так, в «Воспоминаниях» крайне слабо отражаются общественные и политические настроения автора в период 20-х—50-х годов. Ничего не говорится о тех общественных вопросах, которые волновали юношу Милютину во время его пребывания в университетском пансионе. Очень бегло сообщает автор о своих встречах с Грановским, совершенно не касаясь тех бесед, которые они вели между собой. Ничего не рассказывает Милютин о своих встречах с Панаевым, Некрасовым, Чернышевским¹, о дружбе с Чичериным и Кавелиным.

Б. Н. Чичерин в своих воспоминаниях «Москва сороковых годов», а также К. Д. Кавелин в письмах к Милютину² отмечают те пессимистические настроения в отношении перспектив будущего царствования, которыми был полон Милютин в середине 50-х годов. Всё это не нашло никакого отражения на страницах «Воспоминаний».

Первая часть «Воспоминаний» (1816—1861) заслуживает внимания не только изложением биографии автора, представленной здесь довольно подробно, но и освещением ряда других вопросов, в первую очередь Кавказских войн. Милютин подробно рассказывает на страницах «Воспоминаний» о своём первом и втором пребывании на Кавказе в конце 30-х и первой половине 40-х годов, а также о своей деятельности в качестве начальника главного штаба кавказских войск с 1857 по 1861 год. Он сообщает ряд интересных подробностей, касающихся разработки плана военных операций, хода военных действий против Шамиля и на Западном Кавказе.

Не лишены интереса страницы, касающиеся Восточной войны, когда Милютин, состоя для особых поручений при военном министре, был привлечён к работе по составлению обзора военных действий, редактированию известий с театра войны (для опубликования их в печати), а также для выполнения ряда особых заданий, связанных с военными действиями.

Так, например, он сообщает содержание собственноручных записок Николая I, относящихся к лету 1853 г., в которых последний «излагал смелые планы экспедиций морских сил для понуждения Порты подчиниться его требованиям. Первоначально предполагался, — говорит Милютин, — десант (13-й и 14-й пехотных дивизий) на берега

Босфора и занятие самого Константинополя»³.

В «Воспоминаниях» подробно освещается состояние армии в предреформенный период и положение дел в военном министерстве. Необходимо отметить, что первые три книги «Воспоминаний» (1816—1843) были изданы в качестве первого тома «Воспоминаний» в 1918 г. в Томске, когда руководство Академии генерального штаба перешло на сторону белых и находилось на территории колчаковского правительства.

Этот том «Воспоминаний», изданный крайне ограниченным тиражом, представляет собой в буквальном смысле слова библиографическую редкость.

Большой интерес представляет вторая часть «Воспоминаний» (1861—1873), относящаяся к периоду, когда Милютин, заняв пост военного министра, становится одним из активных деятелей преобразований 60-х годов. Значительная часть воспоминаний этого периода посвящена состоянию армии и военного министерства и проводимым в этой области преобразованиям.

Наряду с военными вопросами Милютин в своих «Воспоминаниях» уделяет большое внимание общему политическому курсу правительства, а также реформам в других ведомствах. Не лишена интереса в «Воспоминаниях» за 1862 г. характеристика общего хода происходивших реформ. «К сожалению, — говорит Милютин, — весьма многие из совершившихся у нас преобразований носят на себе именно эту черту — отсутствие общей основной мысли. Проекты составлялись обыкновенно коллективным трудом многих личностей, из которых большинство смотрело на дело с чиновничьей точки зрения; потом проекты проходили через многие инстанции: в каждой из них претерпевали какие-либо видоизменения, не всегда способствовавшие к улучшению, и выходили наконец из Государственного совета уже вовсе лишёнными жизненной силы»⁴.

Много внимания уделял Милютин польскому восстанию 1863 г. и остзейскому вопросу, в котором он занимал непримиримую позицию, решительно выступая против «германизации» Прибалтики и «против отживших феодальных порядков».

Подробно останавливается Милютин на внутренней политике правительства после событий 4 апреля 1866 г., приведших к усилению реакционного курса: «С 4 апреля, — пишет Милютин, — берёт верх партия квази-консерваторов, или, вернее сказать, ретроградов. Представителем её на первом плане является гр. Пётр Шувалов; к нему примыкают все те личности, которые и прежде не сочувствовали либеральным реформам. Партия эта задумала воспользоваться преступным выстрелом Каракозова, чтобы внушить государю недоверие ко всему, что было сделано на славу его царствования, и под видом укрепления расшатанной будто бы самодержавной власти, восстановить господство высшего сословия над массой, по идеалу прибалтийских баронов. К великому

¹ А. Я. Панаева в своих воспоминаниях рассказывает о том, что Милютин был постоянным гостем кружка литераторов, группировавшихся вокруг «Современника», причём часто вёл беседы с Чернышевским о предстоящих реформах.

² «Вестник Европы» № 1 за 1909 год.

³ Фонд Д. А. Милютин, 7812, л. 3—4.

⁴ Фонд Д. А. Милютин, 7815, л. 290.

счастью России, наша консервативная или ретроградная партия имела представителями людей более самонадеянных чем даровитых, способных более к разглагольствованию чем к действию¹.

Подробное отражение на страницах «Воспоминаний» получает и борьба против военной реформы, развернувшаяся в конце 60-х годов и возглавляемая Барятинским, Фадеевым и Черняевым. Наконец, большое место в своих «Воспоминаниях» автор отводит и вопросам внешней политики. Заслуживает внимания, например, рассказ Милютина о посещении им германского генерального штаба в 1872 г., в период происходившей встречи трёх императоров. «Сам фельдмаршал гр. Мольтке принял меня и повёл по всему огромному помещению, в котором широко и прихотливо раскинуты части и отделения его управления. Переходя из одной залы в другую, гр. Мольтке представлял мне офицеров генерального штаба, стоящих во главе каждого специального дела: здесь полковник или подполковник такой-то ведёт работу по военно-исторической части; тут такой-то — по военной статистике таких-то государств; а вот и комнаты, где несколько офицеров заняты исключительно географией и статистикой России. Я нашёл этих офицеров за работою над исправлением карт наших железных дорог. Стоящие по стенам каждой комнаты шкафы наполнены книгами, рукописями и картами, относящимися к соответствующему государству. В одном из специальных отделений — по железным дорогам, — я застал офицеров, работавших над планами расположения железнодорожных станций: тут не пренебрегают никакими мелочами, не пропускают без внимания никаких данных. При одном из моих посещений графа Мольтке... я застал его самого за корректурой какой-то новой карты, над которою старик работал с лупой на высоком столике, устроенном в амбразуре окна?» Так выглядит штаб германского милитаризма в первые годы существования Второй империи.

Переходя к характеристике материалов, связанных со служебной деятельностью Милютина, необходимо подразделить их на несколько основных групп.

Во-первых, разнообразные документы, характеризующие деятельность Милютина на Кавказе. Наиболее полно представлены материалы, относящиеся к первому и второму пребыванию его там (1839—1840, 1843—1845). Наряду со служебной перепиской здесь имеются различные заметки и проекты, касающиеся реорганизации кавказских войск, колонизации Кавказа, материалы фортификационных работ в 1839 г., обширная записка Милютина под заглавием «Мысли о средствах утверждения русского владычества на Кавказе», датированная 1840—1841 гг., «Отрывки из моего журнала», в которых автор рассказывает о своём путешествии из Пятигорска до крепости Внезапной, а также черновой дневник за 1839 год (февраль—декабрь). Представляют интерес также черновые экземпляры рапортов Милютина, касаю-

щихся преобразования линейного казачьего войска (1843), обширного рапорта с грифом «весьма секретно», излагающего точку зрения Милютина на дальнейший ход военных операций (1843), а также обширной записки «Мысли о различных образах действий на Кавказе» (ноябрь 1844 г.), представляющей дальнейшее развитие взглядов Милютина, изложенных в рапорте 1843 года.

Необходимо также отметить материалы, касающиеся экспедиции в Чечню в 1844 году.

Крайне незначительны по объёму и по содержанию бумаги, относящиеся к пребыванию Милютина в должности начальника главного штаба кавказских войск (1856—1861). Они представлены двумя папками разрозненной служебной переписки и рядом отдельных писем полуофициального характера.

Кроме того в архиве сохранились материалы по истории Кавказа, собранные в 1856—1861 гг. и состоящие из различных выписок, касающихся истории кавказских и закавказских народов, главным образом в период домонгольского завоевания.

Большую ценность для изучения истории Восточной войны представляют материалы, характеризующие деятельность Милютина в военном министерстве в период 1853—1856 годов.

Среди материалов архива имеется ряд составленных Милютиным Записок следующего содержания: «Двойная точка зрения на выступление наше из Дунайских княжеств», датированная июлем 1854 г., «Положение австрийских войск по последним сведениям, доставленным гр. Штакельбергом», «Проект зимней экспедиции на случай, если неприятель утвердится на островах Аландских», «Соображения относительно обороны берегов Балтийского моря» и т. д.

Все эти записки представлены либо черновыми экземплярами — автографами Милютина — либо писарскими копиями. Среди этих материалов большой интерес представляет Записка, посвящённая партизанскому движению, в которой Милютин говорит: «В случае вторжения неприятеля в наши пределы, представится нам случай снова прибегнуть к тому решительному средству, которое испробовали мы в Отечественную войну 1812 года: — к действиям партизанским и народной войне. Если бы австрийцы отважились предпринять наступательное движение на Волынь, то операционная их линия пролегла бы вдоль южной окраины Полесья — страны лесистой и болотистой, которая даст нам возможность действовать губительно на фланги, на тыл и сообщения неприятеля»².

Далее в Записке излагается план организации партизанской борьбы. Эта Записка, датированная 15 августа 1854 г., написана рукою Милютина. Повидимому, она не получила движения, так как представлена в архиве переписанным набело экземпляром.

Кроме того среди материалов, касающихся Восточной войны, имеется ряд автографов — черновых набросков, писем к кн. Меншикову, Горчакову и другим генералам от имени военного министра. Так, например, представляет интерес письмо без указания даты к князю Меншикову и генералу Хомутову о

¹ Фонд Д. А. Милютина, 7818, л. 216.

² Там же, 7820—2, лл. 102—103.

³ Там же, 7939, л. 54.

принятии мер на случай военных действий в Крыму.

Заслуживают внимания протоколы заседаний Особого комитета «О защите берегов Балтийского моря», созданного в ноябре 1854 г. под председательством наследника престола. Милютин был назначен производителем дел этого комитета.

К этой же группе материалов можно отнести обширную Записку Милютина, датированную 1856 г., под названием «Мысли о невыгодах существующей в России военной системы и о средствах к устранению оных». Эта Записка, написанная под влиянием неудач в Восточной войне, подвергает критике существующую систему комплектования и организации войск и выдвигает необходимость всемерного сокращения армии в мирное время и создание необходимых резервов для развёртывания её в военное время. Милютин подчёркивает в ней, что крепостное право является непреодолимым препятствием к осуществлению этих мероприятий.

Наибольшую группу документов этой части архива составляют материалы, связанные с деятельностью Милютина как военного министра. Здесь широко представлены различные материалы по военным преобразованиям (заметки, проекты, официальная переписка), касающиеся различных сторон военного управления и реорганизации армии.

Помимо этих обширнейших материалов, непосредственно связанных с военной реформой и наиболее известных исследователям, к этой же группе документов примыкают также и различные заметки и соображения Милютина по вопросу о готовности России к войне, материалы, касающиеся хода военных действий в Средней Азии и Польше в 1863 г., представленные главным образом в официальной переписке. Для характеристики польского восстания 1863 г. большой интерес представляют письма Берга и М. Н. Муравьёва, Валуева, Горчакова, Долгорукова и ряда других лиц.

Кроме служебных материалов по военным вопросам, большое место занимают также служебные документы и официальная переписка по вопросам внутренней и внешней политики. Так, в архиве имеются материалы, касающиеся вопроса о классическом и реальном образовании, состоящие из писем А. Головнина, К. Грота, Н. Исакова и других лиц, а также заметок по этому вопросу Милютина.

В архиве представлены также материалы, характеризующие революционное движение 60-х годов, состоящие из различной официальной переписки, извлечений из показаний «политических преступников» и других документов.

Среди официальной переписки Милютина имеются два письма Н. Г. Чернышевского, написанные им военному министру незадолго до ареста в июне 1862 г. по поводу оскорбления, нанесённого ему одним из офицеров образцового эскадрона.

В первом письме от 13 июня Чернышевский писал: «Ваше превосходительство, одним из подчинённых Вам лиц (офицером образцового эскадрона) нанесено мне оскорбление, за которое порядочные люди прежде

вызывали на дуэль, а теперь просто бьют палкою, как собаку. Но мне неприлично прибегать к самоуправству, потому что я должен служить примером для других и в моей частной жизни я должен наказывать обидчика судом общественного мнения. Самый мягкий и прямой способ к тому — отдать его поступок на суд его товарищей по службе»¹. И далее Чернышевский просит у Милютина содействия в организации товарищеского суда чести. Здесь же находятся черновые экземпляры двух ответных писем Милютина.

Вопросы внешней политики представлены главным образом официальной и полуофициальной перепиской с Горчаковым, Гирсом, Жомини, Сабуровым и некоторыми дипломатическими представителями иностранных государств.

Для характеристики русско-болгарских отношений большой интерес представляют письма к Милютину князя болгарского Александра, военного министра Болгарии Паренсова, а также военного агента Шелева.

Наконец, к служебным бумагам Милютина необходимо отнести также многочисленные материалы, связанные с его научно-педагогической и литературной деятельностью.

Эпистолярная часть архива представляет значительную научную ценность, причём здесь, помимо большого количества писем к Милютину, сохранилась его обширная переписка с дочерью Ольгой Дмитриевной, а также близким другом А. В. Головниным.

Большой интерес, главным образом для биографии Милютина, представляют письма его брата Николая Алексеевича. Они освещают некоторые подробности жизни Милютина во время его пребывания в университетском пансионе.

Из писем, относящихся к середине 40-х годов, мы узнаём, что Милютин, неудовлетворённый своей службой на Кавказе в должности обер-квартирмейстера войск Кавказской линии и Черноморья, предполагал выйти в отставку и посвятить себя деятельности на гражданском поприще.

Не лишены интереса также письма Николая Алексеевича, относящиеся к началу 60-х годов.

В одном из писем из-за границы он даёт следующую оценку внутреннего положения России: «Последние известия из России, особенно при их отрывочности, неясности и неточности не могли не растревожить тот душевный мир, которым без того я наслаждался бы здесь в такой полноте и невозмутимости. Брожение в вас сильное, сильнее, чем следовало ожидать. Но признаюсь, опасности я ещё не вижу нигде, разве в одном только неразумии будущих правитель-

¹ Фонд Д. А. Милютина, 7997. Переписка опубликована в «Записках Отд. Рукописей» Всесоюзной библиотеки имени Ленина, Выпуск VI. М. 1940.

ственных действий. Революционные замысли были бы просто смешны, если бы не обнаруживали в обществе глубокого пренебрежения к моральной силе правительства. Две характерные черты обрисовывают, как мне кажется, нашу русскую оппозицию, охватывающую, повидному, всё общество: во 1-х, наружу выходят только крайние мнения; во 2-х, либеральные стремления не имеют ещё определённых образов, всё это слишком общо, смутно, шатко и лишено противоречий. Такая оппозиция бессильна в смысле положительном, но она бесспорно может сделаться сильной (Р. П. З.) отрицательно. Чтобы отвлечь это, необходимо создать мнение или, пожалуй, партию серединную (говоря парламентским языком: *le centre*), которой у нас нет, но для которой элементы, очевидно, найдутся. Одно правительство может это сделать, и для него самого это будет лучшим средством упрочения. Примеры Польши, кажется, слишком ясно показали, каково положение правительства, даже располагающего всею материальною силою, когда в стране истребились все следы правительственной партии... Россия, конечно, в сто раз легче склонить на свою сторону серьёзную часть образованного общества, сделав своевременные уступки, но сделав их ясно, с достоинством, без оскорбительных оговорок и без канцелярских уловок. В чём должны заключаться эти уступки? Вот главный вопрос. По-моему, это широкое развитие выборного начала в местной администрации (кроме исполнительной полиции) и удвоение бюджета народного просвещения... Невероятно, чтобы такие реформы не сгруппировали около правительства лучших людей, которые подняли бы моральную силу его, обесценили бы крайние мнения и дали бы истинное, нешлейфное значение нынешней оппозиции»¹.

Обширная переписка Милютин с дочерью Ольгой Дмитриевной носит главным образом личный характер, однако в некоторых из них Милютин касается своего положения в правительстве после 1866 г., а также борьбы с противниками военных реформ.

Для уяснения вопроса о роли Милютин в правительстве Александра II немалый интерес представляют письма к нему Валуева, Лорис-Меликова, Тимашёва, Зелёного и наследника престола.

Наконец, большую ценность для изучения внутренней и внешней политики Александра III, а также взглядов Милютин представляет собою обширная переписка его с А. В. Головинным за период с 1881 по 1886 год. Как говорилось уже выше, Милютин, живя в Симензе, вёл оживлённую переписку с А. В. Головинным, который обычно «с ока-

зней» пересылал ему письма, рассказывая в них о происходящем в правительственных сферах. Головинни сообщал о деятельности Победоносцева, Игнатъева, Каткова, о работе Кохановской комиссии, о прениях в Государственном совете по вопросу о новом университетском уставе и ряд других интересных сведений.

Неменьший интерес представляют ответные письма Милютин, в которых он излагает свою точку зрения на ряд вопросов внутренней и внешней политики, а также даёт характеристики отдельных политических и общественных деятелей.

Так, в одном из своих писем Милютин высказывает любопытную точку зрения на русско-германские отношения середины 80-х годов: «Касательно внешней нашей политики я получил некоторые весьма любопытные разъяснения от бар. Жомини... Сближению нашему с Германней, или, лучше сказать, прекращению каких-то страных недоразумений, натянутых отношений и пр., конечно, нельзя не радоваться при настоящих обстоятельствах, лишь бы только не крылось тут какого-нибудь нового коварства со стороны железного канцлера, который надувал дипломатов и более тонких, чем наши честные, добрые представители России. Бисмарк тешит тем, что вся Европа пляшет по его дудочке, он дирижирует всею прессою и, стало быть, общественным мнением, как опытный капельмейстер оркестром, и сообразно его планам вся Европа то поднимает общий воинственный крик, то вдруг спустит тон и затынет миролюбивую мелодию. И все эти беспрестанные частые переходы от одного мотива к другому большею частью вызываются не какими-либо серьёзными, реальными причинами, а закулисными комбинациями какого-нибудь честолюбца вроде Бисмарка, иногда же ещё проше, — биржевых спекулянтов. С этой точки зрения смотрю я на последние перипетии наших отношений с Германней и Австро-Венгрией. Тут не было ничего серьёзного, реального, а простые бисмарковские проделки. В сочинённой им партитуре нужно было то поугадать нас, то приласкать... Для чего именно это было нужно, трудно теперь сказать; но история со временем это раскроет, так же как она до сих пор раскрывала все прежние его ловкие кунштюки, когда пьеса была уже разыграна, *argès soupé*. Желательно, чтобы дипломаты наши были осторожны и чтобы наш добрейший, честнейший посол в Берлине не слишком доверял дружеским обольщениям Варшавского помещика»².

В этих письмах Милютин довольно подробно анализирует причины, вызвавшие ухудшение русско-болгарских отношений и усиление немецкого влияния на Балканах, подвергая уничтожающей критике близорукую политику Александра III.

Подробно останавливается Милютин на характеристике реакционной клики Победоносцева — Каткова, награждая последнего не совсем лестными эпитетами. Так, в письме от 20 сентября 1882 г. Милютин, разбирая одну из статей «Московских Ведо-

¹ Фонд Д. А. Милютин, 7889. Письмо Н. А. Милютин из Рима от 18(30) декабря 1861 года.

Помимо этого в архиве имеются письма вел. кн. Константина и Михаила Николаевичей, вел. кн. Елены Павловны, Адлерберга, Баудова, Кауфмана, Карцева, Муравьёва-Амурского, Бяратинского, В. П. Боткина и ряда других лиц.

² Архив Д. А. Милютин, 3135. Письмо от 1-го мая 1884 года.

мостей», говорит: «Вырачем, можно ли искать логики и правды у г. Каткова? Это просто мерзавец (*пassez-moi le mot*)¹. (Извините за выражение)».

Небезынтересна характеристика редактора «Руси» — И. С. Аксакова, который «как Януэ представляется двумя различными людьми: с одной стороны — редактор и издатель «Руси», фанатик, отчаянный проповедник мракобесия, с другой — приятный собеседник, рассуждающий здраво и в умеренном смысле»².

Заслуживают внимания также письма К. Д. Кавелина к Милютину (1882—1884). Копии этих писем после смерти Кавелина были переданы Милютину в 1887 г. Д. А. Корсакову, который опубликовал их в «Вестнике Европы» (1909 г. Т. 1). Эта публикация дана с незначительными пропусками отдельных мест, которые, по цензурным условиям того времени, не могли быть опубликованы. Так, исключены строки, касающиеся Александра III, наследника престола, выпущена характеристика Драгомирова и т. д. Пропуски при публикации были отмечены многоточиями. Позднее, Милютин, снимая копии, опустил сам некоторые строки, так как отмечается их отсутствие в тексте. Так, из письма от 13 апреля 1884 г. выпущена следующая характеристика Ростовцева: «Вспомните, что Яшка Ростовцев освободил крестьян! Яшка, косноязычный плут и негодяй, политический шулер дурного тона»³. Здесь же выпущена характеристика министра двора гр. Адлерберга, которого Кавелин называет «Валаамовой ослицей».

Переходя к характеристике последней группы документов архива, необходимо остановиться в первую очередь на различных материалах, связанных с детством и юностью Милютина. К ним относятся детский альбом с различными стихотворениями, посвященными их владельцу. Среди различных стихотворений, написанных полудетским почерком Милютина, имеется список «Вольности» Пушкина, что известным образом характеризует общественные настроения 15-летнего юноши.

Большой интерес представляют списки са-

тирических стихотворений на различные политические темы.

Такова, например, довольно ядовитая сатира на III отделение:

«У Цедного моста видел я потеху.

Чорт, держась за пузо, помирает со смеху.
Батюшки, нет мочи, говорил Лукавый,
В III отделении изучают право.

Право на бесправие, Эдак скоро, братцы,
Мне за богословие надо приниматься»⁴.

Список этой сатиры написан, по видимому, А. В. Головинным, рукою же Милютина сделана пометка «январь 1872».

Также следует отметить оду, сочиненную по поводу закона 12 июля 1889 г., представляющую собою подражание оде Державина «Бог».

Не лишены интереса и дневники заграничного путешествия 1840—1841 годов. Они дают возможность ознакомиться со взглядами Милютина на европейские порядки и его отношением в тот период к тем или иным сторонам российской действительности.

В заключение необходимо упомянуть о наличии в архиве разнообразных записок, проектов, заметок, принадлежащих перу Милютина и посвященных различным вопросам политического характера.

Эти документы являются важнейшим источником для изучения политических взглядов их автора на протяжении целого полувека (с начала 60-х годов вплоть до самой смерти). Среди них надо отметить записку «О нигилизме и мерах против него необходимых», датированную 1866 годом, «Мысли о необходимых преобразованиях в управлении учебной части и духовенстве» (1879), «Заметки по некоторым спорным вопросам современной жизни» (май 1907 г.), в которой автор излагает свою точку зрения на социализм, аграрное законодательство, а также на ряд других злободневных вопросов политической жизни России.

Все эти материалы достаточно полно вскрывают сущность российского либерализма, не желавшего мириться с крепостничеством, но вместе с тем боявшегося революционного движения, пытавшегося добиться тех или иных реформ путем соглашения с царизмом.

Такова в общих чертах характеристика наследия Милютина, представляющая огромную ценность для нашей советской исторической науки.

⁴ Там же, 8183-2.

¹ Архив Д. А. Милютина, 8134. Письмо от 20 сентября 1882 года.

² Там же, 8135. Письмо от 2 мая 1885 года.

³ Там же, 8113. Письмо Кавелина от 13 апреля 1884 года.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ИНДИИ

SHELVANKAR H. „*The Problem of India*“. London, Penguin Books 1943. 208 p.

ШЕЛВАНКАР Г. „*Проблема Индии*“ (2-е дополненное издание).

COUPLAND R. „*The Future of India*“. Report on the constitutional problem in India. Part III. Oxford University Press. 1944. XIV+207 p.

КУПЛАНД Р. „*Будущее Индии*“ (Отчёт о конституционной проблеме Индии).

Современность придавала вопросам индийской истории большую политическую остроту. Четыреста миллионов индийцев, естественно, не могли остаться в стороне от охватившей сейчас Азию борьбы за демократические и национальные права. Индия стоит у поворотного пункта своего развития. По-старому управлять старейшей и важнейшей из британских колоний невозможно. Ещё в 1942 г. англичане впервые вынуждены были декларировать, нека что на бумаге, право Индии самой решать свою судьбу, вплоть до отделения от империи (предложение Криппса). Политика господствующего класса Англии приспособить существующий колониальный режим к изменившемуся соотношению сил как в самой Индии, так и на международной арене вызвали к жизни множество планов, проектов и предложений.

Такой характер, в частности, носит книга «Будущее Индии», принадлежащая перу Р. Купланда, профессора Оксфордского университета, видного государствоведа, сопровождавшего в качестве эксперта по конституционным вопросам миссию Криппса в Индию в 1942 году. Близость автора к правительственным кругам придаёт особый интерес его высказываниям.

Несравненно более широкой по своему диапазону и тематической, а не исторической по своему построению является книга «Проблема Индии». Её автор, Г. С. Шелванкар, принадлежит к числу деятелей левых крыла индийского национального движения. Сила и слабость этого произведения состоят в попытке в сжатом виде дать синтез всех важнейших проблем истории, экономики, политики и национального движения в Индии. Шелванкар затрагивает ряд весьма различных вопросов, начиная с объяснения причин отсталости и застойности индийского феодализма накануне британского завоевания и кончая индомусульманскими взаимоотношениями, развитием капитализма, национальным и рабоче-крестьянским движением в современной Индии.

Очерк истории Индии до британского завоевания и обобщения автора по вопросам индийского феодализма не принадлежат к

наиболее удачным разделам этого труда. В этом виноваты, как нам кажется, методологическая несостоятельность автора и то обстоятельство, что вне поля его зрения остался обширный, новый конкретно-исторический материал, накопленный индологами, в первую очередь самими индийцами, за последние несколько десятилетий.

Шелванкар по большей части провозглашает отдельные общие положения, которые затем иллюстрируются более или менее произвольно взятыми историческими фактами. Отсутствует хронологическая последовательность изложения, единство исторического процесса оказывается разорванным, политическая история даётся отдельно от экономического развития. Автор категорически высказывает мнение, что Индия не знала рабовладельческого способа производства и от общинно-родового строя перешла непосредственно к феодализму (стр. 10). Но это утверждение ничем не подтверждается. Индийский феодализм автор рассматривает вне времени и пространства, как нечто статическое и фатально неизменное. Он пишет: «Это была экономическая система, не имевшая подобной себе на Западе, её своеобразие заключалось в невозможности преодолеть самой себя, она была обречена на бессмертие» (стр. 107). Здесь автор отдаёт явную дань реакционной гегельянской метафизике и, очевидно, находится под непосредственным влиянием гегелевского «Мира Востока». Совершенно в этом же духе изображается «развитие» феодального землевладения в Индии. Вся аграрная история индийского средневековья сведена к бесконечно повторяющимся и однородным циклам борьбы феодальных владельцев против государственной собственности на землю.

Вряд ли нужно всерьёз спорить с Шелванкаром на эту тему. Элементарное обозрение исторических фактов показывает, что развитие индийского феодального землевладения никак не укладывается в надуманную схему абсолютного застоя. Достаточно указать хотя бы на возникновение в Индии после мусульманского завоевания ленной системы, которой раньше не было, или на

длительную эволюцию иммунитетных прав на юге страны, где, как известно, ещё до англичан сложилась частная собственность на землю. Отдельную главу наш автор посвящает вопросу: «Почему в Индии не развился капитализм?» Здесь построение Шелванкара носит весьма спекулятивный и схоластический характер. Правильно отмечая, что в Индии к середине XVIII в., когда началась колониальная экспансия англичан и французов, ещё не развились предпосылки перехода к новому способу производства, автор приводит весьма длинную аргументацию в доказательство того, что в Индии никогда и не мог бы развиться капитализм. Что же касается характеристики классов, то Шелванкар определяет их не по роли в производстве и не по отношению к средствам производства, а берёт в качестве решающего момента распределение, повторяя здесь методологию известного английского индолога Мореленда (см. стр. 105—111). Так индийские феодалы неизменно изображаются в качестве «потребительского класса». Автор полностью отрицает классовую борьбу крестьянства во времена индийского средневековья. «Спор всегда шёл лишь между различными носителями меча, деревня же и крестьянство неизменно оставались пассивным объектом конфликтов, добычей, за обладание которой сражались между собой различные соперничающие силы» (стр. 80). Позволено будет спросить Шелванкара: чем же являлись тогда широкие сектантские движения индийского средневековья, принявшие особенно воинствующий и массовый характер на рубеже XVII—XVIII вв., когда на севере Индии разразилась огромная крестьянская война сикхов?

Примечательно, что Шелванкар, правильно отмечая замкнутость индийской общины, замкнутость, основанную на разделении труда между ручным земледелием и ручным ремеслом внутри самой общины, в то же время утверждает, что община во времена индийского средневековья не являлась частью феодальной системы и не была затронута ею (см. стр. 75). Автор явно противоречит сам себе, ибо в дальнейшем он указывает и на фискальную роль общины, и на различные формы закрепощения крестьянства, и на обложение его тяжелейшей рентой-налогом. Шелванкару было бы полезно ознакомиться с талантливой книгой индийского исследователя Сэна «Административная система махратов», где последний на основе глубокого изучения архивов весьма обстоятельно показывает процесс превращения махратских деревенских старшин в своеобразных маленьких феодалов.

Не лишним будет остановиться на высказывании Шелванкара о причинах застойности индийского феодализма. Он придаёт решающее значение трём обстоятельствам: огромной концентрации власти в руках государя, отсутствию помещичьего хозяйства, барской запашки. — что придавало индийскому феодализму «военно-фискальный характер», и, наконец, преобладанию феодальных элементов в индийском средневековом городе над элементами торговыми и раннекапиталистическими (см. стр. 79, 108).

Связь между характером государственной власти (восточная деспотия) и отсутствием в Индии помещичьего хозяйства (материальная система, по выражению автора) рисуется Шелванкару в чисто юридическом плане. Дело, оказывается, в том, что, являясь абсолютным монархом, индийский государь предоставлял феодалам лишь право сбора земельного налога, но не политические права. Именно это обстоятельство, утверждает автор, исключало для индийских феодалов «всякую возможность превратить свои права земледара (сборщик налогов) в фактическое господство в европейском смысле, чтобы непосредственно влиять на ход сельскохозяйственных операций» (стр. 79).

Здесь многое не соответствует действительности. Неверно, что индийские феодалы имели только право сбора налогов на землях, предоставленных им государем. По этому вопросу весьма интересную работу проделал доцент Московского университета А. М. Осипов. Он показал, что дарственные и жалованные грамоты (вернее, надписи, гравированные на медных пластинках) южноиндийских раджей с III в. н. э. и вплоть до вторжения мусульман предоставляли отдельным феодальным владельцам не только право сбора налога, но и юрисдикцию над населением данного земельного пожалования. Известно, что ещё более широкими были права феодальных владельцев в мусульманский период. Весьма спорным представляется и другое утверждение Шелванкара, будто индийские феодалы «не влияли на ход сельскохозяйственных операций». Разве барская запашка-манор является единственным рычагом воздействия феодала на ход сельскохозяйственных операций? Шелванкару достаточно было бы просмотреть недавно опубликованную Минорским в Лондоне «Памятку царей» («Тазкират-аль-Мулюк») или заглянуть в широко известную классическую работу монгольского историка графа Аб-уль-Фазл Алами «Акбарово зеркало» («Аин-и-Акбар»), и он смог бы обнаружить, как азиатские, в частности индийские, феодалы самым непосредственным образом воздействовали на этот самый «ход сельскохозяйственных операций». Тут и вопросы расширения, сохранения и ежегодной расчистки сети искусственного орошения (первое условие земледелия на Востоке), и выдача продовольственных и денежных ссуд крестьянству (так называемые займы «такави»), тут и строгое варьирование земельного налога и водных сборов в зависимости от характера возделываемой крестьянском культуры и, наконец, устройство огромных складов зерна для продажи его на рынке в неурожайные годы.

Все эти данные мы приводим вовсе не для того, чтобы опорочить основной тезис Шелванкара об отсутствии в феодальной Индии помещичьей собственности на землю и помещичьего (манорнального) хозяйства. Мы хотим лишь сказать, что наш автор принимает причины за следствия, предполагая, что деспотическая власть государя исключала возможность развития помещичьей собственности и помещичьего хозяйства в

Индии. Здесь было бы полезно вспомнить, что самый характер этой власти был не только политическим, но и экономическим, что она соединяла в себе государственный суверенитет с верховной собственностью на землю и что, наконец, это обстоятельство было весьма тесным образом связано с огромной ролью государства в деле организации общественных работ. Что же касается утверждения Шелванкара, что индийские феодалы не могли превратиться в земельных собственников только потому, что обладали меньшим объёмом политических прав, чем их европейские коллеги, то нам кажется правильным другое. Объём политических прав индийских феодалов был иным в Индии по сравнению с Европой, потому что в Индии другую форму имело отношение феодалов к условиям производства (земля, искусственное орошение), иными были формы эксплуатации (преобладание ренты продуктовой над рентой отработочной), иными были и формы феодальной собственности (государственная собственность на землю).

Шелванкар довольно подробно касается вопроса об особенностях индийских средневековых городов. Он отмечает как основную черту «политическую и общественную слабость городских буржуазных элементов» и наличие «феодальной гегемонии» в индийских городах этого времени (стр. 109). Автор пишет: «Буржуазные элементы города, не имея возможности сломить замкнутость деревенских общин и превратить сельскую местность в свой рынок, как это сделала европейская буржуазия, были поневоле вынуждены удовлетвориться этим положением и помириться с ролью придатка двора и знати, солдат и чиновников, жрецов и факиров, каковые коллективно составляли «потребительский класс», преобладавший в городе» (стр. 111). Оставляя на совести Шелванкара этот самый «потребительский класс», в состав которого он зачисляет и разорённого крестьянина, променявшего мотыгу на нищенскую чашу и жёлтую повязку-садху, и феодального вельможу, собирающего ренту-налог с крестьян, мы спросим автора: как объяснить наличие феодальной гегемонии в индийском средневековом городе? Автор правильно указывает, что замкнутый характер индийских деревенских общин служил серьёзным тормозом для развития более широкого разделения труда между городом и деревней. Но ведь это само по себе ещё не решало вопроса о соотношении классовых сил в городе. Это чувствует и сам Шелванкар. Он выступает с дополнительным объяснением. Дело, оказывается, в том, что «в силу необходимости регулировать, контролировать и инспектировать общественные работы по орошению государство было вынуждено разместить своих чиновников и агентов в важнейших городах» (стр. 110).

Связь между огромной ролью индийской деспотии в деле организации общественных работ и наличием феодальной гегемонии в городе, безусловно, существует, но вряд ли в той непосредственной и чисто внешней форме, как это рисуется нашему автору. Ему следовало бы иметь в виду, что весь-

ма высокая степень концентрации земельной собственности в Индии влекла за собой и значительную степень концентрации прибавочного продукта в руках сравнительно немногочисленных феодалов. Как правило, эти феодалы жили не в деревне, а в городе. Именно город, а не поместье, был местом, где этот продукт потреблялся и распределялся. Именно в городе размещалось многочисленное войско, вербовавшееся из наёмников. Таким образом индийский город долгое время сохранял облик феодальной ставки, своеобразной лагерной стоянки, и его благосостояние не в малой степени зависело от пребывания здесь двора и войск. Связь между вышеуказанной ролью восточной феодальной деспотии и слабостью буржуазных элементов в индийских городах следует искать не в факте размещения чиновников государственной ирригационной службы на городских квартирах, а в специфических формах эксплуатации крестьянства и специфических формах собственности на землю.

Автор правильно отмечает, что «большинство купцов никогда не было в безопасности от назойливого вымогательства или, ещё хуже,—конфискации их имущества со стороны государства и его чиновников» (стр. 111). Он высказывает интересную мысль, что сложная система взаимных торговых поручительств, залогов и гарантий, выработанная индийскими купеческими кастами, являлась своеобразной страховкой против насилий и вымогательства феодалов (стр. 112). Очень метко также замечание автора, что условия, задерживавшие в Индии развитие капитализма, были в то же время условиями, вызывавшими паразитическое развитие торгово-ростовщического капитала (стр. 112).

По вопросу о единстве Индии до английского завоевания Шелванкар, как нам представляется, даёт правильный ответ. Он отвергает точку зрения многих индийцев, ищущих в прошлом того, чего они на самом деле стремятся добиться в будущем, и провозглашающих «исконное единство Индии» и наличие единой «индийской нации», имеющей за собой многотысячелетнее существование.

Автор равным образом решительно выступает против мнения большинства английских исследователей, рассматривающих не только средневековую, но и современную Индию лишь как территориальный комплекс, населённый многочисленными народностями и племенами, ничем будто бы не связанными между собой. Он указывает, что каста, община, паломничество и многие другие институты, освящённые религией индуизма, равно как и длительное историческое взаимодействие между различными народами Индии, наложили на их развитие некий общий отпечаток.

Относительно мусульманского завоевания Индии Шелванкар с полным основанием утверждает, что «не прошло и нескольких поколений, как мусульманский правящий класс перестал быть чужеземным для Индии» (стр. 12). Отмечая массовое обращение индусской бедноты в ислам, автор объясняет

это явление одним только желанием избавиться от уплаты подушной подати (джазья), которой облагались немусульмане. Нам кажется, что кроме этого наиболее забытых и униженных индусов, принадлежавших к низшим кастам, а также отверженных из числа париев привлекала ещё и надежда на социальное раскрепощение.

В конце прошлого века известный русский индолог И. П. Минаев отмечал в своих «Очерках путешествия по Индии и Цейлону»: «В ислам обращаются те, кому индуизм отвёл презренное положение в своём общественном строе». На востоке Индии и в особенности в Бенгале и отчасти в Ассаме в ислам переходили также те слои населения, где ещё сильны были буддийские верования и симпатии.

Остановившись на последствиях мусульманского завоевания Индии, автор обращает внимание на частые союзы индусских и мусульманских феодалов, мало считавшихся с религиозными перегородками, на сектантские движения, объединявшие в своих рядах трудящихся индусов и мусульман, и, наконец, на «постоянный процесс взаимопроникновения и примирения, который происходил как на верхах, так и в низах общества между его индийской и мусульманской частями».

Правильно характеризуя этот процесс, который нашёл своё яркое выражение в искусстве, быте, законодательстве и развитии общественной мысли средневековой Индии, автор в то же время забывает об оборотной стороне медали. Так или иначе, с конца XIII по XVIII в., на протяжении четырёх веков, мусульманские феодалы были хозяевами большей части Индии, господствуя над крестьянской массой, где огромное большинство составляли последователи индуизма — индусы. Нельзя поэтому признать верной ту идиллическую картину индомусульманских отношений, которую автор сводит только к «взаимопроникновению и примирению». Ведь бывали же периоды достаточно ожесточённых гонений на индусов и не менее серьёзных восстаний против мусульманского феодального господства. Приходится пожалеть, что вопросы касты, а также индийской средневековой религии и культуры не нашли сколько-нибудь достойного места в работе Шелванкара.

Переходя к оценке важнейшего события новой истории Индии — её превращения в британскую колонию, — автор отмечает, что завоеватели-европейцы подорвали цивилизацию трёхтысячелетней давности, ввели частную земельную собственность, разрушили застойно-замкнутую жизнь деревенских общин, прорезали полуостров железными дорогами и спаяли его в единый рынок с единой системой обращения, мер и весов и, наконец, создали политическое единство страны как своей колонии.

Автор правильно рассматривает все эти перемены в качестве «эпизода в развитии мирового капитализма» и не обманывает себя относительно целей, преследуемых колонизаторами. «Решающими были экономические мотивы, желание эксплуатировать торговлю и промышленность Индии... но они (английские мероприятия. — И. Р.) имели

своим результатом разрушение докапиталистического экономического и общественного строя Индии... расчистили путь для капиталистического развития Индии и также создали технические и экономические предпосылки для достижения Индией такой степени единства, какого она не знала ни в «один период своей истории» (стр. 19). Как видно, в этой своей оценке Шелванкар приближается к марксистской точке зрения.

Однако не со всеми положениями, выдвинутыми автором, можно согласиться. Прежде всего в его изложении стёрлись этапы колониальной эксплуатации Индии, связанные с историческим развитием английского капитализма, начиная от эпохи первоначального накопления и кончая империализмом. Между тем разграничение этих этапов является решающим для понимания как целей и задач английской колониальной политики в Индии, так и её последствий для самой страны.

Далее, если можно признать правильным, что англичане в ходе своего господства подорвали основы старого общественного порядка, то вряд ли можно согласиться с тем, что они будто бы «расчистили путь для капиталистического развития Индии». Не разбирая в данной связи вопрос о том, что бывают разные пути развития капитализма, укажем здесь на существенную разницу между «чистой» путю для развития капитализма» и тем, что англичанами было сделано в Индии. В первом случае дело идёт об устранении препятствий для этого развития, заключающихся прежде всего в остатках и пережитках прежнего, феодального способа производства, а во втором — дело шло не об устранении препятствий для развития капитализма в Индии, а об отмене того, что мешало колониальной её эксплуатации чужеземной буржуазией. Это весьма существенная разница. Безусловно, невольным результатом английских мероприятий и, главное, вовлечения Индии в мировой рынок явилось развитие там своего капитализма. Но бесспорно и другое. Развитие капитализма в Индии протекало и протекает медленнее и мучительнее и оказалось несравненно более, чем в любой другой стране, отягощённым феодальными пережитками. Вполне очевидно, что сохранение этих феодальных остатков и пережитков непосредственно связано с колониальным подчинением Индии. Это легко продемонстрировать и на формах эксплуатации крестьянства (преобладание форм докапиталистических и переходных) и на английском законодательстве, заботливо охраняющем «устои старины», и, наконец, на политическом устройстве страны, где до сих пор под английским крылом благополучно существуют так называемые вассальные княжества, являющиеся оплотом феодальной отсталости и политической реакции.

Но, может быть, наш спор с Шелванкаром идёт только о словах и мы излишне придирчиво отнеслись к одной из его формулировок? Однако теория неразрывно связана с практикой и из неправильных теоретических положений наш автор неизбежно приходит и к неверным выводам.

Не случайно Шелванкар проводит знак

равенства между французской буржуазной революцией и аграрными мероприятиями англичан, направленными к ликвидации деревенских общин в Индии (стр. 83—84). Хороша «буржуазная революция», которая была проведена чужеземными властями Индии прежде всего в интересах завинчивания прессы поземельного налога и привела в одном случае (заминдарская система) к насаждению крупной помещицкой собственности полуфеодалного типа (кстати, на основе массовой экспроприации общинных земель в пользу этих новоиспечённых помещиков), а в другом (система райотвари)—на протяжении почти 30 лет (до 1855 г.) насильственно прикрепляла крестьян к земле, объявив её обработку государственной повинностью. Спрашивается: если в Индии англичане уже провели «буржуазную революцию», то почему сохранились весьма многочисленные феодальные пережитки, прежде всего в области земельных отношений, которые составляют экономическую основу массового крестьянского движения в Индии наших дней?

Весьма интересный раздел своей работы Шелванкар посвящает индомусульманской проблеме и английской политике — «разделяй и властвуй». Автор указывает, что колониальный режим стремился сохранить «все особенности местных нравов и обычаев, все старые верования и предрассудки, все религиозные и сектантские различия, обостряя притом противоречия, существовавшие между ними» (стр. 19).

«Прикрываясь своим нейтралитетом в делах религии и быта,— пишет Шелванкар,— английская бюрократия стремится поддержать отдельные права всякой религиозной общины и сохранить всё, как прежде» (стр. 20). В этой связи автор цитирует весьма откровенное заявление одного из видных английских чиновников: «Наше старание должно быть направлено к поддержанию в полной силе столь счастливо для нас существующего разделения между различными религиями и расами Индии, отнюдь не стремясь к их соединению» (стр. 21).

В английском покровительстве индийским вассальным князьям автор видит проявление всё той же политики «разделения сил Индии». Недостатки этого раздела работы Шелванкара заключаются прежде всего в том, что автор, видимо, представляет себе английскую политику чем-то, действующим в безвоздушном пространстве и независимо от соотношения классовых сил в стране, соотношения, как известно, существенно изменившегося.

Вспомним хотя бы появление на политической арене в конце XIX в. класса национальной буржуазии, а затем и рабочего класса Индии. Действительно, колониальные власти могут проводить свою политику в условиях, когда определённые общественные классы и прослойки являются их опорой или союзниками. Правители Индии гибко и маневренно приспособляются к меняющимся обстоятельствам. Автор отмечает лишь некоторые основные факты (например, покровительство индусам после сипайского восстания, сменившееся в начале XX в. ориентацией на мусульманскую верхушку),

но эти факты не получают сколько-нибудь серьёзного исторического объяснения. Здесь даёт себя чувствовать отрыв от конкретно-исторической почвы.

Вопросам индомусульманских отношений автор, как это ни странно, отводит весьма второстепенное место, хотя в настоящее время эта проблема играет существенную роль в политической жизни страны.

Шелванкар констатирует, что между мусульманами и индусами не существует родовых и национальных различий, что те и другие одинаково входят в состав различных индийских народов и одинаково говорят на языках той индийской народности, к которой они принадлежат. Так, например, в Бенгале (здесь мусульман 54%) мусульмане, так же как индусы, являются бенгальцами по национальности и говорят на одном и том же бенгальском языке, кстати, одном из наиболее литературно развитых во всей Индии.

Что касается нравов и обычаев, а главное касты, то, на наш взгляд, Шелванкар несколько преувеличивает их значение как барьера, разделяющего индусов от мусульман. В сельских местностях, особенно на востоке Индии, эти различия не являются решающими. Достаточно сказать, что бенгальские мусульмане, подобно индусам, восприняли кастовые деления и местные последователи ислама наряду со своими религиозными праздниками зачастую соблюдают и праздники индусов, мало чем отличаясь от последних в быту. Можно утверждать, что касты разделяют мусульман и индусов не в большей степени, чем обе эти религиозные общины внутри самих себя. Тем не менее все эти бытовые, конфессиональные и другие различия, существующие между мусульманами и индусами, какими бы второстепенными они ни были сами по себе, стали в настоящее время важнейшим видимым основанием для политического, культурного и всякого другого противопоставления обеих религиозных общин друг другу.

Шелванкар правильно отмечает, что начало обострения индомусульманских отношений относится к первому десятилетию XX в., что такой оборот событий произошёл не без влияния колониальных властей. Действительно, при вице-короле лорде Керзоне был проведён раздел Бенгала (впоследствии отменённый) на западную — индусскую, часть и восточную — мусульманскую часть. Руководящая англо-индийская газета «Statesman» в следующих словах комментировала это мероприятие: «Оно поможет росту могущества мусульман в Восточном Бенгале, и это, как можно надеяться, послужит уздой быстро возрастающей силе образованной прослойки индусов» (стр. 22).

Через год (в 1906 г.) при преемнике Керзона, вице-короле лорде Минто, не без сочувствия англичан была основана Всеиндийская мусульманская лига.

В 1909 г. для выборов в реорганизованные тогда законодательные собрания была введена система курий, причём выборщики-мусульмане были изолированы от выборщиков-индусов и выделены в отдельную кюрию. Эта система и по сие время действует

в Индии, при этом норма представительства для мусульман и индусов разная. Согласно так называемому Weightage (взвешивание, прикидка, определение) английских властей, мусульманам предоставлено в 2—3 раза большее количество мест в законодательных органах, чем им полагалось бы по их численности. Так, например, в Соединённых провинциях, по конституции 1935 г., мусульмане благодаря английскому «взвешиванию» располагают 21% общего количества мест в нижней палате Законодательного собрания, в то время как среди населения последователи ислама составляют всего 14%. Шелванкар оценивает эту систему весьма определённым образом, говоря, что она «рассматривает избирателей не как граждан одного государства, а лишь как членов антагонистических религиозных и общественных групп... Неизбежным результатом явилось отвлечение внимания от общенародных политических и экономических интересов... Эта система питала озлобленные и бесплодные споры по вопросу о норме представительства, установленной для той или другой религиозной общины» (стр. 22).

Но наивно думать, что колониальный режим всемогущ и обладает способностью произвольно вызывать к жизни, подобно *deus ex machina*, большие общественные движения, каким в настоящее время, несомненно, представляется движение индийских мусульман. Корни таких движений надо прежде всего искать в самой Индии.

В этой связи полезно напомнить об огромной политической и культурной отсталости Индии вообще и её мусульманских районов в особенности. Как известно, в силу ряда исторических причин мусульманское население Индии оказалось менее затронутым проникновением капитализма. Районы Индии, где мусульмане составляют сравнительно компактную массу населения, являются одними из наиболее отсталых в смысле развития капитализма.

При сосредоточении двух третей мусульман в аграрно отсталых районах Индии, при относительной слабости мусульманской буржуазии, буржуазной интеллигенции и пролетариата, религия, естественно, сохраняет здесь значительное влияние, может быть, более значительное, чем во многих других частях Индии. Вот почему современное общественное и политическое движение индийских мусульман имеет религиозную форму. Сказать это — значит охарактеризовать указанное движение только с одной стороны, со стороны его формы или оболочки. Но Шелванкар пытается заглянуть глубже. Он стремится разобраться в классовой подоснове событий. С этой целью автор выдвигает на первое место «обострение соперничества между мелкобуржуазными искателями тёплых местечек» (стр. 23). Шелванкар, очевидно, имеет в виду службу в государственном аппарате. При слабом уровне развития капиталистической промышленности и сельского хозяйства в Индии интеллигенция, люди свободных профессий часто не могут найти приложения своему труду, и на каждое место претендуют буквально сотни соискателей. Это обстоятельство, конечно, налицо, но вряд ли оно играет такую определяющую

роль в обострении отношений между общинами. В дальнейшем сам Шелванкар констатирует, что не мелкая буржуазия, а мусульманская помещичья аристократия занимает руководящее положение во Всеиндийской мусульманской лиге, основной политической организации мусульман. Автор указывает также на участие в этом движении мусульманского крестьянства, но почему-то оставляет этот факт без объяснения.

Специфика положения в Западном Пенджаба, в Восточном Бенгале, да и во многих других областях Индии состоит в том, что крестьянству, в огромном своём большинстве мусульманскому по религии, противостоят здесь эксплуататоры (не только ростовщики и скупщики, но и помещики), в огромном своём большинстве принадлежащие к религии индуизма, а отчасти сикхизма. Другое положение сложилось в Соединённых провинциях, в частности в области Ауда, где, наоборот, мусульманские торговые элементы играют весьма крупную роль, а огромные помещичьи латифундии принадлежат мусульманской аристократии, так называемым талюкдарам, чьи земли обрабатывают индусы-арендаторы. Для наиболее отсталой части мусульманского крестьянства Пенджаба и Бенгала, а также для индусского крестьянства Ауда классовые противоречия с эксплуататорами нередко принимают искажённую религиозную форму, воспринимаются в одном случае как борьба против индусов, а в другом — против мусульман.

Таким образом, конфликт, имеющий в действительности классовую основу, осознаётся наиболее отсталой частью крестьянства как антагонизм между двумя религиозными общинами, двумя религиями. Само собой разумеется, реакционные помещичье-буржуазные круги обеих религиозных общин всячески культивируют и поддерживают эти представления и, не без поощрения сверху, пытаются не только расколоть трудящихся, но и превратить их в орудие своей политики.

Шелванкар не без основания отмечает, что в передовых организациях трудящихся почти не ощущается влияния общинно-религиозной розни. Так, например, в Канпуре во время недавней забастовки «мусульманские рабочие присоединились к профсоюзу и воспротивились всем попыткам изолировать их от индусских товарищей... некоторое время спустя была предпринята новая попытка вызвать раскол, пользуясь зелёным знаменем Мусульманской лиги. В ответ рабочие указали на свой красный флаг, заявляя, что кровь, окрасившая этот флаг, красна и не имеет общинно-религиозных примесей» (стр. 25). Столь же мало затронут общинно-религиозной рознью и Кисан-Сабха (Всеиндийский крестьянский союз), насчитывавший в 1939 г. до 750 тыс. членов (стр. 175).

Одна из главных трудностей в деле высвобождения отсталой части мусульманского крестьянства из-под влияния реакционных общинно-религиозных элементов состоит, по мнению автора, в том, что «в провинциях, где преобладает мусульманское крестьянство, местные организации Всеиндийского национального конгресса в значительной мере находятся в руках пропомещичьих и про-

ростовщических элементов. Это-то и открывает возможность использования растущего недозрелства мусульманских масс со стороны представителей общинно-религиозных организаций» (стр. 25).

Если Шелванкар в известной мере раскрывает аграрную подоснову мусульманского движения, то национальный момент, играющий в этом движении всё более значительную роль, он полностью игнорирует. Такое упущение должно быть поставлено в связь с общей постановкой автором внутринационального вопроса Индии. Шелванкар считает возможным полностью отрицать процесс складывания наций в Индии, утверждая, что даже более передовые и дальше зашедшие по этому пути народы, как бенгальцы (более 60 млн.), махраты (23 млн.) и тамилы (свыше 20 млн.), представляют собой не более как «культурные, языковые и религиозно-сектантские группы» (стр. 17).

Между тем развитие общественного сознания и национальной культуры, современных форм политической и экономической жизни и, наконец, наличие массовых национальных движений неопровержимо свидетельствуют, что не только упомянутые выше бенгальцы, тамилы и махраты, но и многие другие народы Индии обладают развитым национальным сознанием и значительно продвинулись вперёд на пути складывания в нации.

Само собой разумеется, что в существующих колониальных условиях этот процесс не может быть завершён. Основной предпосылкой для разрешения национального вопроса, имеющего большое значение в многонациональной Индии, является превращение её в независимую страну. И Шелванкар правильно указывает на примат этой задачи, когда заявляет: «Только тогда, когда Индия станет независимой, создадутся все условия для основания подлинно многонационального государства, вроде СССР, которое одно только способно разрешить проблему меньшинств Индии и дать каждому меньшинству, сколь бы малым или отсталым оно ни было, возможность свободно развиваться по своему» (стр. 26).

Прогрессивные национальные силы страны, как никогда раньше, ощущают сейчас необходимость сплочения в борьбе за общиндийские задачи. Это единство не может быть достигнуто без признания за народами Индии, складывающимися в нации, права на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства. Предоставление им права и возможности свободно, по-демократически самим решать свою судьбу есть одно из решающих условий для их наиболее широкого и эффективного вовлечения в общиндийское движение за создание общиндийского единства. Однако Шелванкар этого не видит. Очевидно, здесь-то и надо искать причину его пренебрежительного отношения к национальному движению народов мусульманского северо-запада Индии. Процесс складывания в нации в силу экономической, культурной и политической отсталости вышеупомянутых областей страны иногда облекается здесь в религиозную форму. Но это вряд ли меняет сущность дела. Отрицание за этими народа-

ми, в большинстве своём исповедующими ислам, как, впрочем, и за немусульманскими народами Индии, элементарных демократических прав может только помешать делу общиндийского единства.

В заключение главы, посвящённой индо-мусульманской проблеме, Шелванкар отмечает факт огромного значения — политическое пробуждение мусульманских масс Индии. «Они страдают от империализма и бюрократии так же, как индусы, — утверждает автор, — и быстро развили в себе воинствующее антиимпериалистическое сознание. Подделяваясь под эти настроения, Всеиндийская мусульманская лига вынуждена была в 1937 г. заявить, что она стоит за независимость Индии и отвергла новую конституцию Индии» (стр. 26).

Этим же Шелванкар объясняет чрезвычайно широкую национальную и социальную демагогию руководства Мусульманской лиги, обещающей своим последователям «царство справедливости», где не будет ни капитализма, ни ростовщического процента, ни тяжёлых налогов. Что же касается самой Лиги, то автор даёт этой организации резко отрицательную характеристику: «Она не терпит демократии даже в собственных рядах; в ней господствует клика обветшалых аристократов, отставных чиновников и богатых адвокатов, чья основная задача состоит в борьбе против демократизма и аграрного радикализма Всеиндийского национального конгресса» (стр. 27).

Можно ли согласиться с автором, что деятельность Лиги сводилась и сводится только к борьбе с Всеиндийским национальным конгрессом? Видимо, Шелванкар не учёл ряда обстоятельств и прежде всего отмеченного им самим растущего участия мусульманских масс в Лиге, что, чем дальше, тем больше сказывается на всей её деятельности и облике. Шелванкар косвенно признаёт это, когда указывает на демагогию некоторых руководителей Лиги, пытающихся в своих интересах использовать боевое настроение мусульманских низов. Но нельзя забывать и о другом — о мощно растущих снизу требованиях демократизации и политической переориентации Всеиндийской мусульманской лиги, требованиях индо-мусульманского единства. На этом пути много препятствий. Но было бы ошибкой сводить их только к нынешней политике, проводимой руководителями Мусульманской лиги.

Шелванкар не понимает, что преодоление влияния реакционных элементов в мусульманском движении в значительной мере зависит от признания за народами Индии права на самоопределение, от чуткого, братского и истинно демократического отношения к их национальным запросам.

Шелванкар вполне прав, когда указывает, что помещики и сейчас весьма сильны в руководстве Лиги, но, между прочим, напрасно забывает о наличии там и буржуазных элементов.

Что же касается «аграрного радикализма» конгресса, который показался столь опасным мусульманской верхушке, то этот «радикализм», как выше указывал сам автор, оказался бессильным перебросить мост к мусульманским крестьянским массам, по-

сколько местные организации конгресса вели в мусульманских районах не прокрестьянскую, а «пропомещичью и проростовщическую политику» (стр. 26). Вспомним здесь и то, что большинство ростовщиков и помещиков в этих районах как раз и являются индусами. Всё, что даёт возможность обвинять Национальный конгресс в симпатиях к индусским помещикам и ростовщикам, всё, что в какой-либо мере отдаёт индусским великодержавным провинциализмом, затрудняет достижение общендийского единства. Как видно, даже такие прогрессивные деятели, как Шелванкар, ещё в недостаточной мере отдают себе в этом отчёт.

Таковы некоторые, наиболее существенные недостатки книги Шелванкара. Тем не менее было бы неправильным преуменьшать значение этого труда. Пусть в публицистической форме, Шелванкар стремится дать широкое обобщение исторического развития Индии, проследить, а главное, осмыслить значение перемен, вызванных британским завоеванием, и, наконец, представить важнейшие проблемы современной Индии в их взаимной связи и единстве. Это произведение при всех его недостатках весьма интересно как показатель развития прогрессивной общественной теоретической мысли Индии, и надо прямо сказать, что по сравнению с тем, что наблюдалось ещё 15—20 лет назад, сделан большой шаг вперёд.

Книга проф. Купланда «Будущее Индии» (отчёт о конституционной проблеме Индии) представляет заключительную часть трёхтомника этого автора. Ранее вышедшие части этой же работы рассматривали развитие государственного строя Индии исторически (первый том охватывает 1883—1937 гг., второй — 1937—1943 гг.). В кратких вводных тезисах к последнему тому автор излагает основные выводы своего предшествующего исследования. Проф. Купланд отнюдь не ограничивается анализом юридических форм, — он ярко и вполне определённо выступает в качестве политика и с империалистической точки зрения раскрывает значение индийской конституционной проблемы как в свете внутреннего развития самой Индии, так и в плане будущего развития англо-индийских взаимоотношений.

Идеи, защищаемые проф. Купландом, не блещут новизной и в значительной мере являются перепевом того, что на протяжении 200 лет английского господства над Индией в разное время и на разные лады от Маколея до Чироля писалось апологетами этого порядка вещей. Так, нам с полной серьёзностью сообщают, что «ещё с 1833 года сами англичане стремились в конечном счёте к прекращению своего господства над Индией». Более того: их будто бы неизменно воодушевляла надежда, что «индийцы в течение известного времени приобретут навыки представительного самоуправления западноевропейского типа» (стр. V). Колониальный режим рисуется автором подобием пансиона для благородных девиц, где английские педагоги из поколения в поколение бес-

корыстно обучали индийцев в лордским манерам и начаткам парламентаризма. Однако вряд ли сейчас найдутся люди, способные поверить в эту идиллию. Напомним: Купланду откровенные слова не столь давно умершего английского министра и деятеля консервативной партии Д. Хикеса: «Мы покорили Индию не для блага индийцев. Я знаю, что на собраниях миссионеры говорили, будто бы мы завоевали Индию для того, чтобы улучшить положение индийцев. Это — ханжество: мы покорили Индию, чтобы иметь рынок для английских товаров. Мы победили её мечом и мечом должны сохранить».

Купланд с чрезвычайной настойчивостью повторяет ту мысль, что чем заботливее англичане насаждают в Индии демократию, тем сильнее разгорается там пламя индомусульманской вражды: «Перспектива дальнейшей демократизации режима вызвала в Британской Индии рост общинно-религиозных беспорядков» (стр. X).

Дело обстоит, конечно, совсем не так, как рисует Купланд. Ныне существующий колониальный режим в Индии не имеет ничего общего с демократией и сохраняет фактически неограниченную власть в руках вице-короля и английских губернаторов провинций. Как известно, английские правители, по конституции 1935 г., наделены так называемыми «чрезвычайными полномочиями», в силу которых они могут действовать, вовсе не считаясь с индийскими законодательными собраниями. Что же касается избирательной системы, то она столь «демократична», что предоставляет право голоса при выборах в центральное законодательное собрание 1,5 млн. из 388 млн. населения и кроме того построена на разделении избирателей по общинно-религиозным куриям, на противопоставлении индусов мусульманам. Именно отрицание за Индией элементарных демократических прав и характер колониального режима создают благоприятную почву для индомусульманских столкновений. Под флагом лицемерной защиты интересов «мусульманской религиозной общины» автор выступает как враг индийской демократии. Он объявляет непригодным для Индии демократический принцип подчинения меньшинства решению большинства, поскольку власть большинства — это власть индусов, а мусульман в Индии меньше $\frac{1}{4}$ населения (стр. 17).

На этом же основании категорически отвергается для Индии и возможность равных выборов, одинаковой нормы представительства для индусов и мусульман на основе «численной силы» (стр. 48). По Купланду, в Индии оказалась несостоятельной и обычная партийная система буржуазных демократий, при которой партия, завоевавшая большинство в парламенте, сменяет у власти партию, потерпевшую поражение на выборах: «Пока индомусульманский раскол столь глубок, пока политическая принадлежность остаётся в первую очередь вопросом религии, пока водораздел политических мнений проходит главным образом по общинно-религиозной линии, а не по общественным или экономическим вопросам, в Индии невозможна та последовательная смена большинства и меньшинства у власти,

которая составляет основу британской парламентской системы» (стр. 62).

Автор весьма озабочен, как бы народы Индии не сказали своего слова при выработке будущей конституции, которую он, кстати, целиком сводит к «договору между индусами и мусульманами» (стр. 36). «Чем больше расширять избирательное право, — утверждает проф. Купланд, — тем труднее достигнуть этого» (т. е. индо-мусульманского соглашения. — *И. Р.*). «При увеличении числа избирателей они окажутся во власти партийных организаций и их демагогических лозунгов», причём расширение нынешнего избирательного права (сейчас, при выборах в центральные представительные органы Индии, правом голоса пользуется 1,5% населения, а в провинциальные — 15%) «означает его распространение на невежественное крестьянство и лиц физического труда» (стр. 34). Чем меньше людей будет участвовать в выработке конституции, тем лучше (стр. 363). Вообще же конституция — «не дело народа, а экспертов, имеющих государственный опыт», и здесь требуется «секретность» (там же).

Эти реакционные высказывания проф. Купланда проникнуты стремлением отнять у народов Индии право самим решать свою судьбу, не дать им возможности объединиться на почве защиты своих национальных интересов, а главное, увековечить индо-мусульманский антагонизм.

Отбрасывая элементарные принципы демократии, автор клянется ей в верности и выдаёт себя за «друга индийской демократии». Колониальные деятели старшего поколения были откровеннее и предпочитали называть вещи своими именами. Может быть, потому, что каких-нибудь 40 лет назад англичане чувствовали себя в Индии значительно крепче. Так, Джон Морли, известный либерал, друг и биограф Гладстона, в бытность свою статс-секретарём Индии, в письме к вице-королю лорду Минто отождествлял английские порядки в Индии с «режимом испанских вице-королей в Нидерландах, австрийских вице-королей в Венеции, Бурбонов в королевстве обеих Сицилий и английских губернаторов в северо-американских колониях до завоевания ими независимости».

Политический стержень рецензируемой книги заключается в двух основных положениях. Первое из них звучит так: «То, что происходит в Индии, не является просто случаем восстания национализма против иностранного господства» (стр. 13). Основным же, по мнению проф. Купланда, является «конфликт между двумя великими партиями (имеются в виду Мусульманская лига и Всеиндийский национальный конгресс. — *И. Р.*), или, точнее, индо-мусульманский раскол, выражающийся в этом конфликте» (стр. 17). Отсюда и второе, главное, положение автора: «Путь к свободе Индии больше не лежит в борьбе с британским правительством, а через соглашение между самими индейцами» (стр. 29).

Если в первом случае автор пытается дискредитировать национальное движение, отождествляя его с общинно-религиозной борьбой (недаром говорится: желание — отец

мысли), то во втором случае проф. Купланд стремится разоружить то самое общендийское национальное движение, наличие которого он только что отрицал. Обращаясь к Национальному конгрессу, автор как бы призывает эту первенствующую национальную организацию если не к самороспуску, то во всяком случае к отказу от дальнейшей борьбы: «Идея одной великой национальной партии и политика концентрации всех её сил в тесно сплочённой централизованной организации, может быть, и были хороши на поле англо-индийских битв, но вовсе неуместны в зале всеиндийской конференции» (стр. 29). Купланду чрезвычайно не нравится, что Национальный конгресс является общендийской организацией, что он поддерживает дисциплину в своих рядах и, наконец, «pretendует на представительство всех классов и общин Индии в качестве действительного воплощения индийского национализма». И хотя общеизвестно, что Национальный конгресс насчитывает в своих рядах немало мусульман — в их числе следует назвать такого выдающегося общественного деятеля, как Абду Калям Азада, бывшего председателя конгресса, — автор упорно стремится втиснуть индийское национальное движение в общинно-религиозные рамки и низвести конгресс до уровня конфессиональной организации.

Проф. Купланд неизменно отождествляет движение, возглавляемое конгрессом, с «индусским национализмом», целью которого якобы является подчинение страны индусскому правительству. Автор не только провозглашает мусульман в Индии нацией (см. стр. 18), но противопоставляет им другую, несуществующую нацию — индусов.

Вряд ли здесь нужны особенно подробные разъяснения о том, что в Индии нет и не может быть единой индусской нации, так же как нации мусульманской. Купланд смело зачисляет в состав «единой мусульманской нации» в Индии и бенгалцев, и патанов, и синдцев, которые не обладают ни общей территорией, ни общим историческим прошлым, ни экономическим единством и, наконец, говорят на различных языках.

Из этой фальшивой идеи о существовании индусской и мусульманской наций проф. Купланд исходит и в своём проекте будущего конституционного устройства Индии. Мусульманская лига признаётся им в качестве политического представителя мусульманской религиозной общины, а Всеиндийский национальный конгресс — индусской. Конечно, наш автор предпочёл бы видеть в последней роли достаточно реакционный Махасабха (Великий союз индусов), но он с сожалением отмечает, что это чисто религиозно-общинная организация не смогла использовать для усиления своего влияния годы второй мировой войны, когда Национальный конгресс подвергался суровым политическим репрессиям и был лишён права легальной деятельности (стр. 7).

Купланд исходит не только из деления Индии на две нации — индусов и мусульман, — но и из их якобы непримиримой враждебности друг к другу.

Однако автор не может обойти ряда исторических фактов, которые вкорме меняют

картину (стр. 23). 1937—1939 годы были годами значительного сплочения общиндских национальных сил, огромной активности профессиональных и крестьянских союзов, расширения территориальных рамок национального движения, впервые вызвавшего большой отклик в вассальных княжествах и явно грозившего принять подлинно общиндский характер. Под давлением этого движения английские власти вынуждены были заключить с конгрессом нечто вроде «джентльменского соглашения», по которому губернаторы провинций, как правило, воздерживались от применения тех «чрезвычайных» прав контроля над местными правительствами, которые были им предоставлены по конституции 1935 года. Короче говоря, национальный подъём если не разрушил, то во всяком случае поколебал те многочисленные загородки и ограничения, которые заключались в конституции 1935 года.

Колониальные власти вынуждены были также отказаться от введения в действие пресловутой федерации, предусмотренной всё той же конституцией 1935 г., по которой вассальные князья получали право, помимо воли и участия населения княжеств, назначить треть представителей в верхнюю и четвертую часть в нижнюю палату общиндской легислатуры. Мусульманские реакционные элементы в своё время не возражали против такой федерации, рассчитывая, что, блокируясь со ставленниками князей, они смогут обеспечить себе весьма благоприятное положение в федеральных представительных органах. Купланд указывает на эти обстоятельства, воздерживаясь от каких бы то ни было выводов. Но выводы напрашиваются сами собой. В новых условиях подъёма национального движения гарантии и ограничения, удовлетворявшие мусульманскую верхушку в 1937 г., оказывались недостаточными и неустойчивыми. И в этом одна из серьёзных причин требования образовать отдельное мусульманское государство (Пакистан), требования, ставшего с 1941 г. программой Всиндской мусульманской лиги.

Свой конституционный проект проф. Купланд начинает с провинциального устройства. Он высказывается за сохранение не прямых, неравных выборов, за выделение мусульман в отдельную кудию с резервацией для них определённого количества мест в провинциальных законодательных собраниях и, наконец, за предоставление им, как и сейчас, в 2—3 раза большей нормы представительства по сравнению с индусами (стр. 38).

В качестве новых средств, предназначенных для «успокоения индо-мусульманской вражды», учёный эксперт рекомендует внести в конституцию статью о том, что «ни один законопроект, имеющий касательства к общинно-религиозным вопросам, не может быть внесён или принят собранием, и никакое решение не может быть принято без того, чтобы квалифицированное большинство представителей каждой из религиозных общин не высказалось за этот законопроект» (стр. 51). Но и это кажется недостаточным автору: он предлагает учредить особый общинно-религиозный совет, кото-

рый «вёл бы наблюдение за охраной и обеспечением интересов религиозных общин». В связи с этим проф. Купланд не без сожаления вспоминает старотурецкую систему, при которой различные религиозные общины (православные, католики, армяне-грегорианцы) пользовались в султанской империи некоторой, весьма ограниченной степенью самоуправления, что, впрочем, отлично совмещалось с резнёй и погромами немусульман.

Вряд ли предлагаемый нашим автором порядок является шагом к демократии по сравнению со старотурецкой системой! Что же касается организации исполнительной власти, то проф. Купланд предлагает, во-первых, сделать её несменяемой на срок выборов данного законодательного собрания и в значительной мере независимой от него, а во-вторых, формировать самые кабинеты путём обязательной коалиции на основе привлечения представителей религиозных общин. Все эти мероприятия преподносятся в качестве средства «умиротворения индо-мусульманской вражды».

Вторую часть своего проекта автор посвящает перспективам раздела Индии на индусское и мусульманское государства. Он считает, что раздел «разрешит проблему меньшинств в большей степени, чем это можно достигнуть каким-либо другим способом» (стр. 75). В отделившихся государствах «исчезнет или ослабнет борьба религиозных общин за власть» (стр. 76). Индусы, оставшиеся в Пакистане, будут «заложниками» хорошего отношения к мусульманам, оставшимся в индусском государстве (стр. 77).

Пакистан, по его мнению, будет играть крупную международную роль. «Почему бы Пакистану не заключить союз с соседними мусульманскими государствами, не стать пятым участником саадабадского пакта?» (стр. 77).

Специальный раздел проф. Купланд посвящает разрешению территориальных вопросов. Он намечает образование двух мусульманских государств: Пакистана (в составе Северозападной пограничной провинции Синда, Британского Белуджистана и Пенджаба, за исключением области Амбала, отходящей к индусскому государству) и Северовосточной мусульманской Индии (в составе Ассама и Восточного Бенгала, за исключением Бурдванской области). По статистике 1941 г., население Пакистана равнялось бы 22 млн. мусульман, 9 млн. индусов и почти 4 млн. сикхов; Северовосточная мусульманская Индия включала бы 35 млн. мусульман и 21 млн. индусов. Таким образом, даже в случае осуществления этого раздела, в мусульманских государствах Индии осталось бы 30 млн. индусов, а в индусских государствах — около 24 млн. мусульман. После этого автор решается утверждать, что такого рода раздел разрешил бы «общинно-религиозную проблему Индии!» Не разрешая общинно-религиозного вопроса, такой раздел в то же время привёл бы к дроблению национального Бенгала между двумя государствами, проводя хирургическую операцию того же типа, но меньшего масштаба и в Пенджабе.

Купланд, анализируя финансовые возможности Пакистана, приходит к выводу, что

это государство не сможет без помощи извне нести оборону северозападной границы Индии. Автор вынужден признать, что осуществление раздела вызовет таможенную войну между индийскими и мусульманскими государствами, отрежет индустрию от сельского хозяйства (к мусульманам отойдут главным образом сельскохозяйственные районы) и, наконец, сделает Индию беззащитной перед угрозой покушения на её независимость извне. Но эти слабости Пакистана могут в известных условиях явиться весьма полезными для империалистов, поскольку Пакистан именно поэтому будет в полнейшей зависимости от англичан. Сам автор считает выгодным сохранение известной политической связи между Пакистаном и остальной Индией. Но что это будет за единство? Будущая Индия, по проекту Купланда, должна состоять из четырёх государств: двух мусульманских и двух индусских, причём каждое из них включает не только нынешние провинции, но также соседние и чересполосные вассальные княжества.

Предполагаемое деление имеет в глазах автора то преимущество, что оно установит «равновесие между двумя индусскими и двумя мусульманскими государствами» и создаст предпосылки для образования общинно-индийской власти (стр. 123). Эта центральная власть должна скорее быть конфедерацией, чем федерацией, или, во всяком случае, чем-то средним между федерацией и конфедерацией (стр. 130). На долю центрального правительства останутся только внешние сношения, внешняя торговля, оборона и денежная система (стр. 127). «Центральная власть должна быть слабой», — заявляет проф. Купланд (стр. 127). Федеральное законодательное собрание не будет являться представительством всей Индии, а лишь представительством указанных четырёх государств, причём в собрании они будут представлены в равном числе. В федеральном законодательном собрании автор предполагает установить всё те же общинно-религиозные гарантии и ограничения, как и в своём проекте провинциального устройства. Кабинет федерального правительства, как и в провинциях, будет формироваться по общинно-религиозному признаку и обладать значительной независимостью от законодательного собрания (стр. 133).

Каждое из предусмотренных проф. Купландом государств будет в свою очередь распадаться на провинции их нынешнего состава и вассальные государства, сохраняющие свой феодальный облик и деспотическую власть князей. Заметим, что вопрос о сохранении нынешних провинциальных границ Индии, а также вассальных государств имеет огромное значение, ибо эти границы не только не совпадают с национальным делением Индии, но, наоборот, являются одним из серьёзнейших препятствий к обра-

зованно действительно национальных государств.

Не случайно проф. Купланд так настойчив в своём требовании сохранения существующих провинциальных делений, равно как и в требовании включения вассальных княжеств в состав проектируемых им четырёх государств. Такого рода государственное устройство было бы карикатурой и на единство Индии и на демократию. Государства эти, лишённые демократической народной основы, пёстрые в национальном отношении, взнузданные куриально-религиозной системой выборов, наделённые правительствами, формируемыми на основе всё того же пресловутого принципа общинно-религиозного представительства, и, наконец, политически чересполосные (деление на княжества и провинции), — эти государства будут слабы и внутри и вовне. Тем самым создаётся благоприятная почва для такого раздувания индо-мусульманской вражды, какого не видывала и нынешняя Индия.

В особой главе проф. Купланд рассматривает будущее англо-индийских взаимоотношений. Подчёркивая огромное стратегическое значение Индии для империи, он предусматривает «размещение британских войск на индийской почве и их сотрудничество с индийскими силами в общей системе обороны» (стр. 157). Равным образом «британские морские силы или морская авиация попрежнему будут находиться в главных индийских портах» (стр. 159). Все эти вопросы должны быть урегулированы англо-индийским договором по образцу и подобию ныне существующего англо-египетского договора (стр. 167). Автор считает, что присутствие английских войск в Индии уже на основании договора не должно рассматриваться как оккупация страны.

Проект проф. Купланда не является официальным документом, но он ясно показывает, в каком направлении работает сейчас мысль английского господствующего класса. Развитие национального движения в Индии и общая международная обстановка делают всё более трудным сохранение колониального режима в его старых формах. Сам проф. Купланд нехотя признаёт, что «национализм... подорвал, — мы не можем сейчас сказать, до какой степени подорвал, — старую и привычную покорность власти... законы подвергаются осмеянию и поруганию, потому что они носят на себе чужеземную печать... их отвергают, потому что они означают господство чужеземцев» (стр. 32). В другом месте тот же автор указывает на растущую объединяющую силу индийского национального движения.

Проекты проф. Купланда и подобных ему учёных-реакционеров показывают, что в некоторых английских кругах, очевидно, не в полной мере отдают себе отчёт в огромных переменах, происшедших во время и после второй мировой войны в Индии и во всём мире.

Проф. И. Рейснер

РЕЦЕНЗИИ

КИКОДЗЕ ГЕРОНТИ „Ираклий Второй“. Тбилиси. 1945. 80 стр
10 руб.

Ираклий II, которому Г. Кикодзе посвятил свою интересную монографию, был одним из замечательнейших потомков кахетинских Багратидов. Выдающаяся военно-политическая деятельность Ираклия II, направленная к поднятию культурно-экономического благосостояния Грузии и к отстаиванию политической независимости грузинской земли, развёрнуто показана автором монографии на широком фоне истории Грузии XVIII века. Воспитанный на традициях выдающегося иранского полководца и политика Надир-шаха, Ираклий II, по отзыву Екатерины II, «могущественнейший из их владетелей, человек с головой и храбрый», всю свою долгую жизнь посвятил борьбе против внешних врагов грузинской земли в лице иранских, турецких и лезгинских завоевателей, равно как и против внутренних врагов — в лице тех грузинских феодалов, которые в своих узко вотчинных интересах выступали против центральной царской власти и тем самым способствовали успеху агрессии внешних врагов. Будучи выдающимся для своего времени стратегом, умевшим в сложной политической обстановке находить правильную линию, Ираклий II свою внутреннюю политику направил к ограничению прав дворянства и князей в управлении страной. Благодаря своей преданности родной земле и выдающимся полководческим качествам Ираклий II пользовался большим авторитетом в грузинском народе. Зато на своих врагов он наводил панический страх. «Не трогайте быка, — предостерегал турецкий султан эрзерумского, ванского, баязетского, карского и ахалцыкского пашей, — пусть лежит спокойно, не принуждайте его встать» (стр. 67). Султан советовал своим вассалам установить и поддерживать с Ираклием II добрососедские отношения.

В тяжёлые моменты, когда соседние народы оказывались под ударом внешних врагов, они искали помощи и покровительства у кахетинских царей. Когда Махмад-хан угрожал захватить Ереванское ханство, жители его во главе с ханом обратились за помощью к Ираклию и его отцу Теймуразу. «В Иране нет больше хозяина, — писали они, — Махмад-хан разоряет эту страну. Если вы поможете и освободите нас от него, будем служить вам правдой» (стр. 33). С аналогичной просьбой обратился к Ираклию и Теймуразу ганджинский хан. «Наше ханство терзает и громит карабахский хан Фана Джеванширский, — писал ганджинский хан, — окажите покровительство, помогите в

борьбе против него». Спустя некоторое время в Тбилиси прибыли армянские мелики во главе с епископом и просили подданства и покровительства кахетинских царей. «Мы просим вас, христианских царей, — говорили они, — принять нас в подданство и избавить от рук татар». Ираклий II всегда оказывал дружественным соседним народам военную помощь. Совместными усилиями под руководством Ираклия II иноземные враги не раз изгонялись из пределов Закавказья.

Автор правильно подметил при этом весьма интересный, но мало известный факт участия северокавказских горцев в совместной борьбе закавказских народов против иноземных захватчиков. Так, в изгнании войск карабахского хана Фана Джеванширского, осадившего Гянджинскую крепость, активное участие принимали отряды черкесов и северных осетин (стр. 34). Отряды северных осетин также принимали активное участие в изгнании войск персидского хана Азат-хана, занявшего Нахичеванское ханство и осадившего Ереванскую крепость (стр. 36). Наконец, пятитысячная армия черкесов, руководимая Ираклием II, принимала непосредственное участие в разгроме войск нухинского хана Хаджи-Чалаба, организовавшего против Ираклия II коалицию и угрожавшего политической независимости закавказских народов. Таким образом, дружба кавказских народов, закалённая в совместной борьбе против общих врагов, имеет глубокие исторические корни.

Несмотря на выдающиеся военные и дипломатические способности царя Ираклия II, приложившего немало усилий к укреплению Кахетинского царства, положение Грузии в целом продолжало оставаться неустойчивым. Неблагоприятные внешние и внутренние условия, которые делали Грузию лёгкой добычей для иноземных завоевателей, обусловили собою ориентацию грузинских социальных верхов на Россию. Следует при этом отметить, что внешние и внутренние факторы, обусловившие сперва ориентацию, а потом и присоединение Грузии к России, необходимо рассматривать в тесной взаимосвязи. Поэтому не совсем правильно предположение Г. Кикодзе, будто «тяготение Грузии к России с пятидесятих годов XVIII столетия усилилось, может быть, благодаря больше внутривластным условиям Картл-Кахетинского царства, чем под влиянием его международного положения» (стр. 40). Крупнейший руководитель револю-

ционного движения в Закавказье, соратник и близкий друг товарища Сталина Владимир Кецихели в 1901 г. о предпосылках присоединения Грузии к России писал: «Прошлая история Грузии — это история войн и кровопролитий. Постоянная борьба с внешним врагом и внутренние распри между царями и князьями — всё это тяжёлым бременем ложилось на народ и вконец сломило его экономически, изнурило и ослабило физически. Народ трудился, народ воевал, и жизнь в мирное время была для него мучением, доставляя усладу счастливым. Силы его изо дня в день иссякали, этот прочный фундамент дал трещину, и его надстройка — высшее сословие — лишилось почвы. Собственными силами править страной было невозможно. Противостоять врагу было свыше его сил, и он сложил оружие и протянул руку русскому правительству: «Помоги и приюти!»¹.

В конце XVIII в. внешние и внутренние условия Грузии исключали возможность дальнейшего самостоятельного политического её существования. Действительно, «перед Грузией стояла тогда альтернатива — либо быть поглощённой шахской Персией и султанской Турцией либо перейти под протекторат России», и эта, вторая перспектива была всё же наименьшим злом². Присоединение отсталой, феодально раздроблённой Грузии к России следует рассматривать как положительный для Грузии фактор, имевший своим результатом более интенсивное развитие производительных сил страны, расширение экономических и политических связей с другими странами и более тесное культурно-политическое сближение её с Россией. С присоединением Грузии к России «русские законы, русские обычаи, язык, торговля и промышленность волей-неволей пускали корни во вновь присоединённой стране... железные дороги, почта, телеграф избороздили и связали между собой отдалённые уголки огромного государства, а вместе с тем и нашу Грузию. Корабли стали рассекать волны Чёрного и Каспийского морей, а недоступные горы между этими морями, где во время войн цари и князья укрывались от неприятеля, прорезала железная дорога, и новое «чудовище» зашвырнуло в глухих углах. Природа и люди встрепенулись, и грузин, протирая глаза, сначала издала гладыл на это «чудовище», а потом и сам сел на него и поехал»³.

С присоединением Грузии к России опустошительным набегами персидских шахов и турецких султанов, доводивших Грузию до полного культурно-политического упадка, был положен конец. Политика Ираклия II, направленная к укреплению и усилению русско-грузинских отношений и ускорению присоединения Грузии к России, несомненно была прогрессивной.

Итак, совокупность внешних и внутренних факторов, которые необходимо рассматривать во внутренней их взаимосвязи, обу-

ловила ориентацию, а позже — присоединение Грузии к России.

Напрасно Г. Кикодзе переселение грузин на Северный Кавказ в XVIII в. связывает только с внутренними тяжёлыми условиями, в которые был поставлен грузинский крестьянин (стр. 41, 66). Действительно в XVIII в. имело место переселение армян и грузин в Кизляр и Моздок. Но это переселение происходило по инициативе царского правительства, разработавшего план колонизации Кизлярско-Моздокского района, «подававшего — по отзыву князя Потёмкина — способ учредить виноградные, шёлковые и бумажные заводы, размножить скотоводство, табуны, сады и хлебопашество»⁴. В соответствии с этим из Грузии и Армении переселялись в Кизлярско-Моздокский край по преимуществу торговые люди, садоводы и мастеровые по шелкоткацкому делу, которым предоставлялись широкие экономические льготы и преимущества. Царское правительство отпускало купечеству для ведения торговых операций крупные денежные ссуды⁵, а шелководам — большие земельные участки⁶.

Однако при колонизации Кизлярско-Моздокского края основным колонизационным элементом были не грузинские и армянские крестьяне и даже не донские казаки, как ошибочно думает Г. Кикодзе (стр. 56), а терско-гребенские казаки и христианизированные горские переселенцы преимущественно из категории безобрядных холопов, которые в силу указа Елизаветы Петровны 1743 г. по переселении в русские пределы и принятии христианства становились независимыми от прежних своих феодалов мусульманского вероисповедания. «Новокрещённым из магометанского закона, — говорится в указе 1743 г., — за восприятие святого крещения из холопства и крестьянства от помещиков иноверных быть свободным вечно, и тем прежним помещикам и мурзам до владения их новокрещённых никакого дела не иметь»⁷. В результате этого указа бегство горских холопов в русские пределы приняло массовый характер. Оно наносило большой материальный ущерб горским феодалам, которые потребовали у царского правительства не принимать у себя беглых холопов. Царское правительство, ссылаясь на церковный регламент, указывало на соответствующий артикул указа 1743 г., где говорилось, что если «онные помещики сами по желанию своему воспримут святое крещение и тогда оные им же отданы будут во владение попрежнему»⁸. Поэтому многие из горских феодалов, оставшись без крестьян, вынуждены были следовать за своими беглыми холопами в русские пределы, где после крещения

⁴ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Т. XX, стр. 520, № 14607.

⁵ Там же. Т. XI, стр. 610, № 8563.

⁶ Государственный архив феодально-крепостнической эпохи (ГАФКЭ). Каб. дела за 1761 г., к. 63, д. № 15, л. 408; ср. ПСЗРИ. Т. XXV, стр. 330, № 18611.

⁷ Там же. д. № 15, л. 64.

⁸ ГАФКЭ. Каб. дела за 1761 г., д. № 15, л. 64.

¹ Сборник «Лето Кецихели», под ред. Л. Бекия, стр. 48. М. 1938.

² Сборник «К изучению истории», стр. 38. Партиздат. 1937.

³ Сборник «Лето Кецихели», стр. 48—49.

восстанавливались царским правительством в прежних феодальных правах над холопами.

Основной опорой царизма при осуществлении колониальных задач на Северном Кавказе являлись не горские переселенцы, а русское казачество, заложившее основу так называемой Кавказской военной линии, сыгравшей в дальнейшем решающую роль в завоевании Северокавказского края. Основа Кавказской военной линии была заложена в 1711 г. терско-гребенскими казаками, которые по распоряжению линейного командования, в соответствии с общим стратегическим планом, заняли нижнее течение Терека своими пятью станицами: Червлёной, Щедринской, Курдюковской, Старогладковской и Новогладковской. Линия была продолжена по течению рек Терека и Кубани на запад, и в 1794 г. она была доведена до берегов Азовского моря. В промежутке между двумя морями — Каспийским и Азовским — располагалось терское, гребенское, волжское, хопёрское, кубанское и черноморское казачество, станицы казачества одновременно являлись для правительства военными укреплениями. Вся тяжесть по проведению и укреплению Кавказской военной линии ложилась, таким образом, исключительно на казаков. Поэтому неосновательно думать, что «эта на протяжении пятисот вёрст укрепленная линия очень дешево обошлась правительству Российской империи, так как была сооружена даровым трудом солдат» (стр. 56). Солдаты в строительстве Кавказской военной линии никакого участия не принимали.

Параллельно со строительством Кавказской военной линии правительство приступило к изучению горских народов в социально-экономическом и этнографическом отношении. Для этой цели привлекались по преимуществу иностранные учёные, среди которых одно из видных мест принадлежит академику Гюльденштедту, которому Российской академией наук было поручено всестороннее исследование Северного Кавказа и Грузии.

В книге Г. Кикодзе граф фон Тотлебен получил, к сожалению, далеко не полную характеристику. Недостаточно сказать о Тотлебене, что «он был грубым и спесивым немцем, установить с которым отношения оказалось трудным даже такому опытному дипломату, как царь Ираклий» (стр. 49). Автору следовало бы раскрыть истинное лицо Тотлебена как крупного политического преступника и провокатора в бытность его в Грузии во главе русского экспедиционного корпуса.

Граф фон Тотлебен, будучи ещё начальником русского корпуса против Фридриха II, был уличён в государственной измене и приговорён к смертной казни с конфискацией имущества¹. Однако смертная казнь Тотлебену была заменена трёхлетним тюремным заключением с последующей высылкой за границу без права въезда обратно в Россию. Неожиданно для всех Екатерина II не только помиловала и разрешила

ему вернуться в Россию, но даже назначила его в 1769 г. начальником русского экспедиционного корпуса в Грузии, прибывшего на место назначения в августе 1769 г. в составе 3767 штыков. Задача русского корпуса заключалась в том, чтобы отвлечь побольше турецких сил с главного театра военных действий, с Дуная и Архипелага. Но эта задача из-за изменнической политики Тотлебена не была выполнена. В самый решительный момент, когда имеретинский царь Соломон со своими войсками осадил крепость Ацкур, чтобы взять её приступом, Тотлебен неожиданно для всех покинул фронт и отступил со своим корпусом в глубокий тыл. Поступок Тотлебена ошеломил всех и вызвал среди грузин «превеликий ропот». Кахетинцы и карталинцы с обнажёнными шашками, готовые обратить их против Тотлебена, открыто заявили об измене Тотлебена. Но грузинские войска оружия не сложили. Напротив, 20 апреля 1770 г. они под деревней Аспиндзой дали туркам грандиозное сражение, закончившееся полным разгромом турецких сил. В этом сражении Ираклий собственноручно заколол командира лезгинской части Малачила, которому потом отрубил голову. Захваченные в этом сражении 25 военных турецких знамён, а также большое количество трофеев Ираклием II были отправлены Екатерине II.

А тем временем граф Тотлебен бесчинствовал в грузинских деревнях. Он «не только многих из подлых грузинцев под караул забирал и бил же, но и знатных к пушке приковывал»². Командированный в Грузию для расследования преступной деятельности Тотлебена капитан Языков констатировал, что «когда из крепости выходили голодные люди и по большей части женщины с выюками, граф посылал офицеров оных обирать, даже снимал перстни с рук, оставляя одни рубашки. Тиранства такова, — заключал Языков, — я думаю у самих турок не бывало»³. Провокационная политика Тотлебена, направленная к восстановлению Грузии против России, вызвала справедливое возмущение грузинского народа, открыто заявлявшего, что Тотлебен «из верных государственных рабов старается сделать неверных», а потому «его сочли за неверного государинина раба и за изменника». Давая общую оценку преступной деятельности Тотлебена в Грузии, капитан Языков докладывал графу Панину, что «граф Тотлебен более стыда нежели похвалы в здешнем крае нашей нации сделал».

Такова была политика графа Тотлебена, направленная к восстановлению Грузии против России. Но всё это в книге Г. Кикодзе, к сожалению, не нашло достаточного отражения и должного освещения.

Автор книги не избег, мне кажется, излишней идеализации отношений Ираклия II к своим подданным, говоря, что «как у царя, так и у царевичей были простые, чело-

¹ См. Архив кн. Воронцова, кн. VII, стр. 395. М. 1875.

² Цагарели А. «Грамоты и другие исторические документы XVIII века, относящиеся к истории Грузии». Т. I, стр. 148. СПб. 1891.

³ Там же. Указ. соч., стр. 182.

веческие и часто дружеские отношения со своими подданными и крестьянами» (стр. 60). Такое мнение легко может привести к ошибочной точке зрения некоторых старых историков Грузии, без достаточных оснований утверждавших, «будто помещичье господство в Грузии в действительности было менее сурово, чем оно является в «Уложении» царя Вахтанга»¹. А между тем в про-

¹ Калантаров «Крепостное право в Грузии. Сборник сведений о Кавказе». Т. II. Тифлис. 1872.

шлом и позапрошлом столетиях в Грузии существовало помещичье господство, самое необузданное и дикое.

В заключение с удовлетворением хотелось бы отметить, что книга Г. Кикадзе написана на большом фактическом материале, и тем обиднее, что в ней не дан научный аппарат.

Проф. Г. Кокиев

„Материалы по истории таджиков и Таджикистана“. Сборник I. Редакция истории таджиков и Таджикистана. Институт истории, литературы и языка ТФАН СССР. Сталинабад. 1945. 144 стр. 10 руб.

Рецензируемая книга «Материалы по истории таджиков и Таджикистана» состоит из четырёх статей: акад. В. В. Струве «Родина зороастризма», чл.-корр. АН СССР М. С. Андреева «О таджикском языке настоящего времени», Н. А. Кислякова «История Каратегина, Дарваза и Бадахшана» и А. Е. Малики «К истории феодального Ходжента».

Работа акад. Струве является кратким содержанием его большого цикла работ по истории и истории культуры Ахеменидского Ирана. Пересматривая ранее изданные древнеперсидские надписи, вплоть до находок последнего времени (Персепольская надпись, обнаруженная Э. Херцфельдом), и широко привлекая античных авторов (Геродот, Страбон и др.), акад. Струве ставит ряд кардинальных вопросов не только по истории Ирана, но и по истории народов нашей страны и их древних международных историко-культурных связей.

Путём остроумного и тонкого анализа древнеперсидских надписей В. В. Струве убедительно показывает, что зороастризм (и в связи с этим священные книги Авесты) с его ярко выраженными чертами древнего демократизма рождён на Востоке. Однако акад. В. В. Струве не даёт более точного определения несколько расплывчатого географического термина «Восток».

Обратив внимание на тот факт, что ни Дарий, ни Ксеркс не упоминают имя Заратустры, пророка религии Ахурамазда, и с другой стороны, что Авеста не упоминает в свою очередь имен первых Ахеменидов, акад. В. В. Струве делает первый, весьма важный вывод о том, что «абсолютное игнорирование Заратустры Дарием и Ксерксом являлось тяжёлым их преступлением в глазах составителей Авесты» (стр. 30).

Это положение автор объясняет тем, что сами ахеменидские цари подменили личность пророка Заратустры своей царственной персоной. Так, например, делал Ксеркс, называя себя «саошиантом» (спасителем), каким являлся в представлении Авесты Заратустра. Автор формулирует этот тезис в следующих словах: «Отсутствие имени Заратустры в надписях Дария и Ксеркса, а также в трудах Геродота, Ксенофонта и Страбона не

является случайностью, но обусловлено тем фактом, что в религиозной системе первых Ахеменидов Заратустра, пророк Ахурамазды, отсутствовал и был заменён личностью царя» (стр. 35). О том, что эти элементы не являются ни случайностью, ни результатом неполного освещения исторической действительности источниками, которыми располагает современный исследователь, свидетельствуют и такие факты, как замалчивание в Авесте роли магов (в Авесте жрецы именовались «атраван» — жрец огня) и коренное различие в способах погребения у ахеменидов и зороастрийцев. Всё это, вместе взятое, даёт полное право акад. В. В. Струве сделать третий, решающий вывод о том, что «религиозная концепция Дария I и его сына Ксеркса не была тождественна с учением Зороастра, несмотря на ряд моментов, которые являются общими и для той и для другой системы» (стр. 39). Объяснение различия этих концепций автор видит в различной социальной основе: в одном случае религиозная концепция Дария I и Ксеркса восходит к «религии магов опоры рабовладельческой знати Мидии» (стр. 42), в другом, в зороастризме, он согласен признать идеологию «бедных слоёв в племени, эксплуатируемых вождями и знатью» (стр. 43).

Общность ряда религиозных мотивов акад. В. В. Струве выводит из общего источника происхождения — из религии населения древней Армении и Азербайджана.

Таковы основные выводы работы акад. Струве о родине зороастризма. Закljučая свою работу, автор пишет: «Запад Ирана — Мидия и Персия — предал полному забвению демократические моменты законов Дария I, восходящие к наследию, полученному во время пребывания персидских племён на севере — в Армении и Азербайджане, — и бесславно погиб в борьбе с внешним врагом. Восток же, сохранивший религию труда Зороастра, оказал упорное и длительное сопротивление внешнему врагу и смог накопить в себе силы, чтобы сбросить иноземное иго и возродить самостоятельность Ирана» (стр. 44).

Нельзя не согласиться с основной линией развития мысли автора статьи, доводы ко-

веческие и часто дружеские отношения со своими подданными и крестьянами» (стр. 60). Такое мнение легко может привести к ошибочной точке зрения некоторых старых историков Грузии, без достаточных оснований утверждавших, «будто помещичье господство в Грузии в действительности было менее сурово, чем оно является в «Уложении» царя Вахтанга»¹. А между тем в про-

¹ Калантаров «Крепостное право в Грузии. Сборник сведений о Кавказе». Т. II. Тифлис. 1872.

шлом и позапрошлом столетиях в Грузии существовало помещичье господство, самое необузданное и дикое.

В заключение с удовлетворением хотелось бы отметить, что книга Г. Кикадзе написана на большом фактическом материале, и тем обиднее, что в ней не дан научный аппарат.

Проф. Г. Кокиев

„Материалы по истории таджиков и Таджикистана“. Сборник I. Редакция истории таджиков и Таджикистана. Институт истории, литературы и языка ТФАН СССР. Сталинабад. 1945. 144 стр. 10 руб.

Рецензируемая книга «Материалы по истории таджиков и Таджикистана» состоит из четырёх статей: акад. В. В. Струве «Родина зороастризма», чл.-корр. АН СССР М. С. Андреева «О таджикском языке настоящего времени», Н. А. Кислякова «История Каратегина, Дарваза и Бадахшана» и А. Е. Малики «К истории феодального Ходжента».

Работа акад. Струве является кратким содержанием его большого цикла работ по истории и истории культуры Ахеменидского Ирана. Пересматривая ранее изданные древнеперсидские надписи, вплоть до находок последнего времени (Персепольская надпись, обнаруженная Э. Херцфельдом), и широко привлекая античных авторов (Геродот, Страбон и др.), акад. Струве ставит ряд кардинальных вопросов не только по истории Ирана, но и по истории народов нашей страны и их древних международных историко-культурных связей.

Путём остроумного и тонкого анализа древнеперсидских надписей В. В. Струве убедительно показывает, что зороастризм (и в связи с этим священные книги Авесты) с его ярко выраженными чертами древнего демократизма рождён на Востоке. Однако акад. В. В. Струве не даёт более точного определения несколько расплывчатого географического термина «Восток».

Обратив внимание на тот факт, что ни Дарий, ни Ксеркс не упоминают имя Заратустры, пророка религии Ахурамазда, и с другой стороны, что Авеста не упоминает в свою очередь имен первых Ахеменидов, акад. В. В. Струве делает первый, весьма важный вывод о том, что «абсолютное игнорирование Заратустры Дарием и Ксерксом являлось тяжёлым их преступлением в глазах составителей Авесты» (стр. 30).

Это положение автор объясняет тем, что сами ахеменидские цари подменили личность пророка Заратустры своей царственной персоной. Так, например, делал Ксеркс, называя себя «саошиантом» (спасителем), каким являлся в представлении Авесты Заратустра. Автор формулирует этот тезис в следующих словах: «Отсутствие имени Заратустры в надписях Дария и Ксеркса, а также в трудах Геродота, Ксенофонта и Страбона не

является случайностью, но обусловлено тем фактом, что в религиозной системе первых Ахеменидов Заратустра, пророк Ахурамазды, отсутствовал и был заменён личностью царя» (стр. 35). О том, что эти элементы не являются ни случайностью, ни результатом неполного освещения исторической действительности источниками, которыми располагает современный исследователь, свидетельствуют и такие факты, как замалчивание в Авесте роли магов (в Авесте жрецы именовались «атраван» — жрец огня) и коренное различие в способах погребения у ахеменидов и зороастрийцев. Всё это, вместе взятое, даёт полное право акад. В. В. Струве сделать третий, решающий вывод о том, что «религиозная концепция Дария I и его сына Ксеркса не была тождественна с учением Зороастра, несмотря на ряд моментов, которые являются общими и для той и для другой системы» (стр. 39). Объяснение различия этих концепций автор видит в различной социальной основе: в одном случае религиозная концепция Дария I и Ксеркса восходит к «религии магов опоры рабовладельческой знати Мидии» (стр. 42), в другом, в зороастризме, он согласен признать идеологию «бедных слоёв в племени, эксплуатируемых вождями и знатью» (стр. 43).

Общность ряда религиозных мотивов акад. В. В. Струве выводит из общего источника происхождения — из религии населения древней Армении и Азербайджана.

Таковы основные выводы работы акад. Струве о родине зороастризма. Закljučая свою работу, автор пишет: «Запад Ирана — Мидия и Персия — предал полному забвению демократические моменты законов Дария I, восходящие к наследию, полученному во время пребывания персидских племён на севере — в Армении и Азербайджане, — и бесславно погиб в борьбе с внешним врагом. Восток же, сохранивший религию труда Зороастра, оказал упорное и длительное сопротивление внешнему врагу и смог накопить в себе силы, чтобы сбросить иноземное иго и возродить самостоятельность Ирана» (стр. 44).

Нельзя не согласиться с основной линией развития мысли автора статьи, доводы ко-

торого нам представляются весьма убедительными. Более того: как мы попытаемся показать ниже, они объясняют и ряд более поздних явлений, связанных с зороастризмом.

Но, прежде чем на этом остановиться, мы отметим два момента в работе В. В. Струве, которые, с нашей точки зрения, недостаточно убедительны.

Как мы указали выше, акад. В. В. Струве не уточнил места происхождения зороастризма, не локализовал часто употребляемое географическое понятие «Восток». Быть может, автор и не ставил перед собой эту задачу, хотя эта недоговорённость, мы бы сказали, несколько ослабляет чрезвычайно интересные и политически важные для нас выводы. В советской литературе уже проскальзывали мнения ряда авторов о родине зороастризма и Авесты. Так, исходя из того факта, что наиболее чистый культ зороастризма документирован на территории Согды, например астаданами, а в последнее время и рядом других данных, все советские исследователи, касающиеся вопроса происхождения зороастризма, локализируют его в Средней Азии (К. Тревер, А. Борисов, Г. Григорьев, С. Толстов), большинство — в Согде, часть, как, например, С. Толстов, — в Хорезме. Убедительным в концепции последнего автора является (вслед за Марквартом) хорезмийская локализация составления Авесты, реалии которой имеют совершенно идентичные аналогии в памятниках материальной культуры Хорезма. Напомним хотя бы поселения типа австрийского «вара», открытые С. Толстовым в развалинах Хорезма и неизвестные для Ирана, ни Западного, ни Восточного. Акад. В. В. Струве обошёл молчанием эти факты, выявленные советскими археологами, очевидно, в силу того, что этот элемент не являлся для него основным. Однако тот факт, что Средняя Азия была и территориальной родиной зороастризма, по-моему, объясняют не только северные походы Ахеменидов в Среднюю Азию, в районы земледельческих оазисов, но и походы против скифов. Кочевая среда Средней Азии являлась носительницей и хранительницей старых, родоплеменных традиций. Она являлась той варварской периферией, которая ещё много веков спустя оказывала земледельческому населению Средней Азии помощь в борьбе против западных агрессоров. Укажем, например, что в борьбе с Александром Македонским саки оказывают поддержку Спитамену и фактически наносят один из первых, решающих ударов Александру, за Яксартом. Напомним, что много веков позднее турки-кочевники оказывают поддержку согдийцам (например Ихшиду Гуреку Самаркандскому) в борьбе против арабов. Кочевая среда Средней Азии всегда выступала как союзная сила земледельческих оазисов в борьбе против иноземцев. Если социальный смысл этого союза с веками изменялся, то, во всяком случае, в глубокой древности он имел истинно демократический характер. Не случайно поэтому в кочевой среде Семиречья уже в V—VII вв.

(да и позднее, в VIII—IX вв.) в связи с арабским завоеванием и победой ислама изгоняемые зороастрийцы нашли себе приют в веротерпимой среде тюрок Тяньшаня.

Исследуя многочисленные памятники зороастризма на территории Семиречья, мы пришли к следующим важным выводам: 1) основная масса согдийских переселенцев была сельского происхождения, 2) на территории Семиречья зороастрийская религия нашла себе общий язык с шаманистскими воззрениями тюрок, создав новые, синкретические формы культа.

Из этого следует, во-первых, подтверждение основной концепции акад. В. В. Струве о демократическом характере зороастрийской религии и Авесты и, во-вторых, что родину зороастризма следует искать не на востоке Ирана, а, точнее, на территории Средней Азии.

Но в свете сказанного тезис о североиранском (или, точнее, закавказском) происхождении религии древних Ахеменидов остаётся открытым. Огнепоклонничеству с его зороастрийским культовым ареалом имеет весьма большую базу для своего возникновения. Ряд черт ритуала свойственен широкому кругу племён, в том числе даже кочевникам (напомним, например, монгольский обычай захоронения). Не случайно согдийцы в Семиречье нашли скоро общий язык в среде кочевников, создав новые, синкретические формы культа. То общее, что характерно для Ирана Западного и Восточного, есть лишь локальное религиозно-политическое оформление древнего культа, основы которого несравненно шире.

Наши замечания ни в коей мере не должны умалять значение исключительно интересной работы акад. В. В. Струве, дающей богатейший материал для пересмотра ряда традиционных представлений, способствующей правильному вскрытию путей исторического развития народов нашей страны.

Помещённая в сборнике статья М. Андреева имеет отношение к истории постольку, поскольку на языковых примерах убедительно иллюстрирует постепенный процесс втягивания таджиков, начиная с арабского завоевания, в исторический процесс, охватывающий всю Среднюю Азию и несущий исчезновение отдельных древнетаджикских языков.

Большому историческому вопросу посвящена статья Н. А. Кислякова «История Каратегина, Дарваза и Бадахшана». Автор, этнограф по специальности, взял на себя труд дать сводку литературных известий по упомянутым трём областям Таджикистана.

В первых главах, «О географических особенностях указанной территории» и «Древней истории», автор широко пользуется личными наблюдениями, удачно интерпретируя фотодетальный материал. Несравненно слабее третья глава, посвящённая доарабской истории. Во-первых, автору остался неизвестным ряд важнейших работ по кушано-тохарской проблеме и взгляды по этому вопросу советских исследователей (С. Толстов), отмеченные в обстоятельной рецензии

И. Умникова в «Вестнике древней истории». (3—4, 1940).

В связи с этим автором допущены неточности. Так, например, ошибочно безапелляционное отнесение восточных саков к иранцам (стр. 82), неправильно утверждение, что китайцы так же сильно влияли на дела Средней Азии, как и в Восточном Туркестане (стр. 83). Из-за неточности изложения может создаться впечатление, что индоскифы — особая от кушан этническая масса, хотя это разновидность их политического названия (стр. 82). Бань Чао (китайский полководец) действовал не в 70—80-е годы, как пишет автор, а позднее (стр. 84). Вряд ли сражение китайцев (Судинфана) на р. Или «отдало в руки китайцев Тохаристан» (стр. 87). Здесь действовали другие причины, ибо Судинфану не удалось закрепить свой успех в Семиречье, о чём свидетельствует коалиция Семиречья с Тибетом при хане Дунжи 679 года. Как раз наоборот: то, что туркам удалось создать своеобразный барьер (Семиречье, Тибет) для китайской экспансии в Среднюю Азию, облегчило в известной мере завоевание Средней Азии арабами.

По нашему мнению, автор переоценивает роль Памира как транзита в Среднюю Азию из Китая. Даже в Фергане, судя по археологическим материалам и предварительным обследованиям, связи с Востоком выступают менее явно, чем в Северном Семиречье и на Тяньшане. Для построения этой главы автор широко пользуется известным трудом Э. Шаванна, оставляя французскую транскрипцию собственных имён и географических названий, что было бы оправдано, если бы Э. Шаванн расхаживал в транскрипции с общепринятой у нас русской транскрипцией И. Бичурина. Этих расхождений в приведённых названиях нет, и оставление французской транскрипции лишь утяжеляет чтение легко написанного текста, рассчитанного скорее на массового читателя, чем на специалиста.

Наиболее оригинальной является глава V, где автором использованы доступные ему в подлиннике источники. Несколько удивляет чисто политическое изложение истории Каратегина, Дарваза и Бадахшана, совершенно обойдены вопросы социально-экономической периодизации, в большинстве случаев отсутствует анализ классово-природы исторических явлений.

Заявление автора о трудности решения ряда вопросов ввиду отсутствия археологических данных в Восточном Таджикистане и Северном Афганистане (стр. 81), несомненно, справедливо. Если в Афганистане трудами умерших Стайна и Акэна кое-что сделано, то Таджикистан отстаёт в археологическом изучении своей территории от других союзных республик Средней Азии, где постоянно действующие археологические экспедиции дали немало для построения истории и истории культуры народов Средней Азии.

Несмотря на указанные недочёты всё же сводка известий по истории Каратегина, Дарваза и Бадахшана, этих почти не изученных районов Таджикистана, несомненно, полезна.

Весьма благоприятное впечатление производит статья А. Е. Маджи «К истории феодального Ходжента», обнаруживающая блестящее знание автором фактического материала и умелую его интерпретацию.

Попытка автора без археологических раскопок (что оговорено и самим автором) найти дату основания цитадели Ходжента, конечно, крайне гипотетична (между датами поселений типа Анау и древнесогдийскими). Поскольку автор пользуется аналогиями, он мог бы учесть ферганские поселения типа Эйлатан на Нарыне в Фергане, а не Анау в Туркмении или результаты археологических наблюдений на строительстве Большого Ферганского канала и раскопки на Мунчак-Тепе. Кстати отметим, что для ферганской и восточноосрушанской группы городов надо искать не согдийский, а собственно ферганский генезис (см. стр. 115, 118). Ряд соображений автора в отношении древнего Ходжента высказан без должной аргументации и слишком догматически, например крайними пределами согдийцев на востоке, о которых якобы говорят греки, где была сооружена Александрия Эсхата, именно и был Ходжент (стр. 118), и через него проходил ещё торговый путь на север в Шап (Ташкент и в сторону кангюйцев — в Нижнюю Сыр-Дарью (стр. 119).

О распространении согдийцев греки прямо ничего не говорят, отождествление Ходжента с Александрией Крайней (Эсхата) всегда было гипотезой; о том, что одна из трасс великого шёлкового пути шла через Ходжент, тоже можно только предполагать.

Вообще ту часть суждений автора, в которой он связывает топографию города со временем Александра Македонского, без опоры на археологические данные, следует признать слабым местом работы, поскольку здесь его положения совершенно бездоказательны. Здесь явно выступает желание автора, а не объективные факты. Наиболее ценную часть работы составляет анализ отдельных частей Ходжента, сохранившихся доньше и, несомненно, отражающих топографию феодального Ходжента. Дополнения к статье в виде «Перечня кварталов города» в местных наименованиях с переводом на русский язык и план города увеличивают ценность статьи А. Е. Маджи.

В целом рассматриваемый сборник показывает, что в Таджикистане серьёзно занялись вопросами истории. Вместе с тем сборник показал и слабые стороны исторической работы в Таджикистане — отсутствие специальных исследований по истории древнего и средневекового периодов и достойного внимания археологических обследований и раскопок.

А. Бернштам

Главное архивное управление НКВД СССР. Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства. Путеводитель. Под редакцией проф. В. В. Максимова. М. 1946.

Выход в свет путеводителя по материалам Центрального государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства является крупным событием для советской исторической науки.

Главное архивное управление НКВД СССР сделало очень полезное дело, приняв издание целой серии научно-справочных пособий-путеводителей по важнейшим нашим архивам. Наряду с путеводителем по Центральному государственному архиву Октябрьской революции (ЦГАОР) вышел в свет путеводитель по Центральному архиву Красной Армии (ЦАКА) и путеводитель по Центральному государственному архиву древних актов (ЦГАДА). Наличие таких чрезвычайно ценных справочников по основным советским архивам не только во много раз облегчает работу историков и всех научных работников других специальностей (экономистов, юристов), но и ставит перед ними ряд новых больших задач.

Одной из лучших традиций русской исторической науки, создавших ей заслуженную славу, всегда была богатейшая документация научного исследования. Работа историков опиралась на широкое использование обширных архивных фондов. Достаточно назвать имена Соловьёва, Костомарова, Ключевского. Результатом этой большой многолетней работы русских историков в архивах были не только многочисленные монографии по важнейшим вопросам истории России, но и широкая публикация архивных документов. Акты археографической комиссии и сборники русского исторического общества служили всегда важнейшим материалом для ряда поколений историков.

Советские историки продолжили эту славную традицию и проделали за 28 лет после Октябрьской социалистической революции большую работу по изучению архивов и публикации источников, в частности по советскому периоду нашей истории. По материалам ЦГАОР издан ряд ценных монографий и обширных публикаций по истории Октябрьской революции и гражданской войны. За это время вышло в свет около 50 тематических сборников документов и около 100 отдельных публикаций в наших исторических журналах. В читальном зале ЦГАОР с 1922 по 1945 г. занималось свыше 4 тыс. научных работников, и результатом этой работы явилось немало кандидатских и докторских диссертаций, книг, статей и брошюр по истории советского периода.

Однако богатейшие фонды ЦГАОР, особенно по периоду после окончания гражданской войны, до сих пор ещё недостаточно изучены, и работа историков здесь только начинается. Об этом убедительно свидетельствует содержание путеводителя, чрезвычайно умело и тщательно составленного коллективом научных сотрудников ЦГАОР

под общим руководством начальника архива Н. Р. Прокопенко.

Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства сосредоточил в своих хранилищах около 4 тыс. фондов. Путеводитель даёт подробные данные о 1738 важнейших фондах, содержащих 1 579 407 единиц хранения. Уже одна эта цифра говорит сама за себя. В архиве сосредоточены материалы по периоду от 1917 г. (после февральской революции) и до (по некоторым фондам) 1933—1936 годов. Читатель найдёт в путеводителе не простой перечень фондов, а их подробное описание.

Индивидуальные характеристики фондов, приведённых в рецензируемой книге, включают следующие сведения: номер, присвоенный данному фонду в архиве, крайние даты документальных материалов фонда, объём фонда в единицах хранения, указание на наличие справочного аппарата (инвентарная и сдаточная описи, обзор фонда), краткая историческая справка о фондообразователе и краткая аннотация содержания документальных материалов фонда.

В путеводителе 10 разделов, каждый из которых раскрывает важнейшие вопросы истории нашей страны с 1917 года.

Раздел I. Фонды учреждений и организаций Временного правительства, фонды учреждений IV Государственной думы, фонды советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов за период февраль — октябрь 1917 года.

Раздел II. Фонды военно-революционных комитетов (Петроградский ВРК и ВРК при Ставке верховного главнокомандующего).

Материалы первых двух разделов более или менее подробно изучены, и по ним были изданы ценные сборники документов. (Все-российский съезд советов, протоколы исполнительного комитета Петроградского совета, Государственное совещание, материалы Петроградского ВРК и многие другие).

Раздел III. Фонды высших органов государственной власти и государственного управления СССР и РСФСР и подведомственных им учреждений и организаций.

Раздел IV даёт описание фондов органов суда РСФСР.

Большой интерес для изучения культурной революции в СССР, культурного строительства и деятельности научных и учебных учреждений представляет раздел V путеводителя, который содержит не только описание отдельных фондов академий и научно-исследовательских институтов, но и издательств, добровольных обществ, а также фондов редакций «Крестьянской газеты» (1923—1928) и «Рабочей газеты» (1924—1931).

Раздел VI. Фонды профсоюзов СССР — один из богатейших отделов архива. Здесь

сосредоточены материалы ВЦСПС за 1917—1935 гг. (29 252 единицы хранения), фонды ЦК союзов, из которых фонд ЦК союза металлистов (1917—1931) содержит 12 603 единицы хранения, ЦК горнорабочих (1920—1930) — 6222 единицы хранения, ЦК текстильщиков (1917—1930) — 5896 единиц хранения, ЦК союза сельскохозяйственных рабочих (1919—1931) — 13 261 единица хранения, ЦК союза работников просвещения (1919—1934) — 12 462 единицы хранения и т. д.

Раздел VII. Фонды кооперативных учреждений и организаций СССР и РСФСР содержат описание 29 фондов по всем отраслям кооперации (потребительская, сельскохозяйственная, промысловая), а также материалов Центросоюза (7354 единицы хранения).

Раздел VIII и IX связаны непосредственно с периодом гражданской войны в СССР. Материалы партизанского движения в Сибири и на Дальнем Востоке, материалы ДВР, фонды белых «правительств» и белогвардейских армий (контрреволюция на севере, контрреволюция на Волге, сибирская контрреволюция, уфимская директория, колчаковщина, контрреволюция на Дону, денкинщина) — таково основное содержание этих разделов.

Раздел X содержит описание печатных изданий за 1917—1945 гг., хранящихся в ЦГАОР: книги и брошюры — 150 тыс. единиц хранения, журналы — 46 824 единицы хранения, газеты — 27 500 годовых комплектов, листовки — 26 500 единиц хранения, плакаты — 8750 единиц хранения, карты — 1450 единиц хранения.

Наибольший интерес представляет раздел III «Путеводителя» — Фонды высших органов государственной власти и государственного управления СССР и РСФСР и подведомственных им учреждений и организаций. Характеристика фондов этого раздела занимает больше половины всего текста книги (165 стр. из 304). Здесь даётся описание следующих основных фондов ЦГАОР:

1) Всесоюзные съезды советов, сессии ЦИК СССР, Президиум ЦИК СССР за период 1922—1937 гг. (18 938 единиц хранения (материалы от I съезда советов СССР до VIII чрезвычайного съезда советов включительно); 2) Совет народных комиссаров СССР за 1923—1933 гг. 19 670 единиц хранения); 3) Совет труда и обороны при СНК СССР за 1923—1933 гг. (19 670 единиц хранения); 4) материалы различных комиссий и комитетов при СНК и СТО СССР, из которых особый интерес представляют материалы Госплана за 1921—1927 гг. (8030 единиц хранения); 5) материалы народных комиссариатов СССР: Народный комиссариат внешней торговли, 1917—1923 гг. (3787 единиц хранения), Народный комиссариат путей сообщения, 1917—1927 гг. (6059 единиц хранения); Народный комиссариат финансов, 1917—1926 гг. (17903 единицы хранения); Народный комиссариат рабоче-крестьянской инспекции, 1918—1932 гг. (67 696 единиц хранения); Народный комиссариат труда, 1928—1933 гг. (13 352 единицы хранения); ВСНХ, 1917—1926 гг. (19 172 едини-

цы хранения) и др.; 6) съезды советов РСФСР и сессии ВЦИК за период от II до XVII съезда советов, материалы секретариата президиума ВЦИК за 1917—1938 гг., управления делами, приёмной председателя ВЦИК М. И. Калинина (1919—1926), различных комиссий и комитетов ВЦИК РСФСР, а также материалы агитпоездов и агитпароходов ВЦИК, преимущественно по периоду 1918—1921 гг. (поезд имени Ленина, «Октябрьская революция», «Красный Восток» и др.); материалы СНК РСФСР, 1917—1937 гг. (31 650 единиц хранения) — управление делами, секретариат, канцелярия СНК РСФСР, бюро телеграмм; 8) материалы народных комиссариатов, комитетов и комиссий СНК РСФСР. Среди них важнейшее значение имеют материалы Наркомнаца РСФСР, 1917—1924 гг. (2597 единиц хранения), Наркомпрода, 1917—1924 гг. (56 539 единиц хранения); Наркомзема, 1917—1925 гг. (50 035 единиц хранения).

Это, конечно, далеко не полный перечень всех материалов, приведённых в путеводителе, но и то, что названо, достаточно, чтобы представить всю обширность и значение указанных источников.

Выход в свет путеводителя не может оцениваться только как издание полезного, солидного и тщательно составленного справочника по ЦГАОР. Значение этой книги именно в том и заключается, что она ставит перед советскими историками большие и серьёзные задачи.

Архив как бы раскрывает перед научными работниками все свои богатства и призывает их к исследовательской работе, сделав с своей стороны всё возможное, чтобы поставить эту работу на прочную основу архивной документации.

Изучение истории советского периода до сих пор развивалось несколько неравномерно. Много было сделано по освещению и глубокому исследованию истории Октябрьской социалистической революции и гражданской войны в СССР. Но и тут преобладает большое количество книг и публикаций, посвящённых преимущественно ходу военных действий, разбору военных операций, и сравнительно меньше изучены вопросы о деятельности советского государства внутри страны, о социалистическом строительстве в годы военного коммунизма. Таким образом, и по периоду 1917—1920 гг. ещё есть ряд больших, малоизученных и совсем ещё не освещённых в литературе вопросов, которые ждут своего исследователя. Период же после 1920 г., т. е. после окончания гражданской войны, крайне недостаточно изучен нашими историками.

Иногда приходится слышать, что близкие к нам периоды истории — это уже не история, а современность. Это глубоко ошибочная и неверная точка зрения. Конечно, приступая к изучению новейших периодов истории нашей страны, историки зачастую выступают в качестве пионеров и разведчиков, прокладывая путь дальнейшему, ещё более глубокому исследованию. Известно, что важнейшие работы по истории французской ре-

волюции были написаны и изданы уже в начале 20-х годов XIX в. (Минье, Тьер), а в 30-х годах была издана чрезвычайно ценная коллекция источников Бюше по истории революции (40 томов).

Ход истории в XIX в. был гораздо более медленным, чем в XX в., а темпы исторического развития после Октябрьской социалистической революции во много раз ускорились. Историей всё более быстро становится совсем, казалось бы, близкое к нам прошлое. Молодое поколение советских людей должно знать историю своего государства, историю развития и роста Советской страны. Исключительно велик интерес к этим вопросам и за рубежом. Весь мир интересуется сейчас, после победы советского народа в Великой Отечественной войне, «тайна русокого могущества», история создания, укрепления того монолита, о который разбилась натиск германского фашизма и японского империализма.

Всё это настоятельно диктует необходимость развёртывания большой исследовательской работы в области изучения советского периода нашей истории и делает выход путеводителя больше чем своевременным.

Важнейшая задача заключается не только в подготовке больших и основательно доку-

ментированных монографий. Со всей силой назревает вопрос об издании сборников документов, которые были бы подобны фундаментальным публикациям прежних лет (акты археографической комиссии и т. д.). Речь идёт, следовательно, о систематической публикации документов по истории Октябрьской социалистической революции, гражданской войны и социалистического строительства.

Публикация документальных сборников — задача не только центральных, но и местных республиканских и областных архивов.

Надо надеяться, что вслед за путеводителями по центральным архивам последуют приведение в порядок, систематизация и издание путеводителей по важнейшим местным архивам.

Встаёт также вопрос о своевременности и целесообразности возобновления выпуска советского архивного журнала, где могли бы систематически публиковаться важнейшие архивные материалы.

Выход в свет путеводителя по ЦГАОР, несомненно, явится серьёзным стимулом для дальнейшего развития и подъёма научно-исследовательской работы в области истории. Можно поблагодарить коллектив работников ЦГАОР за ценный справочник.

Проф. Э. Генкина

BUENO DE MESQUITA D. M. *Qiangaleazzo Visconti—Duke of Milan (1351—1402)*. A study in the political career of an Italian despot. Cambridge University Press. 1941. X + 408 p.

БУЭНО ДЕ МЕСКИТА Д. М. *Галеаццо Висконти—Герцог Милана (1351—1402)*. Исследование политической карьеры итальянского деспота.

Джан Галеаццо Висконти является одной из самых интересных и крупных фигур раннего итальянского Возрождения. Племянник властителя Милана, энергичного и жестокого Бернабо Висконти, сын властителя Павии — Галеаццо Висконти — Джан Галеаццо в 1360 г., девяти лет от роду, был обвенчан с дочерью французского короля Иоанна Доброго — Изабеллой Валуа — и получил с её рукой титул графа Вирту, сохранённый им на всю жизнь. Титул этот давал возможность льстецам при жизни Джан Галеаццо и панегиристам после его смерти называть его «доблестным графом», ибо «вирту» по-итальянски значит доблесть.

В 1378 г. Джан Галеаццо унаследовал после смерти отца власть в Павии, но в течение семи лет не только держался в тени, но и прикидывался святошей, неспособным к энергичным действиям, пока в 1385 г. не заманил своего дядю Бернабо в западню и не захватил власть в Милане. Объединив в результате этого в своих руках всё наследие своих предков с административными центрами в Милане и Павии, Джан Галеаццо провёл на своих землях ряд реформ, упорядочивших государственный аппарат и улучшивших положение высших слоёв населения.

После этого, пользуясь кровавыми распрями, которые вызвал в Италии (и без того раздробленной) церковный раскол, Джан Галеаццо начал правдами и неправдами, подкупом, дипломатическими интригами, силой оружия расширять свои владения, стремясь подчинить себе всю северную и центральную часть Апеннинского полуострова.

Ряд тяжёлых неудач и горьких поражений пришлось перенести властителю Милана в этом своём стремлении, которое встречало решительное сопротивление со стороны соседних государств и, в первую очередь, со стороны Флорентинской республики. Однако, упорно добиваясь своего, он постепенно захватил Падую, Верону, Пизу, Сиену, Перуджию, затем Болонью и вплотную подошёл к границам Флоренции, победа над которой означала бы осуществление его смелых планов.

Стремясь придать своей всё более значительной державе вид законного государства, миланский тиран весной 1395 г. купил у императора Венцеслава за 100 тысяч флоринов титул герцога Милана и осенью того же года отпраздновал свою коронацию с поистине царской пышностью.

После захвата Болоньи в первые месяцы казалось, что новый герцог не только

волюции были написаны и изданы уже в начале 20-х годов XIX в. (Минье, Тьер), а в 30-х годах была издана чрезвычайно ценная коллекция источников Бюше по истории революции (40 томов).

Ход истории в XIX в. был гораздо более медленным, чем в XX в., а темпы исторического развития после Октябрьской социалистической революции во много раз ускорились. Историей всё более быстро становится совсем, казалось бы, близкое к нам прошлое. Молодое поколение советских людей должно знать историю своего государства, историю развития и роста Советской страны. Исключительно велик интерес к этим вопросам и за рубежом. Весь мир интересуется сейчас, после победы советского народа в Великой Отечественной войне, «тайна русокого могущества», история создания, укрепления того монолита, о который разбился натиск германского фашизма и японского империализма.

Всё это настоятельно диктует необходимость развёртывания большой исследовательской работы в области изучения советского периода нашей истории и делает выход путеводителя больше чем своевременным.

Важнейшая задача заключается не только в подготовке больших и основательно доку-

ментированных монографий. Со всей силой назревает вопрос об издании сборников документов, которые были бы подобны фундаментальным публикациям прежних лет (акты археографической комиссии и т. д.). Речь идёт, следовательно, о систематической публикации документов по истории Октябрьской социалистической революции, гражданской войны и социалистического строительства.

Публикация документальных сборников — задача не только центральных, но и местных республиканских и областных архивов.

Надо надеяться, что вслед за путеводителями по центральным архивам последуют приведение в порядок, систематизация и издание путеводителей по важнейшим местным архивам.

Встаёт также вопрос о своевременности и целесообразности возобновления выпуска советского архивного журнала, где могли бы систематически публиковаться важнейшие архивные материалы.

Выход в свет путеводителя по ЦГАОР, несомненно, явится серьёзным стимулом для дальнейшего развития и подъёма научно-исследовательской работы в области истории. Можно поблагодарить коллектив работников ЦГАОР за ценный справочник.

Проф. Э. Генкина

BUENO DE MESQUITA D. M. *Qiangaleazzo Visconti—Duke of Milan (1351—1402)*. A study in the political career of an Italian despot. Cambridge University Press. 1941. X + 408 p.

БУЭНО ДЕ МЕСКИТА Д. М. *Галеаццо Висконти—Герцог Милана (1351—1402)*. Исследование политической карьеры итальянского деспота.

Джан Галеаццо Висконти является одной из самых интересных и крупных фигур раннего итальянского Возрождения. Племянник властителя Милана, энергичного и жестокого Бернабо Висконти, сын властителя Павии — Галеаццо Висконти — Джан Галеаццо в 1360 г., девяти лет от роду, был обвенчан с дочерью французского короля Иоанна Доброго — Изабеллой Валуа — и получил с её рукой титул графа Вирту, сохранённый им на всю жизнь. Титул этот давал возможность льстецам при жизни Джан Галеаццо и панегиристам после его смерти называть его «доблестным графом», ибо «вирту» по-итальянски значит доблесть.

В 1378 г. Джан Галеаццо унаследовал после смерти отца власть в Павии, но в течение семи лет не только держался в тени, но и прикидывался святошей, неспособным к энергичным действиям, пока в 1385 г. не заманил своего дядю Бернабо в западню и не захватил власть в Милане. Объединив в результате этого в своих руках всё наследие своих предков с административными центрами в Милане и Павии, Джан Галеаццо провёл на своих землях ряд реформ, упорядочивших государственный аппарат и улучшивших положение высших слоёв населения.

После этого, пользуясь кровавыми распрями, которые вызвал в Италии (и без того раздробленной) церковный раскол, Джан Галеаццо начал правдами и неправдами, подкупом, дипломатическими интригами, силой оружия расширять свои владения, стремясь подчинить себе всю северную и центральную часть Апеннинского полуострова.

Ряд тяжёлых неудач и горьких поражений пришлось перенести властителю Милана в этом своём стремлении, которое встречало решительное сопротивление со стороны соседних государств и, в первую очередь, со стороны Флорентинской республики. Однако, упорно добиваясь своего, он постепенно захватил Падую, Верону, Пизу, Сиену, Перуджию, затем Болонью и вплотную подошёл к границам Флоренции, победа над которой означала бы осуществление его смелых планов.

Стремясь придать своей всё более значительной державе вид законного государства, миланский тиран весной 1395 г. купил у императора Венцеслава за 100 тысяч флоринов титул герцога Милана и осенью того же года отпраздновал свою коронацию с поистине царской пышностью.

После захвата Болоньи в первые месяцы казалось, что новый герцог не только

станет могущественным североитальянским государем, но и возьмёт на себя осуществление той миссии, которая не удалась ни кровавым германским императорам, ни мечтателю Коле ди Риенцо, — миссии воскресить былую славу Италии, объединённой под его скипетром. Льстивые поэты уже прославляли Джан Галеаццо как объединителя Италии, спасителя разорённого Рима, когда совершенно неожиданно 3 сентября 1402 г. он умер, после чего дело его жизни погибло в течение нескольких недель.

Казалось бы, и черты яркой индивидуальности, несомненно присущие «доблестному герцогу», и его попытки создания крупного государства в Италии должны были привлечь к нему внимание историков, однако этого не случилось — до последнего времени не существовало ни одной специальной работы, посвящённой Джан Галеаццо. Правда, ряд отдельных статей миланского историка Джачинто Романо¹, вышедших между 1893 и 1917 гг., подготовили почву для такой работы. За последние годы появилось также несколько французских исследований, посвящённых истории франко-итальянских отношений в период церковного раскола, в первую очередь четырёхтомное исследование Валуа и монографии Де Боюара и Миро².

Однако всё же задача написания монографии о Джан Галеаццо была столь ответственной и трудной, что за решение её никто не брался. Рецензируемая книга представляет первую попытку такого решения, и уже в этом лежит её первое и неоспоримое достоинство. Её автор, питомец Кембриджского университета, ученик профессора К. Превите-Ортон — Д. Буэно де Мескита во время командировки в Италию тщательно изучил как печатные, так и рукописные материалы, относящиеся к теме. Приложенная к работе библиография составлена полно, регистрирует всё наиболее ценное и может быть использована как указатель литературы по истории Италии конца XIV — начала XV веков.

На этой прочной базе автор строит своё изложение, носящее хронологический характер. После весьма краткого введения — первой главы, озаглавленной «Италия в XIV веке и рост государства Висконти», — он прямо переходит к фактам ранней биографии своего героя, причём излагает почти исключительно политический аспект этой биографии. Шаг за шагом знакомится читатель с государственной деятельностью Джан Галеаццо, с его дипломатическими уловками и войнами, рассказ о которых до-

статочно подробен и во многих частях совершенно нов.

Однако, давая интересное и свежее изложение фактической стороны жизни и деятельности Джан Галеаццо, автор совершенно не старается поместить сообщаемые им факты в определённую историческую атмосферу, не даёт никаких характеристик государств и городов, постоянно упоминаемых, ни словом не оживляет многочисленные имена политических и военных деятелей, которыми нестрит изложение. Благодаря этому книга, которую специалист по истории итальянского Возрождения, историк, хорошо знакомый с такими фигурами, как, к примеру, Альберико да Барбиано или Паоло Гвиниджи, прочтёт с захватывающим интересом, будет лишь наполовину понятна историку средних веков и совсем мало что скажет просто образованному читателю. Такие книги для «узких специалистов», фактологические и сухие, оставляют впечатление некоторой неполноценности.

Неполноценность эта особенно ярко сказывается в последней, заключительной главе книги, посвящённой выводам. Они чрезвычайно расплывчаты и неопределённы — то ли автор считает Джан Галеаццо осторожным политиком (стр. 306), неспособным на мечты об объединении всего Апеннинского полуострова под своей властью, то ли он, наоборот, считает его лелеющим такие планы или, во всяком случае, смело стремящимся создать государство нового, более совершенного, чем раньше, типа, охватывающее значительную часть Италии (стр. 318—319).

Недостатком книги является также краткость и поверхностность изложения там, где автор касается внутренней политики Джан Галеаццо, экономической и социальной базы его власти. Хотя по этому вопросу автор воспользовался хорошими работами Тальябуэ и особенно Барбиери³, он посвятил этой проблеме только одну главу и немного строк в главах XIII и XXI.

Вызывает возражение несколько раз высказываемое автором утверждение, что тирания Висконти традиционно опиралась на «буржуазия» (стр. 4), т. е. на торгово-ремесленные элементы Милана и его владений. Висконти пришли к власти в конце XIII в. в борьбе с Делла Торре, являвшимися ставленниками торгово-ремесленной коммуны, пришли как представители военно-феодалного слоя населения. Правда, в дальнейшем наиболее разумные из них стремились задобрить богатых купцов и ремесленников (особенно оружейников), без которых благосостояние было невозможным. Но от этих вынужденных поправок до опоры на определённый социальный слой дистанция достаточно велика.

Зато новы и ценны изложенные в книге факты из области внешней политики Джан

¹ Эти статьи, общим числом семнадцать, напечатаны в различных журналах, главным образом в «Archivio Storico Lombardo».

² Noël Valois «La France et le grand schisme d'Occident». 4 vols. Paris. 1896—1902; Michel de Bouard «La France et l'Italie au temps du grand schisme d'Occident». Paris. 1936; Léon Mirot «La politique française en Italie de 1380 à 1422», p. I. Paris. 1934.

³ Tagliabue M. «La politica finanziaria nel governo di Giangaleazzo Visconti» («Bollettino della Società Pavese di storia patria». Vol. XV. 1915); Gino Barbieri «Economia e politica nel ducato di Milano». 1938.

Галеаццо. Центральное место этого внешнеполитического материала подчёркивается и характером двух приложений к книге, посвящённых: одно — отношениям Джан Галеаццо с Пьемонтом в последнее десятилетие правления «доблестного герцога» и второе — болонскому заговору в 1389 г. и роли, которую в нём играл Джан Галеаццо.

Главным образом внешнеполитические вопросы освещают также публикуемые в книге ранее не изданные документы, общим числом шестнадцать, из которых пятнадцать относятся к политике Висконти в Тоскане и только один, правда, весьма интересный

(№ 13), — к внутренней его политике. Документ этот — заимствованное из рукописей Парижской национальной библиотеки письмо властей Павии секретарю и правой руке герцога Франческо Барбавара, датированное 30 марта 1389 года. Письмо восхваляет благотворные результаты внутренней политики Джан Галеаццо, в частности новой системы налогового обложения.

Книга снабжена хорошо выполненным портретом герцога, пятью картами, двумя генеалогическими таблицами и таблицей дипломатических брачных предложений в годы 1380—1382.

Проф. М. Гуковский

STENTON F. M. „*Anglo-Saxon England*“. Oxford. 1913. 748 p. The Oxford History of England. Vol. II, ed. by G. № Clark.

СТЕНТОН Ф. *Англо-саксонский период в истории Англии.*

Вышедший в годы второй мировой войны новый том большой исторической серии «Оксфордская история Англии», издающейся Оксфордским университетом под редакцией Кларка, принадлежит перу крупного современного английского специалиста-медиевиста Ф. М. Стентона. Кроме названного тома по истории Англии в англо-саксонский период, Стентону принадлежит несколько других крупных работ по истории раннего английского феодализма: «The Types of Manorial structure» (1910), «The Danelaw charters» (1920), «The Danes in England» (1927), «The first century of English Feodalism» (1932) и др. Стентон был учеником П. Г. Виноградова по его оксфордскому семинарию. Первая из перечисленных ранних работ Стентона была напечатана в «Oxford Studies in social and legal History», vol. II, издававшихся самим Виноградовым.

Рецензируемая книга «Англо-Саксонская Англия» несколько выходит из рамок обычной хронологии. Кроме собственно англо-саксонского периода, она включает и всё правление Вильгельма Завоевателя. Книга состоит из 18 глав: I. Век переселения. II. Королевства южных англвов. III. Английская Нортумбрия. IV. Обращение в христианство. V. Английская церковь от Феодора до Бонифация. VI. Образование и литература ранней Англии. VII. Возвышение королей Мерсии. VIII. Век Альфреда. IX. Структура раннего английского общества. X. Завоевание скандинавской Англии. XI. Упадок английской монархии. XII. Англия и скандинавский мир. XIII. Реформация X века. XIV. Англия перед нормандским завоеванием. XV. Последние годы старого английского государства. XVI. Нормандское завоевание. XVII. Нормандское устройство. XVIII. Реорганизация английской церкви. Эпilog: Англо-нормандское государство. К книге приложена обширная библиография источников и литературы вопроса.

Книга Стентона, основанная частью на его собственных, оригинальных исследованиях, частью на исследованиях других современных учёных Англии, даёт богатейший и всесторонний материал по политической, цер-

ковной, культурной и социально-экономической истории Англии V—XI веков. Особенно интерес представляют главы о социально-экономическом развитии англо-саксонской и ранненормандской Англии, с чем советский читатель достаточно знаком по работам Виноградова, Ковалевского, Петрушевского. В остальных главах также содержится свежий конкретный материал, который с большой пользой может быть использован при работе над лекционными курсами, в семинарах и т. д.

В первых трёх главах Стентоном излагается история переселения и завоевания Британии англо-саксами и основание многочисленных (свыше 12) англо-саксонских королевств.

Главы IV—VI посвящены истории распространения христианства среди англо-саксов и развитию в связи с этим культуры, в частности появлению первой англо-саксонской письменности. В истории христианизации Англии автору удалось ярко показать борьбу двух течений — ирландского (независимого от Рима, но связанного с христианским Востоком) и римско-католического. В объединении англо-саксонских церквей большую роль сыграл архиепископ Фёдор, католик, связанный организационно с Римом, но по происхождению грек, уроженец г. Тарса (стр. 135).

В связи с развитием христианства в Англии возникало много монастырей. Стентон показывает их связь с развивавшимся крупным светским землевладением. Часто монастыри основывались лордами и представляли собою своего рода семейные владения, переходившие, как и прочие владения знати, по наследству. Очень многие монастыри, не зависевшие вначале от местных лордов, быстро попадали под их патронат. Интересна отмечаемая автором временность монашеских обетов в первые столетия англо-саксонской церкви. Уход из монастыря «в мир» считался почти обычным явлением (стр. 163). Монастыри вели большую миссионерскую работу среди местного языческого населения, долго ещё хранившего свою прежнюю веру. Интенсивная миссионерская деятельность англо-саксонских монахов у себя на родине объясняет и тот факт, что впоследствии, в

Галеаццо. Центральное место этого внешнеполитического материала подчёркивается и характером двух приложений к книге, посвящённых: одно — отношениям Джан Галеаццо с Пьемонтом в последнее десятилетие правления «доблестного герцога» и второе — болонскому заговору в 1389 г. и роли, которую в нём играл Джан Галеаццо.

Главным образом внешнеполитические вопросы освещают также публикуемые в книге ранее не изданные документы, общим числом шестнадцать, из которых пятнадцать относятся к политике Висконти в Тоскане и только один, правда, весьма интересный

(№ 13), — к внутренней его политике. Документ этот — заимствованное из рукописей Парижской национальной библиотеки письмо властей Павии секретарю и правой руке герцога Франческо Барбавара, датированное 30 марта 1389 года. Письмо восхваляет благотворные результаты внутренней политики Джан Галеаццо, в частности новой системы налогового обложения.

Книга снабжена хорошо выполненным портретом герцога, пятью картами, двумя генеалогическими таблицами и таблицей дипломатических брачных предложений в годы 1380—1382.

Проф. М. Гуковский

STENTON F. M. „*Anglo-Saxon England*“. Oxford. 1913. 748 p. The Oxford History of England. Vol. II, ed. by G. № Clark.

СТЕНТОН Ф. *Англо-саксонский период в истории Англии.*

Вышедший в годы второй мировой войны новый том большой исторической серии «Оксфордская история Англии», издающейся Оксфордским университетом под редакцией Кларка, принадлежит перу крупного современного английского специалиста-медиевиста Ф. М. Стентона. Кроме названного тома по истории Англии в англо-саксонский период, Стентону принадлежит несколько других крупных работ по истории раннего английского феодализма: «The Types of Manorial structure» (1910), «The Danelaw charters» (1920), «The Danes in England» (1927), «The first century of English Feodalism» (1932) и др. Стентон был учеником П. Г. Виноградова по его оксфордскому семинарию. Первая из перечисленных ранних работ Стентона была напечатана в «Oxford Studies in social and legal History», vol. II, издававшихся самим Виноградовым.

Рецензируемая книга «Англо-Саксонская Англия» несколько выходит из рамок обычной хронологии. Кроме собственно англо-саксонского периода, она включает и всё правление Вильгельма Завоевателя. Книга состоит из 18 глав: I. Век переселения. II. Королевства южных англвов. III. Английская Нортумбрия. IV. Обращение в христианство. V. Английская церковь от Феодора до Бонифация. VI. Образование и литература ранней Англии. VII. Возвышение королей Мерсии. VIII. Век Альфреда. IX. Структура раннего английского общества. X. Завоевание скандинавской Англии. XI. Упадок английской монархии. XII. Англия и скандинавский мир. XIII. Реформация X века. XIV. Англия перед нормандским завоеванием. XV. Последние годы старого английского государства. XVI. Нормандское завоевание. XVII. Нормандское устройство. XVIII. Реорганизация английской церкви. Эпilog: Англо-нормандское государство. К книге приложена обширная библиография источников и литературы вопроса.

Книга Стентона, основанная частью на его собственных, оригинальных исследованиях, частью на исследованиях других современных учёных Англии, даёт богатейший и всесторонний материал по политической, цер-

ковной, культурной и социально-экономической истории Англии V—XI веков. Особенно интерес представляют главы о социально-экономическом развитии англо-саксонской и ранненормандской Англии, с чем советский читатель достаточно знаком по работам Виноградова, Ковалевского, Петрушевского. В остальных главах также содержится свежий конкретный материал, который с большой пользой может быть использован при работе над лекционными курсами, в семинарах и т. д.

В первых трёх главах Стентоном излагается история переселения и завоевания Британии англо-саксами и основание многочисленных (свыше 12) англо-саксонских королевств.

Главы IV—VI посвящены истории распространения христианства среди англо-саксов и развитию в связи с этим культуры, в частности появлению первой англо-саксонской письменности. В истории христианизации Англии автору удалось ярко показать борьбу двух течений — ирландского (независимого от Рима, но связанного с христианским Востоком) и римско-католического. В объединении англо-саксонских церквей большую роль сыграл архиепископ Фёдор, католик, связанный организационно с Римом, но по происхождению грек, уроженец г. Тарса (стр. 135).

В связи с развитием христианства в Англии возникало много монастырей. Стентон показывает их связь с развивавшимся крупным светским землевладением. Часто монастыри основывались лордами и представляли собою своего рода семейные владения, переходившие, как и прочие владения знати, по наследству. Очень многие монастыри, не зависевшие вначале от местных лордов, быстро попадали под их патронат. Интересна отмечаемая автором временность монашеских обетов в первые столетия англо-саксонской церкви. Уход из монастыря «в мир» считался почти обычным явлением (стр. 163). Монастыри вели большую миссионерскую работу среди местного языческого населения, долго ещё хранившего свою прежнюю веру. Интенсивная миссионерская деятельность англо-саксонских монахов у себя на родине объясняет и тот факт, что впоследствии, в

VIII в., проповедниками для обращения в христианство фризов и зарейнских саксов приглашались монахи из Англии. Виллиброд, проповедник у фризов, и Внифрид Бонифаций — у саксов, ценились Каролингами как самые опытные миссионеры, облегчавшие франкским правителям расширение их политического влияния за Рейном (стр. 169—170).

Характеризуя просветительную деятельность ранних англо-саксонских монастырей, Стентон останавливается больше всего на деятельности кентерберийской школы, основанной Феодором, и особенно на школах Нортумбрии, откуда вышли знаменитый Беда, автор «*Historia ecclesiastica anglorum*» (около 731 г.) и не менее известный Алкуин (Йоркская школа), который «оказал громадное влияние на всю каролингскую литературу» (стр. 188—189).

Большой интерес для изучения англо-саксонской культуры раннего периода представляют две светские поэмы, написанные на англо-саксонском наречии и относящиеся приблизительно к концу VII и первой половине VIII века. Это «*Beowulf and Widsits*» и «*Dream of the Rood*». Первая даёт яркое изображение древнеязыческого германского эпоса; вторая интересна своим бытовым материалом, дающим представление об условиях жизни раннего англо-саксонского свободного крестьянина — кёрла (стр. 191—192).

В дальнейших, VII—VIII главах Стентон излагает процесс объединения англо-саксонских королевств и одновременно развёртывавшейся борьбы англо-саксов с датским вторжением. Главное значение царствования Экберта (объединявшего под своей властью всю Англию) Стентон усматривает именно в том, что только благодаря своему объединению Англия могла долго противостоять последующим датским нашествиям (стр. 235). Но особенно высоко Стентон ставит, естественно, короля Альфреда. «Со времени смерти Карла Великого Западная Европа не знала такого энергичного государя» (стр. 266). Между прочим, Стентон считает, что правильной датой смерти Альфреда был не 901 или 900 (как обычно даётся в учебниках), а 899 год (стр. 266).

Наибольший интерес представляет глава IX, рисующая социальную структуру раннего англо-саксонского общества. Ученик Виноградова, Стентон, в сущности, развивает здесь виноградовскую характеристику англо-саксонского общества, лишь конкретизируя и дополняя её новыми документальными данными, пушенными в оборот учёными в последние десятилетия. Как и Виноградов, Стентон исходит из представления об англо-саксонском обществе как обществе, основу которого составляет свободное крестьянство: «Базис кентского общества времени короля Этельберта явно составляют свободные крестьяне-землеуладельцы, не претендующие на знатное происхождение, но не подчиняющиеся никакому лорду, кроме короля» (стр. 274). Основой хозяйственного благополучия англо-саксонского крестьянина был большой земельный надел «гайда», называющийся в латинских документах «семейным наделом». Раз-

мер гайда чаще всего был около 120 акров (около 40 га), но иногда достигался до 400 акров (преимущественно в юго-западной Англии). В Кенте, где крестьянство было особенно крепким, надел, так называемый «сулдинг», равнялся даже 200 акрам. У крестьян существовала община. Один из параграфов законов вессекского короля Инны прямо гласил: «Если какие-либо кёрлы огородили общее пастбище или какую-либо свою долю земли... то пусть они возместят тем другим (кёрлам), которые от этого потеряли убыток» (стр. 276—277). Система открытых полей была распространена в большей части Англии, за исключением Кента и отдельных (не всех) районов Восточной Англии.

Опираясь на новейшие исследования исторической географии Англии, Стентон указывает на обилие лесов в Англии в англо-саксонский период. Лесные массивы проходили с крайнего северо-запада и до юго-востока через всю Среднюю Азию. Народ селился главным образом по долинам рек. Основной формой поселения было село. Встречались и хутора, но они лишь дополняли деревню. «Не ферма, а село (*the village*) составляло основу социальной организации на протяжении всей древней английской истории» (стр. 283). На основании исчезновения старой фирмы (*feohin*), налога, получавшегося королём натурой, продуктами, Стентон определяет и размеры англо-саксонского села. Судя по королевским хартиям, в селе было 5, 10, 20, а иногда 30, 40 и даже 60 гайд. В таких компактных селениях обычно происходили старые деревенские сходы (*a primitive township moot*), о которых упоминают законы различных англо-саксонских королей (стр. 283—284). Интересный подсчёт числа гайд (по которому можно судить и о числе семей, проживавших тогда в разных племенных королевствах уже после объединения их в одно единое королевство) Стентон даёт на основании одной хроники X века: Мерсия — 66 тыс. гайд, Восточная Англия — 30 тыс., Кент — 15 тыс., Вессекс — наиболее крупное королевство — 100 тыс. и т. д. (стр. 292). Цифры, конечно, не точные, а приблизительные, округлённые, всё же они дают некоторое представление о количественном соотношении населения разных частей англо-саксонского государства.

Уже в англо-саксонский период свободное крестьянство начало терять свою независимость. Англо-саксонские короли щедро раздавали земли, в том числе населённые свободными крестьянами, своим дружинникам, предоставляя последним сбор с населения королевской фирмы в их (частных землевладельцев) пользу, допуская и узаконяя момент частного покровительства над крестьянами. Констатируя этот факт, Стентон, однако, неправильно расценивает его как «неопасный» и даже «выгодный для крестьян». По его мнению, крестьяне, не увеличивая своих платежей (фирма по размерам оставалась прежней), получали близкого покровителя, способного защищать их лучше, чем далеко находящийся от них король (стр. 303). В действительности неизбежным следствием этого процесса обычно была потеря крестьянской независимости. Во всяком случае, к

концу X в., вынужден признать и сам Стентон, «book-land (частная, с божественной землей, владение которой имел иммунитетную хартию. — book, по тогдашней терминологии) была так же распространена, как и крестьянская народная земля (folk-land), ещё не попавшая в руки лордов (стр. 305).

Главы X—XIII рассказывают о дальнейшей борьбе англо-саксов с датчанами, вначале удачной — при первых преемниках Альфреда Великого. В тот период натиск датчан был ослаблен. В царствование сына Альфреда — Эдуарда Старшего — Вессексу снова подчинилась вся территория до р. Гумберта. Он контролировал также Восточную Англию. Сын Эдуарда Старшего и внук Альфреда — Этельстан, — установивший гегемонию почти над всем островом, возобновил широкие дипломатические отношения с континентальной Европой, породнился с Каролингами и Робертинами во Франции, вступил одновременно в родственные связи с феодальными правящими домами Фландрии, Лотарингии, Германии (император Оттон I первым браком был женат на его сестре).

Но далее последовали неудачи. Причины их Стентон усматривает частью в новых нашествиях датчан, в особенности в факте усиления соседнего датско-скандинавского королевства, частью в упадке самой королевской власти в Англии в результате возвышения знати. Могущественные эльдромены, владевшие целыми бывшими королевствами (герцоги — *duces*, как иногда они называются в документах), отказывали королю в подчинении, легко переходили на сторону датчан, вели междоусобные войны друг с другом. В этих условиях длительное царствование короля Этельреда II (978—1016) закончилось полной катастрофой. Англия была завоевана королём Канутом Датским. Стентону удалось ярко показать, каким великим национальным несчастьем были набеги датчан конца X — начала XI в. для Англии, когда датский флот в течение десятилетий безнаказанно грабил английское побережье, когда англичане должны были откупаться от датчан громадными суммами денег и в конце концов всё же были завоеваны.

Власть Канута придавила Англию. Она должна была уплачивать датчанам тяжёлые налоги, датские фамилии, близкие к королю, захватили много земель не только на востоке, но и на юге Англии. При дворе короля были и англо-саксы, но преобладали датчане. Некоторой компенсацией для англичан было, впрочем, оживление торговли с континентом, которой покровительствовал Канут. В самом облике англо-датского короля Стентон сумел подчеркнуть некоторые колоритные черты. Варвар, только недавно обратившийся в христианство, открыто сохранявший ещё полигамию в своём семейном быту, Канут сумел, однако, установить широкие международные связи и таким образом снова включить Англию в европейскую систему (стр. 401). Однако Стентон несогласен с тем, кто видит в деятельности Канута хорошо обдуманый план создания «великого северного королевства». «Его (Канута) большое государство образовалось без всякого плана, и едва ли он сам был уверен в прочности своей мо-

нархии! ...Он смотрел на себя как на государя отдельных народов — англичан, датчан, норвежцев, но сомнительно, чтобы он был уверен в том, что они останутся объединёнными после его смерти» (стр. 400). Действительно в 1042 г. сын Этельреда II — Эдуард Исповедник — почти без всякого сопротивления с чьей-либо стороны занял английский престол.

Последний раздел — XIV—XVIII главы — характеризует состояние Англии перед нормандским завоеванием, описывает подробно самое завоевание 1066 г. и характеризует новый нормандский порядок (нормандское устройство). Здесь прежде всего дан большой очерк англо-датских порядков в северо-восточной части Англии, так называемой полосе датского права (*Danelaw*). Автор подчёркивает сохранявшуюся ещё в этой области устойчивость крестьянского хозяйства. По сравнению уже с ослабевшим к этому времени англо-саксонским крестьянством, крестьяне «датской полосы» представляли собою как бы «аристократическое крестьянство», «ещё почти совершенно не захваченное рутиной манорциальной дисциплины» (стр. 518). Не то было в собственно Англии. Здесь «процесс от свободы к рабству» зашёл в XI в. уже достаточно далеко. «Многие тысячи англов, вергельд которых был формально 200 шилл., были уже обязаны недельной барщиной в поместьях частных лордов» (стр. 464). Стентон полагает, что многие факторы привели к депрессии англо-саксонское крестьянство. Но основной причиной, по его мнению, была система открытых полей, которая будто бы мешала развитию индивидуальной предприимчивости крестьянина и тем самым обрекала его на низкий жизненный уровень (!). Конечно, это утверждение Стентона совершенно неправильно. Система открытых полей вовсе не изжила себя ни в X, ни в XI, ни даже в следующих веках. Достаточно указать на тот факт, что в средние века (в XIII—XV вв.) при этой же системе в Англии замечался общий большой подъём сельского хозяйства. Только с конца XV, в XVI и далее в XVII—XVIII веках, в связи с развитием уже капиталистических отношений, общинная система действительно стала тормозом в развитии производительных сил молодого капиталистического общества. Дело было не в открытых общинных полях, а в другом — в обеднении англо-саксонского крестьянства, что было прямым результатом процесса внутреннего грабежа, и лишения и закабаления со стороны собственной знати и внешнего — длительных датских набегов и причиняемых ими разорений.

В частности о датских набегав автор правильно пишет, что нападения различных банд (датских и др.) доводили кёрла до нищеты. Зарегистрированы факты отдачи кёрлами себя под покровительство лордов буквально за кусок хлеба (стр. 464). Анализируя известный документ «*Rectitudines singularium Personarum*» (около 1000 г.), Стентон приходит к выводу, что гсбуры, обязанные двух — трёхдневной недельной барщиной, «помочамни» и другими повинностями: сидящие на гос-

подской земле, вероятно, составили уже большинство населения центральной и южной Англии. Среди них были отпущенные на волю рабы, но, несомненно, очень многие гебуры были потомками свободных людей, вынужденных отдать по тем или иным мотивам свою землю лорду (стр. 469).

При характеристике нормандского завоевания Стентон уделяет большое внимание международной обстановке. Англии в середине XI в. угрожала норвежская опасность. На этой почве при Эдуарде Исповеднике неоднократно велись переговоры о союзе с Нормандией. И это также давало Вильгельму Нормандскому один из поводов к вторжению в Англию. Другим важным, по мнению Стентона, моментом, использованным Вильгельмом, было бессилие Германии, которая в середине XI в. переживала кризис в связи с несовершеннолетием Генриха IV. Вильгельм выгодно использовал момент для нападения на Англию, тогда, когда вновь избранный Гарольд, сын Годвина, пошёл походом на север против норвежского короля (вместе с которым действовал и родной брат Гарольда — Тостиг).

Другое, на что Стентон обратил внимание в походе нормандцев в Англию, — это мотивы, толкавшие их на завоевание острова. Войско Вильгельма состояло из прекрасно вооружённых рыцарей, только частью нормандцев, наполовину же французских, аквитанских, фландрских, сицилийских и прочих авантюристов, жаждавших земель, движимой добычи и т. п. Большая часть их не имела на родине сколько-нибудь достаточного земельного обеспечения. Обстановка, так напоминающая подготовку крестовых походов

на восток, начавшихся всего 30 лет спустя!

«Нормандское устроение» автор рисует как жёсткий, военный, суровый режим. Подавляющая масса англо-саксонских землевладельцев лишалась своих земель (особенно в результате восстаний против Вильгельма в 70-х годах XI в.). Была полностью сменена администрация, светская и церковная. Только немногие из старых англо-саксонских тэнов вступили в ранг баронов. Многие из них должны были покинуть родную страну и пойти служить в чужие земли, в частности в Византию. И для народных масс «чужая аристократия» была тяжёлым бременем. По мнению Стентона, грубые, воинственные, мало что сделавшие в области искусства и науки, нормандцы были тем не менее в политическом отношении «мастерами своего дела». Они ввели в Англию свою феодальную систему, это было «настоящей революцией» для страны. Созданное ими сильное англо-нормандское государство открывало новую эру в истории Англии (стр. 677—678).

Такова интересная книга об одном из ранних периодов истории Англии, в освещении которой сказывается, с одной стороны, влияние крупнейшего русского учёного средневековья П. Г. Виноградова, с другой — чувствуются отголоски прошедшей второй мировой войны 1939—1945 годов. В свете переживаний современной войны автор смог особенно живо и ясно представить себе прошлую борьбу английского народа с его многочисленными врагами, терзавшими его родину на заре складывания английского общества и государства.

Проф. В. Семёнов

РОТШТЕЙН Ф., акад. *Две прусские войны*. Издательство Академии наук СССР. 1945. 183 стр. Тираж 5000 экз. Цена 11 руб.

Книга акад. Ф. А. Ротштейна представляет один из выпусков научно-популярной серии «Война и мир» («Войны и мирные договоры нового времени»), выпускаемой под редакцией акад. Ф. А. Ротштейна издательством Академии наук СССР.

Автор следующим образом определяет актуальность избранной им темы: «История двух прусских войн: австро-прусской 1866 г. и франко-прусской 1870—1871 гг. — есть, по существу, история территориального и политического возвышения Пруссии и захвата ею власти над всей Германией. В этом заключается интерес излагаемых здесь событий для настоящего момента, когда подводится роковой итог всему существованию этого разбойничьего государства» (стр. 3).

Книга акад. Ротштейна задумана и выполнена в очень широком плане. Истории войн 1866 и 1870—1871 гг. автор предпосылает обзор истории возвышения Пруссии, её соперничества с Австрией, её борьбы за гегемонию в Германии, её взаимоотношений с другими европейскими государствами, её захватнической политики задолго до решающих столкновений с Австрией и Францией. Особую главу посвящает автор позиции

Пруссии во время польского восстания, шлезвиг-голландскому вопросу и датской войне 1864 года. Благодаря такому построению книги читатель получает ясное представление об исторических корнях и дипломатической подготовке обеих войн, о соотношении сил между борющимися сторонами, а также о характере государств, воевавших между собой в 1866 г. и в 1870—1871 годах. Много внимания уделяется в книге вопросу о своеобразии исторического развития Германии, вопросу о роли в ней Пруссии и прусского юнкерства. «Пруссия от начала до конца оставалась самым хищническим и наиболее воинственным и милитаризованным государством не только в Германии, но и во всей Европе. Всё для войны, всё для расширения за счёт других государств, для грабежа чужих территорий и народов — таков был руководящий государственный принцип Пруссии» (стр. 18). Этот вывод автора полностью соответствует исторической действительности, так же, как и другой его вывод — о том, что даже тогда, когда капиталистические интересы стали в Германии преобладающими, «власть оставалась в руках юнкерского класса» и «их

подской земле, вероятно, составили уже большинство населения центральной и южной Англии. Среди них были отпущенные на волю рабы, но, несомненно, очень многие гебуры были потомками свободных людей, вынужденных отдать по тем или иным мотивам свою землю лорду (стр. 469).

При характеристике нормандского завоевания Стентон уделяет большое внимание международной обстановке. Англии в середине XI в. угрожала норвежская опасность. На этой почве при Эдуарде Исповеднике неоднократно велись переговоры о союзе с Нормандией. И это также давало Вильгельму Нормандскому один из поводов к вторжению в Англию. Другим важным, по мнению Стентона, моментом, использованным Вильгельмом, было бессилие Германии, которая в середине XI в. переживала кризис в связи с несовершеннолетием Генриха IV. Вильгельм выгодно использовал момент для нападения на Англию, тогда, когда вновь избранный Гарольд, сын Годвина, пошёл походом на север против норвежского короля (вместе с которым действовал и родной брат Гарольда — Тостиг).

Другое, на что Стентон обратил внимание в походе нормандцев в Англию, — это мотивы, толкавшие их на завоевание острова. Войско Вильгельма состояло из прекрасно вооружённых рыцарей, только частью нормандцев, наполовину же французских, аквитанских, фландрских, сицилийских и прочих авантюристов, жаждавших земель, движимой добычи и т. п. Большая часть их не имела на родине сколько-нибудь достаточного земельного обеспечения. Обстановка, так напоминающая подготовку крестовых походов

на восток, начавшихся всего 30 лет спустя!

«Нормандское устроение» автор рисует как жёсткий, военный, суровый режим. Подавляющая масса англо-саксонских землевладельцев лишалась своих земель (особенно в результате восстаний против Вильгельма в 70-х годах XI в.). Была полностью сменена администрация, светская и церковная. Только немногие из старых англо-саксонских тэнов вступили в ранг баронов. Многие из них должны были покинуть родную страну и пойти служить в чужие земли, в частности в Византию. И для народных масс «чужая аристократия» была тяжёлым бременем. По мнению Стентона, грубые, воинственные, мало что сделавшие в области искусства и науки, нормандцы были тем не менее в политическом отношении «мастерами своего дела». Они ввели в Англию свою феодальную систему, это было «настоящей революцией» для страны. Созданное ими сильное англо-нормандское государство открывало новую эру в истории Англии (стр. 677—678).

Такова интересная книга об одном из ранних периодов истории Англии, в освещении которой сказывается, с одной стороны, влияние крупнейшего русского учёного средневековья П. Г. Виноградова, с другой — чувствуются отголоски прошедшей второй мировой войны 1939—1945 годов. В свете переживаний современной войны автор смог особенно живо и ясно представить себе прошлую борьбу английского народа с его многочисленными врагами, терзавшими его родину на заре складывания английского общества и государства.

Проф. В. Семёнов

РОТШТФЙН Ф., акад. *Две прусские войны*. Издательство Академии наук СССР. 1945. 183 стр. Тираж 5000 экз. Цена 11 руб.

Книга акад. Ф. А. Ротштейна представляет один из выпусков научно-популярной серии «Война и мир» («Войны и мирные договоры нового времени»), выпускаемой под редакцией акад. Ф. А. Ротштейна издательством Академии наук СССР.

Автор следующим образом определяет актуальность избранной им темы: «История двух прусских войн: австро-прусской 1866 г. и франко-прусской 1870—1871 гг. — есть, по существу, история территориального и политического возвышения Пруссии и захвата ею власти над всей Германией. В этом заключается интерес излагаемых здесь событий для настоящего момента, когда подводится роковой итог всему существованию этого разбойничьего государства» (стр. 3).

Книга акад. Ротштейна задумана и выполнена в очень широком плане. Истории войн 1866 и 1870—1871 гг. автор предпосылает обзор истории возвышения Пруссии, её соперничества с Австрией, её борьбы за гегемонию в Германии, её взаимоотношений с другими европейскими государствами, её захватнической политики задолго до решающих столкновений с Австрией и Францией. Особую главу посвящает автор позиции

Пруссии во время польского восстания, шлезвиг-голлштинскому вопросу и датской войне 1864 года. Благодаря такому построению книги читатель получает ясное представление об исторических корнях и дипломатической подготовке обеих войн, о соотношении сил между борющимися сторонами, а также о характере государств, воевавших между собой в 1866 г. и в 1870—1871 годах. Много внимания уделяется в книге вопросу о своеобразии исторического развития Германии, вопросу о роли в ней Пруссии и прусского юнкерства. «Пруссия от начала до конца оставалась самым хищническим и наиболее воинственным и милитаризованным государством не только в Германии, но и во всей Европе. Всё для войны, всё для расширения за счёт других государств, для грабежа чужих территорий и народов — таков был руководящий государственный принцип Пруссии» (стр. 18). Этот вывод автора полностью соответствует исторической действительности, так же, как и другой его вывод — о том, что даже тогда, когда капиталистические интересы стали в Германии преобладающими, «власть оставалась в руках юнкерского класса» и «их

осуществлялись те же юнкера в своём, юнкерском, духе, своими, юнкерскими, методами» (стр. 19).

Хотя книга экад. Ротштейна задумана как популярный очерк и написана без научного аппарата, в основе её лежит большой документальный материал, извлечённый из мемуарной литературы, из дипломатической переписки, из периодической печати, из специальных исследований.

Ясность изложения и доходчивость языка, отличающие всё написанное Ф. А. Ротштейном, делают эту книгу хорошим пособием для самообразования широкого круга читателей. С большим интересом прочтут эту работу и специалисты: они найдут в ней и новый фактический материал и новое освещение ряда вопросов.

Особенно удалась автору центральные части книги — главы, непосредственно относящиеся к истории обеих войн. Подробное описание хода событий и тщательный анализ международной политики удачно сочетаются в книге Ф. А. Ротштейна с последовательной критикой немецких реакционных историков, извращавших дипломатию Бисмарка в шовинистически-прусском духе. Характерный пример такой критики находим на стр. 89, где автор, ссылаясь на воспоминания итальянского премьер-министра Ламармора и содержащийся в них доклад его уполномоченного генерала Говоне (от 3 июля 1866 г.) о беседе с Бисмарком, доказывает, что Бисмарк соглашался тогда отдать Наполеону III «требуемые им территориальные компенсации между Мозелем и Рейном: Пфальц, Ольденбург и даже часть рейнской Пруссии, включая части округов Кобленца и Трира, которые расположены на правом берегу Мозеля». Сам Бисмарк и его апологеты впоследствии категорически отрицали этот факт, сильно компрометирующий «национального героя», каким всегда изображали «железного канцлера» немецкие реакционные фальсификаторы истории, — и всё же достоверность этого факта не подлежит сомнению.

Другой характерный пример такой критики находим на стр. 116—117, где речь идёт о связи между австро-прусской и франко-прусской войнами. Здесь автор убедительно опровергает утверждения Бисмарка, писавшего, что «сама логика истории» требовала, чтобы за войной против Австрии последовала война против Франции. «Логика истории», диктовавшая войну с Францией, — доказывает Ф. А. Ротштейн, — была другая: сами южные государства, народы и государи, не хотели подставлять шею под прусское ярмо, и именно для того, чтобы загнать их под это ярмо, нужна была «национально-оборонительная» война». Факты и документы, приводимые автором, подтверждают, что антипрусские настроения в государствах Южной Германии были достаточно сильны: «Бисмарк серьёзно опасался, что южногерманские государства могут в критический момент отказаться от своих обязательств по конвенциям, и грозил Баварии в случае чего поделить её между Австрией и Северогерманским

союзом. Между тем пятилетний срок конвенций истекал в 1871 г., и поэтому надо было действительно торопиться, пока они ещё действовали. Вот в этом именно заключалась «логика истории», а не в угрозе французской агрессии или каких-либо других обстоятельствах, не подлежащих контролю Бисмарка».

Много места отведено в книге Ф. А. Ротштейна анализу вопроса о гогенцоллернской кандидатуре как поводе к возникновению франко-прусской войны. Автор подробно излагает дипломатические переговоры, связанные с этой кандидатурой, подробно описывает провокационные действия Бисмарка, выразившиеся в фальсификации «эмесской депеши». «Прусско-патриотические историки, — указывает Ф. А. Ротштейн, — не раз делали попытку доказать, что редакция, которой подверглась знаменитая телеграмма, являлась не фальсификацией её, а лишь сокращением» (стр. 138). Эти утверждения противоречат фактам. Из сопоставления двух текстов «эмесской депеши», которые для наглядности приводит автор (стр. 137), ясно видно, как грубо и злобно была «отредактирована» Бисмарком эта телеграмма. Князь Антон Гогенцоллерн-Зигмаринген, отец принца Леопольда, много лет спустя, в беседе с одним германским дипломатом «обвинял Бисмарка в том, что он выдвинул кандидатуру [Леопольда] и использовал её преднамеренно и исключительно с целью создать из неё повод к войне с Францией». «Как бы прусские историки, прошедшие бисмарковскую школу фальсификации, ни изворачивались, а от этого уничтожающего свидетельского показания им не уйти!» — замечает по этому поводу Ф. А. Ротштейн (стр. 141).

Страницы, посвящённые дипломатической предистории франко-прусской войны, читаются с особым интересом. К сожалению, автор упустил здесь некоторые важные документы, использование которых сделало бы нарисованную им картину ещё более полной и ещё более точной. Отсутствует, например, упоминание о докладной записке Бисмарка королю Вильгельму от февраля 1870 г., в которой доказывалось, какое существенное значение будет иметь для Пруссии воцарение в Мадриде принца Леопольда: это было бы, писал Бисмарк, равносильно образованию против Франции, наряду с западным (рейнским) фронтом, южного (пиренейского) фронта, что резко ухудшило бы стратегическое положение Франции и заставило бы её раздробить свои силы¹.

Политика Франции накануне войны освещена в книге гораздо более бегло, чем политика Пруссии. Обойдены молчанием планы французского правительства, направленные к тому, чтобы помешать завершению «опрусачения Германии» (планы создания «Южногерманского союза», в противовес «Северогерманскому союзу»). Не упомянуты про-

¹ Keudell Robert «Fürst und Fürstin Bismarck. Erinnerungen aus den Jahren 1846 bis 1872», L. 430—433. Berlin und Stuttgart. 1902.

екты тройственного соглашения между Францией, Австро-Венгрией и Италией, выработанные в 1869 г. и возобновлённые в 1870 г. с целью помешать Пруссии объединить под своим главенством всю Германию и осуществить агрессивные действия в Европе¹.

Ничего не говорится о миссии принца Наполеона, командированного в августе 1870 г. во Флоренцию для переговоров по вопросу о привлечении Италии к союзу с Францией². Впрочем, самый факт переговоров с Италией отмечен. Зато не отмечены усилия дипломатии Наполеона III, направленные к тому, чтобы втянуть в войну Данию обещанием возврата ей Шлезвига и Голштинии (о переговорах по этому вопросу между французским министром иностранных дел герцогом де Грамон и датским посланником в Париже графом Мольтке-Хвитфельдом говорится в донесении этого последнего министру иностранных дел Дании барону Розенерн-Лен от 18 июля 1870 г.). Остались неиспользованными интересные донесения французского посла в Петербурге генерала Флери³, проливающие яркий свет на причины дружественного отношения русского правительства к Пруссии, которая избежала благодаря этому войны на два фронта; из этих донесений видно, между прочим, что первоначальные намерения Австро-Венгрии поддержать Францию были парализованы Россией, пригрозившей венскому правительству оккупацией Галиции. Об этом упоминается и в рецензируемой книге, но как-то глухо.

Общеизвестно, что одной из причин враждебных отношений между Францией и Пруссией, начиная с 1815 г., был так называемый рейнский вопрос, что стремление отодвинуть восточную границу Франции до Рейна играло крупную роль во французской внешней политике и в XVIII, и в XIX, и в XX вв., что в 1840 г. дело едва не дошло из-за этого до войны между Францией и Пруссией, что и в 1870 г. этот вопрос имел известное значение в конфликте между обоими государствами, приведшем к войне. Однако в книге Ф. А. Ротштейна этот вопрос остался почти не освещённым. Между тем документы, опубликованные немецким историком Г. Онкеном⁴, хотя они и подобраны тенденциозно, всё же свидетельствуют о том, что сбрасывать этот вопрос со счетов при описании предистории франко-прусской войны никак не приходится. Среди этих документов имеются, в частности,

¹ См. об этом в книге Tessier J. «La plan de l'archiduc Albert et le projet de triple alliance austro-franco-italienne au mars-juin 1870». Caen. 1903. Правда, эти проекты остались неосуществлёнными.

² Его донесения опубликованы в книге «Napoléon III et le prince Napoléon. Correspondance inedite publié par Ernest d'Hauteville». Paris. 1925.

³ Fleury, comte «La France et la Russie en 1870». Paris. 1902.

⁴ Oncken Hermann «Die Rheinpolitik Kaiser Napoleons III von 1863 bis 1870 und der Ursprung des Krieges von 1870—71». Bd. III. Berlin — Leipzig. 1926.

статьи из французских газет бонапартистского направления (вряде статьи Гранье де Кассаньяка от 5 июля 1870 г. в «Le Pays»), утверждавших, что левый берег Рейна должен принадлежать Франции, и грозивших Пруссии войной во имя достижения этой цели. Решающего значения в развязывании войны летом 1870 г. «рейнский вопрос» не имел, и называть эту войну, как это делают некоторые историки (например швейцарский полковник Рюстов), «войной за рейнскую границу» было бы неправильно. Но упомянуть об этих притязаниях, по нашему мнению, было всё же безусловно необходимо.

Необходимо было также, как нам кажется, более резко подчеркнуть связь между внутренним положением Второй империи к концу 60-х годов и внешней политикой французского правительства, рассчитывавшего обуздать рабочее движение и республиканскую оппозицию с помощью успешно проведённых авантур на международной арене. Один из советников Наполеона III, Сильвестр де Сасы, так характеризовал впоследствии эти расчёты правящих кругов наполеоновской Франции: «Я не воспротивился внешней войне, ибо она казалась мне последним ресурсом и единственным средством спасения империи... Со всех сторон появились самые грозные признаки гражданской и социальной войны... Буржуазия помещалась на каком-то неутолимом революционном либерализме, а население рабочих городов — на социализме. Именно тогда император рискнул решительной ставкой — войной против Пруссии»⁵. Провокация Бисмарка, выразившаяся в фальсификации «эмской депеши», потому и увенчалась сразу полным успехом, что бонапартовская клика, стоявшая у власти во Франции, в поисках выхода из острых внутренних затруднений, «с лёгким сердцем» (по выражению министра Эмиля Оливье) ринулась в войну, к которой страна вопреки утверждениям её бездарных и невежественных генералов и дипломатов была тогда совершенно не подготовлена.

Много внимания уделено в книге второму этапу войны, начавшемуся после седанской катастрофы и падения империи. Автор говорит о симпатиях прогрессивных людей всей Европы к республиканской Франции в её борьбе против прусского нашествия, но не упоминает о самом ярком проявлении этих симпатий — об участии Гарибальди в борьбе против немцев. Описание военных действий не входило в задачу автора книги, зато дипломатическая деятельность этого периода освещена довольно подробно. Но и тут гораздо больше сказано о дипломатии немцев, чем о дипломатии французов. Слишком мало говорится о поездке Тьера по европейским дворам (в частности о его пребывании в Петербурге); ничего не сказано о ноте графа Шодорди по поводу немецких зверств на оккупированных территориях Франции и о впечатлении, которое эта нота произвела в других странах. Не приведены

⁵ Silvestre de Sacy «Lettres à ma fille, 1862—1878». — «Revue des Deux Mondes», I novembre 1926.

высказывания Маркса и Энгельса о варварских, специфически прусских методах ведения войны против Франции в 1870—1871 годах¹. Автор прав, сближая предательство маршала Базена в 1870 г. с предательством маршала Петэна в 1940—1944 гг. (стр. 157); прав он и в том, что предательство последнего затмило предательство первого (коммунистическая партия Франции в своей пропагандистской литературе периода оккупации, говоря о Петэне, нередко называла его «Базен-Петэн»). Не мешало бы, однако, упомянуть о посреднической роли генерала Бурбаки, бывшего командующего французской императорской гвардией, в переговорах, которые велись между запертым в Меце Базеном и находившейся в Лондоне эксимператрицей Евгенией².

Автор правильно отмечает и правильно объясняет дружественную Пруссии позицию правящих кругов России в войне 1870—1871 годов. Следовало бы, однако, добавить, что Александр II всё же неодобрительно отнёсся к первоначальным намерениям Бисмарка потребовать у побеждённой Франции контрибуцию в сумме 7 млрд. фр. (это заставило германского канцлера удовольствоваться 5 млрд.) и что вокруг наследника престола (будущий Александр III) группировались люди, которые с тревогой взирали на военные и политические успехи Пруссии и справедливо усматривали во вновь созданной Германской империи серьёзную угрозу интересам России. Стремление парировать эту угрозу делало этих людей уже тогда сторонниками сближения с Францией. Но, конечно, ещё гораздо сильнее (и под влиянием мотивов иного порядка) франкофильские настроения проявлялись среди передовой общественности Петербурга и Москвы, — достаточно вспомнить хотя бы замечательное стихотворение Курочкина «За которую из двух?» (1871).

Известно, какую видную роль сыграла германская интервенция в подавлении Парижской коммуны. В книге Ф. А. Ротштейна эта тема изложена, по нашему мнению, слишком бегло (всего на полтора страницах). Автор не использовал почему-то документальных материалов, имеющих по этому вопросу в нашей литературе (в моей книге на эту тему, вышедшей в свет в 1939 г.).

Яркое впечатление производит заключительная глава книги, где подводятся политические итоги войн Бисмарка для Германии и всей Европы. Акад. Ротштейн приводит здесь интереснейшие высказывания ряда современников о характере Германской империи, возникшей в 1871 году. «Обшитый парламентскими формами, смешанный с феодальными придатками, уже находящийся

под влиянием буржуазии, бюрократически сколоченный, полицейски охраняемый военный деспотизм» — так характеризовал эту империю Маркс³. Проницательный русский публицист Е. И. Утин писал: «Поглощение Германии Пруссией означало бы создание в центре Европы такой державы, которая своим абсолютизмом и милитаризмом неминуемо затормозит развитие свободной политической жизни, которая усилит в центре Европы то злое начало, которое можно охарактеризовать одним словом — реакция». «Германизация Пруссии, — писал со своей стороны принц Альберт, муж королевы Виктории, — является условием её величия и силы, а также умиротворения Германии; наоборот, стремление опруссачить Германию является слабостью как Пруссии, так и Германии». Приводит Ф. А. Ротштейн и слова князя Александра Гогенлоэ (сын бывшего канцлера князя Хлодвига Гогенлоэ), который в своих вышедших в 1925 г. мемуарах отмечал, что «вся бисмарковская империя была не чем иным, как Великопруссией» (стр. 166). Тот же Гогенлоэ, переживший царствование Вильгельма II, поражение Германии в 1918 г. и первые годы Веймарской республики, с тревогой писал, что гегемония прусского юнкерства в Германии, сохранившаяся в ней и после первой мировой войны, чревата «большими несчастьями» для этой страны.

«Гогенлоэ не ошибся, — замечает автор, — ни в своём диагнозе, ни в своих опасениях: именно на прусско-юнкерской почве, целиком сохранившейся и при шейдемановском республиканском режиме, мог ещё в 90-х годах прошлого века создаться особый, германский тип империализма, наиболее агрессивный из всех видов империализма, и только на этой почве могла в наши дни сложиться, захватить власть и ввергнуть весь мир и самую Германию в бездну беспримерного ужаса и несчастья кровавая гитлеровская партия — та партия, которая, по определению товарища Сталина, есть «партия империалистов, притом наиболее хищнических и разбойничьих империалистов среди всех империалистов мира»⁴. Таков конечный вывод Ф. А. Ротштейна, полностью соответствующий исторической действительности и прочно вошедший в сознание советских людей, переживших вторую мировую войну. Верны и другие общие выводы автора рецензируемой книги.

Известные возражения вызывают лишь некоторые из его частных выводов. Так, например, сопоставляя позицию России в шлезвиг-голлштинском вопросе в 1849 г. с её позицией в том же вопросе в 1864 г., автор утверждает, что отказ России в 1864 г. повторить своё выступление 1849 г. в защиту Дании объясняется польским восстанием, рассорившим Россию с Англией и Францией и сблизившим Россию с Пруссией (см. стр. 67). Этому объяснения, думает-

¹ См., например, письмо Маркса Кугельману от 13 декабря 1870 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVI, стр. 80.

² Характерно, что некоторые новейшие французские исследователи пытаются обелить Базена и объяснить его поведение в 1870 г. не предательством, а неспособностью, военными просчётами. Такова, например, концепция Elie Reuget, автора вышедшей в 1932 г. книги «Bazaine à Metz».

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XV, стр. 284.

⁴ И. Сталин «О Великой Отечественной войне Советского Союза», стр. 27. М. 1946. 5-е изд.

ей нам, недостаточно; главное заключалось в том, что после поражения, понесённого в Крымской войне, Россия не могла диктовать свою волю немецким государствам в такой мере, как она это делала раньше. Другой пример: говоря о вмешательстве Николая I в австро-прусский конфликт 1850 г., автор не вскрывает настоящих причин, побудивших царя стать на сторону Австрии (стр. 45). Обычно в исторической литературе такую позицию русского правительства объясняли и объясняют тем, что Австрийская империя, как абсолютистское государство, пользовалась большими симпатиями при петербургском дворе, чем Пруссия, ставшая с 1848 г. конституционной монархией. Однако дело было не столько в этом, сколько в том, что Пруссия с её стремлением объединить под своим главенством раздробленные государства Германии представляла определённую угрозу для России, в интересах которой было, напротив, сохранение политической раздробленности Германии. Австрия 1850 г., которая была слабее Пруссии не только в

военном, но и в политическом отношении, Австрия, которая лишь благодаря помощи России справилась с национально-освободительным движением в Венгрии, добивавшейся отделения от Габсбургской монархии, не могла, разумеется, претендовать, да и не претендовала в тот момент на создание единой Германии под своим главенством. Николай I это отлично понимал: именно поэтому он и склонился на сторону Вены и расстроил великодержавные замыслы Берлина.

Мы отметили некоторые недостатки и некоторые пробелы, имеющиеся в книге акад. Ф. А. Ротштейна. Их очень немного, и они ни в какой степени не умаляют крупных достоинств этого труда, представляющего ценный вклад в нашу литературу по истории дипломатии нового времени.

Остаётся пожалеть, что эта интересная и полезная книга издана столь ограниченным тиражом, и выразить пожелание, чтобы она была в скором времени переиздана.

Проф. А. Молок

Histories and historians of Hispanic America by A. Curtis Wilgus Ph. D. The N. W. Wilson publishing company. New York. 1942, 114 p.

А. Кёртис Уилгёс. *Исторические работы и историки Испанской Америки.*

Перед нами второе, расширенное издание книги, впервые вышедшей в свет в 1936 году¹. В США часто вместо термина Латинская Америка употребляется термин Испанская Америка². Так поступает и автор данной работы, включающий в свой обзор не только историографию испано-американских стран в точном смысле слова, но и историографию Бразилии, население которой, как известно, говорит на португальском языке, а также историографию республики Гаити, государственным языком которой является французский.

Работа А. К. Уилгёса представляет собой библиографический справочник о книгах по истории стран Латинской Америки, написанных как уроженцами данных стран так и иностранцами.

Как указывает автор в предисловии, справочник не претендует на исчерпывающую полноту. В нём указаны лишь ведущие труды и опущены второстепенные сочинения. Может быть, в этом отношении автора можно упрекнуть в несколько излишней строгости отбора. Например, в справочнике опущена книга «Historia del desarrollo industrial de Chile» por Oscar Alvarez Andrews. Santiago. 1936 (А. О. Андревс «История индустриального развития Чили»), изданная

чилийским обществом содействия развитию фабрично-заводской промышленности («Sociedad de Fomento Fabril»), работа объёмом в 386 страниц, получившая первую премию на конкурсе в честь 50-летия общества «Sociedad de Fomento Fabril».

В справочнике указываются годы рождения и смерти каждого историка, о некоторых историках приводятся кроме того те или иные краткие данные. Указывается место и год издания исторических работ, время написания (если произведение не сразу было опубликовано) и перечисляются последующие издания.

Книга состоит из пяти глав, из которых первая отведена историкам, жившим в XVI в., вторая—историкам XVII в. и т. д., кончая XX веком.

В каждой главе сначала перечисляются работы, посвящённые отдельным проблемам истории Латинской Америки в целом, а потом труды по истории отдельных латиноамериканских стран.

В конце книги приложен перечень ряда библиографических работ по Латинской Америке.

Книга весьма наглядно показывает, что в крупных государствах Латинской Америки сложилась довольно значительная историческая литература, созданная национальными историками. В некоторых латиноамериканских странах это вызвало уже потребность в составлении очерков истории развития отечественной исторической науки, например в Аргентине ещё в 1925 г. Romulo D. Carbia опубли-

¹ Издания 1936 г. в наших библиотеках нет.

² Например выходящий с 1918 г. в США журнал по истории латиноамериканских стран носит название «Hispanic American Historical Review».

ей нам, недостаточно; главное заключалось в том, что после поражения, понесённого в Крымской войне, Россия не могла диктовать свою волю немецким государствам в такой мере, как она это делала раньше. Другой пример: говоря о вмешательстве Николая I в австро-прусский конфликт 1850 г., автор не вскрывает настоящих причин, побудивших царя стать на сторону Австрии (стр. 45). Обычно в исторической литературе такую позицию русского правительства объясняли и объясняют тем, что Австрийская империя, как абсолютистское государство, пользовалась большими симпатиями при петербургском дворе, чем Пруссия, ставшая с 1848 г. конституционной монархией. Однако дело было не столько в этом, сколько в том, что Пруссия с её стремлением объединить под своим главенством раздробленные государства Германии представляла определённую угрозу для России, в интересах которой было, напротив, сохранение политической раздробленности Германии. Австрия 1850 г., которая была слабее Пруссии не только в

военном, но и в политическом отношении, Австрия, которая лишь благодаря помощи России справилась с национально-освободительным движением в Венгрии, добивавшейся отделения от Габсбургской монархии, не могла, разумеется, претендовать, да и не претендовала в тот момент на создание единой Германии под своим главенством. Николай I это отлично понимал: именно поэтому он и склонился на сторону Вены и расстроил великодержавные замыслы Берлина.

Мы отметили некоторые недостатки и некоторые пробелы, имеющиеся в книге акад. Ф. А. Ротштейна. Их очень немного, и они ни в какой степени не умаляют крупных достоинств этого труда, представляющего ценный вклад в нашу литературу по истории дипломатии нового времени.

Остаётся пожалеть, что эта интересная и полезная книга издана столь ограниченным тиражом, и выразить пожелание, чтобы она была в скором времени переиздана.

Проф. А. Молок

Histories and historians of Hispanic America by A. Curtis Wilgus Ph. D. The N. W. Wilson publishing company. New York. 1942, 114 p.

А. Кёртис Уилгёс. *Исторические работы и историки Испанской Америки.*

Перед нами второе, расширенное издание книги, впервые вышедшей в свет в 1936 году¹. В США часто вместо термина Латинская Америка употребляется термин Испанская Америка². Так поступает и автор данной работы, включающий в свой обзор не только историографию испано-американских стран в точном смысле слова, но и историографию Бразилии, население которой, как известно, говорит на португальском языке, а также историографию республики Гаити, государственным языком которой является французский.

Работа А. К. Уилгёса представляет собой библиографический справочник о книгах по истории стран Латинской Америки, написанных как уроженцами данных стран так и иностранцами.

Как указывает автор в предисловии, справочник не претендует на исчерпывающую полноту. В нём указаны лишь ведущие труды и опущены второстепенные сочинения. Может быть, в этом отношении автора можно упрекнуть в несколько излишней строгости отбора. Например, в справочнике опущена книга «Historia del desarrollo industrial de Chile» por Oscar Alvarez Andrews. Santiago. 1936 (А. О. Андревс «История индустриального развития Чили»), изданная

чилийским обществом содействия развитию фабрично-заводской промышленности («Sociedad de Fomento Fabril»), работа объёмом в 386 страниц, получившая первую премию на конкурсе в честь 50-летия общества «Sociedad de Fomento Fabril».

В справочнике указываются годы рождения и смерти каждого историка, о некоторых историках приводятся кроме того те или иные краткие данные. Указывается место и год издания исторических работ, время написания (если произведение не сразу было опубликовано) и перечисляются последующие издания.

Книга состоит из пяти глав, из которых первая отведена историкам, жившим в XVI в., вторая—историкам XVII в. и т. д., кончая XX веком.

В каждой главе сначала перечисляются работы, посвящённые отдельным проблемам истории Латинской Америки в целом, а потом труды по истории отдельных латиноамериканских стран.

В конце книги приложен перечень ряда библиографических работ по Латинской Америке.

Книга весьма наглядно показывает, что в крупных государствах Латинской Америки сложилась довольно значительная историческая литература, созданная национальными историками. В некоторых латиноамериканских странах это вызвало уже потребность в составлении очерков истории развития отечественной исторической науки, например в Аргентине ещё в 1925 г. Romulo D. Carbia опубли-

¹ Издания 1936 г. в наших библиотеках нет.

² Например выходящий с 1918 г. в США журнал по истории латиноамериканских стран носит название «Hispanic American Historical Review».

ковал «Historia de la historiografia argentina». В 1939 г. книга вышла вторым, переработанным изданием под заглавием «Historia critica de la historiografia argentina». Там же с 1936 г. выходит многотомная коллективная «Historia de la nación argentina» под редакцией Левене.

Следует отметить, что, кроме работ по политической истории, в Латинской Америке выходит довольно значительное количество книг по истории культуры этих стран. Среди исследований этого рода следует отметить труд профессора экономической истории в Сан-Паулу — Симонсена¹ — по экономической истории колониальной Бразилии, труд, получивший широкую известность (Roberto C. Simonsen «Historia economica do Brazil 1500 — 1820». São Paulo. 1937).

К сожалению, в наших научных библиотеках почти нет книг по истории государств Латинской Америки, написанных национальными историками этих стран на испанском (и португальском — в Бразилии)

¹ Проф. Р. Симонсен занимает кафедру экономической истории Бразилии в Escola Livre de Sociologia e politica de São Paulo (Свободная школа социальных и политических наук в Сан-Паулу).

языках. Аналогичное положение наблюдается и в отношении литературы по экономике и географии Латинской Америки. Например, в наших библиотеках отсутствуют такие солидные труды, как четырехтомник Alejandro Bunge «Economía Argentina», который, судя по рецензиям в зарубежной прессе, весьма богат фактически материалами о народном хозяйстве и экономической истории Аргентины. В наших книгохранилищах нет также фундаментального руководства по географии Бразилии Вейга Кабрала («Compendio de Chorographia do Brazil» por Dr. Mario da Veiga Cabral. Rio de Janeiro. 1936. 629 p.).

Та небольшая литература, которая имеется в наших книгохранилищах по странам Латинской Америки, состоит в основном из книг, написанных на английском языке и изданных в США.

Нашим научным библиотекам безусловно следует обратить серьезное внимание на приобретение произведений национальных историков Латинской Америки. Книга А. К. Уилгеса может послужить в этом деле весьма полезным руководством. Для всех, интересующихся историей латиноамериканских стран, она, конечно, является ценным пособием.

В. Яцунский

Kosciuszko in the American revolution. By Mieislavs Haimian. Polish institute of Arts and Sciences in America. New York City. 1943. 198 p.

ГЕЙМАН М. *Косцюшко в американской революции*

В 1944 г. исполнилось сто пятьдесят лет со дня восстания Тадеуша Косцюшко. Эта знаменательная дата побудила М. Геймана заняться изучением роли и значения Косцюшко в американской революции, тем более что польская историография до сих пор мало касалась этого вопроса, сосредоточив своё внимание главным образом на деятельности Косцюшко в польском восстании 1794 года.

Первая научная биография Косцюшко, составленная на основании огромного документального материала, была опубликована Т. Корзоном ещё в 1894 году¹. Большой труд выдающегося представителя новой польской историографии сохраняет своё научное значение и в настоящее время. Службе Косцюшко в Америке Т. Корзон посвятил отдельную главу. Вполне понятно, что Т. Корзон, не имея под руками документального американского материала, мог осветить роль Косцюшко в американской революции только в общих чертах.

Более поздний биограф Т. Косцюшко — Феликс Конечный — в своём труде «Тадеуш Косцюшко. К сотой годовщине смерти начальника» уделил очень мало внимания жизни и деятельности Косцюшко в Амери-

ке². Этот существенный пробел в историографии о Косцюшко частично был восполнен Владиславом Козловским, который для собирания материалов о Косцюшко совершил путешествие в Америку. Он отразил деятельность Т. Косцюшко в Америке в ряде ценных публикаций, а именно: «Первый год американской службы Косцюшко», «Последние годы американской службы Косцюшко», «Косцюшко в West Point», «Вашингтон и Косцюшко»³. Эта последняя статья была опубликована после смерти автора, последовавшей в 1939 году. Наконец, тот же автор посвятил отдельную статью вторичному посещению Америки Косцюшко⁴.

² Konieczny F. «Tadeusz Kosciuszko. Na setna rocznice zgonu nacelnika». 2. wyd. Poznan. 1922.

³ Kozlowski W. «Pierwszy rok sluzby amerykanskiej». «Przeglad Historyczny». Warszawa. T. IV. 1909; «Ostatnie lata amerykanskiej sluzby Kosciuszki». Ibidem. T. XIII, 1818; «Kosciuszko w West Point», ibidem, t. X, 1915; «Washington and Kosciuszko». Annals of the Polish Roman Catholic Union Archives and Museum, Chicago. 1942.

⁴ Kozlowski W. «Pobyt Kosciuszki i Niemcewicza w Ameryce (w latach 1797 i 1798)».

¹ К. «Kosciuszko Biografia z dokumentów wysnuta». Krakow. 1894.

ковал «Historia de la historiografia argentina». В 1939 г. книга вышла вторым, переработанным изданием под заглавием «Historia critica de la historiografia argentina». Там же с 1936 г. выходит многотомная коллективная «Historia de la nación argentina» под редакцией Левене.

Следует отметить, что, кроме работ по политической истории, в Латинской Америке выходит довольно значительное количество книг по истории культуры этих стран. Среди исследований этого рода следует отметить труд профессора экономической истории в Сан-Паулу — Симонсена¹ — по экономической истории колониальной Бразилии, труд, получивший широкую известность (Roberto C. Simonsen «Historia economica do Brazil 1500 — 1820». São Paulo. 1937).

К сожалению, в наших научных библиотеках почти нет книг по истории государств Латинской Америки, написанных национальными историками этих стран на испанском (и португальском — в Бразилии)

¹ Проф. Р. Симонсен занимает кафедру экономической истории Бразилии в Escola Livre de Sociologia e politica de São Paulo (Свободная школа социальных и политических наук в Сан-Паулу).

языках. Аналогичное положение наблюдается и в отношении литературы по экономике и географии Латинской Америки. Например, в наших библиотеках отсутствуют такие солидные труды, как четырехтомник Alejandro Bunge «Economía Argentina», который, судя по рецензиям в зарубежной прессе, весьма богат фактически материалами о народном хозяйстве и экономической истории Аргентины. В наших книгохранилищах нет также фундаментального руководства по географии Бразилии Вейга Кабрала («Compendio de Chorographia do Brazil» por Dr. Mario da Veiga Cabral. Rio de Janeiro. 1936. 629 p.).

Та небольшая литература, которая имеется в наших книгохранилищах по странам Латинской Америки, состоит в основном из книг, написанных на английском языке и изданных в США.

Нашим научным библиотекам безусловно следует обратить серьезное внимание на приобретение произведений национальных историков Латинской Америки. Книга А. К. Уилгеса может послужить в этом деле весьма полезным руководством. Для всех, интересующихся историей латиноамериканских стран, она, конечно, является ценным пособием.

В. Яцунский

Kosciuszko in the American revolution. By Mieislavs Haimian. Polish institute of Arts and Sciences in America. New York City. 1943. 198 p.

ГЕЙМАН М. *Косцюшко в американской революции*

В 1944 г. исполнилось сто пятьдесят лет со дня восстания Тадеуша Косцюшко. Эта знаменательная дата побудила М. Геймана заняться изучением роли и значения Косцюшко в американской революции, тем более что польская историография до сих пор мало касалась этого вопроса, сосредоточив своё внимание главным образом на деятельности Косцюшко в польском восстании 1794 года.

Первая научная биография Косцюшко, составленная на основании огромного документального материала, была опубликована Т. Корзоном ещё в 1894 году¹. Большой труд выдающегося представителя новой польской историографии сохраняет своё научное значение и в настоящее время. Службе Косцюшко в Америке Т. Корзон посвятил отдельную главу. Вполне понятно, что Т. Корзон, не имея под руками документального американского материала, мог осветить роль Косцюшко в американской революции только в общих чертах.

Более поздний биограф Т. Косцюшко — Феликс Конечный — в своём труде «Тадеуш Косцюшко. К сотой годовщине смерти начальника» уделил очень мало внимания жизни и деятельности Косцюшко в Амери-

ке². Этот существенный пробел в историографии о Косцюшко частично был восполнен Владиславом Козловским, который для собирания материалов о Косцюшко совершил путешествие в Америку. Он отразил деятельность Т. Косцюшко в Америке в ряде ценных публикаций, а именно: «Первый год американской службы Косцюшко», «Последние годы американской службы Косцюшко», «Косцюшко в West Point», «Вашингтон и Косцюшко»³. Эта последняя статья была опубликована после смерти автора, последовавшей в 1939 году. Наконец, тот же автор посвятил отдельную статью вторичному посещению Америки Косцюшко⁴.

² Konieczny F. «Tadeusz Kosciuszko. Na setna rocznice zgonu naczelnika». 2. wyd. Poznan. 1922.

³ Kozlowski W. «Pierwszy rok sluzby amerykanskiej». «Przegląd Historyczny». Warszawa. T. IV. 1909; «Ostatnie lata amerykanskiej sluzby Kosciuszki». Ibidem. T. XIII, 1818; «Kosciuszko w West Point», ibidem, t. X, 1915; «Washington and Kosciuszko». Annals of the Polish Roman Catholic Union Archives and Museum, Chicago. 1942.

⁴ Kozlowski W. «Pobyt Kosciuszki i Niemcewicza w Ameryce (w latach 1797 i 1798)».

¹ К. «Kosciuszko Biografia z dokumentów wysnuta». Krakow. 1894.

Из позднейших работ о Косцюшко заслуживает внимания труд А. Скальковского «Косцюшко в освещении новых исследований»¹. Однако эта работа была встречена отрицательно в польской историографии как неудачная попытка осветить личность и деятельность Т. Косцюшко, без того романтического ореола, каким она до сих пор была окружена.

О пребывании Т. Косцюшко в Америке и об его участии в американской революции некоторые данные сообщает доктор А. Каганович в вступительной статье к каталогу выставки, открытой в Нью-Йорке в 1927 году². Из иностранных работ о Косцюшко наиболее интересным является труд Моникки Гарднер «Косцюшко. Биография» (1920)³. Впрочем, он не представляет большой научной ценности. М. Гарднер в основном использовала труд Корзона.

По справедливому мнению Геймана, все известные работы об американском периоде жизни и деятельности Косцюшко не дают полного освещения, поскольку в руках исследователей не было американских документов. Следует отдать должное энергии М. Геймана, который после длительных и тщательных поисков собрал огромный материал. В этом отношении труд американского исследователя следует считать едва ли не исчерпывающим.

В своём труде Гейман исследует только период участия Косцюшко в американской революции 1776—1784 гг., который в известной степени характеризует политические настроения будущего вождя восстания 1794 года. Второй период пребывания Косцюшко в Америке после упадка восстания, в 1797—1798 гг., интересен как показатель установившихся связей между ним и США. К этому времени относится его длительная дружественная переписка с Томасом Джефферсоном.

В своём исследовании Гейман, с одной стороны, стремится выяснить роль и значение Косцюшко в революционной войне, когда он мог раскрыть своё военно-инженерное дарование, а с другой — показать отношение к Косцюшко тех лиц, с которыми он сталкивался. Гейман иллюстрирует свои наблюдения показаниями источников, официальными документами, частной перепиской, мемуарами участников революционной войны. Сплотить и рядом письма Косцюшко и его корреспондентов автор приводит полностью без всякого их анализа, предоставляя читателю самому анализировать сообщаемые автором документы. Было бы целесообразным, если бы автор всю эту переписку опубликовал в виде приложения к своему исследованию, ограничившись в нём лишь общими выводами, вытекающими из использованных им документов.

¹ Skalkowski A. «Kosciuszko, w swietle nowych badan. Poznan, 1924.

² Memorial exhibitum. Thadeusz Kosciuszko. Revered Polish and American Hero». New York.

³ Gardner M. «Kosciuszko, a biography». London — New York, 1920.

По прибытии в Америку в 1776 г. Косцюшко представил конгрессу, заседавшему в Филадельфии, записку, которая, к сожалению, не сохранилась. 30 августа записка была заслушана конгрессом, затем была направлена в военное министерство. 18 октября последнее уведомило Косцюшко о решении конгресса принять его на службу в качестве инженера с возведением его в ранг полковника с жалованием 60 долларов в месяц (стр. 9). Так началась служба Косцюшко в революционной армии, внесавшая главную страницу в его политическую биографию. Гейман подробно изучает деятельность Косцюшко на полях революционных битв, сначала в северной, а потом в южной армии. Косцюшко приобрёл известность сооружением фортификаций у Саратоги, где была разбита английская армия. Эта победа была своего рода ответом на поражение революционной армии при Тикондероге. Великолепные укрепления были возведены Косцюшко в West Point, важном стратегическом пункте. Такими же высокими качествами отличались и возведённые им укрепления в многочисленных местах сражений, в которых он принимал участие.

Вашингтон и конгресс высоко ценили заслуги Косцюшко. Он был назначен главным инженером южной армии, действия которой имели огромное стратегическое и политическое значение. Во время осады Ninety Six Косцюшко был тяжело ранен, и в Польше распространились слухи о его смерти (стр. 120).

Косцюшко узнал, что генерал Линкольн поднял перед конгрессом вопрос о предоставлении ему звания бригадного генерала. Долгое время вопрос оставался без движения. Конгресс не знал, как поступить, ввиду того, что Косцюшко был иностранцем. 23 апреля 1783 г. Косцюшко написал письмо Вашингтону с просьбой «сказать конгрессу только одно слово в его пользу» (стр. 156). Вашингтон 2 октября 1783 г. написал президенту конгресса: «Я имею смелость послать вашему превосходительству копию письма, которое я получил от полковника Косцюшко по поводу его выдвижения». Вашингтон, свидетельствуя о заслугах и службе Косцюшко, которого он лично знал, рекомендовал его вниманию конгресса (стр. 157).

Впрочем, письмо Вашингтона запоздало. 30 сентября 1783 г. конгресс принял решение о возведении Косцюшко в ранг бригадного генерала и таким образом разрешился вопрос, поднятый ещё в январе 1777 года (стр. 157). Гейман сообщает ценные данные о пребывании Косцюшко в США и об его отъезде в Польшу. Согласно закону 3 февраля 1784 г. Косцюшко был выдан сертификат на сумму 1 228 019 долл. из шести процентов, которые, начиная с 1 января 1784 г. должны были уплачиваться ему ежегодно в Париже (стр. 161). Косцюшко был подарен участок земли в 500 акров, но для него тогда это не имело значения (стр. 163).

15 июля 1781 г. Косцюшко покинул США

(стр. 165). Гейман справедливо отметил, что американская революция решительно изменила характер Косцюшко. Он стал более практическим в своих взглядах. Он возвращается в Польшу «с военным опытом и, что важнее всего, с новыми политическими и социальными убеждениями. Его американский опыт стал основанием будущей его роли в Польше» (стр. 165).

Служба Косцюшко в Америке проходила не всегда в благоприятной обстановке. Были у него завистники и враги. Среди них на первое место надо поставить инженера француза Дюпортайля, постоянно интриговавшего против Косцюшко, тем более, что конгресс предоставил ему звание бригадного генерала, и таким образом Косцюшко оказался его подчинённым (стр. 51—54, 80—81). Другой француз, Радиер, хотя по званию и был ниже Косцюшко, осмеливался не выполнять его распоряжений (стр. 44—51). Едва не кончилось дуэлью столкновение Косцюшко с Джоном Картери, женатым на дочери инженера Шайлера, потерпевшего поражение у Тикондероги в июне 1777 г. и отстранённого от командования армией. Укрепления Тикондероги были сооружены Косцюшко, они высоко оцениваются и современными американскими исследователями (стр. 24), так что в поражении Шайлера Косцюшко не был повинен. При отступлении американской армии, по сви-

детельству генерала Вилкинсона, Косцюшко отличался «распорядительностью». Все эти и другие интриганы не могли подорвать авторитет Косцюшко. Он был очень близок к семье генерала Готеса. Вашингтон очень ценил Косцюшко.

Участники американской революции, объективно относившиеся к Косцюшко, высоко ценили его «энергию», «храбрость», «расположение к людям», «патриотизм», «сознание служебного долга», «скромность», «сочувствие по отношению к рабам», «любовь к кофе» (без кофе он не мог жить), «неупотребление спиртных напитков», «привязанность к Америке». Вашингтон в письме к генералу Готес, при переходе Косцюшко в южную армию, писал: «Я испытываю большое удовлетворение как от общего поведения, так, в частности, и от внимания и усердия, с каким он выполнил долг, порученный ему в West Point» (стр. 99).

Богатый фактическим материалом труд М. Геймана займёт почётное место в историографии о Косцюшко. Для новых биографов Косцюшко исследование М. Геймана будет необходимым пособием при изучении американского периода его жизни. Без участия в американской революции, прославившего имя Косцюшко, последний не стал бы «начальником» восстания 1794 года.

Проф. В. Пичета

ИЗДАНИЯ ПОЛЬСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Двухсотдвадцатилетний юбилей Академии наук СССР, вызвавший такие горячие отклики у учёных всего мира, способствовал и оживлению связей между учёными братских славянских государств. В частности усилился книгообмен между Академией наук СССР, Польской академией наук в Кракове и Сербской академией наук.

Ниже даётся список изданий Польской академии наук, поступивших в фундаментальную библиотеку общественных наук Академии наук СССР. Все эти издания вышли в Кракове в 1939 г. и являются наглядным доказательством широкого размаха научной деятельности Польской академии, прерванной вторжением немецких войск.

Atlas grodzisk i zamczysk Slaskich. Zeszyt I. 91 str.¹

Атлас городищ и замков Силезии. Вып. I.

В книге содержатся две статьи: Якимович Р. «Объяснения к картам I—XXV Атласа городищ и замков Силезии»; Бонк С. «Топонимистическое исследование в районах городищ Силезии». К статье приложен словарь народных прозвищ местностей, упомянутых в работе, и резюме автора на французском языке.

Atlas historyczny polski. Materjaly do sownik historycznogeograficznego wojewodztwa

¹ Место и год издания этого и всех последующих трудов — Краков. 1939.

krakowskiego w dobie sejmu czteroletniego (1788—1792). Pod kierunkiem Wl. Siemkowicza opracowali K. Boczek, Z. Budkowa i in. Zeszyt I. (Adama — Krakow). 144 str.

Исторический атлас Польши. Материалы к историко-географическому словарю Краковского воеводства в эпоху четырёхлетнего сейма (1788—1792). Сост. К. Бучек, З. Будкова и др. под руководством Вл. Семковича. Вып. I.

Книга представляет географический словарь и содержит в алфавитном порядке перечень всех населённых местностей Краковского воеводства на 1788—1792 годы. По каждому населённому пункту приводятся подробные данные о владельцах этого поселения, о количестве проживавших в нём лиц, количестве домов, костёлов, монастырей, заезжих домов, в чём фактическом пользовании они находились (арендатора или собственника), даётся характеристика земельных угодий. Словарь доведён включительно до слова «Краков» и входящих в район Кракова поселений.

Badania prehistoryczne w wojewodztwie Slaskiem w latach 1937—1938. Przeprowadzili R. Jakimowicz, J. Kostrzewski i J. Bartys. 80 str.

Археологические исследования в Силезском воеводстве, проведённые Р. Якимовичем, Ю. Костржевским и Я. Бартышем в 1937—1938 годах.

(стр. 165). Гейман справедливо отметил, что американская революция решительно изменила характер Косцюшко. Он стал более практическим в своих взглядах. Он возвращается в Польшу «с военным опытом и, что важнее всего, с новыми политическими и социальными убеждениями. Его американский опыт стал основанием будущей его роли в Польше» (стр. 165).

Служба Косцюшко в Америке проходила не всегда в благоприятной обстановке. Были у него завистники и враги. Среди них на первое место надо поставить инженера француза Дюпортайля, постоянно интриговавшего против Косцюшко, тем более, что конгресс предоставил ему звание бригадного генерала, и таким образом Косцюшко оказался его подчинённым (стр. 51—54, 80—81). Другой француз, Радиер, хотя по званию и был ниже Косцюшко, осмеливался не выполнять его распоряжений (стр. 44—51). Едва не кончилось дуэлью столкновение Косцюшко с Джоном Картери, женатым на дочери инженера Шайлера, потерпевшего поражение у Тикондероги в июне 1777 г. и отстранённого от командования армией. Укрепления Тикондероги были сооружены Косцюшко, они высоко оцениваются и современными американскими исследователями (стр. 24), так что в поражении Шайлера Косцюшко не был повинен. При отступлении американской армии, по сви-

детельству генерала Вилкинсона, Косцюшко отличался «распорядительностью». Все эти и другие интриганы не могли подорвать авторитет Косцюшко. Он был очень близок к семье генерала Готеса. Вашингтон очень ценил Косцюшко.

Участники американской революции, объективно относившиеся к Косцюшко, высоко ценили его «энергию», «храбрость», «расположение к людям», «патриотизм», «сознание служебного долга», «скромность», «сочувствие по отношению к рабам», «любовь к кофе» (без кофе он не мог жить), «неупотребление спиртных напитков», «привязанность к Америке». Вашингтон в письме к генералу Готес, при переходе Косцюшко в южную армию, писал: «Я испытываю большое удовлетворение как от общего поведения, так, в частности, и от внимания и усердия, с каким он выполнил долг, порученный ему в West Point» (стр. 99).

Богатый фактическим материалом труд М. Геймана займёт почётное место в историографии о Косцюшко. Для новых биографов Косцюшко исследование М. Геймана будет необходимым пособием при изучении американского периода его жизни. Без участия в американской революции, прославившего имя Косцюшко, последний не стал бы «начальником» восстания 1794 года.

Проф. В. Пичета

ИЗДАНИЯ ПОЛЬСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Двухсотдвадцатилетний юбилей Академии наук СССР, вызвавший такие горячие отклики у учёных всего мира, способствовал и оживлению связей между учёными братских славянских государств. В частности усилился книгообмен между Академией наук СССР, Польской академией наук в Кракове и Сербской академией наук.

Ниже даётся список изданий Польской академии наук, поступивших в фундаментальную библиотеку общественных наук Академии наук СССР. Все эти издания вышли в Кракове в 1939 г. и являются наглядным доказательством широкого размаха научной деятельности Польской академии, прерванной вторжением немецких войск.

Atlas grodzisk i zamczysk Slaskich. Zeszyt I. 91 str.¹

Атлас городищ и замков Силезии. Вып. I.

В книге содержатся две статьи: Якимович Р. «Объяснения к картам I—XXV Атласа городищ и замков Силезии»; Бонк С. «Топонимистическое исследование в районах городищ Силезии». К статье приложен словарь народных прозвищ местностей, упомянутых в работе, и резюме автора на французском языке.

Atlas historyczny polski. Materjaly do sownik historycznogeograficznego wojewodztwa

¹ Место и год издания этого и всех последующих трудов — Краков. 1939.

krakowskiego w dobie sejmu czteroletniego (1788—1792). Pod kierunkiem Wl. Siemkowicza opracowali K. Boczek, Z. Budkowa i in. Zeszyt I. (Adama — Krakow). 144 str.

Исторический атлас Польши. Материалы к историко-географическому словарю Краковского воеводства в эпоху четырёхлетнего сейма (1788—1792). Сост. К. Бучек, З. Будкова и др. под руководством Вл. Семковича. Вып. I.

Книга представляет географический словарь и содержит в алфавитном порядке перечень всех населённых местностей Краковского воеводства на 1788—1792 годы. По каждому населённому пункту приводятся подробные данные о владельцах этого поселения, о количестве проживавших в нём лиц, количестве домов, костёлов, монастырей, заезжих домов, в чём фактическом пользовании они находились (арендатора или собственника), даётся характеристика земельных угодий. Словарь доведён включительно до слова «Краков» и входящих в район Кракова поселений.

Badania prehistoryczne w wojewodztwie Slaskiem w latach 1937—1938. Przeprowadzili R. Jakimowicz, J. Kostrzewski i J. Bartys. 80 str.

Археологические исследования в Силезском воеводстве, проведённые Р. Якимовичем, Ю. Костржевским и Я. Бартысем в 1937—1938 годах.

Книга содержит пять статей: Якимович Р. «Отчёт об обследовании Любомского городища в 1938 г.»; Костржевский Ю. «Отчёт об археологических разведках в Силезии в 1937 г.»; Бартысь Я. «Отчёт об районных изысканиях в Силезском воеводстве в 1937—1938 гг.»; его же «Новые приобретения отдела предистории Силезского музея»; его же «Отчёт об археологических исследованиях в Старом Бельске в 1938 г.». Все статьи сопровождаются таблицами и рисунками. Статья Костржевского и последняя статья Бартыся имеют резюме на французском языке.

Chomiński O. Mapa obszaru językowego litewskiego w Rzeczy Pospolitej Polskiej.

Хоминский О. Карта районов распространения литовского языка в Польше.

Ciesielska-Borowska S. Mistycyzm hiszpański na gruncie polskim. 241 str.

Цесельска-Боровска С. Испанский мистицизм на польской почве.

Исследуя вопрос о значительном влиянии испанской культуры на литературные течения в Польше в период XVI и XVII вв., автор приходит к выводу, что это влияние особенно сильно сказалось в развитии в Польше мистико-религиозных идей, распространявшихся благодаря издаваемым в Польше переводам сочинений испанских писателей мистико-аскетического направления. Автор усматривает причины такого распространения этих идей испанских писателей в одинаково сильном влиянии католической церкви и, в частности, деятельности иезуитов, на духовную и политическую жизнь страны и в одинаковой политической судьбе Испании и Польши, достигших в XVI в. зенита своего политического влияния в Европе, и начавшемся в XVII в. упадке этих государств.

Cymowski M. Corpus nummorum Poloniae. Zesz. I. Monety X i XI w.

Гумовский М. Собрание польских монет. Вып. I. Монеты X и XI вв. 233 стр.

Книга содержит подробное описание 1495 монет за период около 200 лет, начиная с Мешка I до конца правления Владислава Германа (ум. в 1102 г.). В этом описании фигурируют монеты как Малой и Великой Польши, так и Поморья, Силезии, а также епископские. В описание вошла также группа монет, не относящихся к Польше, но выбитых с гербом польского Пяста, например, чешская монета Болеслава Храброго.

Estreicher K. Bibliografia polska. Czesé III (obejmująca druki stuleci XV—XVIII w ukadzie abecadowym). Czesci III. T. XXII. lit. Wil—V. Ogolnego zbioru. T. XXXIII. Wyd. S. Estreicher.

Эстрейхер К. Польская библиография. Ч. 3-я (издания XV—XVIII вв. в алфавитном порядке). Т. XXXIII. 474 стр. Изд. Эстрейхер С.

33-й том монументального труда К. Эстрейхера по польской библиографии за период XV—XVIII вв. является посмертным изданием труда составителя, подготовленным к печати его сыном С. Эстрейхером.

Halecki O. Nowe uwagi krytyczne o wycprawie warnenskiej. 80 str.

Галецкий О. Новые критические замечания о варненском походе.

Анализируя опубликованную в 1937 г. румынским учёным Фр. Полем рукопись, автор по-новому рассматривает вопрос о так называемом Сегединском договоре 1443 г., якобы заключённом с турками королём польским (и венгерским) Владиславом III Варненчиком, и приходит к заключению, что договора этого не существовало, ибо проект его не был утверждён королём.

Historja Śląska od najdawniejszych do roku 1400. T. II. Zesz. I. Opracowa T. Silnicki. 380 str.

История Силезии с древнейших времён до 1400 года. Т. II. Вып. I. Составил Т. Сильницкий.

Книга входит в состав серийного издания, посвящённого изучению Силезии. В своей работе автор излагает историю и организацию церкви во Вроцлавской (Бреславльской) епархии, границы которой в основе совпадают с политическими границами Силезии. Выделение истории Вроцлавской епархии из общей истории церкви в Польше, в частности из истории Гнезденской митрополии, в состав которой входила Вроцлавская епархия, автор объясняет некоторым своеобразием истории Вроцлавской епархии, вызванным пограничным положением её и характерными особенностями местного населения.

Kodex dyplomatyczny katedry i diecezji wilenskiej. T. I. Zesz. 2 (1468—1501). Wydali. ks. J. Fialek i W. Semkowicz. 289—608 str. (komisja historyczna P. A. U.).

Собрание документов виленской кафедры и епархии. Т. I. Вып. 2 (1468—1501). Издали Я. Фиалек и В. Семкович.

Второй выпуск содержит 252 документа, в которых приводятся привилегии королей польских и великих князей литовских, данные церквам и монастырям, буллы, индульгенции пап, завещания отдельными верующими имений в пользу церквей и монастырей и т. д.

Komisja historii sztuki. Prace. T. VIII. Zesz. I, 105 str.

Труды комиссии по истории искусства. Т. VIII. Вып. I.

Книга содержит две работы: Прижипковский Т. «Богдан и Крыштоф Любенецкие» (описание жизни и творчества братьев художников поляков-эмигрантов Богдана и Крыштофа Любенецких, проживавших и работавших в Нидерландах во второй половине XVII и начале XVIII в.); Жарнецкий Ю. «Неизвестный бюст Казимира Великого» (описание деревянной скульптуры, находившейся в Вислицком коллегии, а после первой мировой войны помещённой в музей искусств Ягеллонского университета в Кракове). В книге большое количество иллюстраций.

Komisja Historyczna. Archiwum Komisji Historycznej. Seria 2. T. III (ogólnego zbioru, t. XV). 449 str.

Архив исторической комиссии. Серия 2-я. Т. III.

В этом томе помещены следующие рабо-

ты: «Хроника времён Стефана Великого Молдавского» — обработка и публикация О. Гурка; «Отчёты бохнийских соляных копей за время 1394 — 1421» — публикация Я. Карвалинской; «Инструкция по каталогизации рукописей библиотечных собраний, разработанная исторической комиссией Польской академии наук при участии научных обществ и правлений библиотек и архивов Польши»; «Перечень имений и доходов познанских епископов в 1564 г.» — публикация Э. Длугопольского; «Хроника времён короля Стефана Батория, 1575—1585 гг.» — публикация и предисловие Г. Барыча.

K o s t r z e w s k i J. Grode Staropolskie w swietle wyników ostatnich badań wykopaliskowych. 26 str.

К о с т р ж е в с к и й Ю. Старопольские городища в свете результатов последних раскопок.

Доклад, сделанный автором в публичном заседании Польской академии наук 10 июня 1930 года. Анализируя материалы, полученные в результате раскопок, произведённых в Гнезно, Познани, Ополье, автор приходит к выводу, что в районах поселения западных славян — ободритов, силезцев, ополян и др. — уже в VIII и IX вв. существовали города; что с половины X в. города обводились рублеными стенами; что ополяне в VII—X вв. были типичными земледельцами, а не полукочевыми охотниками и рыбаками, как это представляет немецкая археология, и что задолго до колонизации польских земель немецкими поселенцами население Польши было знакомо с разнообразными ремёслами. Отсутствие при раскопках в Познани и Гнезно каких-либо памятников старины скандинавского происхождения, по мнению автора, устраняет всякую возможность делать предположение о Мешке I и его дружине, как о пришельцах-завоевателях, викингах.

K r o n i k a z c z a s ó w k r ó l a S t e f a n a B a t o r e g o. 1557—1582. Wydal i wstepem poprzedzi H. Barycz.

Хроника времён Стефана Батория, 1557—1582. Публикация и предисловие Г. Барыча. 103 стр.

Публикация рукописной хроники на латинском языке, хранящейся в Корницкой библиотеке. Текст хроники снабжён Барычем многочисленными примечаниями. В вступительной статье даётся критический разбор хроники и путём её подробного анализа устанавливается личность автора, которым Г. Барыч считает Гурецкого из Великой Польши — противника политической линии короля Стефана Батория. К книге приложен предметный и общий указатель имён и географических названий.

K r o n i k a z c z a s ó w S t e f a n a W i e l k i e g o M o l d a w s k i e g o (1457 — 1499). Opracował i wydal O. Górka. 118 str.

Хроника времён Стефана Великого Молдавского (1457—1499). Обработал и издал О. Гурка.

Публикация хроники неизвестного автора, составленной на немецком языке, которая в копии обнаружена в архиве Мюнхенской го-

сударственной библиотеки и характеризует картину взаимоотношений Польши с Молдавией. Публикация сопровождается многочисленными примечаниями и большой вступительной статьёй (92 стр.), дающей критический анализ хроники, характеристику политических событий, связанных с излагаемыми в ней сообщениями, и выясняющей политическую тенденцию хроники.

K u t r z e b a S t. Polska Akademia Umiejetnosci, 1872—1938. 51 str.

К у т ш е б а С. Польская академия наук. 1872—1938.

Небольшой исторический обзор деятельности Польской академии наук начиная с 1872 г., когда она получила в основном современную организацию, будучи преобразована из учреждённого в Кракове в 1815 г. Научного общества, связанного с Ягеллонским университетом. Автор, президент Польской академии наук, недавно скончавшийся, даёт характеристику деятельности каждого отдела и учреждения академии.

M o s z y Ń e k i K. Kultura, ludowa sfowfan Czeñs II. Kultura ludowa. Zesz. 2. VII. 723—1642 str.

М о ш и н с к и й К. Народная культура славян. Т. I. Духовная культура. Вып. II.

Книга посвящена рассмотрению проявления духовной культуры славянских народов: поляков, чехов, русских, украинцев, балканских славян и др. В книге освещены вопросы народных знаний (медицинские, географические, метеорологические), вопросы искусства (драма, танец, музыка, украшения), вопросы религии и т. д. Книга богато иллюстрирована рисунками, нотами, картинками. Первый том вышел в свет в 1929 г. также в издании Польской академии наук (710 стр.).

P i w a r s k i K. Królewicz Jakób Sobieski w Olawie. 109 str.

П и в а р с к и й К. Королевич Яков Собеский в Олаве.

На основе архивных материалов, извлечённых из Тайного государственного архива в Берлине, Государственного архива в Вене и других архивов, автор на фоне политических событий второй половины XVII и начала XVIII в. даёт фрагмент биографии сына короля польского Яна Собеского — королевича Якова, — связанный с пребыванием последнего в его олавских (Силезия) владениях.

P o l s k i S ł o w n i k b i o g r a f i c z n y. T. V/1, zesz. 24. Dolski — Jan Drohojowski, 229—384 str.

Польский биографический словарь. Выпуск 24.

Биографии выдающихся деятелей в истории Польши. Особое внимание уделяется деятелям XIX—XX веков. Первый выпуск вышел в 1935 году.

D u r c z e w s k i Z d i s a w. Grupa gornoslasko-malopolska kultury luzickiej w Polsce. 152 str. s kart. (Prace prehistoryczne slaske. 4).

Труды по предистории Силезии. № 4. Лужицкая культура.

Автор поставил себе целью дать исследование о лужицкой культуре и тем восполнить пробел, существующий в польской археологической литературе, бедной научными

исследованиями по этому вопросу. Исследование построено на обильном музейном материале и на результатах последних раскопок (до 1937 г.). Труд включает обследование захоронений, керамики, бронзы, железных изделий, предметов из серебра, стекла, янтаря, а также открытых кладов и даёт обзор раскопок поселений и городищ лужицкой культуры.

Prehistoria ziem polskich. Zesz. I (Encyklopedia polska. T. IV. Czesć. I. Dział V) 359 str.

Предистория польских земель.

Книга представляет один из томов Польской энциклопедии, выходящей в виде серии монографий, и содержит две работы: Круковский С. «Палеолит», Костржевский Ю. «От мезолита до эпохи великого переселения народов». С. Круковский в своей работе использует обильные коллекции и материалы,

характеризующие польский палеолит, в том числе и результаты экспедиции и раскопок 1937 года. К работе приложено большое количество рисунков предметов, найденных при раскопках (49 таблиц). Ю. Костржевский в своей работе преследует цель — дать наиболее полную картину всех предисторических культур на территории Польши (в границах 1939 г.). Особый интерес представляет та часть работы, которая касается вопроса о появлении славян на территории Польши.

Stolyhwo K. Struktura antropologiczna polskiego Slaska. T. I. Materiały antropologiczne. Czesć I. Powiat Pszczynski. 190 str.

Столывов К. Антропологическая структура Польской Силезии. Т. I. Антропологические материалы. Ч. 1-я. Пщинский уезд (Плесс).

Антропологическое обследование населения Пщинского уезда. Многочисленные таблицы и карты сопровождают текст.

Фундаментальная библиотека общественных наук Академии наук СССР

АМЕРИКАНСКИЕ ЖУРНАЛЫ ПО ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

«American Journal of Archaeology». 1945. Vol. XLIX, N I. January — March. Concord, New Hampshire. Rumford press. 1945. 120 p., 7 pl.

«American Journal of Archaeology» в настоящее время занимает ведущее положение в зарубежной археологической науке. В центре внимания журнала — классическая (греческая и римская) археология. В большом разделе — «Археологические новости и дискуссии» — даётся информация международного масштаба о работе археологов по всем разделам истории. Статьи журнала стоят обычно на высоком научном уровне и часто принадлежат перу крупнейших археологов. Однако эти статьи заостряют вопросы формального анализа, хронологии, эстетической оценки, сравнительно редко увязывая вещественные памятники с историей общества.

Svdney Smith «Middle Minoan I—II and Babylone chronology», p. 1—24.

Автор статьи вместе с Олбрайтом и некоторыми другими востоковедами содействовал утверждению в науке новой хронологии древнейшей истории Передней Азии, сокращающей даты более чем на два века, так что, например, царствование Хаммурапи передвигается во вторую половину XVIII в. до н. э. В этой работе, пользуясь археологическими синхронизмами Крита не только с Египтом, но и Передней Азией, он пытается пересмотреть и минойскую хронологию. Автор детально разбирает вопрос хронологии среднеминойского периода, в частности MM I и II (по схеме Эванса). Так, погребение в толосе В в Платаносе (долина Мессары), датировавшееся ранее, в связи с находением в нём цилиндра времени Хам-

мурапи, XXI или XX веком до н. э., относится Смесом к XVIII веку не только ввиду новой датировки вавилонской династии, но на основании детального анализа всего инвентаря толосов В и А. Но поскольку эгейская хронология связана с египетской (у Эванса последняя и лежит в основе первой), автор, считая, что вообще система хронологии Египта, построенная Э. Мейером, потерпела крах, призывает к пересмотру не только ранней минойской, но и египетской хронологии. Статья обнаруживает редкую эрудицию и археологическую зоркость автора. Если снижение дат истории Передней Азии более чем на два века, при сохранении основ хронологии Египта, давало повод к выводу о ведущей роли Египта в истории и культуре древнего Востока, то призыв Смиса к пересмотру схемы Мейера ставит такого рода вывод под сильное сомнение.

Bieber Margerete «Honos and Virtus», p. 25—34.

Автор статьи, широко известный своими трудами по классической археологии, путём сравнения изображений триумфальной процессии на арке Тита и на различных римских монетах и камнях, приходит к выводу, что две фигуры, ведущие лошадей, представляют собой не богиню Рому и Гений римского народа, а военных богов Honos и Virtus. Их статуи стояли в посвящённых им храмах и могли послужить образцами для фигур на арке Тита. Попутно автор доказывает подлинность некоторых камней, считавшихся Петерсоном и Фуртвенглером подделками XVIII века. Статья богато иллюстрирована.

Blegen Carl W. «The roof of the mysenaen megaron». p. 35—44

исследованиями по этому вопросу. Исследование построено на обильном музейном материале и на результатах последних раскопок (до 1937 г.). Труд включает обследование захоронений, керамики, бронзы, железных изделий, предметов из серебра, стекла, янтаря, а также открытых кладов и даёт обзор раскопок поселений и городищ лужицкой культуры.

Prehistoria ziem polskich. Zesz. I (Encyklopedia polska. T. IV. Czesć. I. Dział V) 359 str.

Предистория польских земель.

Книга представляет один из томов Польской энциклопедии, выходящей в виде серии монографий, и содержит две работы: Круковский С. «Палеолит», Костржевский Ю. «От мезолита до эпохи великого переселения народов». С. Круковский в своей работе использует обильные коллекции и материалы,

характеризующие польский палеолит, в том числе и результаты экспедиции и раскопок 1937 года. К работе приложено большое количество рисунков предметов, найденных при раскопках (49 таблиц). Ю. Костржевский в своей работе преследует цель — дать наиболее полную картину всех предисторических культур на территории Польши (в границах 1939 г.). Особый интерес представляет та часть работы, которая касается вопроса о появлении славян на территории Польши.

Stolyhwo K. Struktura antropologiczna polskiego Slaska. T. I. Materiały antropologiczne. Czesć I. Powiat Pszczynski. 190 str.

Столывов К. Антропологическая структура Польской Силезии. Т. I. Антропологические материалы. Ч. 1-я. Пщинский уезд (Плесс).

Антропологическое обследование населения Пщинского уезда. Многочисленные таблицы и карты сопровождают текст.

Фундаментальная библиотека общественных наук Академии наук СССР

АМЕРИКАНСКИЕ ЖУРНАЛЫ ПО ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

«American Journal of Archaeology». 1945. Vol. XLIX, N I. January — March. Concord, New Hampshire. Rumford press. 1945. 120 p., 7 pl.

«American Journal of Archaeology» в настоящее время занимает ведущее положение в зарубежной археологической науке. В центре внимания журнала — классическая (греческая и римская) археология. В большом разделе — «Археологические новости и дискуссии» — даётся информация международного масштаба о работе археологов по всем разделам истории. Статьи журнала стоят обычно на высоком научном уровне и часто принадлежат перу крупнейших археологов. Однако эти статьи заостряют вопросы формального анализа, хронологии, эстетической оценки, сравнительно редко увязывая вещественные памятники с историей общества.

Svdney Smith «Middle Minoan I—II and Babylone chronology», p. 1—24.

Автор статьи вместе с Олбрайтом и некоторыми другими востоковедами содействовал утверждению в науке новой хронологии древнейшей истории Передней Азии, сокращающей даты более чем на два века, так что, например, царствование Хаммурапи передвигается во вторую половину XVIII в. до н. э. В этой работе, пользуясь археологическими синхронизмами Крита не только с Египтом, но и Передней Азией, он пытается пересмотреть и минойскую хронологию. Автор детально разбирает вопрос хронологии среднеминойского периода, в частности MM I и II (по схеме Эванса). Так, погребение в толосе В в Платаносе (долина Мессары), датировавшееся ранее, в связи с находением в нём цилиндра времени Хам-

мурани, XXI или XX веком до н. э., относится Смисом к XVIII веку не только ввиду новой датировки вавилонской династии, но на основании детального анализа всего инвентаря толосов В и А. Но поскольку эгейская хронология связана с египетской (у Эванса последняя и лежит в основе первой), автор, считая, что вообще система хронологии Египта, построенная Э. Мейером, потерпела крах, призывает к пересмотру не только ранней минойской, но и египетской хронологии. Статья обнаруживает редкую эрудицию и археологическую зоркость автора. Если снижение дат истории Передней Азии более чем на два века, при сохранении основ хронологии Египта, давало повод к выводу о ведущей роли Египта в истории и культуре древнего Востока, то призыв Смиса к пересмотру схемы Мейера ставит такого рода вывод под сильное сомнение.

Bieber Margerete «Honos and Virtus», p. 25—34.

Автор статьи, широко известный своими трудами по классической археологии, путём сравнения изображений триумфальной процессии на арке Тита и на различных римских монетах и камнях, приходит к выводу, что две фигуры, ведущие лошадей, представляют собой не богиню Рому и Гений римского народа, а военных богов Honos и Virtus. Их статуи стояли в посвящённых им храмах и могли послужить образцами для фигур на арке Тита. Попутно автор доказывает подлинность некоторых камней, считавшихся Петерсоном и Фуртвенглером подделками XVIII века. Статья богато иллюстрирована.

Blegen Carl W. «The roof of the mysenaen megaron». p. 35—44

Один из лучших знатоков эгейской культуры, широко известный своими раскопками в Кораку (около Коринфа) и в Трое, критикует утверждение E. Baldwin Smith'a («American Journal of Archaeology», XLVI, 1942, p. 99—118) и Dinsmoor'a (ibidem, p. 370—372), что вопрос о форме крыши микенского мегарона уже должен считаться решённым в пользу формы крыши не плоского, а двускатного типа. Автор считает вопрос всё ещё открытым и подлежащим дальнейшему детальному изучению.

Jones F. F. «Rhosica vasa», p. 45—51.

Из письма Цицерона Аттику в 50-х годах до н. э. (Ad. Att. VI, 1, 3) видно, что внимание знатоков, как ценная новинка, привлекали тогда Rhosica vasa, т. е. вазы из Розоса в северной Сирии. Автор пытается отождествить их с глазурованной посудой северо-восточной Сирии I в. до н. э., отличающейся от других её видов тем, что стекловидная глазурь состоит главным образом из свинца и допускает светлые необычные тона. Такая посуда могла производить впечатление не меньшее, чем самые изысканные ювелирные изделия.

Mac. Crimmon. Mary «Graeco—egyptian masks and portraits in the Royal Ontario Museum», p. 52—61.

В музее Онтарио в городе Торонто хранится серия греко-египетских портретов и алебастровых масок римского периода. Автор публикует типичные образцы, анализирует их и извлекает из этого анализа данные для характеристики синкретизма греческих и египетских элементов в религии и искусстве. Клиентурой мастеров этих произведений были представители среднего городского класса, греки по языку, образованию и по своему правовому положению, хотя часто и смешанного происхождения. Вначале очень сильно египетское влияние, но под воздействием римской культуры в конце империи египетский стиль совершенно отмирает. Статья выгодно выделяется учётом социальных отношений в греко-римском Египте.

Searis Helen E. and Dinsmoor W. B. «The date of the Olympia Heraeum», p. 62—80.

Вопрос о датировке Гереума в Олимпии имеет капитальное значение, поскольку с него начинается развитие классического греческого храма вплоть до Парфенона. По этому вопросу в науке нет единого мнения. Дерпфельд предположил последовательную смену трёх храмов на повышавшемся каждый раз уровне, причём первый он, следуя Павсанию, датировал 1093 г. до н. э. После того как первый храм сгорел, был построен, но остался не вполне законченным второй, и, наконец, в начале IX в. был построен третий храм, сохранившийся до нашего времени. Фуртвенглер, однако, отнёс его постройку к концу VII века. Авторы статьи, тщательно анализируя весь материал, приходят к радикальному выводу, что первый храм был построен вскоре после 725 г. до н. э., второй вообще никогда не существовал, а дошедший до нас храм Геры относится к

началу VI века. По ходу статьи авторам приходится также заниматься анализом стиля и датировкой некоторых архаических статуй, почему статья имеет значение и для истории греческой скульптуры. Статья радикально перестраивает хронологию греческого храма, и если её выводы будут приняты в науке, с ними придётся считаться каждому историку греческой религии и культуры.

«Archaeological news and discussions», p. 81—104.

В этом разделе помещены заметки о новейших археологических раскопках и археологических статьях в других научных журналах. Дается материал по древнему Востоку, Греции, Риму, Византии, средним векам, Ренессансу, Америке, Дальнему Востоку и СССР. Обращает внимание сообщение о раскопках 1942 г. у Дур Куригальзу в Ираке трёх храмов, статуи царя, развалин царского дворца, массы мелких поделок и многих клинописных табличек плохо известного в науке касситского периода. В разделе, посвящённом СССР, отмечается отчёт В. Д. Блаватского о раскопках Фанагории в 1936—1937 гг. и отчёт А. П. Смирнова о раскопках столицы болгаров Сувары в 1933—1937 годах. Сообщено также содержание сборника «Археологические памятники Урала и Прикамья» (Москва, 1940).

«Book reviews», p. 105—118.

В этом разделе помещено 10 рецензий на различные издания последнего времени, по своей тематике отвечающие задачам журнала. Из них выделяется своей обстоятельностью, принимающей как бы характер параллельного исследования, рецензия Роберта О. Финка на вторую часть IV тома известного нумизматического труда Mattingly H., Sydenham E. A. and Sutherland C. H. V. «The Roman imperial coinage». Vol. IV, Part. 2; «Macrinus to Pupienus». London, Spink and son. 1938. XI, 213 p., 13 pl. Эта рецензия вносит в разбираемый труд целый ряд существенных поправок.

«Classical Philology». 1945. Vol. XI, N 1, January. The University of Chicago Press. 1945. 64 p.

Этот журнал среди других довольно многочисленных американских журналов по классической филологии выгодно выделяется тем, что при небольшом объёме помещает много статей на социально-экономические, правовые и общекультурные темы.

Westermann W. Linn «Slave maintenance and slave revolts», p. 1—10.

Автор, давно занимающийся античным рабством (в приложении к русскому переводу «Истории рабства в древнем мире» Валлона частично дана его статья о рабстве в Римской империи), анализируя документы об освобождении рабов, отмечает наличие в них указаний на твёрдо фиксированный уровень расходов на содержание раба. Автор полагает, что фактический отказ рабовла-

дельцев Сицилии и Италии считаться с этой обязанностью и обеспечивать нормальное содержание рабов и был основной причиной восстаний рабов II и I веков до н. э. Ценность статьи в анализе малоизвестных текстов об освобождениях рабов и их экономическом положении.

Bonner R. J. and Smith G. «Administration of justice in Boeotia», p. 11—23.

Авторам статьи принадлежит обстоятельный труд «Administration of justice from Homer to Aristotle». Chicago. 1930. В этой статье на фоне общей истории Беотии от Гомера до римской эпохи они дают суммарный очерк развития судебной процедуры в Беотии за этот период. Использована большая литература, но, к сожалению, вся статья носит довольно формальный юридический характер, недостаточно увязывая эти наблюдения с историей общества.

«Classical Philology». Vol. XL N 2, 1945. April. The University of Chicago Press. 1945. 65—136 p.

Larsen J. A. O. «Representation and democracy in Hellenistic federalism», p. 65—97.

Автор известен в научной литературе своей работой об экономике Греции (в римский период). В этой статье он даёт обзор тех греческих союзов и федераций в эпоху эллинизма, которые до сих пор привлекали мало внимания, — четырёх македонских республик и Ликийского союза. Больше всего автора интересуют в них элементы представительной демократии. Поскольку вопрос о представительном характере собрания Ахейского союза является спорным, на примере македонских республик и Ликийского союза автор старается доказать, что в эпоху эллинизма в федерациях городов представительное управление было нормой, а не исключением.

«Classical Philology». Vol. XL, N 3, July 1945. The University of Chicago Press. 1945. 137—200 p.

Rickerman E. «Bellum Philippicum: some roman and greek views concerning the causes of second Macedonian war (137—148)».

Автор подробно разбирает следы страстной полемики греческих и римских авторов II века до н. э., разгоревшейся вокруг вопроса о причинах войны Рима с Филиппом V Македонским. Он приходит к выводу, что римская историография, крайне чувствительная к греческому общественному мнению, построила крайне сложную схему событий в целях показать, что войну спровоцировал Филипп.

Roebuck G. «A note on Messenian economy and population», p. 149—165.

Автор общего труда по истории Мессении («A history of Messenia from 369 to 146 B. C.» Chicago. 1941.) в этой статье ориентирует читателя в скудных сведениях о населённости и экономике Мессении. Он подчёркивает чисто аграрный характер страны и её малую населённость (около 90 тыс. чел.).

Steckerl P. «Plato Hippocrates and the Meppon Papyrus», p. 166—184.

В диалоге Платона «Федр», 270 и сл. Сократ проводит аналогии между методом изучения человеческого тела у Гиппократов и методом изучения души у Сократа. Сократ претендует на пользование теми же методами врача Гиппократов. Автор статьи проводит детальное сравнение методов Сократа — Платона в «Федре» и некоторых других диалогах с методом Гиппократов в трактате «О древней медицине» и в отрывках в «Менон Papyrus». Этим путём он думает доказать не только влияние Гиппократов на Платона, но и принадлежность трактата «О древней медицине» этому великому врачу V века. Статья представляет собой здоровую реакцию против модного в Германии филологического гиперкритицизма, но её выводы во многом предвосхищены Литтре ещё 100 лет тому назад.

«Hesperia». Journal of American School of Classical Studies at Athens. Vol. XIV, N 1, January — March 1945.

Журнал «Hesperia» является органом Американской школы в Афинах и освещает главным образом её археологическую работу. В № 1 за 1945 г. помещены следующие статьи. Levi Doro «Early Hellenic pottery of Crete», p. 1—32, pl. I—XXXII. В современной науке при изучении истории архаического греческого искусства принято отводить второстепенное место критской керамике. Это связано с представлением о гибели эгейского искусства и появлении совершенно нового — геометрического, причём Крит должен был утратить свою прежнюю руководящую роль. Автор подбирает материал, позволяющий сделать иные выводы. Благодаря его раскопкам в центре Крита найдены публикуемые им памятники искусства, свидетельствующие о постепенном и местном происхождении геометрической керамики. Крит оказывается самостоятельным и важным центром этого процесса. Статья иллюстрирована прекрасными таблицами. Приведена литература вопроса. Dawson C. M. and Raubitschek A. E. «A Greek folksong copied for Lord Byron», p. 33—57, pl. XXXIII—XXXVII. Байрон во время своих путешествий довольно систематически собирал народные песни. Три греческие народные песни были переложены Байроном в довольно вольном переводе в английские стихи. Авторы статьи дают греческий текст одной из них и, впервые, первый набросок перевода Байрона. В статье обстоятельно прокомментировано отношение перевода к оригиналу и разъяснены все возможные трудности понимания самого греческого оригинала. К статье приложено 5 таблиц факсимиле. Bellinger Alfred R. «King Antiochus in 151/0 B. C.», p. 58—59. F. S. Heichelheim обратил внимание на монету 151/0 г. до н. э. с изображением царя Антиоха. Между тем в 151/0 г. умер Деметрий I, и вступил на престол Александр Бала. Предлагались самые различные догадки для разрешения этой трудности. Автор статьи предполагает, что к моменту смерти Деметрия I его сын Антиох (может быть, вместе с

Деметрием-младшим, ещё их отцом провозглашённый царём) был где-либо в Малой Азии и местный монетный двор успел отчеканить несколько монет царя Антиоха, одна из которых до нас дошла.

«Hesperia». Journal of the American School of Classical Studies at Athens. Vol. XIV. N 2, April — June 1945.

Весь номер посвящён 26-му отчёту об американских раскопках на афинской агоре. Наиболее интересен следующий материал: Meritt В. D. «Attic inscriptions of the V-th century», p. 61—133. 4 надписи имеют отношение к элевсинским мистериям. По поводу их автор полемизирует с реконструкцией Новосадекого. Остальные 20 касаются самых разнообразных вопросов, чаще всего либо отношений Афин к другим полисам, либо вопросов об общественных работах, деньгах и кредите и т. п. Meritt В. D. «The Ar-

gives and Tanagra», p. 134—146. Публикуется и комментируется семь фрагментов (пять из них уже были опубликованы ранее) надписей на памятнике в честь аргивян, павших в качестве союзников Афин в битве при Танагре. Одна надпись касается общества (сгапос), название которого не сохранилось. Имена упоминаемых архонтов заставляют отнести надпись к I в. до н. э. Вторая надпись относится к недошедшему надгробию, время — начало IV в. до н. э.

Caley Earle R. «Ancient greek pigments from the agora», p. 152—156. Автор приводит результаты анализа красок, найденных на агоре в сосудах, где они хранились про запас или смешивались для употребления. Его выводы значительно обогащают наши сведения о приготовлении и употреблении греками различных красочных составов.

С. Лясковский

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Вторая мировая война

(Продолжение)

СССР

BERCHIN M. and BEN-HORIN E. *The Red army*. New York. Norton 1942. 277 p.

БЕРЧИН М. и БЕН-ХОРИН Э. *Красная армия*.

CASSIDY H. *Moscow dateline, 1941 — 1943*. Boston. Houghton. 1942. 383 p.

КЕССИДИ Г. *Московская линия обороны, 1941 — 1943*.

GRABNER W. *Round trip to Russia*. Philadelphia — New York. Lippincott. 1943 216 p.

ГРЕБНЕР У. *Поездка по СССР*.

KOURNAKOFF S. *Russia's fighting forces*. New York. Duell, Sloan & Pearce. 1942 258 p.

КУРНАКОВ С. *Военные силы России*.

LESUEUR L. *Twelve months that change the world. From the defence of Moscow to the defence of Stalingrad*. New York. Knopf 1943. 345 p.

ЛЕСЮЕР Л. *Двенадцать месяцев, которые изменили мир. От обороны Москвы до Сталинграда*.

SKOMOROVSKY B. and MORRIS E. *Siege of Leningrad; the saga of the greatest siege of all time as told by letters, documents and stories of the brave people who withstood it*. New York. Dutton. 1944. 196 p.

СКОМОРОВСКИЙ Б. и МОРРИС И. *Осада Ленинграда. Повесть о величайшей в*

мире осаде, изложенная в письмах, документах и устных рассказах смелых людей, выдержавших её.

SLOAN P. *Russia in peace and in war*. Foreword by J. Maisky. London. Pilot press. 1941. 72 p.

СЛООН П. *Россия во время мира и войны*. Предисловие И. Майского.

STRONG A. *The Soviets expected it*. Toronto. Longmans. 1942. 279 p.

СТРОНГ А. *Советы ждали этого*.

О подготовке и участии СССР в войне.

WERTH A. *Moscow war diary*. New York. Knopf. 1942. 298 p.

ВЕРТ А. *Московский военный дневник*.

ZAKHAROFF L. „We made a mistake“ — Hitler; *Russia's surprising defence against Germany*. New York. Appleton-Century. 1941. 213 p.

ЗАХАРОВ Л. *«Мы ошиблись» — Гитлер; поразительная борьба России против Германии*.

Франция

AGLION R. *The fighting French*. New York. Holt. 1943. 314 p.

ЭГЛИОН Р. *Сражающаяся Франция*.

ARENSTAM A. *Tapestry of a debacle. From Paris to Vishy*. Transl. by E. Hart. London. Constable. 1942. 194 p.

АРЕНСТАМ А. *Этапы разгрома. От Парижа к Виши*.

Деметрием-младшим, ещё их отцом провозглашённый царём) был где-либо в Малой Азии и местный монетный двор успел отчеканить несколько монет царя Антиоха, одна из которых до нас дошла.

«Hesperia». Journal of the American School of Classical Studies at Athens. Vol. XIV. N 2, April — June 1945.

Весь номер посвящён 26-му отчёту об американских раскопках на афинской агоре. Наиболее интересен следующий материал: Meritt В. D. «Attic inscriptions of the V-th century», p. 61—133. 4 надписи имеют отношение к элевсинским мистериям. По поводу их автор полемизирует с реконструкцией Новосадекого. Остальные 20 касаются самых разнообразных вопросов, чаще всего либо отношений Афин к другим полисам, либо вопросов об общественных работах, деньгах и кредите и т. п. Meritt В. D. «The Ar-

gives and Tanagra», p. 134—146. Публикуется и комментируется семь фрагментов (пять из них уже были опубликованы ранее) надписей на памятнике в честь аргивян, павших в качестве союзников Афин в битве при Танагре. Одна надпись касается общества (сгапос), название которого не сохранилось. Имена упоминаемых архонтов заставляют отнести надпись к I в. до н. э. Вторая надпись относится к недошедшему надгробию, время — начало IV в. до н. э.

Caley Earle R. «Ancient greek pigments from the agora», p. 152—156. Автор приводит результаты анализа красок, найденных на агоре в сосудах, где они хранились про запас или смешивались для употребления. Его выводы значительно обогащают наши сведения о приготовлении и употреблении греками различных красочных составов.

С. Лясковский

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Вторая мировая война

(Продолжение)

СССР

BERCHIN M. and BEN-HORIN E. *The Red army*. New York. Norton 1942. 277 p.

БЕРЧИН М. и БЕН-ХОРИН Э. *Красная армия*.

CASSIDY H. *Moscow dateline, 1941 — 1943*. Boston. Houghton. 1942. 383 p.

КЕССИДИ Г. *Московская линия обороны, 1941 — 1943*.

GRABNER W. *Round trip to Russia*. Philadelphia — New York. Lippincott. 1943 216 p.

ГРЕБНЕР У. *Поездка по СССР*.

KOURNAKOFF S. *Russia's fighting forces*. New York. Duell, Sloan & Pearce. 1942 258 p.

КУРНАКОВ С. *Военные силы России*.

LESUEUR L. *Twelve months that change the world. From the defence of Moscow to the defence of Stalingrad*. New York. Knopf 1943. 345 p.

ЛЕСЮЕР Л. *Двенадцать месяцев, которые изменили мир. От обороны Москвы до Сталинграда*.

SKOMOROVSKY B. and MORRIS E. *Siege of Leningrad; the saga of the greatest siege of all time as told by letters, documents and stories of the brave people who withstood it*. New York. Dutton. 1944. 196 p.

СКОМОРОВСКИЙ Б. и МОРРИС И. *Осада Ленинграда. Повесть о величайшей в*

мире осаде, изложенная в письмах, документах и устных рассказах смелых людей, выдержавших её.

SLOAN P. *Russia in peace and in war*. Foreword by J. Maisky. London. Pilot press. 1941. 72 p.

СЛООН П. *Россия во время мира и войны*. Предисловие И. Майского.

STRONG A. *The Soviets expected it*. Toronto. Longmans. 1942. 279 p.

СТРОНГ А. *Советы ждали этого*.

О подготовке и участии СССР в войне.

WERTH A. *Moscow war diary*. New York. Knopf. 1942. 298 p.

ВЕРТ А. *Московский военный дневник*.

ZAKHAROFF L. „We made a mistake“ — Hitler; *Russia's surprising defence against Germany*. New York. Appleton-Century. 1941. 213 p.

ЗАХАРОВ Л. *«Мы ошиблись» — Гитлер; поразительная борьба России против Германии*.

Франция

AGLION R. *The fighting French*. New York. Holt. 1943. 314 p.

ЭГЛИОН Р. *Сражающаяся Франция*.

ARENSTAM A. *Tapestry of a debacle. From Paris to Vishy*. Transl. by E. Hart. London. Constable. 1942. 194 p.

АРЕНСТАМ А. *Этапы разгрома. От Парижа к Виши*.

- ARMSTRONG H. *Chronology of failure. The last days of the French republic.* New York. Macmillan. 1941. VII, 202 p.
- АРМСТРОНГ Г. *Хронология поражения. Последние дни Французской республики.*
- BALBAUD R. *Cette drôle de guerre. A saxe-Lorraine — Belgique — Dunkerque. (26 août 1939 — 1-er juin 1940). Telle que je l'ai faite!* London Oxford university press. 1942 VIII, III p.
- БАЛЬБО Р. *Эта странная война. Эльзас-Лотарингия, Бельгия, Дюнкерк (26 августа 1939 — 1 июня 1940). Война, как я её проделал.*
- BERR M. *La guerre n'a pas eu lieu.* New York. Editions de la Maison Française. 1941. 298 p.
- БЕР М. *Войны не было.*
- Анализ внешней политики Франции и причин её поражения.
- BOIS E. *Truth on the tragedy of France* Transl. by N. Wilson. London. Hodder & Stoughton. 1941. 416 p.
- БУА Э. *Правда о трагедии Франции.*
- BROOKS H. *Prisoners of hope. Report on a mission.* New York. Fischer. 1942. XI, 319 p
- БРУКС Г. *Пленники надежды. Отчёт о миссии.*
- О Франции, готовой к борьбе и ожидающей сигнала, чтобы броситься на врага.
- CASEY R. *I can't forget.* Indianapolis Bobbs-Merrill. 1941. 398 p.
- КАЗИ Р. *Я не могу забыть.*
- Воспоминания военного корреспондента.
- CHAMBRUN R. *I saw France fall: will she rise again?* New York. Morrow. 1940. 216 p.
- ШАМБРЕН Р. *Я видел падение Франции; поднимется ли она вновь?*
- The diary of staff officer (Air intelligence liaison officer). At advanced headquarters north RAFF. 1940. 7-th ed. London. Methuen. 1941. VII, 79 p.
- Дневник штабного офицера-связиста воздушной разведки.
- FERNAND-LAURENT C. *Un peuple resuscite.* New York. Brentano. 1943. 278 p.
- ФЕРНАН-ЛОРАН К. *Народ воскресает.*
- Жизнь во Франции в период немецкой оккупации и сопротивление народа врагу. Автор — член палаты депутатов — описывает свои встречи с политическими деятелями Франции.
- France 1940 — 1942. A collection of documents and bibliography, Comp. by H. Rice. Cambridge, Mass. 1942. 222 p.
- Франция в 1940 — 1942 годах. Сборник документов и библиография.
- FRÉMAN C. and COOPER D. *The road to Bordeaux.* New York — London. Harper. 1941. 408 p.
- ФРИМЕН К. и КУПЕР Д. *Дорога к Бордо.*
- GABE H. *A thousand shall fall.* Transl. by N. Guterman. London. Harrap. 1942. 281 p.
- ГАБЕ Г. *Тысячи должны пасть.* Перевод Н. Гутермана.
- Воспоминания о борьбе во Франции.
- HELYON J. *They shall not have me (Ils ne m'auront pas).* The capture, forced labor and escape of a French prisoner of war. New York. Dutton. 1943. 436 p.
- ЭЛЬОН Ж. *Они не поймут меня.* Плен, принудительный труд и бегство французского военнопленного.
- JONES E. *The shame of Vichy.* London — Melbourne. Hutchinson. 1941. 109 p.
- ДЖОНС Э. *Позор Виши.*
- KERNAN TH. *France on Berlin time.* New York. Lippincott. 1941. 312 p.
- КЕРНЕН Т. *Франция живёт по германскому времени.*
- Рассказ очевидца о господстве нацистов во Франции.
- KERNAN TH. *Report on France.* London. Lane. 1942. 285 p.
- КЕРНЕН Т. *Впечатления о Франции.*
- LE FRANÇOIS L. *J'ai faim!* Journal d'un français en France depuis l'armistice. Avant propos de M. Hughes. New York. Brentano. 1942. 314 p.
- ЛЕ ФРАНСУА Л. *Я голоден!* Дневник французца после заключения перемирия во Франции. Предисловие Юза.
- LINKLATER E. *The defence of Calais* London. Stat. off. 1941. 36 p (The army at war).
- ЛИНКЛЕТЕР Э. *Оборона Кале.*
- MALAUQUAIS J. *Journal de guerre.* New York. Editions de la Maison Française. 1943. 331 p.
- МАЛАКЕ Ж. *Военный дневник.*
- MARSHAL L. *Vichy. Two years of deception.* New York. Macmillan. 1943. VI, 251 p.
- МАРШАЛ Л. *Виши. Два года обмана.*
- MARTEL F. *Pétain: Verdun to Vichy.* New York. Dutton. 1943. 226 p.
- МАРТЕЛЬ Ф. *Петэн: от Вердена к Виши.*
- MAUROIS A. *Tragedy in France.* New York. Harper. 1941. 255 p.
- МОУРА А. *Трагедия во Франции.*
- MONTMORENCY A. *The enigma of admiral Darlan.* New York. Dutton. 1943. 194 p.
- МОНМОРАНСИ А. *Загадка адмирала Дарлана.*
- MOÏZE A. *France: été 1940.* New York Editions de la Maison Française. 1941. 230 p. Collection „Voix de France“).
- МОРИЗ А. *Франция, лето 1940 года.*
- NOTH E. *La guerre pourrie. La plus peite France.* New York. Brentano. 1942. 330 p.
- НОТ Э. *Воспоминания о пребывании автора в подполье после поражения Франции.*
- PAUL O. *Farewell. France.* London. Gollancz. 1940. 224 p.

- ПАУЛЬ О. *Прощай, Франция.*
Автор, австрийский журналист, анализирует причины поражения Франции.
- PÉLADIEAU P. *On disait en France.* Montréal Editions varcées, 1941. 219 p.
- ПЕЛАДО П. *Во Франции говорили...*
Воспоминания автора о высказываниях, услышанных им во Франции по поводу поражения Франции и господства немцев.
- PERTINAX. *Les fossés de la France, armistice, contre-revolution.* H. Pétain. New York, Maison Française. 1943. 317 p.
- ПЕРТИНАКС. *Могильщики. Военное поражение Франции, перемирие, контрреволюция.*
- POLNAY P. *The Germans came to Paris.* New York. Duell, Sloan & Pearce. 1943. 280 p.
- ПОЛЬНЕЙ П. *Немцы пришли в Париж.*
- PRITT D. *The fall of the French republic.* London. Muller 1941. 177 p.
- ПРИТТ. Д. *Падение Французской республики.*
- R. THINGER A. *Why France lost the war.* A biologic and economic survey. New York. Veritas press. 1940. 75 p.
- РЕЙТИНГЕР А. *Почему Франция проиграла войну.* Биологический и экономический очерк.
- SAINT-JEAN R. *France speaking* Transl. from the French by A. Green. New York. Sutton. 1941. 195 p.
- СЕН-ЖАН Р. *Говорит Франция.* Перевод с французского.
Описание жизни во Франции в период немецкой оккупации.
- SAINT JEAN R. *Démocratie, beurre et canons.* (Journal de guerre d'un français moyen). New York. Editions de la Maison Française. 1941. 367 p.
- СЕН-ЖАН Р. *Демократия, масло и пушки (Военный дневник французского обывателя).*
- SHIBER E. and oth. *Paris-underground.* New York. 1943. VI, 392 p.
- ШАЙБЕР и др. *Подпольный Париж.*
- SIMONE A. *J'accuse. The inside story of the men who betrayed France.* New York. Dial press 1941. 354 p.
- СИМОН А. *Я обвиняю. О тех, кто предал Францию.*
They speak for a nation. Letters from France. Edited and with an introduction by Eve Curie, Philippe Barres, Raoul de Roussy de Sales. Translated by Dora and Denise Dekay. New York—Garden city. Doubleday, Doran. 1941. XXV, 238 p.
- Они говорят от имени нации. Письма из Франции. Под редакцией и с введением Евы Кюри, Ф. Барреса, Р. де Русси де Саль. Переведено Д. и Д. Декей.
- TISSIER P. *The government of Vichy* London. Harrap. 1941. 317 p.
- ТИССЬЕ П. *Пролительство Виши.*
TISSIER P. *Le procès de Riom.* The Riom trial. By P. Tissier, Maître des req. ès au Conseil d'Etat. With a foreword by gen. Charles de Gaulle. London. Harrap. 1942. 186, 215 p.
- ТИССЬЕ П. *Риомский процесс.*
- TOBRES H. *Pierre Laval.* Transl. by N. Guterman. London, Colman. 1941. 175 p.
- ТОРЕЗ А. *Пьер Лаваль.*
- WANDER G. *This is not the end of France.* London. Allen & Unwin 1941. 299 p.
- УИНТЕР Г. *Это — не конец Франции.*

Германия

ARUCIO H. *The nazi underground in South America.* New York—Toronto. Farrar & Rinehart. 1942. VII, 311 p.

АРТУЧИО Г. *Нацистское подполье в Южной Америке.*

BLOCH K. *German interests and policies in the Far East.* New York. Institute of Pacific relations. 1940. XIV, 75 p. (I. P. R inquiry series).

БЛОХ К. *Германские интересы и политика на Дальнем Востоке.*

FISHAUER W. *The Nazis at war.* London. Colman. 1940. 283 p.

ФИШАУЭР В. *Немецкие фашисты в войне.*

FLANNERY H. *Assignment to Berlin. 1941* New York. Knopf. 1942. 439 p.

ФЛЕННЕРИ Г. *Назначение в Берлин, 1941.*

FREDBORG A. *Behind the steel wall. Berlin 1941—1943.* London. Harrap. 1945. 305 p.

ФРЕДБОРГ А. *За стальной стеной. Берлин в 1941—43 годах.*

HAGEN P. *Will German crack? A factual report on Germany from within.* Transl. by A. Caples. New York—London. Harper. 1942. 283 p.

ГАГЕН П. *Будет ли Германия сломлена?* Рассказ о событиях внутри Германии.

KAUFMAN H. *Germany must perish* Newark, N. Y. Argyle press. 1941. 104 p.

КАУФМАН Т. *Германия должна погибнуть.*

LESKE G. *I was a Nazi flyer.* Ed. by C. Riess. New York. The Hill press. 1941. 351 p.

ЛЕСКЕ Г. *Я был нацистским лётчиком.* Дневник немецкого лётчика, взятого в плен англичанами.

MANN H. *This war.* Transl. from the German by Sutton. London. Secker & Warburg. 1940. 61 p.

МАНН Г. *Эта война.* Перевод с немецкого И. Сэттона.

NECKER W. *Hitler's war machine and the invasion of Britain.* Transl. by H. Farnell. London. Drummond. 1941. VIII, 283 p.

НЕККЕР У. *Гитлеровская военная машина и вторжение в Англию.* Перевод Х. Фарнелля.

NECKE W. *The German army of today*. London. Dutton. 1943. 205 p.

НЕККЕР В. *Германская армия сегодняшнего дня*.

RUSSELL W. *Berlin, Embassy*. New York, Dutton. 1941. 307 p.

РЕССЕЛЬ У. *Посольство в Берлин*.

SAYES M. and KAHN A. *Sabotage! The secret war against America*. New York — London. Harper. 1942. 266 p.

САЙЕРС М. и КАН А. *Саботаж! Скрытая война против Америки*.

SCHÜTZ W. *German home front*. London. Gollancz. 1943. 312 p.

ШЮТЦ В. *Внутренний фронт в Германии*.

SMITH H. *Last train from Berlin*. London. Cresset press. 1942. 367 p.

СМИТ Г. *Последний поезд из Берлина*.

Рассказ американского корреспондента о его пребывании в Германии с 1936 по 1942 год.

STOCKWELL A. *German „The reed pamphlet“ guilt*. Ifracombe, Devon. 1942. 207 p.

СТОКУЭЛ А. *Вина Германии*.

WALLNER P. *By order of the Gestapo. Record of life in Dachau and Buchenwald concentration camps*. Transl. from the German by L. Wolfe. With a foreword by Lord Davies. London. Murray. 1941. 279 p.

УОЛНЕР П. *По приказу гестапо*. Описание жизни в концентрационных лагерях в Дахау и Бухенвальде. Переведено с немецкого Л. Уолфом. С предисловием лорда Девиса.

ZIFF W. *The coming battle of Germany*. With an introd. by W.E. Gilmore. New York. Duff, Sloan & Pearce. 1942. XXIII, 280 p.

ЗИФ У. *Грядущая битва за Германию*. С введением У. И. Джилмора.

Италия

PASKARD R. and PASKARD E. *Balcony empire. Fascist Italy at war*. New York — Toronto. Oxford university press. 1942. 350 p.

ПАККАРД Р. и ПАККАРД Э. *Итальянская империя — балкон Европы. Фашистская Италия в войне*.

ВЕСТИ Г. *A new Italy arises!* New York. Workers library publ. 1943. 30 p.

БЕРТИ ДЖ. *Рождается новая Италия!*

Норвегия

After three years. Washington. Royal Norwegian information service. 1943. 48 p.

Через три года.

Оккупация Германией Норвегии.

Authorized English translation of the White paper issued by the Norwegian government on April 14th 1940. The German aggression on Norway. London. Stat. off. 1940. 7 p.

Санкционированный английский перевод Белой книги, изданный норвежским прави-

тельством 14 апреля 1940 года. Нападение немцев на Норвегию.

ROCHTEL. *The mountains wait*. Saint Paul, Minn. Webb book publ. co. 1943. 323 p.

БРОК Т. *Горы ждут*.

О событиях в Норвегии с момента высадки немецких войск и в последующие дни.

The Gestapo at work in Norway. Foreword by the lord chancellor viscount Simon. Montreal. Royal Norwegian government information off. 1942. 38 p.

Гестапо за работой в Норвегии. Предисловие лорда канцлера виконта Саймона.

HAMBRO S. *I saw it happen in Norway*. New York — London. Appleton-century. 1941. 207 p.

ГАМБРО С. *Я видел, как это произошло в Норвегии*.

Автор — президент Норвежского парламента.

HAUGE F. *Odds against Norway*. Transl. by V. Firsoff. London. Dutton. 1941. 218 p.

ГАУГЕ Э. *Обстоятельства против Норвегии*.

HØYE B. and AGER T. *Fight of the Norwegian church against nazism*. New York. Macmillan. 1943. 180 p.

ХОЙЕ Б. и АГЕР Т. *Борьба норвежской церкви против нацизма*.

LARIE P. *With the foreign legion at Narvik*. Transl. by A. Merryn. Foreword by P. Wren. London. Murray. 1941. XIX, 138 p.

ЛАПИ П. *С иностранным легионом в Нарвике*. Перевод Е. Меррина. Предисловие П. Рена.

MUNTHE-KAAS O. *The campaign in Northern Norway*. An account of the Norwegian 6th division's advance against the Germans in the Narvik area April 9th — June 9th 1940. Washington. Royal Norwegian information service. 1944. 31 p.

МУНТЕ-КААС О. *Кампания в Северной Норвегии*. Отчёт о выступлении норвежской шестой дивизии против немцев в районе Нарвика с 9 апреля по 9 июня 1940 года.

Norway — a fighting ally! Washington. Royal Norwegian information service. 1944. 96 p.

Норвегия — сражающийся союзник.

Norway and the war. September 1939 — December 1940. Ed. by M. Curtis. London — New York — Toronto. Oxford university press. 1941. 154 p. (Documents on international affairs).

Норвегия и война. Сентябрь 1939 — декабрь 1940. Под редакцией М. Кертис.

Secret German documents seized during the raid on the Lofoten islands on the 4th March 1941. Embodying instructions to the army on the control of the press and on collaboration with the Gestapo in dealing with Norwegian nationals. Presented by the secretary of State for foreign affairs to Parliament by command of H. M. London. Stat. off. 1941. 28 p.

Секретные германские документы, захваченные во время рейда на Лофотенские острова 4 марта 1941 г.

UNDSET S. *Return to the future*. Transl. from the Norwegian by H. Naeseth. New York. Knopf. 1941. 251 p.

УНДСЕТ С. *Снова есть будущее*. Перевод с норвежского Г. Незет.

Польша

The black book of Poland. New York. Putnam's sons. 1942. 399 p.

Польская чёрная книга.

Documents relating to the administration of occupied countries in Eastern Europe, № 1, 8-9. New York Polish information center. № 1. The German exploitation of Polish forests. 1940. 19 p. № 8 and 9. Extremism among the Polish people and colonization by German nationals. 1941. 46 p.

Документы, относящиеся к управлению оккупированными странами в Восточной Европе. № 1. Эксплоатация немцами польских лесов; № 8 и 9. Истребление польского населения и немецкая колонизация Польши.

DRAGOMIR U. *It started in Poland*. London. Faber & Faber. 1941. 249 p.

ДРАГОМИР У. *Это началось в Польше*.

LEONHART H. *Nazi conquest of Danzig*. Chicago. University of Chicago press. 1942. XVI, 353 p.

ЛЕОНГАРД Г. *Завоевание Данцига фашистами*.

The persecution of Jews in German occupied Poland. With an introd. by D. Mathew. London. Free Europe. 1940. 26 p.

Преследование евреев в оккупированной Германией Польше. С введением Д. Мэтью.

The persecution of the catholic church in German occupied Poland. Reports presented by H. E. cardinal Hlond, primase of Poland, to pope Pius XII, Vatican broadcasts and other reliable evidence. Pref. by H. E. A. cardinal Hinsley. London. Burns Oates. 1941. X, 123 p.

Преследование католической церкви в оккупированной Германией Польше. Доклады, представленные кардиналом Хлондом, примасом Польши, папе Пию XII, радиопередачи из Ватикана и другие достоверные данные. Предисловие кардинала Хинслея.

POLONIUS A. *I saw the siege of Warsaw*. Glasgow — Edinburgh — London. Hodge. 1941. 364 p.

ПОЛОНИУС А. *Я видел осаду Варшавы*.

SEGAL S. *The new order in Poland*. With an introduction by R. Bush. New York. Knopf. 1942. 286 p.

СЕГАЛ С. *«Новый порядок» в Польше*.

STRZEPELSKI S. *Where the storm broke*. Poland from yesterday to tomorrow. New York. Roy. Slavonic publications. 1942. 257 p.

СТЖЕТЕЛЬСКИИ Т. *Там, где разразилась буря*. Польша вчера и завтра.

Чехословакия

DUFF S. *A German protectorate: the Czechs under Nazi rule*. New York. Macmillan. 1942. 304 p.

ДАФ Ш. *Германский протекторат: чехи под властью фашистов*.

KERNER R. *Czechoslovakia. Twenty years of independence*. Berkeley — Los Angeles University of California press. 1940. 449 p.

КЕРНЕР Р. *Чехословакия. Двадцать лет независимости*.

ERDELY E. *Germany's first European protectorate. The fate of the Czechs and Slovaks*. London. Hale. 1942. 252 p.

ЭРДЕЛИ Ю. *Первый немецкий протекторат в Европе. Судьба чехов и словаков*.

HRONEK JIRI. *Volcano under Hitler. The underground war in Czechoslovakia*. London The Czechoslovak. 1941. 141 p.

ХРОНЕК Ж. *Гитлер на вулкане. Подпольная борьба в Чехословакии*.

BENEŠ E. *Nazi barbarism in Czechoslovakia*. (This brochure is based on the speech delivered before the Press club in London on the 29th March 1940). London. Allen & Unwin. 1940. 32 p.

БЕНЕШ Э. *Варварства нацистов в Чехословакии*. Брошюра основана на речи, произнесённой в клубе печати в Лондоне 29 марта 1940 г.

Two years of German oppression in Czechoslovakia. Preface by president E. Benes. London. Czechoslovak ministry of foreign affairs Department of information. 1941. 151 p.

Два года германского гнёта в Чехословакии. С предисловием президента Э. Бенеша.

Греция

SACLAMANOS D. *Greece in peace and war*. With a pref. by W. Stead. London. Lund, Humphries & co 1942. X, 179 p.

КАКЛАМАНОС Д. *Греция во время мира и войны*. С предисловием У. Стида.

CASSON S. *Greece against the axis*. London. Hamilton. 1942. 207 p.

КЕССОН С. *Греция против держав оси*. Greece fights. The people behind the front. Ed by H. Davis. New York. American friends of Greece. 1942. 96 p.

Греция сражается. Люди за линией фронта. Под редакцией Г. Девиса.

The Greek white book. Issued in co-operation with the greek office of information Washington. American council on public affairs. 1943. 121 p.

Греческая Белая книга. Издана совместно с греческим Бюро информации.

LAURA S. *The Greek miracle*. Transl. and with a foreword by D. Walker. New York. Hastings house. 1943. 144 p.

ЛАВРА С. *Чудо в Греции*. Перевод и предисловие Д. Уокера.

MACKENZIE C. *Wind of freedom. The history of the invasion of Greece by the axis powers 1940-1941*. London Chatto & Windiss 1944. XI, 279 p.

МАКЕНЗИ К. *Ветер свободы. История оккупации Греции державами оси в 1940 — 1941 годах.*

POWELL D. *Remember Greece.* New York. Hastings. 1943. 211 p.

ПАУЭЛ Д. *Помни о Греции.*

RODINUS P. *The fight in Greece.* London. New Europe publ. co. 1943. 77 p.

РОДИНЕС П. *Битва в Греции.*

Югославия

ADAMIC L. *My native land.* New York-London. Harper. 1943. 507 p.

АДАМИЧ Л. *Моя родина.*

Рассказ о борьбе Югославии против нацизма.

JOHN R. *From the land of silent people* Garden city—New York. Halcyon House. 1942. VIII, 353 p.

ДЖОН Р. *Из страны безмолвного народа.* Война в Югославии и Греции.

Marshal Tito and his gallant bands. By W. Churchill, W. Bernstein, F. Gervasi and oth. 2-d ed. Sydney. Yugoslav immigrants association of Australia. 1944. 36 p.

Маршал Тито и его храбрые отряды. Высказывания У. Черчилля, У. Бернстена, Ф. Джервези и др. Изд. 2.

MELVILLE C. *Balkan racket.* The inside story of the political gangster plot which destroyed Yugoslavia and drove Britain out of the Balkans. London. Jarrolds. 111 p.

МЕЛЬВИЛ С. *Балканский заговор.* История заговора политических гангстеров, приведшего к гибели Югославии и к изгнанию англичан с Балканского полуострова.

Сектор истории Фундаментальной библиотеки
общественных наук Академии наук СССР

ХРОНИКА

Историческая наука в СССР

Сессия Отделения истории и философии Академии наук СССР

Сессия происходила 15, 16 и 18 января.

Сорокалетие первой русской революции было отмечено докладом чл.-корр. АН СССР Г. В. Хачапуридзе «Роль большевистских организаций Грузии в период революции 1905 года».

Докладчик указал, что с первых же дней возникновения большевизма в России лучшие представители грузинского рабочего класса стали под знамя Ленина. Революционную борьбу в Грузии и Закавказье возглавил товарищ Сталин. Под руководством И. В. Сталина ленинско-искровские, а впоследствии большевистские организации Грузии и Закавказья вели решительную и непримиримую борьбу против экономистов, легальных марксистов и всяких извращений революционного марксизма. Они вели борьбу против национализма и шовинизма, обосновывая и защищая классовую солидарность пролетариев всех наций, провозглашая неразрывность рабочего движения в Закавказье с российским революционным движением. Докладчик характеризует далее выдающуюся роль в истории революционного движения в Грузии пламенных революционеров большевиков Ладю Кецохели и Александра Цулукидзе.

Докладчик подробно охарактеризовал роль товарища Сталина на Кавказе в сплочении социал-демократических организаций и в руководстве рабочим движением накануне революции 1905 года.

Докладчик анализирует величайшее значение в деле борьбы не только против кавказского, но и всего российского меньшевизма, работ товарища Сталина «Вскользь о партийных разногласиях», «Две схватки», «Анархизм или социализм» и др. И. В. Сталин дал в них развёрнутое учение марксизма-ленинизма об основах большевистской стратегии и тактики, об организационных принципах большевистской партии.

Далее докладчик детально излагает ход революционных событий в Закавказье, особенно подробно останавливаясь на участии в них рабочих и крестьян и показывая связь революционных событий в Грузии с общим ходом революционной борьбы по всей империи. Докладчик полно показал роль грузинских большевиков, Кавказского союза РСДРП и лично товарища Сталина в руководстве революционным движением.

Отвечая на вопросы участников заседания, Г. В. Хачапуридзе рассказал, что Грузинским филиалом ИМЭЛ, в последнее время сильно укрепившимся как в научном, так и в организационном отношении, была проделана

большая работа по подготовке к печати ранних произведений товарища Сталина. Выявлено очень много неизвестных до сих пор архивных документов, которые имеют большое значение для истории революционного движения и большевистской партии в Грузии. Докладчик сообщил, что написанная коллективом авторов «История коммунистической партии Грузии» сейчас редактируется.

Чл.-корр. АН СССР А. А. Максимов в докладе «Чернышевский и естествознание» осветил тему из истории формирования мировоззрения передовых людей России XIX века.

Как известно, указывает докладчик, ещё Герцен поставил задачу сделать естествознание орудием общественной борьбы. Чернышевский сосредоточил своё главное внимание на разработке общественных наук. Будучи широко образованным человеком, он с юных лет усиленно занимался естественными науками. У Чернышевского естествознание послужило одним из краеугольных камней мировоззрения. К решению вопросов философии природы, отмечает докладчик, Чернышевский подходил как материалист и диалектик. Он стоял на позиции теории отражения, учения об единстве материи и движения, объективности пространства и времени, атомизма. С ранних лет он убеждённый сторонник учений о развитии единства и взаимной превращаемости сил природы. В учении Дарвина Чернышевский ценил трансформизм.

Продолжая линию Герцена, Белинского, Добролюбова, Чернышевский выступил против учения о дуализме души и тела, о свободе воли. Опираясь на естествознание, он защищал идею единства человеческого организма, единства духа и тела. Как живое естественно возникло из мёртвого, так и чувствительность, сознание, ум, воображение развились из низших форм жизни. Интересно утверждение Чернышевского, что психология в будущем сделается точной наукой, которая будет опираться на физиологию.

Будучи непримиримым врагом царизма, крепостничества, реакции, поборником передовой науки, Чернышевский отстаивал честь и достоинство науки от всех и всяческих нападков, от попыток извратить, ослабить научное мировоззрение. Он выступал против кастовой ограниченности учёных; в воздействии передовой общественности он видел залог устранения застоя в научной среде. Он критиковал увлечение некоторых учёных неокантианством, позитивизмом. О. Кош-

та, Г. Спенсера, Шопенгауэра, Гартмана он отвергал как эпигонов или врагов науки и призывал продолжать линию Спинозы, Фейербаха и корифеев естествознания — Архимеда, Коперника, Галилея, Эйлера, Ламарка, Лавуазье и т. д. С исключительной решительностью Чернышевский обрушивался на попытки использовать данные естествознания для реакционных выводов и укрепления антинаучного мировоззрения. Он раскрывал суть философских заблуждений естествоиспытателей, не усвоивших опыта великих философских учений и развития естествознания.

Чернышевский, заключает докладчик, не смог в условиях царской России подняться до уровня диалектического материализма Маркса и Энгельса. Но он вплотную подошёл к нему и является среди русских мыслителей, работавших в области философии естествознания, предшественником Ленина.

Тему «Из истории русской науки 60—80-х гг. XIX века» осветил в своём докладе проф. Т. И. Райнов.

На основе статистического учёта научных работ 60—80-х гг. в основных областях русского естествознания и исторической науки докладчик предложил довольно спорную схему развития русской науки этой эпохи.

Выступившие чл.-корр. АН СССР А. А. Максимов, проф. Н. М. Дружинин и проф. А. Л. Сидоров отметили неполноту привлечённого проф. Райновым материала и спорность постановки автором вопросов, касающихся связи между развитием в разных областях русской науки и изменениями социально-политической обстановки.

Акад. В. П. Волгин резюмировал обсуждение доклада. Он отметил, что построение проф. Райнова заставляет предупредить против опасности перескакивания непосредственно от экономики к развитию науки, от которого Маркс и Энгельс, Ленин и Сталин усиленно предостерегали. Далее, большой скептицизм вызывают количественные методы докладчика. К каким-то действительно непреложным выводам, говорит В. П. Волгин, можно придти только тогда, когда вы можете рассуждать не столько о количестве появившихся трудов, сколько об их содержании. Отметив, что докладчик показал только начало той работы, которая им проделана, акад. Волгин выразил уверенность, что проф. Райнов учтёт при дальнейшей разработке вопроса соображения, высказанные на этом заседании.

Доклад на тему «Изучение экономической истории за рубежом в новейшее время и наши задачи» прочёл проф. Ф. В. Потёмкин. Докладчик напомнил, что экономическая история как особая научная отрасль возникла и окрепла в крупных западноевропейских странах и в США ещё до первой мировой войны. Уже в конце XIX и в начале XX в. в ряде высших учебных заведений были созданы семинары и даже особые кафедры экономической истории. Вполне закономерно усиление деятельности в этом направлении в новейшее время. Период, начавшийся с Великой Октябрьской социалистической революции, характеризуется в области изуче-

ния экономической истории за рубежом резким возрастанием интереса к этой отрасли науки и громадным увеличением объёма исследовательской работы. В некоторых странах, как например в Японии, лишь в этот период впервые возникает широкое изучение экономической истории.

Проф. Потёмкин отмечает, что рост интереса в зарубежных странах к вопросам социально-экономической истории в рассматриваемый период 1917—1939 гг. отчасти представляет одно из проявлений всемирно-исторического влияния марксизма и идей Великой Октябрьской социалистической революции. Однако это влияние, говорит докладчик, обнаруживается в буржуазной историографии своеобразно: буржуазные историки понимают лучше, чем когда-либо раньше, важность изучения экономической истории, но в то же время они стремятся своей исследовательской работой «преодолеть» марксизм.

Теоретические результаты этой, в общем колоссальной, исследовательской работы, выразившиеся в последние годы в десятках названий ежегодно публикуемых книг и статей в каждой из крупных европейских стран (и в сотнях в США), резко не соответствуют её количественному росту.

Эти теоретические результаты, ничтожные с нашей, марксистской точки зрения, и часто взаимопротиворечивые, что обнаруживается сравнением отдельных буржуазных школ и направлений по странам, — не могут игнорироваться нами. Они имеют своё значительное влияние за рубежом и представляют иногда не что иное, как прямой вызов нам, марксистам, обязывающий нас ответить.

Основные теоретические выводы современной буржуазной экономической истории в философском отношении отнюдь не новы. Это — отрицание исторических закономерностей, отрицание существования «скачков», разрыва исторического «континуитета», замена монистической точки зрения диалектического материализма идеалистическим плюрализмом, фактически вообще уничтожающим ведущее значение каких-либо факторов, и, наконец, провозглашение «революции XX века» — нового понимания экономической истории как дисциплины, опустошённой, лишённой теоретического содержания. Некоторые виднейшие теоретические направления, игравшие в рассматриваемый период ведущую роль в экономической истории, приводят, по мнению проф. Ф. В. Потёмкина, фактически к отрицанию истории как науки и представляют в конечном счёте дань функционализму.

СССР — страна, в которой ещё в XIX веке появлялись историко-экономические труды, чрезвычайно значительные по своему научному влиянию в международном масштабе. В трудах великих корифеев науки В. И. Ленина и И. В. Сталина вся история, включая и её отрасль — историю экономическую, была поднята на высший, никем не превзойдённый теоретический уровень. Ф. В. Потёмкин приводит слова товарища Сталина, который неоднократно указывал

на первостепенную научную важность изучения экономической истории: «Первейшей задачей исторической науки является изучение и раскрытие законов производства, законов развития производительных сил и производственных отношений, законов экономического развития общества»¹.

Докладчик подчёркивает острую необходимость сильной активизации в области экономической истории, а следовательно, и необходимость проведения в первую очередь в Академии наук СССР соответствующих организационных мероприятий. Одним из первых шагов в указанном направлении является создание группы по экономической истории в Институте истории АН СССР.

Проф. П. И. Кушнер прочёл доклад на тему «Этнографическая территория и методы определения её границ».

В первой части своего доклада проф. Кушнер показывает несостоятельность официальной буржуазной этнической статистики, определявшей национальность только по языковому принципу. Вполне понятно скептическое отношение к возможности установить при помощи официальной статистики подлинный национальный состав и численность отдельных национальных групп во всех тех странах, где социальный строй допускал национальную или расовую дискриминацию.

Значительная часть европейских стран строит свою этническую статистику по языковому признаку. Для внутригосударственных мероприятий, как школьное обучение, официальный язык суда и правительственных учреждений и прочая языковая статистика оправдывают себя. Но при помощи такой статистики нельзя определять характер этнографических территорий.

Ценнейшим, а иногда и единственным источником сведений об этническом составе населения, подчёркивает докладчик, следует считать этнографическое обследование. В качестве объектов такого обследования следует указать жилище, орудия труда, утварь, кулинарию, одежду, обычаи и язык. Насколько важно привлечение этнографических материалов, показывает, например, вопрос об этнографической принадлежности территорий по правому берегу нижнего течения Одера. По официальным переписным данным, население этого района говорит почти исключительно на немецком языке; на этом основании немецкие этнографы причисляют указанный район к немецкой этнографической территории. Между тем этнографические обследования показывают, что район заселён польским населением и его частичное онемечение произошло сравнительно недавно — накануне XIX века.

Проверить состояние этнографических границ в прошлом можно с помощью археологии и топонимики.

Метод, при помощи которого определяется таким образом этнический характер территории, можно назвать комплексным историко-этнографическим. При этом методе

вопрос об этническом характере территории ставится в прямую связь с историческими правами народов на те территории, на которых они формировались и развивались, этническая же принадлежность местного населения этим методом определяется не путём механического подсчёта лиц, говорящих на том или другом языке, а путём объективного научного изучения этнических особенностей основного, истари живущего в данной местности населения.

18 января состоялось объединённое заседание отделения физико-математических наук, отделения истории и философии и отделения литературы и языка, посвящённое 2000-летию с года смерти Тита Лукреция Кара. «Лукреций как поэт» охарактеризован в докладе чл.-корр. АН СССР И. И. Толстого.

Отмечая слабую изученность биографии Лукреция, И. И. Толстой указывает, что независимо от того, к какому общественному слою принадлежал Лукреций, его симпатии, обнаруживающиеся в его поэме, принадлежат, во всяком случае, не господствующим кругам современного ему Рима. С юных лет он был свидетелем кровавых гражданских войн. Зверства Мария и ещё более ужасные холодные жестокости Суллы, Восстание Спартака и неслыханно суровое его подавление, заговор Катилины и анархия в Риме, предшествовавшая моменту возникновения первого триумvirата, — такова обстановка грозных событий, на фоне которых протекло время детства, юности и зрелого возраста Лукреция. Политическое сознание будущего мыслителя и поэта формировалось под воздействием этого реального бытия. Нас не должно поэтому удивлять, продолжает докладчик, что главная, научно-философская тема его поэмы постоянно прерывается у него мотивами публицистическими, обращаемыми к современности. Благородное негодование автора на порочные нравы века находило здесь простор для своего выражения тем легче, что обличительного или морально-поучительного характера отступления от основной тематики были искони связаны как у греков, так и у римлян с самой формой гексаметра.

Выясняя значение творчества Лукреция для истории римской поэзии, докладчик особо подчёркивает, что это творчество оказалось важным и для истории латинского языка.

И. И. Толстой на ряде примеров показывает, как велико было у Лукреция чувство реальности и как поэтическая способность видеть творимый образ получала у него исключительно сильное выражение при развитии теоретических положений. Нет никакого сомнения, говорит докладчик, что одной из немаловажных причин, обусловивших ту крупную роль, какую суждено было Лукрецию сыграть позже в истории европейской научной мысли, косвенно послужила именно образность его слога.

Докладчик далее дал подробный анализ языка Лукреция с литературоведческой точки зрения.

¹ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 116. М. 1938.

Проф. В. И. Светлов осветил «мировоззрение Лукреция». Он подчеркнул, что марксистско-ленинская наука придаёт серьёзное значение творчеству Лукреция и рассматривает его учение как самую высокую ступень, достигнутую материалистической философией в античном обществе. Мироззрение этого ученика и продолжателя Эпикура было одним из отправных моментов для развития материализма в эпоху Возрождения и в новое время.

Историческая заслуга римского философа, говорит проф. Светлов, состоит в том, что он был великим просветителем древнего мира, стремился дать научно-материалистическое объяснение вселенной, пытался вскрыть основные закономерности природы, стремился освободить умы своих современников от религии и суеверий.

Проф. Светлов остановился на анализе материалистических и атеистических воззрений Лукреция, его космологических взглядах, учении о душе и человеческом познании, учении о развитии человеческого общества, взаимоотношений между философией Лукреция и Эпикура, моральных воззрениях Лукреция, а также дал критический обзор последних зарубежных работ о Лукреции.

Президент Академии наук СССР акад. С. И. Вавилов выступил с большим докладом о физике Лукреция.

Едва ли другое политическое и научное произведение древности, если говорить даже о творениях Гомера, Эврипида, Эвклида, Архимеда, Вергилия и Овидия, донесло до наших дней через тысячелетия такую же свежест и злободневность, как неувыдаемая поэма Лукреция, отмечает акад. Вавилов. Её восхищались Цицерон и Вергилий, на неё раздражённо обрушивались отцы церкви, справедливо прозревая в Лукреции страшную для себя опасность. Эта поэма определила многие черты мировоззрения Ньютона и Ломоносова, приводила в восторг Герцена, служила знаменем механического материализма Л. Бюхнера, глубоко интересовала молодого Маркса.

Такая двухтысячелетняя давность — редчайший случай в истории культуры, заслуживающий особого внимания. В чём сила Лукреция?

Притягательность Лукреция, отвечает С. И. Вавилов, кроется, несомненно, в изумительном, единственном по эффективности слиянии вечного по своей правильности и широте философского содержания поэмы с её поэтической формой. Дидактическая поэма, осуждавшаяся как род поэзии и в древ-

ние и в новые времена, у Лукреция стала могучей, перекликающейся живым голосом через века и тысячелетия с современностью. Нет никакого сомнения, что великая идея атомизма проникала до Галилея, Ньютона и Ломоносова не посредством разбросанных фрагментов Демокрита и Эпикура, а через гекзаметры поэмы Лукреция. Подобное не удавалось никому ни до ни после Лукреция.

В строках Лукреция материалистическая доктрина ещё в её начальной форме была высказана с невиданной убедительностью и поэтическим пафосом.

Победное шествие атомизма в науке за последние полвека и его потрясающие практические результаты в последнее время заставляют с особым удивлением присматриваться к догадкам Демокрита, Эпикура, Лукреция о «первоначалах», составлявших тела и обладающих многими свойствами современных атомов.

Докладчик даёт интересный анализ идей Лукреция в отношении различных отделов физики и оценивает их с точки зрения современного нам естествознания.

Вспомная и восстанавливая сейчас слова и мысли древнего мудреца, учёного и поэта-эпикурейца, мы, люди, наконец, увидевшие, а не только угадывающие атомы и овладевающие ими, не можем не склонить головы с глубоким пиететом перед памятью подлинного классика науки, великого материалиста, заканчивает акад. С. И. Вавилов.

* * *

Отделение рассмотрело ряд организационных вопросов. Основным среди них был вопрос об избрании Бюро отделения за истечение срока полномочий Бюро старого состава. В новый состав бюро избраны акад. Б. Д. Греков (академик-секретарь), чл.-корр. И. И. Минц (заместитель академика-секретаря), чл.-корр. С. Л. Рубинштейн (заместитель академика-секретаря), чл.-корр. А. Д. Удадьцев и чл.-корр. В. Н. Лазарев, а также проф. А. Ф. Миллер в качестве учёного секретаря. Акад. Б. Д. Греков от имени собравшихся выразил сожаление по поводу того, что исполнение обязанностей вице-президента Академии наук не позволило акад. В. П. Волгину далее оставаться на посту академика-секретаря отделения. От имени отделения истории и философии акад. Б. Д. Греков благодарит акад. В. П. Волгина за его успешную и плодотворную деятельность по руководству отделением в весьма сложных условиях военного времени.

В. Альтман

„Исторические записки“, томы XV, XVI и XVII. Издательство Академии наук СССР.

После длительного перерыва, вызванного обстоятельствами военного времени, Институт истории Академии наук СССР возобновил выпуск «Исторических записок». Весною 1945 г. появился том XIV, сданный в печать ещё до войны, в последнее время вышли в свет томы XV, XVI и XVII.

Задача настоящей заметки — в самом сжатом виде ознакомить историков с содержанием этих работ.

Том XV открывается исследованием акад. Я. А. М а н а н д я н а, посвящённым проблеме общественного строя доаршакидской Армении. Автор выступает против появившегося

Проф. В. И. Светлов осветил «мировоззрение Лукреция». Он подчеркнул, что марксистско-ленинская наука придаёт серьёзное значение творчеству Лукреция и рассматривает его учение как самую высокую ступень, достигнутую материалистической философией в античном обществе. Мироззрение этого ученика и продолжателя Эпикура было одним из отправных моментов для развития материализма в эпоху Возрождения и в новое время.

Историческая заслуга римского философа, говорит проф. Светлов, состоит в том, что он был великим просветителем древнего мира, стремился дать научно-материалистическое объяснение вселенной, пытался вскрыть основные закономерности природы, стремился освободить умы своих современников от религии и суеверий.

Проф. Светлов остановился на анализе материалистических и атеистических воззрений Лукреция, его космологических взглядах, учении о душе и человеческом познании, учении о развитии человеческого общества, взаимоотношений между философией Лукреция и Эпикура, моральных воззрениях Лукреция, а также дал критический обзор последних зарубежных работ о Лукреции.

Президент Академии наук СССР акад. С. И. Вавилов выступил с большим докладом о физике Лукреция.

Едва ли другое политическое и научное произведение древности, если говорить даже о творениях Гомера, Эврипида, Эвклида, Архимеда, Вергилия и Овидия, донесло до наших дней через тысячелетия такую же свежест и злободневность, как неуывадаемая поэма Лукреция, отмечает акад. Вавилов. Ек восхищались Цицерон и Вергилий, на неё раздражённо обрушивались отцы церкви, справедливо прозревая в Лукреции страшную для себя опасность. Эта поэма определила многие черты мировоззрения Ньютона и Ломоносова, приводила в восторг Герцена, служила знаменем механического материализма Л. Бюхнера, глубоко интересовала молодого Маркса.

Такая двухтысячелетняя давность — редчайший случай в истории культуры, заслуживающий особого внимания. В чём сила Лукреция?

Притягательность Лукреция, отвечает С. И. Вавилов, кроется, несомненно, в изумительном, единственном по эффективности слиянии вечного по своей правильности и широте философского содержания поэмы с её поэтической формой. Дидактическая поэма, осуждавшаяся как род поэзии и в древ-

ние и в новые времена, у Лукреция стала могучей, перекликающейся живым голосом через века и тысячелетия с современностью. Нет никакого сомнения, что великая идея атомизма проникала до Галилея, Ньютона и Ломоносова не посредством разбросанных фрагментов Демокрита и Эпикура, а через гекзаметры поэмы Лукреция. Подобное не удавалось никому ни до ни после Лукреция.

В строках Лукреция материалистическая доктрина ещё в её начальной форме была высказана с невиданной убедительностью и поэтическим пафосом.

Победное шествие атомизма в науке за последние полвека и его потрясающие практические результаты в последнее время заставляют с особым удивлением присматриваться к догадкам Демокрита, Эпикура, Лукреция о «первоначалах», составлявших тела и обладающих многими свойствами современных атомов.

Докладчик даёт интересный анализ идей Лукреция в отношении различных отделов физики и оценивает их с точки зрения современного нам естествознания.

Вспомная и восстанавливая сейчас слова и мысли древнего мудреца, учёного и поэта-эпикурейца, мы, люди, наконец, увидевшие, а не только угадывающие атомы и овладевающие ими, не можем не склонить головы с глубоким пиететом перед памятью подлинного классика науки, великого материалиста, заканчивает акад. С. И. Вавилов.

* * *

Отделение рассмотрело ряд организационных вопросов. Основным среди них был вопрос об избрании Бюро отделения за истечение срока полномочий Бюро старого состава. В новый состав бюро избраны акад. Б. Д. Греков (академик-секретарь), чл.-корр. И. И. Минц (заместитель академика-секретаря), чл.-корр. С. Л. Рубинштейн (заместитель академика-секретаря), чл.-корр. А. Д. Удальцев и чл.-корр. В. Н. Лазарев, а также проф. А. Ф. Миллер в качестве учёного секретаря. Акад. Б. Д. Греков от имени собравшихся выразил сожаление по поводу того, что исполнение обязанностей вице-президента Академии наук не позволило акад. В. П. Волгину далее оставаться на посту академика-секретаря отделения. От имени отделения истории и философии акад. Б. Д. Греков благодарит акад. В. П. Волгина за его успешную и плодотворную деятельность по руководству отделением в весьма сложных условиях военного времени.

В. Альтман

„Исторические записки“, томы XV, XVI и XVII. Издательство Академии наук СССР.

После длительного перерыва, вызванного обстоятельствами военного времени, Институт истории Академии наук СССР возобновил выпуск «Исторических записок». Весною 1945 г. появился том XIV, сданный в печать ещё до войны, в последнее время вышли в свет томы XV, XVI и XVII.

Задача настоящей заметки — в самом сжатом виде ознакомить историков с содержанием этих работ.

Том XV открывается исследованием акад. Я. А. Манандяна, посвящённым проблеме общественного строя доаршакидской Армении. Автор выступает против появившегося

в последнее время в исторической литературе «утверждения о том, что государство Тиграна II имело все основные признаки рабовладельческой формации», «что историческое развитие доаршакидской Армении протекало в соответствии с аналогичным развитием античных государств и что здесь так же, как и в Риме, и в Греции, главной основой производства был рабский труд». На основе разбора многочисленных и разнообразных источников (лингвистических, исторических и пр.) автор опровергает эти утверждения и приходит к выводу, что хозяйство родового общества арменов, зафиксированное Ксенофонтом, не выросло в рабовладельческую систему хозяйства и что «после распада родовых отношений мы отчётливо наблюдаем в Армении переход от родового строя эпохи Ксенофонта к нахарарскому строю эпохи Аршакидов, минуя рабовладельческую стадию». Этот нахарарский, т. е. феодальный, строй, обладая всеми основными признаками и характерными особенностями западноевропейского феодализма, в то же время сохранил много родовых, патриархальных пережитков. Последние ещё выпуклее давали себя чувствовать в общественном строе более ранней, тигранидской эпохи. Общественный строй тигранидской эпохи представляется автору «обществом переходного типа от родового строя к феодальному, т. е. обществом полупатриархальным, полуфеодальным».

Две работы в томе посвящены времени Ивана Грозного: статья С. В. Бахрушина об «избранной раде» и статья С. Б. Веселовского «Первый опыт преобразования центральной власти при Иване Грозном».

По мнению С. В. Бахрушина, реформы 50-х годов XVI в. составили важный этап в создании централизованного феодального государства и дали направление дальнейшему развитию русской государственности. Поскольку проведение этих реформ связано с деятельностью «избранной рады», то вопрос о её составе и характере приобретает большой исторический интерес. Автор выясняет состав «избранной рады» и шаг за шагом прослеживает всю её деятельность вплоть до её падения в 1560 году. Анализ этой деятельности позволяет утверждать, что «избранная рада» проводила политику, имевшую целью укрепление централизованного государства и защиту интересов дворянства. Пало же правительство «избранной рады» из-за разногласий с царём Иваном Грозным по вопросам внешней политики, причём этому падению содействовали и внутренние противоречия в самой «избранной раде», крившиеся в разнообразности её состава.

К статье С. В. Бахрушина примыкает статья С. Б. Веселовского, посвящённая главным образом одной из первых реформ «избранной рады», а именно реформе 1550 г., когда вокруг Москвы было помещено 1078 «лучших слуг», составивших ядро гражданской и военной администрации Ивана Грозного.

Статья Е. Н. Кушевой «К истории холопства в конце XVI — начале XVII веков» касается очень важного периода в истории этого института. В исторической литературе М. Ф. Владимирским-Будановым и акад. Б. Д. Грековым было обращено внимание на напечатанные в томе XX «Древней Российской Вивлиофики» два известия, относящиеся к истории холопства при царях Борисе Годунове и Василии Шуйском. Согласно этим известиям, оба царя издали указ о вольности холопов. Прежде всего Е. Н. Кушева устанавливает, что эти известия издатель «Древней Российской Вивлиофики» Н. И. Новиков заимствовал не у Миллера, как до сих пор предполагалось, а из «Примечаний на историю древняя и нынешняя России г. Леклерка» Ивана Болтина, а последний — из первой части «Истории» Татищева и из примечаний последнего к судебнику 1550 года. Какие же указы имел в виду Татищев, говоря о том, что Борис Годунов и Василий Шуйский предоставили вольность холопам? В связи с этим вопросом автор статьи подвергает подробному анализу указы о холопах 1597 г. и 16 августа 1603 года. По мнению Е. Н. Кушевой, указ 1597 г. не являлся шагом назад по сравнению с не дошедшими до нас указами 1586 и 1593 годов.

На основании архивных материалов автор показывает, что в результате указа 1597 г. отрицание наследственности кабального холопа проводилось очень последовательно и настойчиво. Что касается указа 16 августа 1603 г., войска были посланы против «разбойников» «во Владимир на Волок Ламский, Бязьму, Можайск, Медынь, Ржев и Коломну».

Автор приходит к выводу, что вышеприведённое указание Татищева относится именно к этим мероприятиям, а не к каким-то не дошедшим до нас указам. В то же время рассмотренные материалы подчёркивают широту движения холопов, остроту холопского вопроса и большую, чем до сих пор предполагалось, определённость его постановки. Холоповладельцы возражали против «вольности» холопов, оберегая «старину» и «прежние обычаи». Наряду с активным и широким участием холопов в крестьянской войне имело место их организованное выступление с челобитной, «чтоб не быть рабами», которое свидетельствует об известной оформленности их идеологии и их требований и предшествует известным выступлениям холопов 1648 и 1682 годов.

Статья П. И. Лященко «Крепостное сельское хозяйство России в XVIII веке» написана на основе многочисленных неопубликованных архивных материалов, дающих достаточно ясное представление о тех важнейших требованиях, которые жизнь предъявляла к сельскому хозяйству России в XVIII веке. Большой прогресс в общественном разделении труда, рост промышленности, увеличение числа городского населения, резкое усиление в связи с этим потребности в земледельческом сырье и в продовольствии, присоединение к России плодородных южных степей и тому подобные факторы — всё это должно было значительно форсировать товарное производство в сельском хо-

зяйстве и привести зерновое хозяйство к специализации и дифференциации. «Однако в рамках крепостного режима эта дифференциация не приводила к капитализации сельского хозяйства, к росту его производительных сил, к подъёму техники и производительности труда. Рост товарности помещичьего и отчасти крестьянского хозяйства был основан на усилении эксплуатации крепостного крестьянина помещиком, на необходимости для крестьянина добывать деньги для своего хозяйства и для уплаты оброка помещику». В итоге сельское хозяйство России до конца XVIII в. оставалось почти на таком же низком уровне техники, на каком оно находилось в XVI—XVII веках. Отсюда общий производственный кризис крепостного хозяйства в конце XVIII в., кризис, который констатируют хозяйственные анкеты того времени, но характер которого не могли вскрыть современные крепостнически настроенные экономисты. Для последних вопрос о повышении производительности труда в сельском хозяйстве сводился к вопросу о дальнейшем усилении эксплуатации барщинного и оброчного крестьянина.

В статье А. Л. Сидорова «Отношения России с союзниками и иностранные поставки во время первой мировой войны 1914—1917 гг.» приведён обширный фактический материал, основанный на неопубликованных архивных источниках. Автор использовал документы «Особого совещания по обороне», материалы о посылке миссии вице-адмирала Русина в Англию и Францию по вопросу вооружения русской армии и документы о Петербургской конференции союзников в феврале 1917 г., на которой подробно обсуждался вопрос экономического сотрудничества союзников. Эти данные рисуют рабскую зависимость царской России от её союзников на протяжении всей первой мировой войны и неспособность русского правительства и буржуазии руководить промышленностью. Экономическая отсталость дореволюционной России и антинародный характер царского правительства привели к тому, что страна вступила в войну совершенно неподготовленной. «Планы военных специалистов вести войну за счёт незначительных мобилизационных запасов были опрокинуты уже через несколько месяцев после начала военных действий». В этих условиях особо важное значение приобрели поставки союзников, но последние, преследуя свои корыстные интересы, не понимали или не хотели понимать того значения, которое имели Восточный фронт и русская армия в общем ходе войны. Поэтому поставки оружия и материалов были незначительные и сопровождались тяжёлыми обязательствами со стороны царского правительства, усиливавшими пути экономической кабальной зависимости России от союзников.

Раздел «Всеобщей истории» представлен двумя работами: Э. А. Желубовской «Немецкие оккупанты во Франции в 1870—71 гг.» и Б. Ф. Поршнева «Из истории восстания «босоногих» в Нормандии в 1639 г.».

В первой статье автор разоблачает прусский способ ведения войны против Франции

в 1870—1871 годах. Уже тогда прусские солдаты, достойные предшественники гитлеровских разбойников, «прославились» на весь мир своими исключительным варварством, необузданной жестокостью и ничем не оправдываемыми гнусными насилиями над мирным населением оккупированных областей.

В статье Б. Ф. Поршнева рассматриваются программа восстания «босоногих» в 1639 г., его сильные и слабые стороны. К первым относится широкая социальная база восстания, ко вторым — участие в нём представителей дворянства и низшего духовенства, что не дало ему развиваться в последовательное и антиабсолютистское движение.

В разделе «Вопросы источниковедения» напечатана статья И. И. Смирнова, посвящённая замечательному памятнику русской публицистики XVI века — «Беседе Валаамских чудотворцев». Памятник этот не раз привлекал внимание наших историков, почти единодушно считающих, что «Беседа», резко выступающая против монастырского землевладения, вышла из боярской среды. В противовес этому мнению, автор приходит к оригинальному выводу, что данный памятник вышел из среды чёрного волостного населения русского Севера, которое сильно страдало от экспансии монастырей, захватывавших черносошные земли.

В томе кроме того помещены статьи Б. Т. Горянова «Византия и хазары» (обзор иностранной литературы по данному вопросу за последние годы), М. Н. Тихомирова «Из Владимирского летописца» (неопубликованные тексты) и написанный В. И. Пичетой некролог об акад. Юрии Владимировиче Готье.

Из работ, напечатанных в XVI томе «Исторических записок», остановимся прежде всего на статье С. С. Гадзяцкого «Борьба русских людей Ижорской земли в XVII в. против иноземного владычества». Статья эта касается важного периода в истории области, на территории которой впоследствии был основан Петербург; таким образом, речь идёт в известной мере о предистории Ленинграда и населения нынешней Ленинградской области. Эта область до постройки Петербурга изображается иногда в литературе как пустынная местность с редким финским и шведским населением. Между тем Ижорская земля, известная у шведов под названием Ингерманландии, издревле входила в состав Новгородского государства и уже в конце XV в., как это неопровержимо показывают писцовые книги, являлась областью с преобладанием русского населения. Через эту область проходили пути, связывавшие Русь с Западной Европой. Эта же земля прикрывала Русь от нападений немцев и шведов. Отсюда ясно, какое огромное экономическое и стратегическое значение имела Ижорская земля для всего Русского государства. Этим и объясняются настойчивые попытки шведов захватить Ижорскую землю. В статье, на основе неопубликованных архивных материалов, описывается борьба русских людей Ижорской земли против иноземного гнё-

та, которая, в сущности, являлась борьбой русских крестьян и посадских людей с немецкими рыцарями и бюргерами.

В статье А. А. Новосельского «К вопросу об экономическом состоянии беглых крестьян на юге Московского государства в первой половине XVII века» автор опровергает укоренившееся мнение, что беглые крестьяне выходили из беднейших, экономически наиболее истощённых слоёв населения. Материалы, наоборот, показывают, что в составе беглых были крестьяне различного экономического состояния — от рядовых до самых крепких и зажиточных, но беднейших элементов деревни среди них не было.

Посмертная статья П. Г. Любмирова «Роль казённого, дворянского и купеческого капитала в строительстве крупной промышленности России в XVII—XVIII вв.» представляет очень кропотливое исследование, основанное на разнообразных источниках, в том числе и архивных. Автор определяет роль различных видов капитала для отдельных отраслей производства в XVII—XVIII вв. — металлургии, ткацкой промышленности, писчебумажной, кожевенного производства, химической промышленности и т. д. В результате получается, что основной силой, создавшей фабрики и заводы в первой четверти XVIII в., т. е. при Петре, было русское купечество. Казённый капитал сыграл в этом строительстве несравненно меньшую роль, а количество дворянских предприятий (если исключить из этого числа предприятия крепостных крестьян, фиктивно числившиеся за баринами, и мануфактуры купцов, впоследствии получивших дворянское достоинство) оказывается совершенно ничтожными и насчитывается единицами.

В статье И. С. Звявича «Меттерних и Отечественная война 1812 г.» автор опровергает утверждения Србика и некоторых других фашиствующих историков, считающих, что не России и её народу, а Австрии и Меттерниху принадлежит заслуга опровержения господства Наполеона в Европе. В действительности Меттерних, считая Наполеона непобедимым, заключил с ним тайный договор о совместных действиях против России, помогал ему в его походе и только после того как «великая армия» Наполеона была разгромлена и уничтожена, Австрия заключила с Россией секретную конвенцию о прекращении военных действий.

В статье И. С. Бака «Экономические воззрения П. И. Рычкова» излагаются мировоззрение и взгляды одного из пионеров экономико-географического и историко-экономического изучения России, первого члена-корреспондента Академии наук — Петра Ивановича Рычкова.

Статья А. В. Арциховского «Городские концы в древней Руси» посвящена концам — самоуправляющимся районам, из соединения которых состоял русский вечевой город. Описываются концы Великого Новгорода, Пскова, Старой Руссы, Ростова Великого, Смоленска, Серпухова и других древнерусских городов. Любопытно, что город западных славян-поморян Шетин

(Штеттин) также делился на четыре конца (кончины, или кончины).

По вопросам всеобщей истории в томе помещены большая работа З. К. Эггерта — «Вопрос о подводной войне в политической жизни Германии 1914—1916 гг.» и статья Д. П. Каллистова — «Античная литературная традиция о Северном Причерноморье».

В статье З. К. Эггерта выявлено политическое значение вопроса о подводной войне во внутренней жизни Германии в годы первой мировой войны. Этот вопрос вызывал большие разногласия, страстные споры и острую борьбу в правящих кругах Германии, среди различных политических партий и групп, в военных сферах и т. д. Именно борьба вокруг подводной войны привела в 1916 г. к отставке пресловутого статс-секретаря военно-морского ведомства фон Тирпица, а в 1917 г. эта борьба сыграла заметную роль в правительственном кризисе. В статье подробно описываются все этапы подводной войны Германии: первые атаки немецких подводных лодок осенью 1914 г., «ограниченная» подводная война в 1915 г., «обострённая» подводная война в 1916 году. Подводная война не оправдала возлагавшихся на неё Германией надежд. В статье даётся анализ этой неудачи и выявляются как постоянно действующие факторы (индустриальная мощь США и Англии), так и побочные причины, которые привели к провалу неограниченной подводной войны, явившейся последним козырем Германии.

В статье Д. П. Каллистова разбираются основные свидетельства античных писателей о Северном Причерноморье. Как показывает анализ, некоторые из этих свидетельств представляют реальные сведения, имеющие силу достоверных источников, другие же свидетельства лишены такой ценности, являясь лишь повторением определённой литературной традиции.

В разделе «Вопросы источниковедения» помещены статьи С. Н. Валка «Новгородская проезжая грамота 1269 г.», Л. В. Черепнина «К вопросу о происхождении и составе Псковской Судной Грамоты» и О. Д. Чехович «Об актовых материалах по истории Бухары».

В разделе «Критика и библиография» помещена посмертная рецензия М. Д. Приселкова на академическое издание «Русской Правды» — «Задачи и пути дальнейшего изучения Русской Правды».

Том XVIII открывается статьёй погибшего во время блокады Ленинграда Н. С. Чаева «Москва—третий Рим» в политической практике московского правительства XVI века». Статья рассматривает знаменитую теорию «Москва—третий Рим» в связи с международной обстановкой в Европе в XVI веке. Обстановка эта характеризуется усиленным сколачиванием коалиций христианских государств против Турции, к которым европейские державы стремились привлечь и Россию. Преследуя эту цель, Рим надеялся

путём «соединенная церквей» обратить русских в католичество и «подчинить их своему влиянию, сопровождая этот процесс обычным в методике католичества выхолащиванием местной культуры и народного быта». В качестве приманки Рим обещал Москве признать за нею права на византийское наследство и короновать московского великого князя «христианским царём» с одновременным возведением московского митрополита в сан патриарха. Однако московское правительство проводило независимую и самостоятельную политику. Оно сумело добиться признания за московским великим князем титула царя и возведения в сан патриарха московского митрополита, не давая вовлечь себя в опасные авантюры и не подчинившись влиянию римской курии. В этих условиях теория «Москва — третий Рим» выступает «в качестве своеобразной панацеи от той опасности, которая таилась в предложениях и домогательствах Рима и империи».

Статья С. Б. Веселовского «Топонимика на службе у истории» носит преимущественно методический характер. Автор выдвигает ряд важных положений, имеющих большое значение для развития топонимики в качестве вспомогательной исторической дисциплины. Путём комбинирования данных топонимики и актового материала можно установить существование на территории Руси XV—XVI вв. около 300 слобод и прийти к выводу, что слободы — это очень важное и распространённое явление на Руси XII—XVI веков.

В статье Л. М. Иванова «Государственные крестьяне Московской губернии и реформа Киселёва» рассматривается положение государственных крестьян Московской губернии после реформы П. Д. Киселёва 1838 г. и вплоть до распространения на них реформы 1861 года. В статье исследуется сельское хозяйство государственных крестьян Московской губернии, их промыслы и неземледельческие занятия, их подати и повинности.

В статье Ф. И. Нотвича «Захватнические планы германского империализма в первой мировой войне» автор прослеживает, как пангерманские, расистские бредни о «призвании» немцев господствовать над всем миром усердно разрабатывались с конца XIX в. и овладели умами большей части германской и австро-немецкой квалифицированной интеллигенции, как они пропагандировались в десятках лженаучных книг, в сериях брошюр, газетных и журнальных статьях, в десятках романов и специальной периодической печати. Особенно грандиозны были планы территориальных захватов на Востоке. Они включали отторжение от России прибалтийских губерний, Польши, Литвы, Украины, Белоруссии и других территорий. Разбирая происходившую во время первой мировой войны взаимную «борьбу» различных групп немецких империалистов и германских правящих кругов по вопросу об аннексиях, автор показывает, что «борьба» эта носила

не принципиальный, а лишь тактический характер, поскольку все указанные группы соревновались друг с другом в стремлении захватить побольше чужих земель, а правительство целиком принимало их программу.

В своей статье «Цензура и коттеры в средневековой Англии» Ф. Я. Полянский подвергает тщательному анализу материал по истории маноров Глостерского аббатства XIII века. Анализ указанного материала позволяет прийти к выводу, что организация манориального производства носила натурально-крепостной, а не капиталистический характер. Тем самым опровергается утверждение Граната, Д. М. Петрушевского и некоторых других историков, рассматривавших маноры средневековой Англии как капиталистические предприятия, а коттеров — как пролетариев капиталистической эры.

В разделе «Вопросы источниковедения» помещены статьи Д. С. Лихачёва «Устные летописи» в составе «Повести временных лет», М. И. Тихомирова «О частных актах в древней Руси» и Е. И. Заозёрской «Сказки торговых людей Московского государства 1704 года». К этому же разделу примыкает статья Г. Ф. Подозёрской об истории составления Второго литовского статута.

Особый интерес представляет статья М. Н. Тихомирова. Последний выступает против утверждения С. Н. Валка, который в статье «Начальная история древнерусского частного акта» (напечатана в 1937 г. в сборнике «Вспомогательные исторические дисциплины») объявил подложными пять важнейших частных актов древней Руси (вкладная Варлаама Хутынского, духовная Лазаря, данная княгини Марины). Пользуясь разносторонними историческими, дипломатическими, палеографическими и орфографическими показаниями, М. Н. Тихомиров приходит к выводу о подлинности вкладной Варлаама Хутынского, духовной и купчей Антония Римлянина и данной Марины (духовная Лазаря требует особого исследования). «Русские уже в XII в. производили запись частных актов, — подводит итог своим наблюдениям М. Н. Тихомиров. — Драгоценным свидетельством этого является вкладная Варлаама, дошедшая в подлиннике, купчая и духовная Антония, сохранившиеся в поздних и подновлённых по языку копиях. Древняя Русь была не бесписьменной страной и знала публичные и частные акты уже в XII в., а, вероятно, и ранее — в XI столетии, что вполне совпадает с нашими представлениями о высоте русской культуры в киевское время».

В разделе «Материалы» впервые опубликованы на русском языке (в переводе Н. Р. Левинсона) записки о Прибалтике и России Ганса-Морица Айрмана, находившегося в 1669—1670 гг. в составе свиты шведского посла в Россию графа Христиана Горна.

И. Будовниц

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

◆ В связи с сооружением грандиозной автомобильной магистрали между Аляской и мысом Горн, вдоль всего западного полушария, открывается доступ к мало изученным местам северного и южного континента Америки. В частности сооружение автострады на территории субарктической области Аляски позволило заняться изучением географии, геологии, флоры и фауны этого района: к экспедиции, начавшей здесь работу ещё в 1943 г., в 1944 г. присоединился представитель археологии американский учёный Ф. Джонсон. Обследованию комплексной полевой экспедиции в 1944 г. подвергся значительный участок в районе между Пайн-Крик, озером Клуэн и долиной реки Танапа, а также в районе автострады между пунктами Уайтхорс и Доусон-Крик. Изученный район отличается крайней бедностью почвы; только самый верхний слой — красно-коричневый суглинок — сохраняет некоторые следы пребывания человека. В ряде мест были обнаружены стоянки, отмеченные наличием каменных орудий, — почти исключительно палеолит: грубо обработанные ударники, грубые подобию топоров и наконечников. Характерно, что лишь в одном месте найдены следы огня. Попытки более глубоких раскопок — ниже красно-коричневого суглинка — ни к чему не привели, и это вместе с бедностью остатков следов человека заставляет предположить недолговременность стоянок в этих местах: предполагают, что это всего лишь остановки на пути длительных племенных передвижений. До сих пор не обнаружено следов ни одного более или менее постоянного древнего поселения в этих местах. Находка стоянок человека в этих районах Аляски представляет большой научный интерес: отныне устанавливается обитаемость Аляски в весьма отдалённые времена (изучение геологических и ботанических данных, собранных экспедицией, позволит с известной точностью датировать следы человека). Дальнейшие археологические изучения этих мест, в частности географическое размещение стоянок человека, позволят осветить спорные вопросы о направлении и датировке передвижения народов через Аляску и проверить теорию о переселении народов из Азии в Америку.

◆ В связи с сооружением на многих американских реках плотин и водосбросов для использования водной энергии во многих местах при подъёме воды оказались затопленными памятники старины, участки, ценные для археологов и историков. Смитсонов институт (Вашингтон, США) выдвинул одного из своих сотрудников (Ф. Робертса, со-

трудника отдела американской этнологии) для руководства и координации работы по исследованию тех памятников, которым в ближайшее время грозит оказаться под водой. Робертсу поручено подготовить мероприятия, необходимые для своевременного спасения важнейших объектов.

◆ При Ньюйоркской публичной библиотеке возобновилась постоянная выставка рукописей и книг так называемой «коллекции Берга». Здесь сохраняются рукописи произведений знаменитых американских и английских авторов — С. Клеменса (Марк Твен), Вашингтона Ирвинга, А. Беннетта и др. Среди выставленных материалов находятся также рукописи знаменитого английского актёра Д. Гаррика и ряд уникальных изданий из коллекции Берга — старых и ценных книг, редких изданий и т. п.

◆ «Нью-Йорк таймс» 13 апреля 1945 г. сообщила о любопытной археологической находке, сделанной недавно в Лондоне при проведении земляных работ по укреплению фундамента на Винчестер-стрит. На глубине 24 футов ниже уровня улицы при проходке шахты было обнаружено большое количество глиняной посуды весьма древнего происхождения: эксперты относят её к периоду римского завоевания Британии и периоду, непосредственно предшествовавшему этой эпохе; две вазы относятся к 70—90-м годам нашей эры. Кроме посуды найдены и другие предметы: лампы, сосуды для сжигания ароматических веществ, женская булавка из сплава золота и бронзы, железное стилё и книжаль саксонского периода.

◆ Осенью 1945 г. при раскопках в Вадирубин (в 14 км к югу от Яффы) было обнаружено обширное кладбище, относящееся к бронзовому веку. В захоронении, выбитом в скале, обнаружено много посуды, в частности вазы оригинального стиля и формы, многочисленные украшения, скарабей и ряд мелких резных украшений из слоновой кости, а также скорлупа страусового яйца. Фигурки из кости изображают людей с головами львов, лошадей, коров и птиц. Стиль этих фигурок указывает на их местное происхождение. Посуда позволяет отнести захоронение к XVII—XVI вв. до нашей эры.

◆ Предварительные и весьма суммарные данные об ущербе, нанесённом войной памятникам архитектуры и искусства Западной и Южной Европы, указывают на губительные последствия германского ведения войны и хозяйничанья немцев в оккупированных странах Европы. Фашистские грабители основательно «почистили» ценнейшие сокровищницы искусства, перевезли в Гер-

манию или уничтожили их. Особенное внимание германских «ценителей» привлекали коллекции старинных монет: большинство коллекций Франции и Италии перекочевали в Германию, и многие до сих пор не разысканы. Пострадали от систематических бомбардировок германской авиации архитектурные памятники Англии: почти до основания разрушены старинные соборы в Экзетере и Ковентри. Во Франции в результате операций апреля—июня 1940 г. сильно пострадали города Каэн, Руан и Тур; в последнем уничтожена известная церковь св. Юлия, относящаяся к XIII веку. Особенно чувствителен ущерб, нанесённый архитектурным памятникам Италии. В результате военных действий между Римом и Кассино вся эта местность сильно пострадала: Террачина, Газта, Веллетри, Палестрина, Аквино лежат в развалинах. Военные действия отразились отчасти также и на Палермо и Неаполе. Однако самые губительные разрушения нанесли памятникам архитектуры и искусства германские фашисты. Поведение их, особенно в Северной Италии, свидетельствует о сознательной тактике истребления художественных сокровищ Италии. При отступлении из многих городов немцы взрывали и уничтожали ценнейшие здания: дворцы, музеи и библиотеки. В этом отношении особенно показательным поведением немцев во Флоренции: отступая, они заминировали и взорвали ряд зданий, заранее дочиستا забрав всё ценное. В результате Флоренция, с её бесчисленными коллекциями, старинными зданиями, церквями и музеями, ныне лежит в развалинах. Подобную же участь испытали ценнейшие кварталы Туррина, Генуи, Милана и Падуи. Часть Пизы совершенно уничтожена. Союзные войска при занятии этих городов принимали меры для спасения уцелевших ценностей; в частности во Флоренции удалось спасти значительную часть ценнейших фондов подорванной немцами библиотеки Колумбария. Срочными противопожарными мероприятиями предотвращено уничтожение огнём некоторых зданий: разминированы значительные участки и ряд зданий. Однако в большинстве случаев разрушения столь основательны, что многие архитектурные памятники Италии, многие произведения искусства следует считать навсегда погибшими. В настоящее время учёт всех потерь и разрушений далеко ещё не закончен.

◆ В 1945 г. в Риме создана Международная ассоциация работников классической археоло-

гии. Новая организация ставит своей задачей координацию исследовательской работы в области археологии древней Греции и Рима: организацию и финансирование раскопок и реставраций, публикацию материалов, издание информационных бюллетеней, библиографических и справочных изданий и т. п. Членство в новой ассоциации как коллективное, так и индивидуальное. На первых порах состав ассоциации ограничивается сотрудниками археологических музеев и институтов, находящихся в самом Риме; в дальнейшем ассоциация ставит своей задачей охватить возможно шире все занятые классической археологией научные учреждения важнейших стран. В состав временного организационного комитета ассоциации вошли следующие лица: А. Брюль (Франция), Де Уолд и Ван Бурен (США), Дарси, Б. Ногара и М. Пальоттино (Италия), Ламбрино (Румыния), Пфистер (Германия), Радфорд (Англия), Сьеквист (Швеция) и др.

◆ В целях помощи преподавателям истории английских начальных школ усилиями нескольких издательств предпринят выпуск так называемых «Образовательных бюллетеней». Идея этих бюллетеней заключается в следующем: каждый выпуск бюллетеня посвящается какому-либо выдающемуся историческому факту (имеются выпуски: «Пожар в Лондоне в 1666 г.», «Битва при Ватерлоо 1815 г.» и др. В бюллетене даются в живой форме материал, освещающий данное событие, живые описания, воспоминания очевидцев, карты, иллюстрации и т. д. Такой бюллетень, как показал педагогический опыт, является превосходным наглядным пособием для детей, позволяющим воссоздать в их представлениях всю обстановку этих событий.

◆ Государственный архив Австрии (руководитель — проф. Лео Сантфаллер) намерен издавать журнал «Сообщения Австрийского государственного архива», посвящённый вопросам историко-архивного дела, новой и новейшей истории. Особенное внимание в этом журнале будет уделено вопросам международных отношений государств и современной истории дипломатии; предусмотрено также опубликование оригинальных документов и рефератов на новые книги в этой области. Для работ большого объёма планируются дополнительные оттиски. Руководитель архива обратился к ряду советских историков с приглашением о сотрудничестве в журнале.

Н. Ерофеев

ОТ РЕДАКЦИИ

(По поводу письма проф. Г. А. Острогорского)

Г. А. Острогорский, проф. Белградского университета и член-корреспондент Сербской академии наук, прислал в редакцию «Вопросов истории» письмо с возражениями против критической статьи Б. Т. Горянова, помещённой в № 3—4 «Вопросов истории» за 1945 год («Г. А. Острогорский и его труды по истории Византии»). По словам проф. Острогорского, эта статья даёт совершенно неправильное представление о его политических взглядах и содержит утверждения, не соответствующие истине.

В своём письме в редакцию проф. Острогорский отвергает утверждение статьи, будто бы он с самого начала своей учёной деятельности проявлял готовность поставить свою исследовательскую работу на службу царизму, не приняв Великой Октябрьской социалистической революции и очутился в рядах белоэмигрантов. Проф. Острогорский сообщает, что в 1917 г. ему было лишь 15 лет, и, стало быть, он не мог ставить свою деятельность на службу царизму. Очутившись с ранних лет за границей, он не занимался политической деятельностью и не входил ни в какие эмигрантские общества и организации. Начав свои научные исследования в республиканской Германии, он немедленно после прихода Гитлера к власти ушёл из немецкого университета и уехал из Германии. С 1933 г. он состоит профессором Белградского университета и выбран членом-корреспондентом Сербской академии наук в новой Югославии.

Редакция «Вопросов истории» выражает сожаление по поводу того, что в помещённой на страницах журнала статье доцента Б. Т. Горянова были допущены некоторые неточности в изложении биографии и политической деятельности проф. Острогорского. Известным основанием для заключения автора статьи о политических взглядах проф. Острогорского мог служить тот факт, что и после 1933 г. проф. Острогорский продолжал печатать свои работы в фашистской Германии. Так, его книга «Geschichte des byzantinischen Reichs» вышла в 1940 г. в Мюнхене, а его статья «Die Perioden der byzantinischen Geschichte» была напечатана в журнале «Historische Zeitschrift» за 1941 г. (Bd. 163, Heft 2), научная и политическая физиономия которого достаточно известна.

В своём письме в редакцию проф. Острогорский обвиняет Б. Т. Горянова в искажении его научных взглядов, приводя в виде примера критику Горяновым его (проф. Острогорского) воззрений на периодизацию византийской истории, на положение крепостного крестьянства в Византии, на византийскую общину. С этими возражениями

проф. Острогорского редакция не может согласиться. Доц. Горянов дал в основном правильную критику научных взглядов проф. Острогорского. Напомним, что в статье Б. Т. Горянова была дана высокая оценка научных заслуг проф. Острогорского и было указано, что он обогатил византиноведение новыми материалами, ввёл в научный оборот много новых источников, снабдив их переводами и комментариями, что он сделал очень много по изучению техники измерения земли, налогового обложения, устройства крестьянских наделов, их взаимоотношений с помещьем и т. д. Но вместе с тем Б. Т. Горянов правильно отметил весьма существенные ошибки в исторической концепции проф. Острогорского.

Редакция «Вопросов истории», признавая проф. Острогорского одним из выдающихся византиноведов нашего времени, тем не менее не может согласиться со многими из его взглядов, в частности с его взглядом на периодизацию византийской истории. Те основания, на которых строится эта периодизация проф. Острогорским, представляются шаткими с точки зрения строгих научных требований, предъявляемых марксистской методологией. Ряд высказываний проф. Острогорского о положении крепостных крестьян Византии («между крестьянскими и свободными крестьянами не было экономической и социальной пропасти, экономические сравнения обычно были не в пользу свободного крестьянина», что крепостные (парики) «сохраняли свою личную свободу») дал автору критической статьи законное право для заключения, что проф. Острогорский стремится изобразить положение зависимого крестьянства Византии в «розовом свете». Есть весьма значительная разница между взглядами проф. Острогорского и советских историков-марксистов на общину и её роль в истории Византии. Проф. Острогорский склонен видеть в ней прежде всего податную общину, организованную государством в целях обеспечения своей фискальной политики. Советские историки признают наличие в IV и V вв. на территории Византии свободной крестьянской общины и связывают её дальнейшее развитие со славянской иммиграцией. Советская научная общественность придаёт чрезвычайно большое значение разработке проблем византийской истории, в которой остаётся ещё много невыясненного и спорного. Печатные органы Института истории Академии наук и особенно возобновлённый после долгого перерыва «Византийский временник» охотно предоставят проф. Острогорскому место для опубликования его исследований по истории Византии.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Пичета В., проф.— Образование белорусского народа	3
Греков Б., акад.— Крестьяне-новопорядчики	30
Губер А., проф.— Филиппинская республика 1898 г. и её борьба за международное признание	46

СООБЩЕНИЯ, ПУБЛИКАЦИИ, ЗАМЕТКИ

Кан С., проф.— Вопрос о мануфактурной стадии развития германского капитализма в исторической литературе	62
Хачапуридзе Г., проф.— К вопросу о культурных связях России и Грузии в первую половину XIX в.	76
Сивков К., проф.— Общественная мысль и общественное движение в России в конце XVIII в.	96
Зайончковский П.— Архив Д. А. Милютина	96

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Критические статьи

Рейснер И., проф.— Некоторые проблемы истории Индии	105
---	-----

Рецензии

Кокнев Г., проф.— Кикодзе Геронти «Иракий Второй»	116
Бернштам А.— «Материалы по истории таджиков и Таджикистана»	119
Генкина Э., проф.— Главное архивное управление НКВД СССР. Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства. «Путеводитель»	122
Гуковский М., проф.— Буэно Де Мескита Д. М. «Галеаццо Висконти. Герцог Милана (1351—1402)»	124
Семёнов В., проф.— Стентон Ф. «Англо-саксонский период в истории Англии»	126
Молок А., проф.— Ротштейн Ф., акад. «Две прусские войны»	129
Яцунский В.— Кёртис Уилгёс «Исторические работы и историки Испанской Америки»	133
Пичета В., проф.— Гейман М. «Косцюшко в американской революции»	134
Фундаментальная библиотека общ. наук АН СССР. Издания Польской академии наук	136
Лясковский С.— Американские журналы по древней истории	139
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ	142

ХРОНИКА

Историческая наука в СССР

Альтман В.— Сессия отделения истории и философии АН СССР	148
Будовниц И.— «Исторические записки», тт. XV, XVI и XVII	151

Историческая наука за рубежом

ОТ РЕДАКЦИИ	156
-----------------------	-----

CONTENTS:

ARTICLES: Picheta V., Prof. — The Formation of the Byelorussian People.
Grekov B., Acad. — Peasants of the New Order — „novoporiatchiky“
Guber A., Prof. — The Phillippine Republic of 1898, and its struggle for
international recognition. INFORMATION, PUBLICATIONS, NOTES.
Kan S., Prof. — The question of the manufacturing stage of developmen
of German capitalism in historic literature. Khatchapuridze G., Prof. —
Cultural relations between Russia and Georgia during the first half of the
XIX century. Sivkov C., Prof. — Social thought and social movement in
Russia at the end of the XVIII century. Zayontchkovskiy P. — Archives
of D. A. Milyutin. CRITIQUE AND BIBLIOGRAPHY, CHRONICLE.

SOMMAIRE:

ARTICLES: Picheta V., prof. — La formation du peuple bielorusse
Grékov, B. acad. — Les peysans — „novoportatchikis“. Gouber A., prof. —
La république Phillppine de 1898 et sa lutte pour la reconnaissance inter-
nationale. COMMUNICATIONS, PUBLICATIONS, NOTES. Khan S., prof. —
La periode manufacturière du capitalisme allemand dans la littérature histo-
rique. Khatchapouritzé G., prof. — Des liens culturels entre la Russie
et la Géorgie dans la première moitié du XIXe siècle. Sivkov K., prof. —
La pensée publique et le mouvement social en Russie à la fin du XVIIIe
siècle. Zaiontchkovski, P. — Archives de D. A. Milioutine. CRITIQUE
ET BIBLIOGRAPHIE. CHRONIQUE.

Редакционная коллегия:

В. П. Волгин (отв. редактор), Е. Н. Горо-
децкий, Б. Д. Греков, Н. М. Дружинин;
Е. А. Косминский, И. А. Кудрявцев, И. И.
Миц, А. М. Панкратова, С. Н. Ростов-
ский, А. Л. Сидоров, М. Н. Тихомиров.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24, комн. 239.

Тел. Д 3-31-04.

А—04485.

Изд. № 501.

Заказ № 1668.

Тираж 33.200

Подписано к печати 25/VII 1946 г.

10 печ. л.

68 000 печ. зн. в печ. л.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.